



АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
Институт философии

# ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
МОСКВА 1982

В монографии дается дальнейшая разработка марксистско-ленинской теории общественно-экономической формации, показана ее роль в анализе общественных процессов современной эпохи. Прослеживается формирование учения о формациях в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, его развитие в теоретическом наследии В. И. Ленина. Дан анализ сущности теории формации и ее категориального аппарата, проведено формационное исследование современного процесса общественного развития.

Редакционная коллегия:

доктора философских наук  
В. В. ДЕНИСОВ И Ю. К. ПЛЕТНИКОВ,  
кандидат философских наук  
Е. Н. ЛЫСМАНКИН

Ответственный редактор  
доктор философских наук  
В. В. ДЕНИСОВ

---

## ПРЕДИСЛОВИЕ

---

Уровень развития исторического материализма, эффективность выполнения им теоретико-методологической роли в отношении всего комплекса общественных наук находятся в непосредственной зависимости от дальнейшей разработки его основных категорий и понятий. Центральное место и особое значение среди них принадлежит категории общественно-экономической формации. Не случаен поэтому тот повышенный интерес, который наблюдается сейчас к теории общественно-экономической формации со стороны всех отраслей общественно-научного знания. Исследованию различных аспектов этой актуальной проблемы был посвящен ряд научных трудов, опубликованных в последние годы. Она явилась предметом специального обсуждения многих конференций, в которых принимали участие как философы, так и представители других общественных дисциплин.

Вместе с тем, несмотря на заметную активизацию в последние годы комплексной разработки теории общественно-экономической формации, в ней остается еще немало вопросов, носящих дискуссионный характер, требующих проведения дополнительных исследований, объединения с этой целью творческих усилий представителей многих отраслей марксистско-ленинского общественно-научного знания.

Настоящий коллективный труд преследует цель показать процесс становления и развития марксистско-ленинской теории общественно-экономической формации, выявить то неопределимое теоретико-методологическое и мировоззренческое значение, которое она имеет для понимания исторического процесса во всем его диалектическом многообразии и целостности, для анализа его закономерностей, более углубленного познания и преобразования социальной действительности. В рамках этой главной задачи исследуется ряд актуальных научных проблем, непосредственно связанных с методологическими принципами

и методикой применения данной теории к изучению важнейших социально-политических процессов и тенденций современности, конкретно-исторических особенностей развития мирового революционного процесса, практики строительства социализма и коммунизма.

Значение категорий исторического материализма К. Маркс видел прежде всего в том, что они призваны помочь упорядочить исторический материал, выявить и проанализировать его многосложность. Создание теории общественно-экономической формации основоположники марксизма не считали самоцелью. Ее главное назначение, по их мнению, состояло в том, что, раскрывая сущность общественных явлений, она дает возможность исследователю разобраться в противоречивом характере и конкретном своеобразии социальных процессов.

Раскрытие проблемы применения методологии марксизма к анализу конкретных общественных явлений и процессов было и остается одной из сложнейших проблем социальной теории и практики. Марксизм — не догма, а руководство к действию, к познанию действительности. Поэтому в каждом конкретном случае, подчеркивал В. И. Ленин, надо «уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому *своеобразию* отношений между классами и партиями, к тому *своеобразию* в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать»<sup>1</sup>.

Это ленинское положение в полной мере относится и к теории общественно-экономической формации, творческое применение которой к исследованию новейшей истории человечества дает возможность научного анализа основного содержания современной эпохи и обоснования объективной неизбежности развития общества по пути к коммунизму.

Авторский коллектив рассматривает проведенное исследование как часть большой работы, направленной на дальнейшую творческую разработку философско-методологических вопросов общественных наук. Приходится учитывать, что марксистско-ленинская теория общественно-экономической формации достаточно сложна как по своему содержанию, так и по методологии ее применения в социальном познании. Это объясняется не в последнюю

---

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 74.

очередь сложностью самой общественной жизни, противоречивостью исторического процесса, которые она призвана адекватно отражать и раскрывать. Многие проблемы, отнюдь не периферийные для этой теории, продолжают дискутироваться. Вместе с тем от их решения во многом зависит не только дальнейшее совершенствование исторического материализма, но и всего общественнознания. Авторский коллектив сосредоточил свое внимание в первую очередь именно на этих нерешенных и остающихся спорными вопросах.

Такая исследовательская направленность определяет поисковый характер данной работы. При этом многие поставленные здесь проблемы раскрываются в полемическом ключе, что позволило более контрастно выделить вопросы, требующие обсуждения и решения.

Поскольку монография в основном посвящена методологической функции теории общественно-экономической формации и анализу с этих позиций процессов и явлений современной эпохи, то ряд важных вопросов, относящихся к отраслевым общественным наукам — истории, политэкономии, социологии и т. д. — остались не затронутыми. Исключение составляет специальная глава об общественно-экономических укладах, где ставятся проблемы докапиталистических формаций, а также «азиатского способа производства». Что касается «азиатского способа производства», то посвященная ему дискуссия не привела, как известно, к однозначному и окончательному решению. Это нашло свое отражение, в частности, и в позиции автора данной главы Ю. И. Семенова, который обосновывает необходимость выделения «азиатской» формации как особого типа общественной организации и этапа развития всемирной истории. Редакционная коллегия сочла возможным изложить эту точку зрения Ю. И. Семенова, хотя и считает, что она носит в значительной степени поисковый, дискуссионный характер. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время большим признанием продолжает пользоваться точка зрения Е. М. Жукова, В. Н. Никифорова и ряда других ученых, которые достаточно аргументированно доказывают, что реальный исторический процесс включает в себя пять формационных типов общества, которые в своей совокупности позволяют описать исторический процесс в его сущностном выражении.

Авторский коллектив считает, что постановка дискуссионных проблем поможет разработке марксистско-ленин-

ского учения об общественно-экономической формации и его методологической функции на почве дальнейшего углубленного анализа теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма, документов и решений КПСС, особенно материалов XXVI съезда, а также на основе обобщения исторического опыта, революционных процессов современной исторической эпохи, практики строительства социализма, функционирования его развитой фазы и постепенного ее перехода в коммунизм.

Авторский коллектив: к. ф. н. Г. А. Багатурия — раздел I, гл. 1; д. ф. н. В. А. Вазюлин — гл. 2; к. ф. н. Е. Н. Лысманкин — раздел II, гл. 1; д. и. н. Ю. И. Семенов — гл. 2; д. ф. н. В. В. Денисов — гл. 3; к. ф. н. Е. Н. Лысманкин, к. ф. н. В. Г. Федотова — раздел III, гл. 1; к. э. п. В. А. Андриевская — гл. 2; д. ф. н. И. Л. Андреев — гл. 3; к. ф. н. Е. Н. Лысманкин — гл. 4.

Научно-вспомогательную и организационную работу выполнили А. А. Рябинкина и Л. П. Гвоздев.

---

# Раздел первый

## ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ

---

### Глава первая

#### СОЗДАНИЕ К. МАРКСОМ И Ф. ЭНГЕЛЬСОМ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Понятие «общественная формация», или «общественно-экономическая формация» (у Маркса, Энгельса и Ленина встречаются оба термина), в определенном смысле является центральной, ключевой категорией созданного Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории (исторического материализма). Эта категория выражает научное понимание как общей структуры, так и общей закономерности развития общества. Она фиксирует представление об обществе как определенной системе и вместе с тем выделяет основные ступени его исторического развития.

Основная концепция материалистического понимания истории имеет две главные стороны: учение о структуре общества (структура общественной формации) и учение о периодизации истории (формационное членение исторического процесса)<sup>1</sup>. Первая сторона определяет вторую. Понятие общественной формации лежит как бы на пересечении этих двух аспектов марксистской концепции и в этом смысле занимает центральное, ключевое положение в системе категорий материалистического понимания истории.

---

<sup>1</sup> См.: Багатурия Г. А. Первое великое открытие Маркса. Формирование и развитие материалистического понимания истории.— В кн.: Маркс — историк. М., 1968, с. 109—110.

В истории марксизма периода жизни и деятельности Маркса и Энгельса выделяются три главных этапа: до европейской революции 1848—1849 гг., от этой революции до Парижской Коммуны 1871 г. и после Парижской Коммуны. Соответственно развитию марксистской теории в целом, марксистской философии и материалистического понимания истории в особенности процесс становления и развития учения об общественных формациях прошел те же три основных этапа, в каждом из которых можно выделить по две более конкретные стадии: 1) 1842—1845, 1845—1848, 2) 1848—1857, 1857—1871, 3) 1871—1883 и 1883—1895<sup>2</sup>.

## 1. ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ У К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Чтобы проследить процесс становления данной концепции, необходимо прежде всего выяснить содержание понятия общественной формации у Маркса и Энгельса. Тогда будет ясно, становление чего именно предстоит проследживать. «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»<sup>3</sup>.

Это тем более необходимо, что в истории марксизма-ленинизма, исторического материализма наблюдается определенное переосмысление, расширение понятия общественно-экономической формации. В работе В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894)<sup>4</sup> намечается переход от первоначального, более узкого к преобладающему теперь, более широкому понятию. В работах Маркса и Энгельса имеется около 40 фрагментов, в которых фигурирует термин «формация» («общественная формация», «общественно-экономическая формация», «экономическая формация», «формация общественного производства», «историческая формация»)<sup>5</sup>. Анализ этой совокупности высказываний

<sup>2</sup> См.: Энгельс — теоретик. М., 1970, с. 137—138; Багатурия Г. А. Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе. М., 1972, с. 7.

<sup>3</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 42.

<sup>4</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

<sup>5</sup> См.: Предметный указатель ко второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (т. 1—39). М., 1978, ч. II, с. 47; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 394; т. 47, с. 281, 460; т. 48, с. 29, 115; т. 49, с. 119.

в связи со всем теоретическим наследием Маркса и Энгельса позволяет констатировать, что понятие общественной формации было выработано, главным образом Марксом; это преимущественно его заслуга. Об этом свидетельствуют следующие факты. Понятие-термин «общественная формация» впервые появляется в работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»<sup>6</sup>, по всей вероятности, в декабре 1851 г. (этот фрагмент находится в самом начале работы, которая была написана в декабре 1851 — марте 1852 г.). До выхода в свет I тома «Капитала» включительно (сентябрь 1867 г.) понятие «формация» встречается в работах Маркса не менее 25 раз. В текстах Энгельса оно впервые появляется в 1868 г. в конспекте I тома «Капитала» и в одной из его рецензий на данный том<sup>7</sup>. Помимо этого понятие формации (выраженное в форме термина), встречается у Энгельса еще только четыре раза: в цитате из I тома «Капитала», приводимой в «Анти-Дюринге» (1877), в письме Конраду Шмидту 5 августа 1890 г., в Предисловии к работе «О социальном вопросе в России» (1894) и в Предисловии к III тому «Капитала» (1894)<sup>8</sup>. Решающая роль Маркса в выработке понятия формации подтверждается и содержательным анализом всего процесса становления и развития материалистического понимания истории, которое сам Энгельс считал первым великим открытием Маркса.

В работах Маркса и Энгельса нет формальной дефиниции понятия общественной формации. Однако оно фактически определяется содержанием тех высказываний, всего теоретического контекста, в которых оно используется десятки раз. Анализ содержания соответствующих фрагментов, сопоставление их с параллельными, аналогичными фрагментами других работ, с авторизованными переводами, выяснение того, с чем сопоставляется, соотносится понятие формации в каждом данном контексте, анализ марксовой аналогии между общественными и геологическими формациями, рассмотрение всех фрагментов в хронологической последовательности с целью выявления динамики понятия, выяснение того, что терминологически предшествовало появлению нового термина,— все

---

<sup>6</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 120.

<sup>7</sup> См.: Там же, т. 16, с. 274, 307.

<sup>8</sup> См.: Там же, т. 20, с. 212; т. 37, с. 371; т. 22, с. 445; т. 25, ч. I, с. 19.

это, вместе взятое, позволяет определить содержание понятия общественной формации у Маркса и Энгельса.

Анализ теоретического наследия основоположников марксизма показывает, что понятие формации имеет у них ряд взаимосвязанных значений и выражается в различных, хотя и аналогичных по смыслу, терминах. Основными терминами являются «общественная формация» (Gesellschaftsformation) и «общественно-экономическая формация»<sup>9</sup> (ökonomische Gesellschaftsformation). Они встречаются одинаково часто, хотя в I томе «Капитала», особенно тщательно подготовленном Марксом к печати, преобладает второй вариант. В отдельных случаях используются и другие термины: «историческая формация», «исторические фазы общества», «экономическая формация», «экономические формы общества», «формации общественного производства», «общественные формы производства», «экономико-исторический тип общества», «экономические эпохи», «общественно-экономический период»<sup>10</sup>. Все эти названия, по сути дела, относятся к одному и тому же объекту, выражая лишь его различные аспекты. Между понятиями «общественная формация» и «общественно-экономическая формация» у Маркса и Энгельса (как впоследствии и у Ленина) нет четко выраженного различия, хотя и намечается некоторая дифференциация значений (общественно-экономическая формация — совокупность производственных отношений, общественная формация — совокупность всех общественных отношений).

Первое и основное, главное значение понятия «общественно-экономическая формация» у Маркса — это *исторически определенная совокупность производственных отношений, экономическая структура общества, образующая основу общества, скелет его организации*. Как *систему производственных отношений* определяет это понятие и Ленин в работах 1894—1895 гг. «Что такое „друзья народа“...» и «Экономическое содержание народничества...»<sup>11</sup>. Понятие «общественная формация», как правило, имеет то же значение, и в этом случае данный термин

<sup>9</sup> Другой перевод: «экономическая общественная формация». Утвердившийся в нашей литературе перевод «общественно-экономическая формация» заимствован из произведений В. И. Ленина. Как и у Маркса и Энгельса, в его работах используется также и термин «общественная формация».

<sup>10</sup> См.: Предметный указатель..., ч. II, с. 47.

<sup>11</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139, 165, 192, 429—430, 465.

можно рассматривать просто как сокращенный вариант термина «общественно-экономическая формация» («экономическая общественная формация»).

В предисловии к работе Маркса «К критике политической экономии» (январь — февраль 1859 г.), где термин «общественно-экономическая формация» появляется впервые, он употребляется в несколько ином, более широком значении: это экономическая структура общества, не детерминированная исторически. Вот это известное место: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»<sup>12</sup>. В этом предисловии общественная формация отождествляется с совокупностью производственных отношений, а совокупность производственных отношений — с экономической структурой общества. Поэтому выражение «прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (*progressive Epochen der ökonomischen Gesellschaftsformation*) следует понимать как «последовательные ступени развития экономической структуры общества»<sup>13</sup>. Значит, в данном случае смена исторических способов производства рассматривается как развитие общественно-экономической формации в несколько ином, чем обычно, смысле, а именно как экономической структуры общества вообще. Попытки интерпретировать данное место как-то иначе представляются либо ошибочными, либо сомнительными<sup>14</sup>.

<sup>12</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

<sup>13</sup> Ср. аналогичную конструкцию в одном из набросков ответа Маркса на письмо Веры Засулич в 1881 г.: «...архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи» (т. 19, с. 413). В оригинале: «...la formation archaïque de la société nous révèle une série de types différents (qui forment entre eux une série ascendante), marquant des époques progressives» (Marx — Engels Archiv, Bd. I, S. 332; в угловых скобках — первоначальный вариант).

<sup>14</sup> Имеются в виду две возможные интерпретации. Во-первых, пытаются отождествить «экономическую общественную формацию» с классовым обществом, предполагая при этом, что только в эпоху классового общества экономика выступает в качестве его основы. Такое понимание неверно. Ему прямо противоречит тот факт, что Маркс трижды называет коммунистическое общество «общественно-экономической формацией» (в январе 1863 г. и в 1865 г.) и «экономической формацией» (в 1877 г.). Более того, первый раз он употребляет понятие «общественно-экономическая формация» именно применительно к коммуни-

В том же более широком значении (экономическая структура общества вообще) понятие «общественно-экономическая формация» дважды употребляется в экономической рукописи Маркса 1861—1863 гг. «К критике политической экономии». Первое место относится к началу (вероятно, январь — февраль) 1862 г. (по времени это следующий случай употребления данного понятия после Предисловия 1859 г.), второе — относится к июлю 1863 г.<sup>15</sup> Таким образом, можно утверждать, что более широкое значение понятия, наблюдаемое в текстах 1859—1863 гг., начиная с 1863 г. вытесняется основным, более узким значением (исторически определенная экономическая структура общества).

Расширение основного значения понятия формации намечается у Маркса и еще в одном направлении: «общественная формация» (в таких случаях употребляется только этот термин) как *совокупность общественных отношений*, общество в целом (от его материальной основы до форм общественного сознания). Подобный случай мы имеем в рукописи 1861—1863 гг. (данный фрагмент датируется маем 1862 г.), где Маркс говорит о «свободном

---

стическому обществу (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 446; т. 25, ч. II, с. 337; т. 19, с. 120). Во-вторых, пытаются отождествить формацию со становлением, формированием: «экономическое формирование общества». Такое понимание сомнительно. Правда, Предисловию 1859 г. непосредственно предшествует (октябрь 1858 г.) в первоначальном тексте первого выпуска «К критике политической экономии» аналогичное место: существование капитала «есть результат длительного исторического процесса в экономическом формировании общества» (т. 46, ч. II, с. 491). Однако здесь Маркс употребляет другое слово: «формирование», а не «формация». В контексте Предисловия 1859 г. «формация» понимается как «образование», «структура», но не процесс формирования. Наконец, хронологически следующие случаи (1862—1863 гг.), когда применяется понятие «общественно-экономическая формация», тождественны по смыслу с первым случаем — в Предисловии 1859 г. и вообще во всех случаях у Маркса и Энгельса понятие «формация» выражает определенное состояние, но никогда не процесс.

<sup>15</sup> «...Капиталистическое отношение развивается на такой исторической ступени развития экономической общественной формации, которая уже сама есть результат целого ряда предшествующих этапов развития» (т. 47, с. 281; слово, заключенное в скобки, в оригинале отсутствует). «Развитие капитала начинается не с сотворения мира, не *ab ovo*. Как нечто господствующее над миром и воздействующее на всю экономическую фор-

духовном производстве данной общественной формации»<sup>16</sup>. В подобном же смысле можно, вероятно, интерпретировать и один фрагмент в рукописи «Главы шестой»<sup>17</sup>. Впрочем, возможно, что два последних («расширительных») варианта понятия отражают лишь определенную неустойчивость терминологии в первые годы ее становления: все приведенные примеры относятся к периоду до выхода в свет I тома «Капитала» (1867).

Наконец, значительно позднее, в 1881 г., в набросках ответа Маркса на письмо В. Засулич появляется еще одно значение понятия «общественная формация» — расширение основного значения в третьем направлении — деление всей истории общества на три *большие формации*: доклассовое, классовое и будущее бесклассовое, коммунистическое, общество. В этом случае Маркс употребляет только термин «общественная формация», но не «общественно-экономическая формация»<sup>18</sup>.

Как видим, в теоретическом наследии Маркса и Энгельса понятие формации имеет несколько (было выявлено четыре) взаимосвязанных значений. Они сводятся к двум общим вариантам: совокупность производственных отношений или совокупность общественных отношений. С этими основными вариантами связаны, хотя и не вполне жестко, не вполне однозначно, два основных термина: «общественная формация» и «общественно-экономическая формация». Иногда они выражают одно и то же понятие, иногда между ними можно заметить определенное различие. За отождествлением этих близких понятий (в тех случаях, когда первый термин не является просто сокращенным вариантом второго) стоит наблюдаемое в некоторых случаях у Маркса отождествление (в известном смысле, в определенной степени) производственных и общественных отношений, точнее, отождествление общества с совокупностью производственных отношений. Так, в работе 1847 г. «Наемный труд и капитал» — именно в том месте, где впервые появляется понятие совокупности исторически определенных производственных отношений, — Маркс пишет: «*Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отноше-*

мацию общества, это развитие на самом деле начинается впервые в XVI и XVII столетиях» (т. 48, с. 115).

<sup>16</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 280.

<sup>17</sup> См.: Там же, т. 49, с. 118—119.

<sup>18</sup> См.: Там же, т. 19, с. 402—404, 413—414, 417—419.

ниями, обществом...»<sup>19</sup> Впоследствии в III томе «Капитала» (1865) Маркс разъяснит смысл такого отождествления: совокупность отношений, при которых люди производят, — «эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры»<sup>20</sup>. Иными словами, такое отождествление, встречаемое исключительно в экономическом контексте, происходит потому, что общество как объект исследования рассматривается с экономической точки зрения<sup>21</sup>.

Отсюда следует, что общественно-экономическая формация как совокупность производственных отношений — это общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Но экономическая структура общества — это не просто одна из его структур (хотя в известном смысле можно, например, говорить о политической структуре общества, о его национальной структуре и т. д.), а его главная, определяющая структура. Такое понимание, сведение всех общественных отношений к производственным отношениям как определяющим — величайшее достижение марксистской теории общества. Поэтому можно сказать, что общественно-экономическая формация как совокупность производственных отношений — это общество, рассматриваемое с точки зрения материалистического понимания истории. В этом и заключаются теоретические предпосылки для наблюдаемого в истории марксизма-ленинизма расширения понятия общественно-экономической формации. Однако продолжая рассмотрение процесса становления марксистской концепции, вернемся к первоначальному значению понятия.

Исходное значение понятия общественно-экономической формации у Маркса — это исторически определенная совокупность производственных отношений, исторически определенная экономическая структура общества. Такое понимание концепции Маркса подтверждается следующими наблюдениями.

Понятие формация — «общественно-экономическая формация» и даже «общественная формация» — фигурирует всегда, без единого исключения, только в экономическом или по меньшей мере в социально-экономическом контексте. Оно сопоставляется, соотносится с такими одно-

<sup>19</sup> Там же, т. 6, с. 442.

<sup>20</sup> Там же, т. 25, ч. II, с. 385.

<sup>21</sup> Ср.: Там же, т. 42, с. 140.

родными, однопорядковыми категориями, как экономика (экономическая организация, экономическая система, экономическая структура общества, экономический строй, экономическая история, экономическое движение общества, ступень экономического развития, экономическая эпоха); производство (способ производства, система производства, форма производства, общественная форма процесса производства, общественный производственный организм, историческая структура общественного процесса производства, историческая ступень, эпоха общественного процесса производства); производственные отношения (общественные производственные отношения, совокупность производственных отношений); общество (форма общества).

В авторизованном французском издании I тома «Капитала» термин «общественно-экономическая формация» (*ökonomische Gesellschaftsformation*) дважды переводится как «экономическая формация общества» (*formation économique de la société*)<sup>22</sup>. Точно так же переводится он и в авторизованном Энгельсом английском издании I тома «Капитала» (*economic formation of society*)<sup>23</sup>. Один раз во французском издании он переводится как «экономическая формация общества» (*forme économique de la société*)<sup>24</sup>.

Появлению нового термина предшествовало у Маркса и Энгельса употребление главным образом термина «форма общества» (а также «состояние общества», «организация общества», «система общества», «структура общества»)<sup>25</sup>. Но в диалектической философии понятие формы имеет значение не внешней формы, а внутренней структуры. Отсюда — возможность перехода от понятия «форма общества» к понятию «экономическая форма общества», «экономическая структура общества», «экономическая формация общества».

Само понятие формации Маркс заимствовал из области геологии, и это заимствование оказалось на редкость удачным. Одна из важных особенностей данного понятия заключается в том, что оно выражает одновременно и состояние, и процесс, вернее, определенное состояние

<sup>22</sup> Marx K. *Le Capital*. Paris, 1872—1875, p. 156.

<sup>23</sup> Marx K. *Capital*. London, 1887.

<sup>24</sup> Ibid., p. 72.

<sup>25</sup> См.: Предметный указатель..., ч. II, с. 57.

(систему) как результат определенного процесса (система как результат процесса ее становления). В этом смысле оно подобно понятию «образование».

Один из первых импульсов к аналогии между геологическими формациями и общественными формациями могла дать Марксу «Философия природы» Гегеля (§ 339). Важную роль должны были сыграть занятия Маркса геологией. Интересны следующие сопоставления. Приблизительно в августе-сентябре 1851 г. Маркс делает выписки из книги Дюро де Ла Маля «Политическая экономия римлян», в которой фигурирует понятие «terrain», аналогичное немецкому «Formation». В декабре 1851 г. в «Восемнадцатом брюмера...» впервые появляется понятие «общественная формация», а в июле 1853 г. — впервые аналогия между геологией и историей. В октябре 1857 г. Маркс получает от Фрейлиграта книги Гегеля, в том числе «Логик» и «Философию природы», снова просматривает их. В это же время он цитирует в рукописи 1857—1858 гг. соответствующее место из книги Дюро де Ла Маля, а в мае 1858 г. в конце той же рукописи второй раз появляется понятие общественной формации, и затем, в начале 1859 г. следует Предисловие к «К критике политической экономии»<sup>26</sup>.

Сам Маркс три раза прямо указывает на аналогию между геологическими и общественными формациями. Первый раз — в январе 1863 г. в экономической рукописи 1861—1863 гг. «К критике политической экономии» (второй вариант «Капитала»): «Так же как и при последовательной смене различных геологических формаций, при образовании различных экономических общественных формаций не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды»<sup>27</sup>. Второй раз — в I томе «Капитала» (1867) — та же мысль переформулирована следующим образом: «...эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно строгими границами»<sup>28</sup>. Третий раз — в набросках ответа на письмо В. Засулич в марте 1881 г. — эта аналогия формулируется дважды и притом наиболее четко: «...подобно геологическим образованиям и в этих исторических образованиях есть ряд типов первичных, вторич-

<sup>26</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 125; т. 46, ч. II, с. 394; т. 13, с. 6—8.

<sup>27</sup> Там же, т. 47, с. 460.

<sup>28</sup> Там же, т. 23, с. 382.

ных, третичных и т. д.»<sup>29</sup>. «Архаическая или первичная формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни лежали на другие. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отмечающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи»<sup>30</sup>.

Понятие общественно-экономической формации Маркс выработал в процессе исследования экономической основы буржуазного общества — капиталистического способа производства. Поэтому оно и применяется у него почти исключительно к буржуазному обществу<sup>31</sup>. Характеристика, с одной стороны, рабовладельческого и феодального, с другой — коммунистического обществ как экономических формаций каждый раз делается в контексте сравнения их с буржуазным обществом, точнее, при сопоставлении капитализма с добуржуазными и с будущей общественной формацией<sup>32</sup>. Первобытное общество Маркс и Энгельс ни разу не называли общественно-экономической формацией. В упомянутых набросках 1881 г. Маркс называет его первичной, или архаической, общественной формацией<sup>33</sup>.

Для выявления содержания понятия формации важно использовать такие места в работах Маркса, где он сам заменяет данное понятие на эквивалентное, т. е. своего рода «параллельные места». Как и анализ контекста и использование авторизованных переводов, этот путь позволяет выяснить, с какими понятиями сопоставляется понятие формации. Приведем в качестве примера один ряд таких параллельных мест.

Первоначальный текст первого выпуска «К критике политической экономии» (1858): капиталистическое отношение «является, очевидно, результатом долгого исторического развития, итогом многих экономических переворотов и предполагает гибель других способов производства (других общественных производственных отношений)... Его существование есть результат длительного исторического процесса в экономическом формировании общества»<sup>34</sup>.

<sup>29</sup> Там же, т. 19, с. 402.

<sup>30</sup> Там же, с. 413.

<sup>31</sup> См.: Предметный указатель..., ч. II, с. 46.

<sup>32</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 446; т. 25, ч. II, с. 337; т. 23, с. 229, 246—247, 727; т. 19, с. 120, 419.

<sup>33</sup> См.: Там же, т. 19, с. 402—404, 413—414, 418—419.

<sup>34</sup> Там же, т. 46, ч. II, с. 491.

Экономическая рукопись 1861—1863 гг. (1862): «Впрочем, капиталистическое отношение развивается на такой исторической ступени развития экономической общественной формации, которая уже сама есть результат целого ряда предшествующих этапов развития»<sup>35</sup>.

I том «Капитала» (1867): капиталистическое отношение, «очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства»<sup>36</sup>.

Все три фрагмента содержат одну и ту же мысль, выраженную различными способами: капиталистическое отношение является результатом предшествующего исторического развития; это развитие есть процесс экономического формирования общества, развитие общественно-экономической формации, смена ряда способов производства, общественных производственных отношений, формаций общественного производства. Таким образом, Маркс рассматривает как эквивалентные понятия «общественно-экономическая формация», «формация общественного производства» и «совокупность общественных производственных отношений».

Все приведенные факты позволяют сделать вывод, что основное первоначальное понятие общественно-экономической формации у Маркса (совокупность производственных отношений, экономическая структура общества) было уже, чем более широкое современное (общество в целом, от его материальной основы до форм общественного сознания), соответствующее марксистской концепции общей структуры общества (производительные силы — производственные и другие общественные отношения — политическая и юридическая надстройка — формы общественного сознания). Такое расширение понятия, как мы видели, наметилось в зародыше уже у Маркса и Энгельса и было связано с дифференциацией понятий общественной формации и общественно-экономической формации. Оба понятия взаимосвязаны, как связаны между собой марксистские представления об экономической и об общей структурах общества, а эта связь определяется ключевым положением производственных отношений в системе всех общественных отношений, в обществе как определенной системе

<sup>35</sup> Там же, т. 47, с. 281.

<sup>36</sup> Там же, т. 23, с. 180.

элементов и отношений. Такое понимание общества как системы было выработано Марксом и Энгельсом в процессе создания материалистического понимания истории. Классическая формулировка сущности материалистического понимания истории дана, как известно, в Предисловии Маркса к его книге «К критике политической экономии». Сопоставление ее со всеми другими аналогичными местами в работах Маркса и Энгельса позволяет (в первом приближении, с известной долей упрощения) представить общую структуру общества (или общественной формации в широком смысле) в виде функционального ряда: производительные силы — производственные и другие общественные отношения — политическая надстройка — формы общественного сознания<sup>37</sup>.

## 2. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Установив, таким образом, содержание понятия формации, можно проследить процесс становления и развития марксистской концепции по трем взаимосвязанным линиям: становление и развитие основной концепции материалистического понимания истории (структура общественной формации и формационное членение исторического процесса), понятия экономической структуры общества, совокупности производственных отношений, и понятий-терминов «общественная формация» и «общественно-экономическая формация».

Первый период истории марксизма — до 1848 г. — это период формирования марксизма и вместе с тем период становления материалистического понимания истории. В то же время, по существу, вырабатывается и понятие общественной формации; но кристаллизуется и оформляется оно, облекаясь в адекватную терминологию, только в следующий период.

Триединый процесс становления марксизма, материалистического понимания истории, понятия общественной формации начался в известном смысле осенью 1842 г. Процесс познания структуры общества (структуры общественной формации) начался одновременно с началом перехода Маркса и Энгельса к материализму и коммуниз-

<sup>37</sup> Подробнее см.: Багатурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса. М., 1976, с. 187—190.

му. Осенью 1842 г. внимание Маркса и Энгельса сосредоточивается на явлениях, так или иначе связанных со вторым звеном структуры общества, т. е. с производственными отношениями: это классы, частная собственность, материальные, в особенности частные, интересы<sup>38</sup>. С двух различных сторон Маркс подходит к проблеме частной собственности. С одной стороны, ему как редактору «Рейнской газеты» пришлось столкнуться с материальными жизненными отношениями, с положением трудящихся масс, с ролью частной собственности в жизни общества, и это породило у него сомнения в правильности гегелевской идеалистической социологической концепции. С другой стороны, он вынужден был определить свое отношение к идеям коммунистов, выступавших с требованием уничтожения частной собственности. В центре его внимания становится проблема частной собственности. Так, познание структуры общества начинается с того звена, применительно к которому и будет выработано понятие общественно-экономической формации.

Весной и летом 1843 г. Маркс подвергает критическому анализу гегелевскую философию права — квинтэссенцию гегелевской социологической концепции (рукопись «К критике гегелевской философии права»). В центре его внимания — проблема соотношения общества и государства, частной собственности и государства и права. В противоположность Гегелю Маркс приходит к выводу, что не государство определяет гражданское общество, а, наоборот, гражданское общество определяет государство, т. е. экономический базис определяет политическую надстройку<sup>39</sup>. Этот тезис явился первым, отправным положением будущего материалистического понимания истории. Маркс приходит к выводу об определяющей роли экономических отношений в обществе, об определяющей роли частной собственности в существующем буржуазном обществе. Отсюда следовало, что, для того чтобы познать

<sup>38</sup> По определению Маркса, отношения собственности — это юридическое выражение производственных отношений (т. 13, с. 7). По определению Энгельса, «экономические отношения... проявляются прежде всего как *интересы*» (т. 18, с. 271). В обоих случаях (частная собственность, интересы) Маркс и Энгельс начинают познание производственных отношений с их внешнего проявления.

<sup>39</sup> О понятии «гражданское общество» у Маркса и Энгельса см.: Предметный указатель..., ч. I, с. 149; Маркс — историк, с. 121—123.

законы, управляющие развитием общества, необходимо углубиться в изучение законов его экономической основы — приступить к систематическим исследованиям в области политической экономии. Отсюда следовало также, что коренное преобразование буржуазного общества требует уничтожения частной собственности, т. е. осуществления основного требования коммунистов.

Соответственно началу познания структуры общества в рукописи 1843 г. появляются и первые элементы марксистской периодизации истории. По типу соотношения гражданского общества и государства Маркс различает древность, средние века, новое время и демократию будущего; особо выделяет он азиатскую деспотию.

В феврале 1844 г. в Париже вышел в свет «Немецко-французский ежегодник». Здесь Маркс и Энгельс выступают как материалисты и коммунисты. В статье «К критике гегелевской философии права. Введение», опираясь на свои исследования 1843 г., Маркс впервые приходит к выводу о всемирно-исторической роли пролетариата, призванного осуществить коммунистическое преобразование общества, — к важнейшему отправному положению будущей теории научного коммунизма. Найдя в сфере гражданского общества основу существующих отношений, Маркс увидел теперь в определенном классе гражданского общества ту объективную силу, которая способна преобразовать все общество. В «Набросках к критике политической экономии» Энгельс исследовал частную собственность как основу буржуазного общества, всех его экономических отношений и противоречий. Он показал, что частная собственность — явление не вечное, а историческое и она должна быть уничтожена.

В трех статьях под общим названием «Положение Англии», написанных соответственно в январе, феврале и марте 1844 г., особенно во второй из них, Энгельс улавливает связь между экономикой, классовой структурой общества и политикой и, осознавая историческое значение промышленной революции в Англии, приходит к выводу, который станет одной из центральных идей его книги «Положение рабочего класса в Англии»: «Это революционизирование английской промышленности — основа всех современных английских отношений, движущая сила всего социального развития»<sup>40</sup>. Это пока примени-

---

<sup>40</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 615.

тельно к новейшей истории Англии. Но уже в первой статье намечается дальнейшее обобщение: Англия как наиболее развитая страна лишь показывает будущее других стран. Так намечается подход к открытию связи между производительными силами и производственными отношениями.

Летом 1844 г. после прекращения издания «Немецко-французского ежегодника» Маркс предпринял первую серьезную попытку обобщить свои экономические исследования, начатые в Париже, и вместе с тем дать последовательное научное обоснование тех коммунистических идей, с которыми он, как и Энгельс, выступил на страницах ежегодника. В это время он создает одно из своих программных произведений — «Экономическо-философские рукописи 1844 года». В логической структуре рукописи запечатлен путь познания, пройденный в это время Марксом.

Центральной проблемой исследования Маркса является, по сути дела, все та же фундаментальная проблема частной собственности, проблема ее преодоления. Опираясь на свои прежние достижения и достижения Энгельса в его «Набросках к критике политической экономии», Маркс делает существенный шаг вперед как в познании законов функционирования и развития общества, так и в обосновании коммунистического мировоззрения.

Маркс начинает с анализа структуры гражданского общества, положения и соотношения трех классов развитого буржуазного общества, выделенных классиками буржуазной политической экономии (Смит, Рикардо). Исследуя соотношение классов, Маркс констатирует борьбу между ними. Исследуя динамику их соотношения, он констатирует, что общество все более и более раскалывается на два основных класса — пролетариат и буржуазию (этот вывод войдет потом в комплекс основных идей «Манифеста Коммунистической партии»). Отношение между ними, между трудом и капиталом — это отношение частной собственности. Теперь Маркс делает решающий шаг вперед в познании законов функционирования и развития человеческого общества. За частной собственностью он обнаруживает более глубокую основу существования классового, буржуазного общества — специфический характер труда, отчужденный труд, который находит свое выражение в том, что продукт труда, становясь чужой собственностью, противостоит человеку и господ-

ствуем над ним, что сама трудовая деятельность как деятельность по внешнему принуждению становится чуждой самому человеку, что как следствие экономического отчуждения развиваются все другие формы отчуждения — отчуждение человека от человека, отчуждение общественных сил человека, отчуждение государства от общества, религиозное отчуждение и т. д.

Рассмотрев отчуждение труда и частную собственность, так сказать, в статике, Маркс переходит к рассмотрению их в динамике, к исследованию их исторического характера, в особенности процесса уничтожения, «снятия» частной собственности и всех форм отчуждения. Понимание исторического характера отчуждения труда и частной собственности позволяет от познания их соотношения перейти к обобщению: способ труда определяет форму собственности. Так, развиваясь в этом направлении, мысль Маркса приближается к открытию диалектики производительных сил и производственных отношений. Но это приближение идет и по другим направлениям.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс приходит к выводу об определяющей роли производства в жизни общества: «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону»<sup>41</sup>. Производство, по определению Маркса, есть родовая жизнь человека. «...История есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом...»<sup>42</sup>. Так впервые появляется мысль о производстве как специфическом отличии человека от животного, которая получит классическую формулировку в «Немецкой идеологии». В конце «Экономическо-философских рукописей 1844 года» Маркс обращает особое внимание на роль разделения труда, которое, как будет показано потом в «Немецкой идеологии», с одной стороны, выражает уровень развития производительных сил, является его следствием, а с другой — определяет форму собственности, производственные отношения. Так с разных сторон Маркс приближается к ключевому открытию в области материалистического понимания истории — к выяснению соотношения произ-

---

<sup>41</sup> Там же, т. 42, с. 117.

<sup>42</sup> Там же, с. 126.

водительных сил и производственных отношений, к открытию диалектики их взаимодействия и развития.

С точки зрения становления материалистического понимания истории вообще и теории общественных формаций в особенности общий результат, к которому Маркс пришел в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», можно резюмировать следующим образом. Материальное производство (труд) играет решающую роль в жизни общества, оно определяет все другие стороны деятельности человека, причем до такой степени, что все они выступают как особые виды производства. В самом же материальном производстве, прежде всего через выявление соотношения между трудом и частной собственностью, Маркс постепенно начинает различать две стороны, приближаясь к пониманию его внутреннего механизма, соотношения производительных сил и производственных отношений.

Чем же этот результат, полученный в 1844 г., отличается от концепции 1843 г.? В познании общей структуры общества за этот год, т. е. за время, прошедшее между работой над рукописью 1843 г. и рукописью 1844 г., Маркс продвинулся вперед по меньшей мере в трех отношениях. Во-первых, в 1844 г. он вскрыл более глубокую основу общества: за организацией гражданского общества обнаружил в качестве его основы материальное производство, за господством частной собственности — явление отчуждения труда. Во-вторых, концепция 1844 г. носит уже более общий, универсальный характер: Маркс не ограничивается выяснением соотношения семьи, гражданского общества и государства или частной собственности, государства и права, а охватывает все основные стороны жизни общества — от материального производства до общественного сознания. В-третьих, в 1844 г. он углубляется уже и в анализ внутреннего механизма производства. Таким образом, концепция 1844 г. является и более глубокой, и более универсальной, чем концепция 1843 г.

Соответственно этому появляются и новые представления о периодизации истории. Фактически Маркс начинает различать три эпохи в истории общества: период до возникновения отчуждения труда и частной собственности, период существования и господства отчуждения труда и частной собственности, период после уничтожения отчуждения труда и частной собственности, т. е. доклассовое, классовое и будущее бесклассовое коммунистическое обще-

ство. Более того, в развитии будущего общества впервые в зародыше намечается различение двух фаз<sup>43</sup>.

Результаты, достигнутые в работе над «Экономическо-философскими рукописями 1844 года», нашли определенное отражение и некоторое дальнейшее развитие в марксовой части первого совместного произведения основоположников научного коммунизма «Святое семейство» (сентябрь — ноябрь 1844 г.). Развивая мысль об определяющей роли производства, Маркс формулирует обобщающее положение о материальном производстве как материнском лоне истории. Появляются термины «способ производства», «экономические и промышленные отношения». Рассматривая «предмет» как «общественное отношение человека к человеку», Маркс приближается к понятию производственных отношений<sup>44</sup>. В своем конспекте «Святого семейства» Ленин обратил на это особое внимание: «Это место характерно в высшей степени, ибо показывает, как Маркс подходит к основной идее всей своей «системы», *sit venia verbo* (да будет позволено так сказать), — именно к идее общественных отношений производства»<sup>45</sup>.

В это же время в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» (сентябрь 1844 — март 1845 г.) Энгельс развивает идею о том, что промышленная революция обусловила революцию в гражданском обществе<sup>46</sup>.

Решающий этап становления нового мировоззрения начался весной 1845 г., когда возник замысел нового совместного труда основоположников научного коммунизма — «Немецкой идеологии». К этому времени у Маркса в общих чертах уже сложилась основная концепция материалистического понимания истории, и когда в апреле они снова встретились с Энгельсом в Брюсселе, то решили сообща разработать новое мировоззрение в форме критики немецкой послегегелевской философии. Этот замысел и был осуществлен в рукописи «Немецкой идеологии», написанной в основном с ноября 1845 г. по апрель 1846 г.

Место «Немецкой идеологии» в истории марксизма определяется тем, что здесь Маркс и Энгельс впервые разработали материалистическое понимание истории как целостную концепцию и тем самым осуществили истори-

<sup>43</sup> См.: Марксистско-ленинское учение о социализме и современность. М., 1975, с. 14—42.

<sup>44</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 46—47, 136, 166.

<sup>45</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 16.

<sup>46</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 243.

чески первое философское, общесоциологическое, обоснование теории научного коммунизма. В основе этого главного достижения авторов «Немецкой идеологии» лежит открытие диалектики производительных сил и производственных отношений, которое и позволило разработать материалистическое понимание истории как целостную концепцию. Следствием этого открытия явилось окончательное выяснение общей структуры человеческого общества (производительные силы — производственные отношения — политическая надстройка — формы общественного сознания) и общей закономерности его исторического развития (начало учения об общественных формациях), а также вывод о необходимости пролетарской, коммунистической революции как результате развития противоречий между производительными силами и производственными отношениями буржуазного общества.

Логически в основе этого открытия лежит проводимое в «Немецкой идеологии» фундаментальное различие двух сторон деятельности людей — производства (отношение людей к природе) и общения (отношение людей друг к другу). Производство и общение взаимно обуславливают друг друга, но определяющим является производство. Маркс и Энгельс всесторонне развивают важнейшее положение исторического материализма об определяющей роли материального производства в жизни общества: именно производство отличает человека от животного; оно является первой предпосылкой человеческой истории; все основные стороны социальной деятельности выступают как различные виды производства — производство жизненных средств, потребностей, самих людей, общественных отношений, сознания.

Диалектика производительных сил и производственных отношений, составляющая внутренний механизм производства, была сформулирована в «Немецкой идеологии» как соотношение производительных сил и формы общения. Это соотношение не сводится только к первичности производительных сил, оно значительно сложнее. Производительные силы определяют форму общения (общественные отношения). Развитие производительных сил приводит к тому, что прежняя форма общения перестает соответствовать более развитым производительным силам и превращается в их оковы. Это противоречие между производительными силами и формой общения, определяющее все исторические коллизии, разрешается путем со-

циальной революции. На место прежней, ставшей оковами, формы общения становится новая, соответствующая более развитым производительным силам, форма общения и т. д. Так на протяжении всего исторического развития образуется преемственная связь между его последовательными ступенями. Материальными носителями такой преемственности являются накопленные производительные силы и сложившиеся общественные отношения.

Диалектика производительных сил и производственных отношений была выяснена в «Немецкой идеологии» по существу (хотя по форме здесь прямо формулируется только соотношение между производительными силами и формой общения). Но в «Немецкой идеологии» есть уже все необходимые и достаточные предпосылки для перехода от общего соотношения — «производительные силы определяют форму общения (общественные отношения)» — к более конкретному — «производительные силы определяют производственные отношения» (такой переход и был сделан в следующем крупном произведении Маркса «Нищета философии»). Так, в одной из хронологически последних частей рукописи «Немецкой идеологии» (эта часть относится к лету 1846 г.) формулируется такая зависимость: производительные силы определяют разделение труда, а разделение труда определяет форму собственности. Форма же собственности конкретизируется (определяется) как «отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»<sup>47</sup> (т. е. к вещественным элементам процесса производства). Это — одно из важнейших определений производственных отношений. Из всего этого рассуждения авторов «Немецкой идеологии» прямо следует вывод: производительные силы определяют производственные отношения. В «Немецкой идеологии» не только вырабатывается понятие, но и появляется термин «производственные отношения».

На основе различения отношения людей к природе и отношения людей друг к другу и на основе открытия диалектики производительных сил и формы общения в «Немецкой идеологии» выявляется не только указанная четырехчленная структура общества (классового обще-

---

<sup>47</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966, с. 24—25.

ства), но и всеобщая трехчленная структура: материальное отношение людей к природе — материальное отношение людей друг к другу — общественное сознание (как отражение в сознании людей природы, общества, самих людей, включая их отношения и их сознание, т. е. отражение всей действительности).

Соответственно сложившемуся пониманию структуры общества в «Немецкой идеологии» развиваются и представления о периодизации истории. В начале рукописи фактически присутствует трехчленная периодизация, появившаяся в «Экономическо-философских рукописях». К концу работы, летом 1846 г., появляется новая периодизация — по формам собственности. Авторы «Немецкой идеологии» выделяют и описывают пять исторически господствующих форм собственности: племенная (родо-племенная), античная, феодальная, буржуазная, коммунистическая. В буржуазном периоде, в свою очередь, выделяются две фазы: мануфактура и крупная промышленность. Так в общих чертах складывается периодизация исторического процесса, выделяющая пять основных общественных формаций.

Рукопись «Немецкой идеологии» осталась незавершенной и не была опубликована. Но то, что Маркс и Энгельс уяснили здесь самим себе, было развито дальше и в основных чертах опубликовано в крупнейших произведениях Маркса и Энгельса 1847—1848 гг. в «Нищете философии», «Наемном труде и капитале», «Манифесте Коммунистической партии». В этих работах, венчающих период формирования марксизма, завершился процесс выделения производственных отношений из всей совокупности общественных отношений.

В «Нищете философии» (первая половина 1847 г.) впервые появляется понятие «система производственных отношений». Маркс разъясняет: «В каждом обществе производственные отношения образуют некоторое единое целое». Он характеризует «общественную систему» как «общественный организм, в котором все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое». Впервые здесь прямо сопоставляются производительные силы и производственные отношения: «Всякое изменение производительных сил людей необходимо ведет за собой изменение в их производственных отношениях»<sup>48</sup>.

<sup>48</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 110, 133, 134, 144.

В работах этого времени (письмо Маркса Анненкову 28 декабря 1846 г., «Нищета философии», статья Маркса «Морализирующая критика и критицирующая мораль», октябрь 1847 г.) дается важное определение собственности как совокупности общественных производственных отношений<sup>49</sup>. Становится ясно, почему начало учения об общественных формациях в «Немецкой идеологии» выступает в виде описания последовательно господствующих в истории форм собственности и почему соответствующим образом определяется там сама форма собственности.

Особое значение в становлении учения о формациях имела работа Маркса «Наемный труд и капитал», написанная во второй половине декабря 1847 г. и опубликованная в апреле 1849 г. Излагая сущность материалистического понимания истории, Маркс здесь впервые вводит понятие общественной формации как исторически определенной совокупности общественных отношений, хотя самого термина «формация» здесь еще нет. Воспроизведем полностью это важнейшее место:

*«Итак, общественные отношения, при которых производят индивиды, общественные производственные отношения, изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества»<sup>50</sup>.*

Эти теоретические положения базируются на тех достижениях, которые мы могли наблюдать в «Немецкой идеологии» и «Нищете философии»: диалектика производительных сил и производственных отношений, определяющая роль производственных отношений, понимание общества как определенной системы, понятие совокупности производственных отношений, принцип историзма, выде-

<sup>49</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 406; т. 4, с. 168, 318.

<sup>50</sup> Там же, т. 6, с. 442.

ление определенных формаций как ступеней исторического развития человеческого общества. Все эти прежние достижения синтезированы в том результате, к которому Маркс пришел в канун революции, в то время, когда создавался «Манифест Коммунистической партии».

«Манифест Коммунистической партии» завершает период формирования марксизма. «Манифест» опирается на предшествующий процесс становления материалистического понимания истории и резюмирует основные предшествующие теоретические достижения Маркса и Энгельса<sup>51</sup>. Он содержит и ряд новых положений. В интересующем нас плане важное значение имеют по меньшей мере два момента. Исходя из идей, выработанных в «Немецкой идеологии», авторы «Манифеста» рассматривают всю историю классового общества как историю борьбы классов<sup>52</sup>. Каждое классовое общество характеризуется при этом определенной совокупностью основных классов, т. е. каждая классовая формация имеет определенную классовую структуру. Но поскольку, согласно материалистическому пониманию истории, классовая структура определяется производством, — это и есть экономическая структура общества. Развивая идеи «Немецкой идеологии», авторы «Манифеста» проводят прямое различие производственных отношений и общественных отношений<sup>53</sup>, что имеет важное значение для дальнейшего развития теории общественных формаций. С выходом в свет «Манифеста Коммунистической партии» материалистическое понимание истории становится мировоззрением определенной политической партии, неотъемлемым фактором классовой борьбы пролетариата.

Обзор становления историко-материалистической концепции Маркса и Энгельса показывает, что в полном соответствии с законами диалектического развития познание структуры общества шло от внешнего к внутреннему, от поверхности в глубь явлений, к их причинам, от частного к общему, от абстрактного к конкретному. Соответственно менялись и представления о формационном членении исторического процесса. На пересечении этих двух планов шел процесс становления центральной категории исторического материализма — понятия общественной

<sup>51</sup> См.: Коммунистический манифест и современность. М., 1974, с. 215—233.

<sup>52</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 424.

<sup>53</sup> См.: Там же, с. 427.

формации. По существу, и в общих чертах это понятие складывается в период формирования марксизма. Затем начинается новый этап: становление адекватной терминологии и всестороннее дальнейшее развитие теории формаций. Этот новый этап связан главным образом с созданием «Капитала».

Процесс создания «Капитала» в период между революцией 1848—1849 гг. и Парижской Коммуной 1871 г. прошел следующие ступени.

1850—1857 — накопление материала, изучение литературы, экскерпты.

VIII 1857—V 1858 — рукопись «Критика политической экономии» (первоначальный вариант «Капитала»), включая «Введение».

VI 1858—II 1859 — работа над первым выпуском «К критике политической экономии» (пзд. в 1859 г.), включая «Предисловие».

VIII 1861—VII 1863 — рукопись «К критике политической экономии» (продолжение первого выпуска, второй вариант «Капитала», включая «Теории прибавочной стоимости»).

VIII 1863—VIII 1867 — рукописи первых трех томов «Капитала» (третий вариант), включая:

I 1866—VIII 1867 — подготовка окончательного текста I тома (изд. в сентябре 1867 г.).

В 70-х годах Маркс продолжил работу над II-м томом.

Так в общих чертах выглядит хронология работы Маркса над «Капиталом».

Создавая свой главный труд, Маркс применил материалистическое понимание истории к области политической экономии. Это привело, с одной стороны, к открытию прибавочной стоимости, благодаря чему были познаны внутренний механизм и закон движения капиталистического способа производства и тем самым дано экономическое обоснование теории научного коммунизма. С другой стороны, столь продуктивное применение историко-социологической концепции Маркса явилось окончательным доказательством истинности материалистического понимания истории и вместе с тем привело к его дальнейшему обогащению и развитию. Естественно, что это сказалось прежде всего и главным образом в конкретизации тех категорий исторического материализма, которые выражают различные аспекты материальной основы общества — материального производства: труд, производство,

способ производства, производительные силы, производственные отношения и т. д. В ряду этих категорий особо интенсивно разрабатывалось и понятие общественно-экономической формации.

Уже в первоначальном варианте «Капитала» — в рукописи «Критика политической экономии» (1857—1858) — были заложены основы всех главных достижений всего цикла «Капитала». Особо важное значение имеет «Введение» к «Критике политической экономии» (конец августа 1857 г.), как и «Предисловие» к «Критике политической экономии» (январь — февраль 1859 г.).

Уже во «Введении» 1857 г., излагая принципы диалектико-материалистического метода политической экономии (параграф 3), Маркс, по сути дела, рассматривает общество как определенную систему и выявляет ряд глубоких закономерностей развития социальных систем. То, что Маркс говорит здесь о соотношении абстрактного и конкретного, исторического и логического, имеет величайшее значение не только для диалектики, логики, теории познания, но и для исторического материализма, в особенности для теории формаций. В последней части «Введения» (параграф 4) Маркс намечает программу изложения принципов материалистического понимания истории, что имеет прямое отношение к теории формаций. В заменившем «Введение» «Предисловии» 1859 г. Маркс дал классическую формулировку сущности материалистического понимания истории и при этом впервые действительно (прямо, с обоснованием, раскрывая содержание, в адекватной терминологии и в публикуемом тексте) ввел в науку понятие общественно-экономической формации.

В «Капитале» (имеется в виду весь цикл «Капитала») Маркс конкретизировал основные понятия, выражающие экономическую основу общественной формации.

Уже в рукописи 1857—1858 гг. он исследует диалектику процесса труда, производства, диалектику его элементов: рабочая сила — средства производства (средства труда и предмет труда) — продукт производства. В «Капитале» (классически в т. I, гл. 5) определяются сущность труда, его специфические особенности как человеческой деятельности.

Маркс дифференцирует понятие способа производства, различая материальный (технический) способ производства (какими производительными силами осуществляется производство) и общественный способ производства

(при каких производственных отношениях осуществляется производство). Чрезвычайно важное значение имело введение (уже в рукописи 1857—1858 гг.) понятия господствующего способа производства. Такая конкретизация была эквивалентна пониманию сложности реально существующих обществ, в которых с господствующими способами производства сосуществуют и другие, подчиненные способы производства. Отсюда следовало понимание диалектического соотношения между понятием общественно-экономической формации и действительностью, реально существующими обществами.

Большим шагом вперед явилась конкретизация понятия производительных сил, в особенности их состава. Производительные силы — это прежде всего рабочая сила и средства производства. Понятие рабочей силы появляется еще в «Немецкой идеологии» и «Наемном труде и капитале», но окончательно складывается — в органической связи с открытием прибавочной стоимости — в рукописи 1857—1858 гг. В «Капитале» (особенно в I томе) Маркс вырабатывает определения понятий «рабочая сила» и «средства производства». Позднее (во II томе в 1877—1878 гг.) он выявит связь между способом соединения этих основных факторов производства и общественно-экономической формацией как исторически определенной экономической структурой общества: «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя»<sup>54</sup>. Отчуждение средств производства от производителей характерно для эпохи классового общества.

Однако Маркс не сводит производительные силы только к этим двум факторам. Он включает в состав производительных сил силы природы, кооперацию, разделение труда, науку, даже потребности (не говоря уже о том, что в состав средств производства он включает и средства общения). Это значит, что элементы других этажей общественной структуры (в том числе производственных

<sup>54</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 43—44.

отношений, форм общественного сознания) могут выполнять функцию производительных сил. Очевидно, в этом смысле Маркс формулирует во «Введении» такое положение: «*Диалектика понятий производительные силы (средства производства) и производственные отношения, диалектика, границы которой подлежат определению и которая не уничтожает реального различия*»<sup>55</sup>.

Маркс различает производительные силы: материальные и духовные, объективные и субъективные, общественные и природные, индивидуальные и общественные, непосредственные и косвенные. Исключительный интерес представляет понятие общественных производительных сил (в противоположность индивидуальным производительным силам), в которые Маркс включает машины, кооперацию, разделение труда, использование сил природы, применение науки. Наконец, Маркс выявляет исторический характер удельного веса различных элементов производительных сил, т. е. изменение в ходе исторического развития производства той роли, которую играют в производстве различные элементы производительных сил (живой труд, овеществленный труд, организация труда, природа, наука)<sup>56</sup>.

В «Капитале» Маркс дифференцирует и понятие производственных отношений. Он различает материальные и общественные производственные отношения, первичные и вторичные, производные<sup>57</sup>, внутренние и международные<sup>58</sup>. Особо важно различение как бы двух слоев производственных отношений (т. е. отношений людей друг к другу, в которые люди вступают в процессе производства): это материальные (технические) и общественные производственные отношения. Первые — это кооперация, разделение труда, отношения управления. Вторые — это отношения собственности. Используя приводившееся определение формы собственности из «Немецкой идеологии», эти два класса отношений можно определить так: первые — отношения людей друг к другу соответственно их отношению к самому процессу производства, их месту в этом процессе; вторые — отношения людей друг к другу соответственно их отношению к средствам и продуктам

<sup>55</sup> Там же, т. 46, ч. I, с. 46.

<sup>56</sup> Это показал В. П. Кузьмин в своем исследовании «Принцип системности в теории и методологии К. Маркса». М., 1976.

<sup>57</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 46.

<sup>58</sup> См.: Там же, с. 45, 46, 173.

производства. С точки зрения такого различия общественно-экономическая формация как экономическая структура общества — это совокупность общественных производственных отношений.

Указанные различия способов производства, производительных сил, производственных отношений эпизодически появлялись и в работах Маркса и Энгельса, предшествовавших «Капиталу». Так, понятие общественных производственных отношений появляется в «Ницше философии», а понятие общественных производительных сил — в «Манифесте Коммунистической партии» (если не считать «Экономическо-философских рукописей», где Маркс обратил внимание на данное понятие у Скарбека). Но систематически указанные различия Маркс начинает проводить в «Капитале».

Во «Введении» Маркс впервые прямо формулирует мысль об относительной самостоятельности в развитии подстройки. Он это делает на примере искусства: *«Неодиаковое отношение развития материального производства к развитию, например, искусства...* Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не паходятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации»<sup>59</sup>.

Если во «Введении» Маркс в обобщенном виде рассматривает общество как систему, то во всем цикле «Капитала» он конкретно исследует законы становления и развития социальных систем на модели капиталистического способа производства. Он детально исследует, например, как этот способ производства, возникнув поначалу в рамках иной общественной формации как подчиненный, постепенно преобразует все общество по своему образу и подобию; как его предпосылки со временем начинают воспроизводиться как его собственные результаты. Маркс обращает особое внимание на материальные предпосылки нового способа производства, которые возникают в рамках предшествующей общественной формации. Эта проблема интересует его как применительно к процессу становления капитализма, так особенно и в отношении предпосылок

<sup>59</sup> Там же, т. 46, ч. I, с. 46—47.

Ленин использовал этот же образ («Что такое „друзья народа“...») независимо от Маркса, до того как рукопись Маркса была опубликована.

предстоящего коммунистического преобразования общества. Важно отметить, что в этом последнем случае Маркс не сводит предпосылки коммунистического преобразования только к развитию производительных сил в собственном смысле. Исследуя экономические предпосылки в рамках всего комплекса материальных и духовных предпосылок коммунистического преобразования общества<sup>60</sup>, он выделяет и определенные *материальные* производственные отношения. Поскольку предпосылки пролетарской революции представляются часто в упрощенном виде, приведем ряд высказываний Маркса в хронологической последовательности из «Капитала» или относящихся к периоду создания «Капитала».

В буржуазном обществе «возникают такие производственные отношения и отношения общения, которые представляют собой одновременно мины для взрыва этого строя... Если бы в этом обществе, как оно есть, не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им отношения общения, необходимые для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы донкихотством...»<sup>61</sup>.

«Всеобщий... закон... состоит в том, что материальная возможность последующей формы [производства] — как технологические условия, так и соответствующая им экономическая структура предприятий — создается в рамках предшествующей формы»<sup>62</sup>.

«...На известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства»<sup>63</sup>. Здесь Маркс тоже формулирует данный закон как всеобщий.

«...Современная система при всей той нищете, которую она с собой несет, вместе с тем создает *материальные условия и общественные формы*, необходимые для экономического переустройства общества»<sup>64</sup>.

«Вместе с материальными условиями и общественной комбинацией процесса производства оно приводит к созре-

<sup>60</sup> См.: Багатурия Г. А. Маркс о предпосылках коммунистического преобразования общества. — Вopr. философии, 1978, № 5, с. 3—14.

<sup>61</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 102—103.

<sup>62</sup> Там же, т. 47, с. 461.

<sup>63</sup> Там же, т. 25, ч. I, с. 483—484.

<sup>64</sup> Там же, т. 16, с. 154.

ванию противоречий и антагонизмов его капиталистической формы, а следовательно, в то же время и элементов для образования нового и моментов переворота старого общества»<sup>65</sup>.

Итак, согласно Марксу, в число предпосылок коммунистического преобразования общества, которые развиваются в недрах буржуазного общества, входят также (наряду с общественными средствами производства и, разумеется, соответствующим развитием самих производителей): *«отношения общения», «общественные формы производства», «экономическая структура предприятия», «общественная комбинация процесса производства»*. Это последнее определение, взятое из I тома «Капитала», пожалуй, наиболее конкретно и точно выражает суть дела — развитие общественных производительных сил в виде определенной организации производства. Но Маркс формулирует и общий закон смены способов производства: развитие материальных производительных сил и общественных форм процесса производства как предпосылка перехода от старого к новому способу производства.

Резюмируя особенности новых представлений Маркса в «Капитале» о структуре общества, можно констатировать, во-первых, конкретизацию категорий, выражающих экономическую основу общества, и, во-вторых, развитие диалектической стороны марксистской концепции (общество как система, взаимный переход одних элементов общественной структуры в другие, исторический характер этих элементов, их состава и роли, относительная самостоятельность развития производных, надстроечных элементов).

Соответственно более сложным, конкретным представлениям о структуре общества усложнились, конкретизировались и представления о периодизации истории.

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс разрабатывает довольно сложную периодизацию истории, многоплановое формационное членение исторического процесса<sup>66</sup>. Его образно можно представить себе как лестницу со ступенями различной высоты. С точки зрения «наблюдателя», исследователя капиталистического способа производства Маркс прежде всего делит все развитие общества на три крупные формы, три ступени: отношения личной зависи-

<sup>65</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 512.

<sup>66</sup> См.: Там же, т. 46, ч. I, с. 101—105.

мости — отношения вещной зависимости — свободная индивидуальность (т. е. общество, основанное на отношениях личной зависимости; общество, основанное на отношениях вещной зависимости; общество, в котором осуществляется действительно свободное развитие каждого и всех). Это соответствует выделению добуржуазного (очевидно, классового), буржуазного и коммунистического общества. Далее Маркс делит отношения личной зависимости, отношения господства и подчинения на естественно выросшие (патриархальные) и политические (античные и феодальные). Наконец, он, по-видимому, различает еще отношения, основанные на кровном родстве, и отношения господства и подчинения. Такое членение исторического процесса означает, что переходы от одной из выделенных здесь формаций к другой неравноценны, что, например, наиболее крупным скачком является переход от капитализма к коммунизму.

В Предисловии к «К критике политической экономии» Маркс в контексте изложения сущности материалистического понимания истории дает новую периодизацию истории, подводящую определенный итог предшествующему развитию марксистской концепции: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»<sup>67</sup>. Новое состоит здесь в двух моментах. Во-первых, Маркс выделяет еще одну эпоху экономической истории — азиатский способ производства. Это явилось прямым результатом новых исследований, которые Маркс предпринял в 50-х годах (изучение работ Прескотта, Бернье и др., анализ азиатской, античной и германской форм собственности в рукописи 1857—1858 гг. и т. д.)<sup>68</sup>. Во-вторых, если в 1846 г. эпохи исторического развития терминологически различались по форме собственности, то теперь, в 1859 г., Маркс различает их по способу производства. А так как отношения собственности, по опре-

<sup>67</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

<sup>68</sup> Если рассматривать хронологически теоретическое наследие Маркса и Энгельса, можно предположить, что периодическое появление и исчезновение категории азиатского способа производства как определенной ступени в экономической истории общества зависит от точки зрения, от того угла, под которым рассматривается исторический процесс, так что различные периодизации по-своему и относительно, и правомерны.

делению Маркса,— это юридическое выражение производственных отношений, то, значит, от периодизации по юридической форме Маркс перешел к периодизации по экономическому содержанию. И хотя уже в «Немецкой идеологии» были все предпосылки для этого, Маркс полностью реализовал их именно в 1857—1859 гг.

Следовательно, мы можем констатировать углубление материалистического понимания по крайней мере в двух взаимосвязанных отношениях, которые весьма условно можно резюмировать так: переход от общественных отношений к производственным отношениям и от формы собственности к способу производства. То и другое нашло отражение в новой категории — общественно-экономической формации.

Вместе с работой над «Капиталом» шло и формирование адекватной данному понятию терминологической оболочки. Как мы видели, впервые термин «общественная формация» появляется в декабре 1851 г. в работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Здесь он применяется к буржуазному обществу. Только через несколько лет этот термин появляется снова, второй раз — в мае 1858 г.— в последней, недописанной фразе первоначального варианта «Капитала», рукописи 1857—1858 гг. Здесь он применяется к первобытному обществу и притом во множественном числе: Маркс говорит, что целый ряд экономических систем занимает промежуточное положение между современным миром, буржуазной системой производства, основанной на частной собственности, и такими общественными формациями, основу которых составляет общая собственность<sup>69</sup>. Эти первобытные общественные формации Маркс характеризует как экономические сообщества (*ökonomische Gemeinwesen*). Затем, в январе-феврале 1859 г., следует Предисловие к «К критике политической экономии», где наряду с термином «общественная формация» (один раз вообще, один раз применительно к буржуазному обществу) впервые появляется термин «общественно-экономическая формация» (как синоним экономической структуры общества вообще). Этому предисловию предшествует важный фрагмент первоначального текста первого выпуска «К критике политической экономии» (октябрь 1858 г.)<sup>70</sup>, где Маркс говорит

<sup>69</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 394.

<sup>70</sup> См.: Там же, с. 491.

о длительном историческом процессе в «экономическом формировании общества» (*ökonomische Formierung der Gesellschaft*). В Предисловии 1859 г. концепция Маркса уже вполне сложилась, но даже здесь еще наблюдается некоторая неустойчивость терминологии. Хронологически следующие случаи употребления термина «формация» только подтверждают такое наблюдение. Во втором варианте «Капитала», в рукописи 1861—1863 гг., терминология постепенно стабилизируется. В начале (январь — февраль?) 1862 г. Маркс еще употребляет термин «общественно-экономическая формация» в том же расширительном смысле, что и в предисловии 1859 г.<sup>71</sup> В мае 1862 г., говоря о духовном производстве общественной формации<sup>72</sup>, Маркс использует понятие формации в несколько расширительном смысле, как синоним общества. А в январе 1863 г. он впервые применяет понятие общественно-экономической формации в строгом, узком его значении и притом к будущему, коммунистическому обществу<sup>73</sup>. Тогда же он впервые проводит аналогию между геологическими и общественно-экономическими формациями<sup>74</sup>. В одной из последних частей рукописи 1861—1863 гг. в июле 1863 г. снова появляется расширительное значение понятия: Маркс говорит об «экономической формации общества» как о его экономической структуре<sup>75</sup>. И только с выходом в свет I тома «Капитала» в 1867 г. терминология стабилизируется окончательно<sup>76</sup>. Так в общих чертах можно проследить процесс становления терминологии, адекватной различным аспектам Марксовой категории общественной формации. Выработка этой терминологии была связана главным образом с процессом создания «Капитала».

В работах Маркса и Энгельса после Парижской Коммуны и в работах Энгельса после смерти Маркса продолжалось развитие марксистской теории общественных формаций. Это дальнейшее развитие теории было обусловлено развитием общества, практическими потребностями революционного движения, новыми достижениями общественных, исторических наук, внутренней логикой развития

<sup>71</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 281.

<sup>72</sup> См.: Там же, т. 26, ч. I, с. 280.

<sup>73</sup> См.: Там же, ч. III, с. 446.

<sup>74</sup> См.: Там же, т. 47, с. 460.

<sup>75</sup> Там же, т. 48, с. 115.

<sup>76</sup> См.: Там же, т. 23, с. 91, 180, 191, 229, 247, 372, 611, 759.

самой марксистской теории. Общим знаменателем новых достижений Маркса и Энгельса в познании структуры общества было развитие диалектической стороны марксистской концепции. Новым в познании периодизации истории было углубление и конкретизация их исторической концепции. Важнейшую роль в этом отношении имели: «Критика Готской программы» Маркса (1875), «Анти-Дюринг» Энгельса (1876—1878), наброски ответа Маркса на письмо В. Засулич (1881), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса (1884) и его письма об историческом материализме (1890—1894)<sup>77</sup>.

Маркс и Энгельс обращают теперь особое внимание на исторический характер структуры общества, его определяющий фактор (возрастание роли материального производства и т. д.), взаимодействие ее элементов (общественного бытия и общественного сознания, базиса и надстройки и т. д.), исторический характер этого взаимодействия (возрастание роли общественного сознания и т. д.), исторический характер государства (его происхождение, сущность, отмирание, «государственность» коммунистического общества и т. д.), роль субъективного фактора в историческом процессе и многое другое.

Соответственно обогащаются и марксистские представления о формационном членении исторического процесса. В «Критике Готской программы», завершая предшествующие тридцатилетние исследования и размышления, Маркс дает классическую формулировку своей концепции об основных стадиях становления и развития коммунистического общества — о переходном периоде от капитализма к коммунизму (социализму) и двух фазах коммунистического общества. В набросках письма Вере Засулич он применяет понятие общественной формации в новом масштабе: выделяет первичную общественную формацию (общество, основанное на общей собственности), вторичную общественную формацию (общество, основанное на частной собственности) и (подразумевает) третичную общественную формацию (будущее коммунистическое общество) и говорит о фазах развития первичной формации. В книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс, опираясь на исследования

---

<sup>77</sup> См.: Маркс — историк, с. 151—173; Энгельс — теоретик, с. 174—237.

Моргана и анализ его открытий Марксом, разрабатывает материалистическое понимание первобытной истории, выделяет три формы порабощения как основные стадии развития классового общества, исследует сложное соотношение между процессами возникновения частной собственности, классов и государства.

Так в этот последний период разрабатывается диалектико-материалистическое понимание структуры, функционирования и закономерностей развития общественных формаций.

Резюмируем основные результаты исследования. Марксистская теория общественных формаций прошла долгий и сложный путь развития. По существу, эта теория складывается вместе с материалистическим пониманием истории, важнейшей составной частью которого она является. Уже в период формирования марксизма вырабатывается понятие совокупности исторически определенных производственных отношений как экономической структуры общества. Это понятие оформляется в процессе создания основного труда Маркса — «Капитала». Процесс становления и развития теории общественных формаций в работах Маркса и Энгельса продолжался на протяжении полувека.

Категория общественной формации является центральной в системе категорий материалистического понимания истории. Она выражает как понимание общей структуры и функционирования общества, так и понимание общей закономерности его исторического развития.

Понятие формации в теоретическом наследии основоположников исторического материализма имеет ряд взаимосвязанных значений. Главное из них: исторически определенная совокупность производственных отношений, исторически определенная экономическая структура общества. Это исходное значение расширяется в различных направлениях: экономическая структура общества вообще; совокупность общественных отношений; «большая» формация (первичная, вторичная). Исследуя общество как определенную систему, Маркс открыл определяющую его систему отношений — производственные отношения. Исследуя его как развивающуюся систему, он выявил исторически определенные экономические структуры, определяющие исторические типы общества — от первобытного до будущего коммунистического. Именно определяющий характер системы производственных отношений («обще-

ственно-экономическая формация», по Марксу) обуславливает возможность расширения исходного понятия. В работах Маркса намечается дифференциация понятий «общественная формация» (как совокупность общественных отношений) и «общественно-экономическая формация» (как совокупность производственных отношений) и их дальнейшее расширение (исторический тип общества, определяемый системой производственных отношений).

Маркс и Энгельс открыли и исследовали общую структуру общества, его организацию как определенной системы, структуру общественной формации: отношение людей к природе — отношение людей друг к другу — общественное сознание; и более конкретно: производительные силы — производственные и другие общественные отношения — политическая и юридическая надстройка — формы общественного сознания. Они исследовали взаимодействие, отношения, функциональные связи между элементами общественной системы, а также и исторические изменения их взаимодействия. Выработав понятие господствующего способа производства, Маркс пришел к пониманию реально существующего общества как совокупности различных систем отношений, среди которых доминирует определенная система производственных отношений, определяющая исторический тип данного конкретного общества.

Исходя из непосредственных потребностей познания законов функционирования и развития существующего буржуазного общества, Маркс и Энгельс создали общую теорию общественных формаций. Они исследовали историческое развитие общественных формаций как определенных систем, процессы их возникновения, развития и смены. Решающее значение при этом имело открытие диалектики производительных сил и производственных отношений. Развитие общественно-экономических формаций до коммунистического преобразования общества они рассматривали как естественноисторический процесс. С переходом к коммунизму качественно изменяются и сами закономерности исторического развития общества. Неравноценность переходов от одной формации к другой проявляется в процессе перехода от капитализма к коммунизму особенно сильно, резко и значительно, ибо по глубине и масштабам это преобразование общества не имеет себе подобных во всей истории человечества: с коммунистическим преобразованием общества начинается история подлинно человеческого общества.

Соответственно представлениям об организации общества изменялись и представления основоположников исторического материализма о формационном членении исторического процесса, включая и выделение определенных фаз развития общественных формаций. В рамках открытого ими материалистического понимания истории Маркс и Энгельс создали целостную теорию общественных формаций. Дальнейшее развитие этой теории связано прежде всего и главным образом с теоретической деятельностью В. И. Ленина.

## Глава вторая

### РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Развитие В. И. Лениным теории общественно-экономической формации совершалось в новых исторических условиях на основе, заложенной К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Как элемент теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса теория общественно-экономической формации имела свою, относительно самостоятельную логику развития. Однако характер, направление, выбор путей дальнейшего развития, таившиеся во внутренней логике взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, определялись решающим образом потребностями нового исторического периода. Новизна и величие вклада В. И. Ленина в теорию общественно-экономической формации не могут быть правильно поняты, если не установить как их отличие, так и связь со взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса.

В конце XIX — начале XX в. наступает эпоха империализма и пролетарских революций. В мировое революционно-освободительное движение втягиваются Россия и другие страны Восточной Европы, а за ними — страны Востока с сотнями миллионов населения. Центр мирового революционного движения перемещается в Россию, Великая Октябрьская социалистическая революция открывает новую эпоху мирового развития — эпоху, главное содержание которой состоит в переходе от капитализма к социализму во всемирном масштабе.

В этих условиях особую важность приобрело тесное единство марксистской теории и революционной практики.

Перед В. И. Лениным встали задачи осмысления и развития марксизма в новых исторических условиях, когда капиталистическая общественно-экономическая формация достигла стадии загнивания и умирания. Необходимо было исследовать законы империалистической эпохи, общественный строй России и других стран, втягивавшихся в мировой революционный процесс. Возникла потребность более конкретного изучения «механизма» социальной революции и построения социализма, единства и многообразия путей и форм перехода к социализму различных стран.

Если выразить сказанное в методологическом аспекте, то можно сказать, что К. Маркс и Ф. Энгельс в соответствии с коренной потребностью своей эпохи обращали главное внимание на изучение зрелого капитализма как исторически возникшего и исторически преходящего, а В. И. Ленин, обобщая с позиций марксизма богатейший новый конкретный фактический материал, практику мировой революционной борьбы против капитализма в новых исторических условиях, практику перехода от капитализма к социализму, развил учение о переходе от докапиталистических формаций к капитализму, от низших стадий капитализма к высшим, о стадии умирания (капиталистической) общественно-экономической формации, о «механизме» перехода от капиталистической к высшей, коммунистической формации, о стадиях возникновения и формирования новой, коммунистической формации, о единстве и многообразии путей и форм перехода к коммунистической формации.

В процессе этой работы и в борьбе с врагами марксизма В. И. Ленин также обобщил то, что сделали К. Маркс и Ф. Энгельс.

В. И. Ленин, отвечая на потребности нового исторического периода, сконцентрировал усилия на изучении «перезрелого», умирающего капитализма, на переходе от одной формации к другой и на стадиях возникновения и формирования как капиталистической, так и новой, коммунистической формации.

Революционная практическая и теоретическая деятельность В. И. Ленина началась в России, но она с самого начала имела международное значение, ибо Россия

была звеном капиталистической системы. Теоретическое рассмотрение особенностей революционного движения в той или иной стране с позиции творческого марксизма, с позиции диалектического материализма есть всегда вместе с тем и развитие марксизма в целом, ибо особенное и всеобщее существуют не в отрыве друг от друга, а во внутренней связи, внутреннем единстве. Российские условия были особенными условиями, но вместе с тем Россия с конца XIX — начала XX в. стала центром мирового революционного рабочего движения и в этом смысле особые условия революции в России стали непосредственно всеобщими условиями мирового революционного развития.

90-е годы в России ознаменованы подъемом рабочего движения. В рабочую сферу начинают проникать идеи марксизма. Однако в российском освободительном движении господствует народничество. Народники 90-х годов выражали фактически интересы мелкой буржуазии. Доминирование народничества в российском освободительном движении представляло собой серьезнейшее идейное препятствие на пути успешного развития революционной борьбы рабочего класса.

Метод народников 90-х годов вполне соответствовал их социально-классовой позиции, был характерен для идеологии мелкой буржуазии. Идеологи мелкой буржуазии исходили из убеждения, что можно по произволу сохранять хорошие (по их мнению) стороны общества и устранять плохие. Решающими в истории считались воля и желания тех или иных отдельных личностей. Наличие объективных закономерностей в развитии общества отрицалось. Все мелкобуржуазные идеологи, поскольку они выражали реакционную сторону двойственной природы мелкой буржуазии, придерживались субъективно-идеалистического метода в социологии.

В борьбе с ними В. И. Ленин развил учение об общественно-экономических формациях по ряду существенно важных вопросов.

Говоря об этом, нельзя упускать из виду того, что В. И. Ленин опирался на теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса. В борьбе с народничеством, в процессе критики субъективно-идеалистического метода в социологии, критикуя отрицание объективной закономерности, необходимости исторического процесса, В. И. Ленин отстаивает марксистское понимание развития общества как естественноисторического процесса. Он впервые в марк-

сизме дает развернутое определение того, что такое общественно-экономическая формация.

До выдвижения и обоснования идеи о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций социология находилась, строго говоря, на донаучном уровне. Социологи не могли разобраться в сложнейшей сети общественных явлений, вскрыть их закономерные связи, их представления об обществе были хаотическими, во многом произвольными. Пока социологи, пишет В. И. Ленин, «ограничивались идеологическими общественными отношениями (т. е. такими, которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей), они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала»<sup>1</sup>.

Как отмечал В. И. Ленин, «социологи брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, натывались на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время — и останавливались на этом...»<sup>2</sup>. Дело представлялось таким образом, что люди, действуя в качестве сознательных существ, преследуя свои цели, строят свои общественные отношения сознательно. Однако многочисленные наблюдения свидетельствовали о том, что люди бессознательно приспосабливаются к существующей совокупности общественных отношений и их действия приводят нередко к непредвиденным результатам.

Идея о естественно-историческом развитии общественно-экономических формаций, указывает В. И. Ленин, позволила возвести социологию в ранг науки. Марксистская социология поставила вопрос о происхождении «самых этих общественных идей человека...»<sup>3</sup> из материальных общественных отношений. «Анализ материальных общественных отношений (т. е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей...) — анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

<sup>2</sup> Там же, с. 136.

<sup>3</sup> Там же, с. 137.

<sup>4</sup> Там же,

Если прежде не было строгого научного критерия для различения важных и неважных, существенных и несущественных общественных явлений, то «материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты»<sup>5</sup>. Производственные отношения были поняты в качестве основных, определяющих все остальные общественные отношения, все остальные области общественной жизни.

Таким образом, В. И. Ленин включает в понятие «общественно-экономическая формация» отражение повторяющегося, общего в общественных порядках различных стран. Причем речь идет не просто об одинаковости общественных порядков тех или иных стран, а об общем, которое выделяется посредством изучения именно наиболее существенного. Имеется в виду не внешняя повторяемость, а существенно общее в общественных порядках различных стран. Существенно общее существует лишь во внутреннем единстве с особенным и единичным, но вместе с тем существенно общее, особенное, единичное не сводятся друг к другу, они существуют и могут быть познаны в их внутреннем единстве друг с другом и в отличии друг от друга. Выделение существенно общего в общественных явлениях, в общественных порядках различных стран имело огромное методологическое значение, ибо позволило перейти от внешнего рассмотрения истории к подлинно научному исследованию общества — к изучению сущности, от описания — к объяснению общественной жизни. Лишь на основе выделения существенно общего стало возможным также подлинно научное исследование особенного, единичного в общественных порядках различных стран, в общественной жизни. «Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что общее всем им»<sup>6</sup>.

---

<sup>5</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

<sup>6</sup> Там же.

В. И. Ленин особо подчеркивает то обстоятельство, что выделение такого общего в общественных порядках различных стран было осуществлено благодаря применению материализма к пониманию общества.

Понятие общественно-экономической формации включает в себя не только отражение общих для различных стран производственных отношений. Основная идея Маркса о естественноисторическом процессе развития общественно-экономических формаций, пишет В. И. Ленин, предполагает не только «сведение общественных отношений к производственным», но «и этих последних к высоте производительных сил»<sup>7</sup>. Следовательно, в понятие «общественно-экономическая формация» входит и «отражение соответствующей высоты производительных сил».

Определенную систему производственных отношений В. И. Ленин называет лишь скелетом, или содержанием общественно-экономической формации<sup>8</sup>. «Все дело, однако,— замечает В. И. Ленин,— в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной „экономической теорией“ в обычном смысле не ограничился, что — *объясняя* строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облакал скелет плотью и кровью. Потому-то „Капитал“ и имел такой гигантский успех, что эта книга „немецкого экономиста“ показала ... всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»<sup>9</sup>.

Следовательно, в понятие «общественно-экономическая формация» В. И. Ленин включает также все остальные общественные отношения, которые соответствуют определенной целостности, системе производственных отношений, вырастают на почве этой системы и объясняются исключительно этими производственными отношениями.

<sup>7</sup> Там же, с. 138.

<sup>8</sup> См.: Там же.

<sup>9</sup> Там же, с. 138—139.

Однако сказанным не исчерпывается ленинская характеристика понятия «общественно-экономическая формация». Понятие «общественно-экономическая формация» образуется не просто при материалистическом понимании общества, но в процессе диалектико-материалистического осмысления общественной жизни. С позиции диалектико-материалистического метода общественно-экономическая формация предстает как особый, развивающийся, социальный организм. «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации... общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»<sup>10</sup>.

Понимание общественно-экономической формации как особого, исторически определенного социального организма означает, что все его необходимые стороны, элементы и т. п. внутренне взаимосвязаны, взаимодействуют. И притом решающую роль в совокупности этих связей играет — это неизбежно вытекает из всего сказанного выше — именно взаимодействие исторически определенной системы производственных отношений и достигших определенной высоты производительных сил.

Каждая общественно-экономическая формация, будучи особым, исторически определенным общественным организмом, имеет свои особые (исторические) законы. Главная задача исследования общественно-экономической формации с точки зрения диалектического метода состоит в изучении закона развития этого социального организма, его перехода в иную общественную формацию. «Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения»<sup>11</sup>.

На первый взгляд может показаться, что идея есте-

<sup>10</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 165.

<sup>11</sup> Там же, с. 166.

ственно-исторического процесса развития общественно-экономических формаций противоречит фактам сознательной деятельности людей, их активности как сознательных общественных существ. Эту видимость пытались использовать против марксизма народники и многие другие противники марксизма. В. И. Ленин в борьбе с врагами марксизма, изображавшими марксизм в качестве учения, отвергающего будто бы роль личности в истории, конкретизировал и развил марксистское понимание соотношения естественно-исторического развития общественно-экономических формаций и роли личности в истории.

В. И. Ленин подчеркивает, что К. Маркс систематически и детально исследовал лишь одну общественно-экономическую формацию — капиталистическую. Идея естественно-исторического развития общественно-экономических формаций до создания «Капитала» была научной гипотезой, а создание «Капитала» означало ее превращение в научную теорию.

Однако значение Марковского метода объяснения социальных организмов тем не менее отнюдь не ограничивается одним капитализмом. Будучи проверен систематическим и детальным исследованием одной, капиталистической, общественно-экономической формации, он становится научным методом исследования и других общественно-экономических формаций. «Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специально фактическому изучению и детальному анализу... Материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать „единственно научный“, по выражению Маркса („Капитал“), прием объяснения истории»<sup>12</sup>.

Таким образом, идея естественно-исторического развития общественно-экономических формаций, по убеждению В. И. Ленина, не заменяя собой фактического исследования некапиталистических формаций и дальнейшего фактического исследования капиталистической формации,

---

<sup>12</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 143—144.

призвана служить этому фактическому исследованию в качестве метода.

Анализ развития капитализма в России был и анализом особенностей развития российского капитализма и вкладом в марксистскую политэкономия капитализма вообще. Он означал также дальнейшее развитие учения об общественно-экономической формации.

В. И. Ленин исследует главным образом пореформенное развитие России, эпоху, когда происходит переход от феодализма к капитализму и в России начинается доминировать капитализм. Впервые в марксизме В. И. Ленин развернуто анализирует переход от феодализма к капитализму, закономерный переход от одной стадии капитализма к другой.

Формационный анализ общественно-экономического строя России позволил В. И. Ленину выяснить расстановку классовых сил, условия борьбы рабочего класса, выявить возможности, необходимость и пути создания партии нового типа, наметить стратегию и тактику, условия и перспективы победоносной пролетарской революции. Формационное изучение В. И. Лениным общественно-экономического строя России служит теоретической основой стратегии и тактики революционной борьбы рабочего класса в буржуазно-демократической и социалистической революции.

Это изучение дало возможность В. И. Ленину впервые выработать четкую, ясную и верную программу партии рабочего класса. В отличие от Г. В. Плеханова, во взглядах которого явно давало себя знать стремление наложить общую теорию политэкономии капитализма на российскую действительность, В. И. Ленин учитывает своеобразие общественно-экономического строя России, преломление общей теории марксизма через своеобразие положения России.

Своеобразие общественно-экономического строя России В. И. Ленин видел не в сугубо отдельном, не в том, что есть только в России и не может быть ни в какой другой стране. В. И. Ленин пользовался марксистским методом, он исследовал своеобразие России с точки зрения законов общественного развития, всеобщего (производственных отношений, классовой борьбы). А такое исследование по своей природе имеет значение и всеобщее, значение, далеко выходящее за рамки познания только данного особенного.

С самого начала революционная деятельность В. И. Ленина имела международное значение и была по своей сути интернациональной, хотя непосредственно на первом плане стояли задачи, вытекающие из условий России. Первая мировая война изменила акценты. Если раньше В. И. Ленин прежде всего указывал на необходимость учета особенностей развития капитализма в России, то речь в защиту революции о текущем моменте 29 апреля (12 мая) 1917 г. В. И. Ленина начинается следующими словами: «В резолюции о текущем моменте говорить только о русских условиях — ошибка. Война связала нас так неразрывно, что было бы крупной ошибкой, если бы мы игнорировали всю совокупность международных отношений»<sup>13</sup>.

Первая мировая война была результатом, проявлением, формой обострения противоречий всей системы капитализма. Именно в этот период В. И. Ленин создает учение об империализме как высшей стадии капитализма, как капуне социалистической революции, возможности победы социалистической революции в нескольких странах или даже одной, отдельно взятой стране.

В своих исследованиях по империализму В. И. Ленин продолжал марксистское изучение развития капитализма. Ленинское исследование империализма может быть правильно понято лишь как продолжение в новых исторических условиях исследований К. Маркса и Ф. Энгельса.

В. И. Ленин впервые в марксизме дал анализ стадии загнивания и умирания капиталистической общественно-экономической формации. Ранее выделенные стадии были стадиями ее прогрессивного развития. Империализм же есть стадия регрессивного развития капиталистической общественно-экономической формации. Выделение империализма как особой стадии развития капитализма выдвинуло на первый план более широкую, более обобщенную классификацию стадий. Регрессивная стадия, стадия умирания и загнивания капиталистической формации отличается от стадии прогресса капиталистической формации. В свою очередь, прогрессивное развитие капиталистической формации внутри себя имеет ряд стадий.

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали прогрессивное развитие капиталистической формации диалектически: прогресс совершается в единстве с регрессом. Так, капит-

---

<sup>13</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 443.

талистически применяемые производительные силы уже с возникновением капитализма имеют разрушительные тенденции. Однако в общем и целом доминирует прогресс. Зрелость капиталистической формации означает и начало поворота от преобладания прогрессивного развития к преобладанию регрессивного развития.

В. И. Ленин анализирует регрессивное развитие (капиталистической) формации также диалектически, в единстве противоположных тенденций развития: регресс происходит в единстве с прогрессом, но на стадии загнивания и умирания доминирует регресс.

Умирающий капитализм отличается от становящегося капитализма не только дальнейшим развитием общественного характера производительных сил, но преимущественно превращением в свою противоположность некоторых основных свойств капитализма как целого. «Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на... очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями»<sup>14</sup>. «...Товарное производство по-прежнему „царит“ и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано...»<sup>15</sup>.

Именно вследствие того, что в свою противоположность превращаются некоторые основные свойства капитализма как целого, В. И. Ленин пишет об империализме, наряду с определением его как стадии капитализма, так же как об особом общественно-экономическом укладе по сравнению с капитализмом вообще. Именно вследствие этого В. И. Ленин называет империализм капитализмом, переходным к социализму: «...Империализм есть *умирающий* капитализм, *переходный* к социализму: монополия, вырастающая из капитализма, есть *уже* умирание капитализма, начало перехода его в социализм»<sup>16</sup>.

---

<sup>14</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385.

<sup>15</sup> Там же, с. 322.

<sup>16</sup> Там же, т. 30, с. 165.

В. И. Ленин раскрывает не только экономические, но и политические особенности империализма, показывает, что «политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета в связи с гнетом финансовой олигархии и устранением свободной конкуренции...»<sup>17</sup>.

В. И. Ленин обогатил понимание «механизма» революционного превращения капиталистической общественно-экономической формации в коммунистическую, понимание закономерностей этого перехода и их сознательного использования революционными силами. В. И. Ленин исследует не только государство, политику этого периода, но также производственные отношения, связь политики с экономикой, идеологию борющихся общественных сил.

Впервые в марксизме столь конкретно был проанализирован весь процесс революционного перехода от капиталистической общественно-экономической формации к коммунистической с точки зрения практического и сознательного осуществления этого перехода.

В. И. Ленин формулирует более конкретно, чем К. Маркс и Ф. Энгельс, закономерности перехода от капитализма к социализму, конкретизирует марксистское учение о социализме.

В. И. Ленин развивает марксистское учение о переходном периоде от капитализма к социализму, о периоде диктатуры пролетариата.

«В России диктатура пролетариата, — писал Ленин, — неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти могут касаться только не самого главного.

Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат.

Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного, — в едином масштабе громадного государства, — труда с мелким товарным производством

---

<sup>17</sup> Там же, т. 27, с. 403.

и с сохраняющимся, а равно с возрождающимся на его базе капитализмом»<sup>18</sup>.

В лекции «О государстве» В. И. Ленин рассматривает в наиболее обобщенном виде учение об общественно-экономической формации. Здесь он характеризует историческое развитие общества и государства, формационное членение развития общества и в связи с задачей лекции определяет значение (в том числе методологическое) такого подхода: «Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной факт, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии будете правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий и представляет такую массу политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций, что разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии, — особенно связанном с учениями политическими, философскими и прочими буржуазных ученых и политиков, — можно в том только случае, если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах — экономических, политических, духовных, религиозных и т. д.»<sup>19</sup>.

Действительное решение методологических проблем, относящихся к учению об общественно-экономических формациях, невозможно без процесса дальнейшего развития этого учения. А дальнейшее развитие учения о формациях с необходимостью предполагает исследование фактов, доставляемых современными конкретными науками, в единстве с исследованием закономерностей возникновения и развития учения о формациях в работах классиков марксизма-ленинизма. Ленинские идеи стали прочным фундаментом дальнейшего развития учения об общественно-экономических формациях.

---

<sup>18</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 272.

<sup>19</sup> Там же, с. 71—72.

Существенный вклад, внесенный в это учение КПСС, другими братскими партиями, определяется задачами практической борьбы за переход к социализму и коммунизму, ибо современная эпоха, пачавшаяся Великой Октябрьской социалистической революцией — «эпоха революционного обновления мира, эпоха перехода к социализму и коммунизму»<sup>20</sup>.

КПСС, другие братские партии, основываясь на ленинских идеях, конкретизировали взгляды на содержание современной эпохи, развили марксистско-ленинские воззрения на стадию умирания, загнивания старого общества — выделили и рассмотрели новые этапы общего кризиса капитализма, разработали дальше вопросы о переходе к социализму, минуя капитализм, о построении основ социализма, об общих закономерностях и национальных особенностях перехода к социализму; создали концепцию развитого социалистического общества.

На XXVI съезде КПСС были намечены научно обоснованные перспективы развития зрелого социализма в экономической, социально-политической и духовной областях жизни общества. Существенно важным является положение, сформулированное в Отчетном докладе ЦК КПСС о том, «что становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма»<sup>21</sup>.

Таким образом, развитие учения об общественно-экономических формациях КПСС, другими братскими партиями осуществляется в нескольких основных направлениях: изучение процесса умирания, загнивания капитализма, перехода к социализму развивающихся стран, минуя капитализм, стадий развития социализма, становления коммунистической формации, общего и особенного в процессе перехода к социализму и коммунизму.

---

<sup>20</sup> Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речь и статьи. М., 1978, т. 6, с. 577.

<sup>21</sup> Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 53.

---

## Раздел второй

# МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

---

### Глава первая

## АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ «ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ»

### 1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ» В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Содержание марксистско-ленинской теории общественно-экономической формации невозможно раскрыть без определения исходной категории.

Следует отметить, что разработка теории общественно-экономической формации советскими философами имеет свою историю. Наблюдались периоды, когда это учение разрабатывалось весьма интенсивно, в другое время интерес к нему несколько снижался. Однако в целом работы по теории общественно-экономической формации выходили в свет регулярно; эта теория широко освещалась в учебной и справочной литературе, в научных монографиях, статьях.

Несмотря на наличие довольно обширной литературы, строго однозначного определения этой категории пока нет. Само по себе отсутствие идентичности в определениях не свидетельствует, по нашему мнению, о разных теоретических позициях авторов. Думается, что в связи с определением категории «общественно-экономическая формация» чаще всего речь идет о различии в формулировках, чем о понимании сущности проблемы. Вместе с тем встречаются и расхождения более существенного порядка.

С сожалением можно констатировать, что хотя в большинстве философских работ об общественно-экономической формации мы обнаруживаем определение категории «формация», но в то же время теоретический анализ определения как правило отсутствует. Это приводит к тому, что иногда определение формации включает в себя противоречия, причем отнюдь не диалектические.

Первый вопрос, который подлежит выяснению при определении категории «общественно-экономическая формация», касается *уровня теоретической абстракции*. По этому поводу в нашей литературе встречаются две позиции, которые иногда рассматриваются как тождественные, хотя на самом деле между ними есть различие.

Одна позиция: формация определяется как «конкретно-историческое общество»<sup>1</sup>, как общество на известной (определенной) ступени исторического развития<sup>2</sup>.

Другая позиция: формация — качественно определенный, исторически-конкретный тип общества<sup>3</sup>.

Первая формулировка, на наш взгляд, страдает известной неопределенностью. Эта неопределенность связана с возможностью вложить разный смысл в само понятие «общество».

«Общество» может рассматриваться как теоретическая абстракция высокой степени общности, в которой фиксирована противоположность общества природе и некоторые сущностно общие черты, свойственные любой общественной организации. Таково содержание «общества» как *общего* понятия. Оно достаточно бедно по содержанию и выполняет ту же функцию, что, например, и понятие «производство вообще», в котором фиксировано то повторяющееся, что свойственно материальному производству на любом этапе общественного развития. Такие понятия необходимы. К. Маркс отмечал, что они выполняют определенную познавательную функцию, избавляя нас от повторений и т. п.

<sup>1</sup> См.: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1968, с. 36; Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Курс исторического материализма. М., 1969; Джунусов М. С. Общественно-экономическая формация как категория исторического материализма. Фрунзе, 1959, сб. I, с. 22—23; Куликов Е. С. Что изучает исторический материализм: Общественно-экономическая формация. Волгоград, 1969, с. 24.

<sup>2</sup> См.: БСЭ. 2-е изд., 1954, т. 30, с. 419; МСЭ. 3-е изд., т. 6, с. 782.

<sup>3</sup> Мишин В. И. Общественный прогресс. Горький, 1970, с. 57; Спиркин А. Г. Курс марксистской философии. М., 1966, с. 346.

Разумеется, что общее понятие «общество», каким оно употребляется в марксистско-ленинской философии, нужно отличать от понятия «общество вообще» как категории домарксистской социологии. В это понятие вкладывается совершенно определенный смысл, проистекающий из сущности идеалистической социологии. «Общество вообще» связывалось с неизменной, биологически предопределенной природой человека; конечной определяющей причиной общественной жизни полагалось общественное сознание, само общество рассматривалось как внеисторическая категория. «Общество» как общее понятие марксистской философии — это нечто принципиально иное. Оно базируется на материалистическом понимании общественной жизни, неразрывно связано с признанием социальной сущности человека и принципом историзма.

Понятие «общество» в марксистско-ленинской философии имеет и другое содержание. Оно может означать конкретное, отдельное общество в его временных и пространственных границах, например, страна, группа стран, регион и т. п. в единстве общего, особенного и единичного.

Эти различные аспекты толкования понятия «общество» не исключают друг друга, они неразрывно связаны между собой. Так, «общество» как общее понятие является теоретической абстракцией от реальных отдельных обществ, развитие которых в глобальном масштабе представляет собою всемирно-исторический процесс.

Уточнив понятие «общество», вернемся к определению категории «формация», как общества на исторически определенной ступени развития. Какой смысл вкладывается в понятие «общество» в данном случае?

Если «общество» рассматривается как теоретическая абстракция, фиксирующая общие, повторяющиеся черты различных отдельных обществ, то с некоторыми оговорками можно принять такое определение. Здесь понятие «общество» выступает как родовое по отношению к категории «формация», в которой фиксируются сущностно общие черты обществ лишь исторически определенного типа. Если же под «обществом» понимать отдельные общества (иногда именуемые в нашей философской и исторической литературе «социальными организмами») и их совокупности, развивающиеся в ходе всемирно-исторического процесса, обладающие признаками общего, особенного и единичного, то определение формации как общества на определенном этапе исторического развития бу-

дет, на наш взгляд, ошибочным. Категория «формация» и «отдельное общество» окажутся однопорядковыми по уровню абстракции. В случае совпадения здесь характера и содержания категорий «формация» и «отдельное общество» надобность в одной из них исчезает. С одной стороны, «формация» в таком случае может превратиться лишь в наименование для группы реально существующих или существовавших отдельных обществ и тем самым теряет свое собственное содержание, связанное с фиксированием сущности общих черт отдельных обществ определенного типа. С другой стороны, понятие «общество» может оказаться ненужным, стать синонимичным понятию «формация».

Подобного рода явления наблюдались в нашей литературе. Некоторые авторы пытались отказаться от понятия «общество», сохранив только категорию «общественно-экономическая формация». «В марксизме, например,— отмечал В. Г. Яковлев,— нет научного понятия „общество“, ибо оно является внеисторическим и совершенно абстрактным»<sup>4</sup>. В научных исследованиях он предлагал оперировать только категорией «общественно-экономическая формация», которая «...отражает конкретно-научное понимание общественной жизни, в корне отличное от расплывчатого, неопределенного понятия „общество“ вообще, которое может скрывать под собой любую ступень общественной жизни»<sup>5</sup>. Кстати, аналогичная точка зрения излагалась в «Философском словаре»<sup>6</sup>.

Иногда отвергают применимость в марксистско-ленинской философии общего понятия «общество» на том основании, что его смешивают с идеалистическим и внеисторическим понятием «общество вообще». В данном случае возражение отнесется к правомерности употребления общего понятия «общество». Такого рода взгляды были подвергнуты в нашей литературе убедительной критике. Ю. К. Плетников отмечал, что К. Маркс не отказался от «понятия общество, какова бы ни была его форма»<sup>7</sup>. Он показал, что понятие «общество» в историческом материа-

---

<sup>4</sup> См.: Яковлев В. Г. Общественно-экономическая формация. Алма-Ата, 1963, с. 5.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> См.: Философский словарь. М., 1968, с. 186, 254 и др.

<sup>7</sup> См.: Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М., 1971, с. 57.

лизме необходимо по крайней мере в двух значениях: во-первых, общество как материальное образование, отделившееся от природы и соотносимое с нею, во-вторых, общество как совокупность отдельных обществ, «социальных организмов», которые участвуют в реальном историческом процессе и создают пеструю картину многообразных проявлений фактов, событий и т. п. Общество в таком его понимании характеризуется признаками общего, особенного и единичного<sup>8</sup>.

Особенно важно различать понятия «общество» и «общественно-экономическая формация» для правильного понимания соотношения исторического и логического в историческом процессе, когда «общество» означает многообразие исторического процесса, а учение об общественной «формации» раскрывает его сущность. С таким разграничением неразрывно связана методологическая функция теории общественно-экономической формации по отношению к исторической науке.

Именно потому, что определение формации как общества на определенной ступени исторического развития таит в себе опасность смешения исторического и логического, предпочтительнее такое определение: *формация — это исторически конкретный тип общества*. Эти определения внешне весьма сходны. Поэтому хотелось бы еще раз подчеркнуть их различие. В первом случае формацию легко отождествить с отдельным обществом как единством общего, особенного и единичного, с историческим процессом во всем многообразии его событий. Для обозначения такого многообразия в историческом материализме есть иная категория — «историческая эпоха». Во втором же случае подчеркивается, что категория «формация» фиксирует типичные, сущностно общие черты, свойственные отдельным обществам, находящимся на одинаковой ступени развития. Формация и представляет собой эти ступени развития.

Еще одно пояснение в пользу характеристики формации как определенного типа общества. Подчас в философской и исторической литературе не различают понятия «тип общества» и «общество определенного типа». Между тем разница между ними весьма существенная. Когда мы говорим о *типе* общества, то имеем в виду совокупность некоторых сущностных признаков, которые харак-

<sup>8</sup> См.: Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М., 1971, с. 57—58.

теризуют первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм и коммунизм. Это своего рода видовое понятие, которое раскрывает существенные черты, свойственные определенной группе предметов. В соответствии со своей логической природой это понятие обретает определенную классификационную методологическую функцию. Что же касается «общества определенного типа», то это понятие используется для характеристики, например, отдельной страны, обладающей признаками того или иного формационного типа. Например, Англия, Франция, США — страны капиталистического типа.

Резюмируем сказанное. «Формация» — это исторический тип отдельного общества. Отдельные страны, регионы и т. п., в которых доминируют черты, свойственные определенной конкретно-исторической формации, — это страны, регионы и т. п., обладающие определенной формационной принадлежностью. Например, современные США, Англия, Франция относятся к капиталистической формации или к обществу капиталистического типа. Сама же капиталистическая формация фиксирует сущностно общие черты, свойственные капитализму как ступени исторического процесса, независимо от его особенностей в отдельных странах.

Причина противоречивого понимания категории «формация», кроется в отсутствии четкого определения содержания категории «общество». Такое положение сложилось довольно давно. Еще в 30-х годах появилась тенденция не проводить различия между обществом и формацией. Считалось, что достаточно включить в понятие «общество» момент историзма, указать на особую ступень в его развитии, как тут же получится категория «формация». Однако вопрос о соотношении понятий «общество» и «формация» более сложен. Определяя последнюю, нельзя упускать из вида двойственное смысловое значение слова «общество», что подчас незаметно приводит к подмене понятий.

Так, утверждение, что понятие «общество» является родовым по отношению к «общественно-экономической формации», верно лишь в том случае, когда первое понимается как теоретическое обобщение, фиксирующее отличие общества от природы и существенные черты организации общественной жизни независимо от ступени развития. Элементами общественной организации в этом случае будут производство, экономический базис, надстройка

и т. п. Важнейшая черта учения об общественно-экономической формации — исторический подход к анализу общества. Отмеченный признак составляет то видовое отличие, которое характеризует «формацию» по отношению к родовому понятию «общество». Именно в таком контексте общественно-экономическая формация является конкретпо-исторической ступенью в развитии общества. Это реальная ступень развития всемирно-исторического процесса в его глубинном, сущностном выражении.

Одним из первых эту проблему исследовал Ю. И. Семенов, который показал, что понятие той или иной формации фиксирует типологические особенности, свойственные группам стран<sup>9</sup>. В философской и исторической литературе такой подход находит все более широкое признание. Важность разграничения понятий «формация» и «конкретное общество» подчеркивает Ю. В. Качановский. Г. З. Сейфуллина на основе изучения теоретического наследия В. И. Ленина показала, что он нигде не употреблял термин «формация», если речь шла о конкретных этапах общественного развития в его историческом многообразии. В последнем случае он употреблял иные термины: общество, эпоха, строй, уклад и т. д.<sup>10</sup>

В литературе по историческому материализму все чаще используется категория «историческая эпоха»<sup>11</sup>, которая позволяет еще более строго оттенить содержание категории «формация».

В качестве критерия для их разграничения берется уровень исторической действительности, который они отображают. Можно считать почти общепризнанным такое их соотношение: термин «формация» характеризует сущность определенного отрезка истории, «историческая эпоха» раскрывает историческое многообразие во всей его сложности. «В отличие от понятия „общественно-экономической формации“, характеризующей определенную ступень развития общества, понятие исторической эпохи более конкретно выражает многообразие процессов, совершающихся в данное время на данном этапе истории»<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> Семенов Ю. И. Теория общественно-экономической формации. — Народы Азии и Африки, 1970, № 5, с. 87—88.

<sup>10</sup> См.: Актуальные проблемы исторического материализма. М., 1971, с. 58.

<sup>11</sup> Термин «эпоха» также имеет различные смысловые значения. В данном случае «историческая эпоха» употребляется в том смысловом значении, которое соотносимо с категорией «формация».

<sup>12</sup> См.: Основы марксистско-ленинской философии. М., 1973, с. 287.

А. Г. Спиркин отмечает, что «понятие исторической эпохи является более конкретным по сравнению с понятием общественной формации»<sup>13</sup>. По мнению И. Я. Давыдова, эпоха в отличие от общественно-экономической формации охватывает не только общую закономерность, но и все исторические явления того или иного периода истории. Эти явления могут быть случайными, нетипичными, поскольку реальная жизнь включает и эти явления<sup>14</sup>.

Следовательно, определенный конкретно-исторический процесс общественного развития отображается понятием «историческая эпоха», тогда как категория «общественно-экономическая формация» фиксирует общие, сущностные, повторяющиеся черты, свойственные отдельным странам, находящимся примерно на одинаковом уровне развития. Такое понимание уровня теоретической абстракции категории «общественно-экономическая формация» должно быть включено в ее определение. Тем самым подчеркивается ее своеобразие и специфическая познавательная функция по сравнению с соотносительными категориями иного уровня, такими, как «общество» и «историческая эпоха».

Учению об общественно-экономической формации свойствен конкретно-исторический взгляд на общество который в основном был чужд домарксистской социологии. Этот конкретно-исторический взгляд противопоставлялся абстрактно-умозрительному представлению о качественно-неизменном «обществе вообще». Выделялись конкретно-исторические типы организации общественной жизни, что являлось важным признаком формации. Большинство авторов, определяя формацию,ряду с указанием на ее конкретно-исторический характер, выделяют по крайней мере еще три существенных признака: материалистический характер объяснения общественной жизни, характеристику структуры формации, указание на диалектичность исторического процесса. Учитывая сказанное, можно предложить следующее определение: общественно-экономическая формация — это конкретно-исторический тип общества и этап всемирной истории, представляющий собой социальную систему, детерминированную способом производства. Она подчиняется объективным

---

<sup>13</sup> Спиркин А. Г. Курс марксистской философии, с. 347.

<sup>14</sup> См.: В. И. Ленин и проблемы строительства коммунизма. Горький, 1970, с. 57.

законам возникновения, функционирования и перехода к более прогрессивному типу. Представляется также, что определение само по себе не позволяет достаточно полно раскрыть содержание данной категории, ее место в системе категорий исторического материализма. Чтобы разобраться в этом, необходимо продолжить философский анализ общественно-экономической формации.

## 2. УЧЕНИЕ ОБ ОБЩЕСТВЕННО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ И ПРОБЛЕМА ЛОГИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО

Определение «общественно-экономической формации» как категории находит дополнительное основание в анализе соотношения логического и исторического. В последние годы появился ряд новых философских работ по вопросам соотношения логического и исторического, которые позволяют глубже понять их взаимодействие и проясняет целый ряд проблем философско-методологического характера, по поводу которых продолжаются дискуссии на страницах журнальных статей и монографий, касающихся теории общественно-экономической формации.

Предварительно несколько слов о соотношении логического и исторического в философско-социологическом плане. В нашей литературе выделяются по крайней мере четыре аспекта их взаимодействия.

Одним из таких аспектов можно считать онтологический, который позволяет понять взаимодействие внутренней логики общественного развития и реального многообразия исторического процесса, его сущности и проявлений, необходимости и случайности, общего и особенного и т. п. Второй аспект гносеологический. Здесь логическим моментом выступает теория, объективная логика истории фиксируется в теоретической форме, постигающей сущность общества. «В гносеологическом смысле взаимодействие логического и исторического понимается как отношение... исторического бытия к теоретическому его отражению»<sup>15</sup>. Третий аспект — методологический: соотношение логического и исторического методов исследования<sup>16</sup>. Четвертый аспект связан с системой общественознания и

<sup>15</sup> Материалистическая диалектика: Краткий очерк теории. М., 1980, с. 224.

<sup>16</sup> Анализ этой проблемы см.: Там же, с. 224—229; Кумф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика: Основные принципы и проблемы. М., 1979, с. 144—146.

разделением предметов общественных наук. Разграничение логического и исторического в этом плане особенно наглядно проявляется в соотношении предметов исторического материализма и исторической науки. Если исторический материализм анализирует сущность исторического процесса в его общей форме, то историческая наука нацелена на исследование всего многообразия фактов реальной истории. Причем, когда мы говорим об исторической науке, то следует иметь в виду не только гражданскую историю, но и весь широкий спектр исторических дисциплин, включенных в систему общественнознания. Так, в отдельных его отраслях, например, в юриспруденции, политической экономии и других есть свои исторические циклы <sup>17</sup>.

Соотношение логического и исторического — это одна из сложнейших проблем общественнознания, которая может быть решена главным образом философскими средствами, так как речь идет о соотношении сущности и явлений в историческом процессе, понятий (теории) и действительности, субординации наук в социальном познании. Все это — проблемы философского характера. Попытаемся более подробно представить выделенные аспекты логического и исторического и их соотношение. Начнем с онтологического аспекта. В работах основоположников марксизма-ленинизма, а также в философской и исторической литературе нередко встречаются выражения: «логика истории», «объективная логика общественного развития», «внутренняя логика хозяйственной эволюции» и т. д. <sup>18</sup> Этими формулировками характеризуется логическая сторона исторического процесса. Историческими в этом случае будут внешняя сторона общественного развития, совокупность явлений, фактов, событий, сопровождающих действительный ход истории. Что же следует понимать под объективной логикой истории? Поскольку логика в обычном смысле слова — наука о мышлении, то это положение

---

<sup>17</sup> Следует отметить, что проблема исторического и логического относительно всей системы общественнознания еще недостаточно разработана.

<sup>18</sup> О внутренней объективной логике хозяйственной эволюции, изменений капиталистического хозяйства писал В. И. Ленин. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 335.

подчас толкуется в прямом смысле, как это делал, например, Г. Гегель. Согласно его взгляду, объективное божественное мышление, логика его развития определяют весь ход исторического процесса.

Основоположники марксизма-ленинизма, разработавшие материалистическое понимание истории, вкладывали, естественно, совершенно иной смысл в рассматриваемые формулировки. Под внутренней логикой общественного развития они понимали необходимую последовательность в смене общественных форм, в которой выражается закономерный характер исторического процесса. Это — внутренне глубинное его содержание, не зависящее от общественного сознания людей и подчиняющееся объективным законам. Именно в таком смысле основоположники марксизма-ленинизма говорили об объективной логике истории, которая прокладывает себе дорогу через многообразие исторических случайностей.

Итак, онтологический подход к познанию общественной жизни связан с объяснением содержания реального исторического процесса. Объективные законы истории здесь представляют логическую сторону процесса общественного развития, а многообразие событий, наблюдаемых на его поверхности, — историческую. Соотношение исторического и логического под этим углом зрения раскрывается как взаимодействие многообразия фактов реальной истории, составляющих ее внешнюю сторону, и глубинной ее стороны, в которой скрыта ее сущность. К глубинной стороне общественной жизни и ее истории относятся конкретно-исторические формации как ступени общественного развития. В чем же особенность гносеологического аспекта различения логического и исторического? Эта особенность состоит в своеобразии самой познавательной задачи. Так, если онтологический угол зрения нацеливает познание на анализ содержания исторического процесса, то гносеологический раскрывает механизм отражения этого процесса в логике понятий. Одной из наиболее существенных проблем здесь становятся проблема природы понятий, характер их формирования и соотношения с действительностью, а также пути и способы воспроизведения действительности в понятиях. Центральное место в кругу гносеологических проблем принадлежит проблеме формирования научных теорий. Мы рассмотрим характер формационной теории, способы ее построения и соотношение с историческим процессом.

Теория общественно-экономической формации отражает глубинную сторону общественной жизни и ее развития, которая составляет логический уровень истории общества. Теоретическое описание этого уровня, отражение в понятиях сущности исторического процесса представляют собой сложный процесс, который исследуется в теории познания. К гносеологическому аспекту соотношения логического и исторического относится и механизм приобретения теоретически осмысленного конкретного знания о многообразии исторического процесса во всей сложности.

С гносеологическим различием логического и исторического тесно связан методологический аспект, который объясняет соотношение логического и исторического способов исследования. Логический способ освобождает исследователя от необходимости повсюду следовать за историей. Исторический же метод не освобождает нас от исторической формы. Следовательно, анализ естественно-исторического процесса смены общественно-экономических формаций может осуществляться с позиций логического метода.

Наконец, различие исторического и логического в системе научного знания проявляется в дифференциации общественных наук, в выделении общетеоретической философской науки об обществе и отраслевых наук. В нашу задачу не входит подробное освещение данной проблемы, поэтому в целях ее пояснения ограничимся примером соотношения исторического материализма и исторической науки в аспекте соотношения исторического и логического. Если исторический материализм анализирует сущность исторического процесса в его всеобщей форме, то теория и методология исторической науки нацелены на исследование всего многообразия проявлений реальной истории. Как отмечал П. Н. Федосеев, историческая наука «раскрывает действие и соотношение общесоциологических законов и законов функционирования и развития конкретных социально-исторических систем... специфические проблемы историографии — проблему факта, исторической периодизации и др.»<sup>19</sup>.

Различие исторического и логического вместе с тем предполагает и их единство. Иначе говоря, их соотношение носит диалектический характер, т. е. нельзя понимать различие исторического и логического как абсолютную

<sup>19</sup> Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978, с. 582—583.

противоположность, разделяющую их непреодолимой стеной, точно так же их единство не есть метафизическое тождество, лишенное различия.

Единство логического и исторического в онтологическом аспекте раскрывается в том, что в реальной действительности они не могут существовать порознь, поскольку они представляют собой лишь стороны единого процесса развития общества. Сущность имеет реальное бытие только в форме явления. Сущность явления в том, что оно — превращенная сущность, ее проявление, ее непосредственная реальность<sup>20</sup>. В этой связи В. И. Ленин отмечал в «Философских тетрадах», что сущность является, а явление существенно. Единство явления и сущности выражается также в том, что они выступают как стороны отдельных предметов. В данном случае логическое и историческое — это стороны развития отдельных реальных обществ. Внутренняя сущность исторического процесса не может существовать изолированно от развития отдельных конкретных обществ, обладающих реальным бытием в историческом пространстве и времени. Эта внутренняя сущность выступает лишь как сущностно-общее в отдельном. «Общее, — писал В. И. Ленин, — существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного»<sup>21</sup>. В гносеологическом аспекте взаимопроникновение обнаруживается в соотношении логических понятий, теории с исторической действительностью.

Поскольку теория общественно-экономической формации абстрагируется от случайных форм проявления объективной логики истории, то может показаться, что в теоретическом знании логическое отрывается от исторического. На самом деле внутреннее единство логического и исторического продолжает сохраняться. Оно проявляется в том, что все богатство отдельного, особенного и единичного, в снятом виде присутствует в содержании теоретических абстракций исторического материализма и в разработанной на их основе теории. В «Философских тетрадах» В. И. Ленин назвал «прекрасной формулой» вывод, сделанный Гегелем в процессе анализа природы понятий в диалектической логике: «Не только абстрактно

<sup>20</sup> См.: Чернов В. И. Анализ философских понятий. М., 1966, с. 121.

<sup>21</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного». И в скобках он сделал вывод: «(...все богатство особого и отдельного)!»<sup>22</sup>.

Единство логического и исторического в гносеологическом аспекте проявляется также в том, что учение об общественно-экономической формации выступает средством теоретического осмысления всего конкретного многообразия общественной жизни и ее исторического движения; конкретное, логически осмысленное, знание об обществе и историческом процессе представляет собою цель и итог социального познания, теория (логическое) выступает необходимым условием достижения конкретного знания об обществе, т. е. знания об историческом многообразии.

Что касается логического и исторического методов исследования, то их единство убедительно показал Ф. Энгельс. Он выдвинул и обосновал мысль, что логический метод исследования является не чем иным, как «тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей»<sup>23</sup>. Единство логического и исторического проявляется и внутри системы общественных наук. То обстоятельство, что в результате дифференциации научного знания исторический материализм рассматривает по преимуществу логическую сторону исторического процесса, а историческая наука — историческое многообразие общественного развития, совсем не означает, что в результате разделения труда в общественном знании учитывается только различие логического и исторического. На самом же деле невозможно развивать общую теорию исторического процесса, включающую в себя учение об общественно-экономической формации, без анализа данных истории и других отраслевых общественных наук. И наоборот, логически осмысленное, конкретное знание о многообразии исторических событий, относящихся к различным сторонам общественной жизни, не может быть получено без общей теории исторического процесса. В этом суть развития общественности как целостной системы и основание союза исторического материализма и отраслевых общественных наук.

Анализ единства и различия логического и исторического позволяет перейти к более обстоятельному рассмотрению

<sup>22</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 90.

<sup>23</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497.

рению гносеологического и методологического аспектов этой проблемы, показать существо категории общественно-экономической формации, которая в развитой форме превращается в теорию, — в ее отношении к действительному историческому процессу.

### 3. СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ И РЕАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Учение об общественно-экономической формации как важнейшая составная часть теории исторического процесса дает объяснение общей логики поступательного движения истории. Тем самым учение о формации предстает в качестве абстрактно-теоретической концепции, которая описывает сущность реального процесса развития общества.

Природу и содержание категории «общественно-экономическая формация» можно выяснить, обратившись к процессу ее формирования основоположниками марксизма. Разрабатывая принципиально новое учение, К. Маркс и Ф. Энгельс исходили не только из анализа фактов действительности, но и из критического переосмысления теорий своих предшественников.

Критический анализ предшествующего мыслительного материала означал преодоление его ограниченностей и сохранение позитивных выводов, которые в переработанном виде превращались в исходные принципы, определяющие становление новой теории.

Предпосылки нового, подлинно научного понимания характера исторического процесса подготавливались в истории философии главным образом двумя подходами к объяснению общественной жизни.

К одному из них принадлежали французские материалисты XVIII в. Их стремление объяснить устройство общественной жизни естественными причинами, «обстоятельствами», которые формируют сознание людей и их нравственный облик, послужило предпосылкой для создания материалистического объяснения истории.

Французские материалисты еще не отождествляли «обстоятельства» с материальным производством. «Обстоятельства» понимались ими как совокупность всех жизненных условий, оформленных законодательством. Законодательство выражало общий интерес, индивидуальные цели и стремления — частный. Обстоятельства оказы-

вали дурное влияние на человеческую нравственность, если появлялось противоречие между общим, законодательно-оформленным и частным интересами. Благодаря дурным обстоятельствам и воспитанию люди становятся злонаправленными. Следовательно, если «характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими»<sup>24</sup>. Но для изменения обстоятельств нужно измененное сознание. Идеалистический подход не мог вывести эту концепцию из порочного круга, поэтому разрешение противоречия оказывалось чисто иллюзорным. Характер необходимых общественных преобразований пытались понять из врожденных биологических качеств, извечно присущих людям и именуемых «человеческой природой». На этой почве выдвигались утопические проекты социальных преобразований, которые не имели никакого отношения к реальным тенденциям общественного развития. Сам же подход к теоретическому анализу общественной жизни оказывался явно антиисторическим.

Другое направление в объяснении общественной жизни наиболее ярко было представлено пемецкой классической философией. Представители этого течения, оставаясь на позициях идеализма, пытались объяснить историю человечества как всемирно-исторический процесс, объединенный внутренней логикой развития и необходимостью.

Один из известных философов-гуманистов XX столетия Альберт Швейцер так характеризовал отмеченное направление в развитии философии истории: «На место этического доктринерства, считавшего современность лишь материалом для воплощения теоретических набросков лучшего будущего, пришло историческое толкование существующих условий, подготовленное уже философией Гегеля»<sup>25</sup>. Это историческое толкование было неразрывно связано с идеалистической диалектикой Гегеля. Из диалектического подхода вытекал принцип историзма, а идеалистическая интерпретация этого принципа определяла его ограниченности. Гегелевский историзм позволил поставить вопрос о внутренней объективной логике процесса общественного развития, о закономерном характере исто-

---

<sup>24</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 145—146.

<sup>25</sup> Швейцер А. Культура и этика. М., 1973, с. 36.

рин. Гегель попытался выделить качественно-определенные ступени в развитии мировой истории, в основе которых лежал свой собственный определенный принцип. Правда, принцип этот вытекал из идеалистического подхода и был достаточно расплывчатым. Таковым принципом для Гегеля был «дух народа». «Дух народа» в своей качественной определенности характеризовал все стороны общественной жизни: религию, политический строй, нравственность, правовую систему, науки, искусства, техническое умение.

Диалектический взгляд на общественную жизнь позволил Гегелю подметить преемственность между ступенями общественного развития. Эта связь лежала в основе понимания всемирной истории. Первым этапом всемирной истории он называл Восток, отождествлявшийся им с деспотизмом, вторым — греческий и римский миры (демократия и аристократия), третьим — германский мир (монархия). Гегель различал сущность исторического процесса и ее проявления в разного рода случайных формах. Тем самым он открывал путь к разработке теории исторического процесса на сущностно-общем уровне. Однако гениальные догадки об объективной логике общественной эволюции, связанные с различием сущности и явлений, о механизме исторического прогресса, о критериях выделения качественно особых ступеней общественной эволюции, само выделение этих ступеней и т. п. были еще очень далеки от подлинно научного объяснения истории. Такому объяснению исторического процесса мешал идеализм и ограниченность социально-классовых позиций философа. Поэтому объяснение истории оказывалось извращенным как в его общей оценке, так и в отдельных деталях. Нащупывание правильных методологических принципов анализа исторического процесса из-за идеалистического подхода не вышло за рамки лишь постановки определенных проблем, которые не получили, однако, подлинно научного решения.

Оценивая значение взглядов Гегеля на общественную жизнь, Ф. Энгельс писал: «...история человечества уже перестала казаться диким хаосом бессмысленных насилий, в равной мере достойных — перед судом созревшего ныне философского разума — лишь осуждения и скорейшего забвения; она, напротив, предстала как процесс развития самого человечества, и задача мышления свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные сту-

пени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей»<sup>26</sup>.

Для нас безразлично, продолжал далее Ф. Энгельс, что гегелевская система не разрешила этой поставленной задачи, ее великая заслуга состояла в том, что она поставила эту задачу. Гегель не смог решить эту проблему, так как был идеалистом. Поэтому все у него было поставлено на голову и действительная связь мировых явлений была совершенно извращена.

Критический разбор предшествующих теорий являлся необходимой процедурой на пути построения новой теории. Однако для выведения ее основополагающих принципов большое значение имел также анализ реального исторического процесса. Невозможность научно объяснить общественную жизнь с позиции идеализма и метафизики привела к созданию материалистического понимания истории, органически слитого с диалектическим методом. Диалектико-материалистический подход к объяснению общественной жизни стал основанием для построения теории общественно-экономической формации, позволил отличить главное от неглавного в общественной жизни и историческом процессе. Он дал возможность выделить производственные отношения как экономическую структуру и определяющую сторону общественной жизни, причем эта определяющая сторона была объективной реальностью по отношению к общественному сознанию людей. Обоснование данного материалистического положения позволяло сделать заключение о возможности построения теории общества, обладающей объективным содержанием.

Применение диалектико-материалистического метода к анализу исторического процесса создало условия для открытия повторяемости в истории, кажущееся отсутствие которой служило главным аргументом для тех, кто отрицал возможность получения теоретического знания об обществе, аналогичного естественнонаучным теориям. Повторяемость была обнаружена в формах собственности на средства производства, которыми характеризовались производственные отношения в отдельных странах. Это обстоятельство позволило сгруппировать страны по признаку однотипности производственных отношений, опреде-

---

<sup>26</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 206.

лить общие черты в их организации, тем самым открыть путь к научной классификации общественной жизни. «Анализ материальных общественных отношений, — отмечал В. И. Ленин, — сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им»<sup>27</sup>.

Таким образом, категория «общественно-экономическая формация» явилась результатом обобщения, но не простого эмпирического обобщения. Ее формирование обуславливалось вычлениением глубинной сущностной стороны отдельных обществ, определяющихся единственными производственными отношениями. Дальнейшая процедура построения теории связана с теми логическими приемами, которые позволяли вычленить сущность отдельных обществ определенного типа и внутреннюю логику исторического процесса.

Советскими философами и логиками написано достаточно большое количество работ по проблемам диалектико-материалистической теории познания, где убедительно раскрывается природа теоретического знания и логические приемы построения теории. Особый интерес представляют работы последних лет. Из исследований логического и гносеологического характера следует, что теория в общественном знании строится по тем же правилам, что и в естественных науках. Разумеется, что в каждой из указанных областей теоретическое знание и способы его построения имеют свою специфику, но она не устраняет общего: сущность любой области действительности обнажается с помощью примерно одних и тех же логических средств<sup>28</sup>. Этот вывод особенно важен для понимания учения о формации, которое по общему признанию отражает сущность общественной жизни и исторического прогресса и, следовательно, может быть выражено только языком теории.

<sup>27</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

<sup>28</sup> Общее и особенное в построении теоретического знания об обществе специально анализируется в статье Д. П. Горского «Различные сферы познания и практика». — Вopr. философии, 1981, № 1, с. 105—110.

В этой связи приведем вывод В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, сделанный ими в недавно вышедшей монографии, где они подчеркивают, что формация есть категория исторического материализма<sup>29</sup>. «При изучении конкретной истории, — отмечают В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон, — следует обязательно учитывать, что понятие «формация» отражает и характеризует сущность исторического процесса, его единство или внутреннюю логику развития, а не конкретную реальность во всем ее многообразии»<sup>30</sup>. Таких же взглядов придерживается Ю. В. Качановский. «Главная особенность понятия формации в том, — пишет он, — что оно отражает только важные, только существенные явления, т. е. только такие принципиальные особенности социальных порядков, которые в основном единообразно повторяются в разных странах и которые можно обобщить»<sup>31</sup>.

С признания, что в учении об общественно-экономической формации отражается сущность исторического процесса и каждого из качественно-особых конкретно-исторических этапов его развития, начинается понимание этого учения как теории. Дело в том, что сущность природных или исторических явлений не дается в эмпирическом опыте. Поэтому теорию нельзя построить исходя только из обобщения эмпирического опыта. В нашей же литературе в неявной форме иногда проводится мысль, что знания о сущности исторического процесса и его этапов есть продукт простого обобщения фактических данных истории. Отмежевываясь от такого понимания и имея в виду процедуру познания сущностных черт действительности, Ю. И. Семенов подчеркивал, что выявить «внутреннюю объективную необходимость любого реального процесса можно, лишь освободив его от той конкретно-исторической формы, в которой она проявлялась, лишь представив этот процесс в „чистом“ виде, в логической форме, т. е. таким, каким он может существовать лишь в теоретическом сознании»<sup>32</sup>.

---

<sup>29</sup> Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981, с. 83.

<sup>30</sup> Там же, с. 84.

<sup>31</sup> Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971, с. 35.

<sup>32</sup> Семенов Ю. И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история. — В кн.: Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М., 1978, с. 62.

Вычленение сущности в «чистом» виде — сложная познавательная процедура. На теоретическом уровне объект изучается не с помощью простого описания отдельных свойств, а средствами более сложного порядка, когда широко используются в том числе диалектическое обобщение, идеализация и т. п.<sup>33</sup> «При идеализации,— отмечал В. А. Лекторский,— не только отвлекаются от определенных данных в опыте фактов, но в ряде случаев формулируют такие допущения, которые не могут быть реализованы в опыте. Поэтому идеализация может служить выявлению сущностных, объективно-реальных зависимостей. Ведь достигаемое с помощью идеализации обнажение тех или иных связей «в чистом виде» — это и есть обнаружение реальных сущностных отношений, которые непосредственно не совпадают с зависимостями, характеризующими явления и фиксируемыми опытным путем»<sup>34</sup>. Отмечая, что основу создания теории общественно-экономической формации составляло обобщение, следует внести уточнение. В данном случае речь идет не о формально-логическом, а о диалектическом обобщении, которое связано с выделением внутренних, сущностных связей предмета исследования<sup>35</sup>. Приемы такого обобщения имеют общенаучный характер и, как уже отмечалось, подробно описаны в советской философской литературе. Чтобы совершить абстракцию сущностно-общего от совокупности подобных предметов, следует идти не путем их сравнения и отбрасывания особенных признаков, а обратиться к анализу одного из этих предметов. Однако выбор

<sup>33</sup> См.: Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981, с. 198.

<sup>34</sup> Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980, с. 197.

<sup>35</sup> Против подмены диалектического обобщения формально-логическим в исторической науке выступил М. А. Барг. Он писал: «...категория общественно-экономической формации, выражающая ступени всемирно-исторического процесса, рассматривается нередко в качестве абстракции формально-логической, т. е. как категория, выведенная путем простого суммирования процессов на их локально-историческом уровне, как некоторое среднеарифметическое эмпирических обществ.

Между тем в этой категории в каждом конкретном случае выражен внутренний принцип движения общества на данной стадии его развития. Она суть высшее содержательное единство, скрытое за внешним многообразием форм стадияльно близких обществ». — В кн.: Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970, с. 253.

его не может быть произвольным. Необходимо исследовать наиболее развитый случай из ряда подобных <sup>36</sup>.

Опираясь на данный логический прием, К. Маркс создал абстракцию капитализма, фиксирующую сущностно-общие черты разных капиталистических обществ, изучая преимущественно общественные условия английской капиталистической действительности — самого развитого в то время буржуазного общества.

Вот что по этому поводу писал К. Маркс. Он отмечал, что огромный материал по истории политической экономики, собранный в Британском музее, новая стадия развития, в которую Англия вступала с открытием калифорнийского и австралийского золота, делала Лондон удобным наблюдательным пунктом для изучения буржуазного общества <sup>37</sup>.

Объясняя такой подход к выделению теоретических абстракций как своеобразный прием диалектической логики, Э. В. Ильенков писал, что абстракция выделяется не путем отвлечения от конкретного как несущественного, а на базе анализа конкретного. Иными словами, автор делает различие между формально-логическим и диалектическим абстрагированием. Формально-логическое абстрагирование связано с выделением общих черт определенного вида или класса предметов путем сравнения и отбрасывания отличительных признаков. При этом нет гарантии, что оставшиеся признаки носят существенный характер или не характеризуют сущность с какой-либо одной стороны. Следовательно, формально-логическая абстракция оставляет исследователя в рамках преимущественно внешних связей. Абстрагирование диалектического характера имеет иную задачу. В этом случае общее раскрывается в самой сущности предмета исследования и результатом диалектического обобщения будет конкретно-общее понятие. Примером такого конкретно-общего понятия может служить категория «общественно-экономическая формация». Здесь всеобщее не противопоставляется конкретному; оно выражает не некоторые частные признаки предмета, а в обобщенной форме раскрывает его сущность.

Разрабатывая теорию капиталистической общественно-экономической формации, К. Маркс и Ф. Энгельс

<sup>36</sup> См.: Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967, с. 393.

<sup>37</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 13, с. 8.

пользовались и другими общенаучными логическими приемами (в принципе формирование теорий любых конкретно-исторических общественно-экономических формаций должно осуществляться с соблюдением таких правил). Одним из важнейших приемов абстрагирования, который применялся в процессе создания теории капитализма, было «очищение» капиталистических отношений от сопутствующих им в реальных буржуазных странах инотипных «примесей», от некапиталистических общественных форм. Подобно естествоиспытателю К. Маркс «очистил» от них капиталистические отношения и выделил «чистый» капитализм. Об общенаучном характере этого приема можно судить на основании описания К. Марксом исследования в области физики. «Физик, — писал он, — или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде»<sup>38</sup>.

Такого рода прием имеет большое познавательное значение. Природные и тем более социальные процессы чрезвычайно сложны, они включают в себя массу взаимодействующих факторов. Чтобы в них разобраться, надо первоначально исследовать основные элементы. Для этого реальные жизненные процессы «упрощают», выделяют лишь отдельную их сторону, наиболее важную для понимания существа всего взаимодействия. Поэтому из всей совокупности общественных отношений, которые встречаются, например, в реальных отдельных буржуазных обществах, К. Маркс выделил только такие, которые относятся к капиталистическому типу. Такого рода абстрагирование явилось необходимым условием для теоретического анализа капиталистического общества, для проникновения в его сущность. В теории, по К. Марксу, анализируются «чистые» процессы, а законы капиталистического производства функционируют в чистом виде, без затемняющих их нетипичных явлений<sup>39</sup>. Один из специалистов в области диалектической логики, анализируя применявшийся К. Марксом метод теоретической абстракции, на основе анализа «Капитала» пришел к выводу, что он особое внимание уделял рассмотрению явлений и

---

<sup>38</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 6.

<sup>39</sup> См.: Там же, т. 25, ч. I, с. 191.

процессов первоначально в наиболее чистом виде, отвлекаясь от усложняющих обстоятельств<sup>40</sup>. Итак, разрабатывая понятие капиталистической формации, К. Маркс отвлекся от нетипичных, несущественных сторон, свойственных европейским и неевропейским буржуазным странам. Однако процесс формирования теории капиталистической формации этим не ограничился. К. Маркс применил еще прием идеализации.

Капитализм как определенный тип общества проходит в своем развитии ряд этапов. Ключ к пониманию менее развитых форм общественной эволюции кроется в более развитых формах. Для того чтобы создать теорию капитализма, К. Маркс должен был представить себе идеализированную модель домонополистического капитализма, где все общественные отношения достигали идеального развития. В этом смысле категория «капиталистическая общественно-экономическая формация», разработанная К. Марксом, обозначала идеальный капиталистический строй (идеальный, разумеется, не в смысле его совершенства, а только в смысле предельных возможностей развития данных общественных отношений, т. е. домонополистического капитализма). Метод идеализации, примененный К. Марксом, также носит общенаучный характер и является важным условием построения теории и теоретического анализа. Обращая внимание на такого рода приемы в связи с естествознанием, Ф. Энгельс писал о Сади Карно, который, изучив паровую машину, нашел, что основные процессы в ней не выступают в чистом виде, а затенены побочными процессами. Он устранил последние, создал идеальную паровую машину (или газовую машину), которую нельзя построить практически, но которая необходима для теоретического анализа<sup>41</sup>.

В работе «Еще раз к вопросу о теории реализации» В. И. Ленин объяснил существо приема идеализации, примененного К. Марксом в связи с созданием учения о капиталистической формации.

В. И. Ленин подробно комментирует данное положение, обращаясь к конкретному рассмотрению отдельных разделов труда «Капитал». «Теория капитала,— отмечал Ленин,— предполагает, что рабочий получает полную стоимость своей рабочей силы. Это — идеал капитализма,

<sup>40</sup> См.: *Розенталь М. М.* Указ. соч., с. 409—410.

<sup>41</sup> См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 437—438.

но отнюдь не его действительность. Теория ренты предполагает, что все земледельческое население вполне раскололось на землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Теория реализации предполагает пропорциональное распределение производства. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность»<sup>42</sup>. Он сделал еще более широкое обобщение, показав, что все законы капитализма, открытые К. Марксом, точно так же изображают лишь идеал капитализма, но отнюдь не его действительность<sup>43</sup>.

На самом деле в реально существующем капиталистическом обществе цена рабочей силы не соответствует, а, как правило, отклоняется от действительной стоимости. В сельском хозяйстве, помимо землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих, есть еще широкий слой крестьян, мелких товаропроизводителей или мелких буржуа, которые дифференцируются в результате развития капитализма.

Вместе с тем в предельном случае капитализм ведет к полному исчезновению мелких производителей. Поэтому не случайно теоретический анализ сущности социальной структуры капитализма К. Маркс ограничивает двумя основными классами.

В нашей литературе, посвященной исследованию методологических проблем в «Капитале» К. Маркса, справедливо подчеркивается, что последний при анализе капиталистической формации отвлекался от всех слоев общества, кроме двух классов. Он исследовал классовые отношения капиталистического общества в «чистом» виде. «Капиталист и наемный рабочий, — отмечал К. Маркс, — являются единственными носителями функций производства и теми его агентами, взаимоотношение и противоположность между которыми проистекают из сущности капиталистического способа производства»<sup>44</sup>.

---

<sup>42</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 80.

<sup>43</sup> См.: Там же, с. 80.

<sup>44</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 162. Некоторые историки видят схематизацию в том, что формационная теория сводит структуру общества к двум основным классам. В качестве возражения приводят пример отдельного общества определенного типа, которое имеет более сложный социальный состав. Так, с помощью идеализации классовая структура рабовладельческой формации сводится к двум основным классам: рабов и рабовладельцев. Против этого приводят доводы, ссылаясь на-

Характеризуя капиталистический тип производства, его сущность, показанную К. Марксом, В. И. Ленин выделил два наиболее важных присущих ей признака. Первый из них — это товарное производство, как общая форма производства. Товарное производство, как отмечал В. И. Ленин, свойственно не только капитализму. Ведь продукт принимает форму товара в самых различных производственных организациях, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта является общей, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признак капитализма: принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т. е. рабочей силой человека <sup>45</sup>.

К. Маркс в «Капитале» дал глубокий теоретический анализ преимущественно лишь одной конкретно-исторической формации — капиталистической. Однако в теоретическом наследии К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина рассматриваются с той или иной степенью полноты и другие типы организации общественной жизни. Показывается, что капиталистический тип развития общества — не единственный наблюдавшийся в истории. Основоположники марксизма-ленинизма вскрыли, что капитализм является продуктом длительной предшествующей социальной эволюции. Они выделили первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм, доказали, что капиталистическое общество неизбежно рождает новую коммунистическую формацию. До сих пор продолжаются споры по поводу «азиатского способа производства» и «азиатской формации». Нет единства мнений по поводу ее характера, основных признаков, места в общем историческом процессе. Дискуссия об «азиатском способе производства» обнаружила, что по поводу критериев выделения формационных типов существуют разные точки

---

пример, на рабовладение в Древней Греции и Риме, где, кроме рабов и рабовладельцев, были свободные, лица, находившиеся в полурабском состоянии, колоны и т. п. При этом забывают, что теория, анализируя отношения основных классов, совсем не утверждает, что классовая структура отдельного общества данного типа к ним сводится. Вместе с тем анализ отношений двух основных классов вскрывает сущность классовой структуры общества, которая опосредует отношения всех других слоев общества. Поэтому только через выяснение основного и существенного можно разобраться в сложной социально-классовой структуре отдельных обществ.

<sup>45</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 458.

зрения, а раскрытие категорий «первобытнообщинная», «рабовладельческая», «феодальная» формация как категорий, отражающих сущность докапиталистических обществ, нуждается в специальном рассмотрении как философами, так и историками. Для решения этой задачи необходимо опираться на методологические приемы формирования теоретических абстракций, применявшиеся классиками марксизма-ленинизма.

Вопрос о формировании категории «общественно-экономическая формация» и приемах построения теории конкретных общественно-экономических формаций имеет еще одну сторону. Дело в том, что общество может рассматриваться не только типологически, т. е. как предельно развитая форма, когда на этой основе создается теория конкретной общественно-экономической формации. Существует и другой аспект анализа, без которого диалектический взгляд на это учение был бы односторонним. Он может быть назван генетическим, так как касается зарождения, становления, развития и отмирания определенной конкретно-исторической общественной формы. В нашей литературе этот аспект учения о формациях зачастую не различается от типологического, а теоретический анализ развития общества на сущностном уровне дается лишь в самой общей форме. Говорится о том, что все формации зарождаются, развиваются и гибнут и что развитие общества есть естественноисторический процесс смены формаций. Это, разумеется, бесспорные научные положения. Но у основоположников марксизма-ленинизма они конкретизируются, поскольку от такой конкретизации зависит понимание сущности исторического процесса.

Когда определенная общественно-экономическая формация рассматривается в генетическом плане, то имеются в виду те необходимые ступени, которые она проходит, сохраняя свою качественную определенность по отношению к другим формационным типам общества. Так, предпосылкой становления капиталистической формы производства К. Маркс называет производство товаров, а товарную форму продукта рассматривает как клеточку буржуазного общества. При определенных условиях мелкотоварное производство превращается в широкую основу для формирования капитализма. В. И. Ленин указывал, что в условиях возникновения капитализма мелкотоварный уклад становится его «резервом». В работе «Аграрный вопрос и „критики Маркса“» В. И. Ленин писал, что

«разложение крестьянства (это положение полностью относится и к мелкотоварному ремесленному производству в городе. — *Е. Л.*) показывает нам самые глубокие противоречия капитализма в самом процессе их возникновения и дальнейшего роста»<sup>46</sup>.

Одной из ранних стадий развития капитализма основоположники марксизма-ленинизма называют мануфактурное производство, которое уже вполне характеризуется чертами капиталистического производства, но разворачивается еще на основе материально-технической базы, свойственной предшествующему, феодальному типу общества. Подобную форму производства в России составляло так называемое народное производство. Если народники пытались видеть в «народном производстве» нечто самобытное, вселяющее надежду на какие-то особые пути развития России, то В. И. Ленин убедительно доказал, что «народное производство» составляет ранние формы капиталистического типа производства и показал его генетическую связь с развитыми формами. Он объяснил, что крупный капитализм в России так относится к «народному производству», как вполне развитое явление к неразвитому, как высшая стадия капиталистической формации к низшей ее стадии<sup>47</sup>.

Развитая форма капитализма базируется уже на материально-технической базе, адекватной данному типу общественных отношений: на машинном производстве. Крупное машинное производство и общественный характер труда перерастают рамки капиталистических общественных отношений. На этой ступени в полном объеме разворачивается противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, которое является экономической основой для революционного преобразования капитализма в социализм.

Особенно ощутимо это противоречие в эпоху империализма. Империализм представляет собою последнюю стадию развития капитализма. Это его нисходящая ветвь. Доводя развитие капиталистической экономики до уровня государственно-монополистического капитализма, империализм подходит к такой ступени исторического развития, когда подготовлены все материально-технические условия для становления новой, более прогрессивной общественно-экономической формации — коммунизма.

<sup>46</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 188.

<sup>47</sup> См.: Там же, т. 1, с. 466.

Генетический анализ капиталистической общественно-экономической формации позволяет сделать вывод, что эта формация (как, впрочем, и любая другая докоммунистическая формация) проходит в своем развитии ряд стадий, начиная с неразвитых форм, проходит через развитые формы, вступает в полосу увядания и гибели. Вместе с тем генетический взгляд на общественно-экономическую формацию не ограничивается только анализом развития каждой исторической формации в отдельности. Все известные общественно-экономические формации представляют собой ступени в движении человечества к коммунизму. Развитие производительных сил, составляющее внутреннюю непрерывную, связующую нить всей человеческой истории, является основой социального прогресса, который осуществляется через качественное изменение форм общественно-исторической практики людей. Каждая из общественно-экономических формаций представляет собой необходимую ступень в общей логике всемирной истории. Общество, отмечал К. Маркс, не может миновать ни одной из необходимых ступеней своего развития.

Необходимость типологического и генетического аспектов анализа сущности истории объясняется противоречивой природой самого процесса развития. Развитие предполагает изменчивость конкретно-исторических типов организации общественной жизни, однако в определенных границах эти типы сохраняют свою качественную определенность. В этой связи Ф. Энгельс определяет развитие как единство устойчивости и изменчивости<sup>48</sup>. Сведение развития только к устойчивости или только к изменчивости означало бы метафизически извращенное понимание процесса развития.

Вместе с тем признание диалектически противоречивого характера развития не снимает основной трудности, с которой еще в древности столкнулась философская мысль. Эта трудность связана с умением выразить, передать в понятиях процесс развития в единстве устойчивости и изменчивости. Способом теоретического описания

---

<sup>48</sup> Противоречивая природа процесса развития и способ отражения развития в понятиях рассматриваются Ф. Энгельсом в гл. I работы «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» в связи с анализом тезиса Гегеля: «Все действительное разумно; все разумное действительно».

развития, которое раскрывается диалектической логикой, является его отражение с помощью двух различающихся логических процедур, которые органически связаны и взаимодополняют друг друга.

Одна из таких процедур связана с анализом качества предмета в состоянии относительной устойчивости, в предельно развитой форме — типологическое описание. Другая раскрывает качество предмета в его становлении, развитии и гибели, — это генетическое описание. Процесс развития нельзя отобразить, смешав эти логические процедуры в одном логическом акте, но ошибочно было бы не учитывать и их органической взаимодополняемости. Причем в рамках этой взаимодополняемости процесс развития будет правильно понят при условии признания относительного характера устойчивости и абсолютности изменчивости.

Итак, объективной основой двух аспектов в теоретическом анализе исторического процесса является заключенное в нем внутреннее противоречие. Теоретически отобразить это противоречие можно только, употребляя выражение В. И. Ленина, раздвоив единое и познав противоположные его части. В этом он усматривал ядро и суть диалектики как мышления противоречиями.

Методологическую значимость разграничения типологического и генетического подходов в теоретическом анализе общественной жизни В. И. Ленин глубоко обосновал в полемике с «легальными марксистами». Один из видных представителей этого течения — П. Струве, объясняя теорию реализации продукта при капитализме, пытался включить в общую теорию реализации тот факт, что русское крестьянство своим разложением создавало рынок для капитализма в России. Однако включать это положение в теорию реализации, по мысли В. И. Ленина, ошибочно, во-первых, потому, что данный факт выражает конкретно-исторические условия русской действительности, тогда как теория реализации есть абстрактная теория, относящаяся к капитализму вообще, т. е. к теории капиталистической общественно-экономической формации. Во-вторых, объяснить процесс разложения русского крестьянства и образования рынка можно не с помощью теории реализации, а опираясь на теорию образования капиталистического общества. В. И. Ленин писал, что вопрос о крестьянах-земледельцах, создающих своим разорением рынок для капитализма, «относится вовсе не к теории

реализации продукта в капиталистическом обществе, а к теории образования капиталистического общества»<sup>49</sup>.

Этот вывод В. И. Ленина целиком вытекает из положений, выдвинутых К. Марксом, который рассматривал капитализм не только как идеализированный социальный тип общества в его предельно развитых формах, но раскрыл также генезис этого общества, проследив этапы его зарождения и развития, показал сущность тех противоречий, разрешение которых оказывалось возможным только на путях перехода к новой коммунистической формации. В этой связи К. Маркс отмечал: «Я смотрю на развитие экономическое общественной формации как на естественноисторический процесс»<sup>50</sup>.

Яркую зарисовку диалектического анализа капиталистической формации К. Марксом сделал В. И. Ленин в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». Выделяя экономическую, определяющую сторону в развитии общества, В. И. Ленин отмечал, что К. Маркс «берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных (которые он изучал не менее 25 лет) дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации»<sup>51</sup>.

Проблема теоретического отражения устойчивости и изменчивости вещей в познавательном процессе рассматривается в работах советских философов, исследующих принципы диалектической логики. На два взаимосвязанных аспекта научного анализа еще в 60-х годах обратил внимание М. М. Розенталь. Он писал, что, изучая яв-

<sup>49</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 84.

<sup>50</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 10.

<sup>51</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138.

ления природы или общественной жизни, мы нередко изолируем их от пройденного ими пути развития, результатом которого они являются. Это необходимо на первых этапах исследования, но затем возникает потребность проследить историческое развитие объекта <sup>52</sup>.

Осуществляя теоретический анализ общественного развития и процесса социальной революции, Б. Ф. Поршнев, на наш взгляд, очень хорошо показал необходимость разграничения двух разных аспектов исследования. Они нужны оба, но тем не менее сливать их в один исследовательский акт нельзя. Б. Ф. Поршнев, для того чтобы ярче выразить эту мысль, провел аналогию между теоретическим описанием реальных процессов в физике и в исторической науке. Прибегая к языку теоретической физики, — отмечал он, — можно подумать, что мы сталкиваемся в исследовании социальных процессов с ярким образом принципа дополнительности. Историческое явление либо описывается в координате исторической динамики, либо в координате структуры <sup>53</sup>.

Аналогия, проведенная Б. Ф. Поршневым, представляется оправданной, так как современная физика и историческая наука имеют дело с изменяющимися объектами, с процессами, которые нужно перевести на язык теории. Координата структуры в данном случае означает фиксацию момента устойчивости в соответствующих процессах, а координата динамики — изменчивости. Вместе с тем смысловое значение слов, употребленных для обоснования в целом правильной идеи, не совсем точно ее выражает. Понятия «динамика» и «структура» не охватывают всех тех вопросов, которые требуется рассмотреть в типологическом и генетическом аспектах.

Вопрос о диалектически противоречивом характере теоретического объяснения исторического процесса стал предметом обсуждения на дискуссии о категории «социально-экономическая формация», проведенной Центром марксистских научных исследований Французской коммунистической партии в 1971 г. Эмилио Серни, выступивший с докладом на симпозиуме, подверг критике взгляды Ц. Лупорини, ведущие к одностороннему определению «модели» формации как системы необходимых связей,

<sup>52</sup> Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М., 1960, с. 198.

<sup>53</sup> См.: Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1975, с. 36.

присущих реальному объекту и позволяющих определить, типологизировать его. Э. Серни не удовлетворило стремление Ц. Лупорини встать на «статическую», структурную точку зрения, исключив тот динамизм, который присущ взгляду К. Маркса на историю и который составлял основу Марксова понимания исторического процесса. С точки зрения Э. Серни, научная трактовка какой-либо исторической реальности не может быть исключительно статичной. Она всегда должна включать генетический, исторический моменты, момент развития. Ссылаясь на анализ К. Марксом капиталистической формации, на идеи В. И. Ленина, высказанные по этому поводу, Э. Серни сделал вывод, что теоретическая модель социально-экономической формации должна быть структурно-генетической<sup>54</sup>.

Выяснив абстрактно теоретическую природу категории «общественно-экономическая формация», необходимо выяснить ее соотношение с реальным историческим процессом. В. И. Ленин отмечал, что в истории развития философии ученые в самые различные эпохи постоянно обращались к проблеме соотношения понятий и действительности как к одной из центральных. Правильное диалектико-материалистическое ее решение имеет большое методологическое значение как для развития науки вообще, так и для обществензнания в частности. Обсудить этот вопрос необходимо еще и потому, что во время дискуссий и на страницах печати по этому поводу высказываются различные взгляды. Следует добавить, что вопрос о соотношении теории общественно-экономической формации и реальной истории превратился в один из центральных в ходе дискуссии об «азиатском» способе производства.

В нашей философской и исторической литературе рассматриваются две тенденции в понимании соотношения теории общественно-экономической формации и протекающего в реальной действительности исторического процесса.

Одна тенденция связана со стремлением не отрывать теорию от действительности. Идея эта материалистическая и сама по себе не может вызывать возражение. Однако ее реализация далеко не всегда удовлетворяет положениям

---

<sup>54</sup> См.: Актуальные проблемы марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях: Научная конференция (4—5 мая 1973 г.). М., 1975, с. 278—279.

диалектико-материалистической теории познания. Иногда эта тенденция проявляется в стремлении насытить теорию конкретным эмпирическим содержанием в целях «сближения» ее с жизнью. Высказываются доводы, направленные против «чистых» категорий теоретического мышления, причем основанием служит довод: «в жизни так не бывает».

В свое время К. Маркс показал, что теория, выражающая сущность процессов, не может походить на поверхностный мир явлений. Критикуя тех представителей экономической науки, которые преклонялись перед поверхностными фактами действительности, он писал: «Вульгарный экономист думает, что делает великое открытие, когда он вместо раскрытия внутренней связи вещей с важным видом утверждает, что в явлениях вещи выглядят иначе. Фактически он кичится тем, что твердо придерживается видимости и принимает ее за нечто последнее»<sup>55</sup>.

Мы не склонны полагать, что некоторые отклонения в сторону упрощенного толкования соотношения теории и действительности, допускаемые отдельными исследователями, являются результатом какой-то продуманной гносеологической установки эмпирического толка. Причина здесь в сложности самой проблемы.

Так, в нашей философской и исторической литературе некоторые ученые оспаривают возможность вычленения в теории «чистых» формационных типов. В качестве доказательства приводится факт отсутствия «чистых» процессов в природе и общественной жизни<sup>56</sup>. Как показывает предшествующее изложение, основоположники марксизма-ленинизма никогда не считали, что невозможность существования в действительности процессов в чистом виде служит доводом против допустимости «чистых» понятий в теории. Наоборот, с помощью таких понятий они полагали возможным проникнуть в сущность действительности. Раскрывая, например, суть капиталистической формации, В. И. Ленин писал: «На свете нет и быть не может „чистого“ капитализма, а всегда есть примеси то феодализма, то мещанства, то еще чего-пи-

---

<sup>55</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 32, с. 461.

<sup>56</sup> См.: Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980, с. 102.

будь»<sup>57</sup>. Но в теории «чистый» капитализм выделить можно. Само понятие «чистоты», по В. И. Ленину, есть некоторая узость, односторонность человеческого познания, не способного сразу охватить предмет до конца, во всей его сложности.

Представляется, что смешению теории и эмпирической действительности служит также вывод о допустимости внутриформационной типологии. Под ней понимают «типологические особенности отдельных стран и регионов»<sup>58</sup>, т. е., по существу, в данном случае речь идет не о теории формации, а о ее применении к познанию отдельных обществ, об определении их формационной принадлежности и специфических особенностей каждого из них. Само же выражение «внутриформационная типология» настраивает на мысль о том, что категория «общественно-экономическая формация» может охватывать разнотипные формы общественной организации. К такому выводу и приходят большинство историков и философов. Вместо признания многоукладности отдельных обществ, в которых действительно переплетаются различные уклады, объявляют многоукладной общественно-экономическую *формацию*.

Допущение многоукладности «формации», по нашему мнению, находится в явном противоречии с правилами логики, так как об одном и том же предмете одновременно высказываются исключаящие друг друга утверждения. Причем речь идет не о мышлении противоречиями, которое предусматривается диалектической логикой, а о противоречивом мышлении, т. е. противоречащем законам элементарной логики. В данном случае речь идет именно о таких законах, ибо описывается не процесс развития, а формация как качественная определенность, как исторически конкретный тип общества (например, капитализм как таковой),

В 30-х годах А. Ефимов, автоматически высказав положение о многоукладности формации, вынужден был поправиться и объяснить, что многоукладными могут быть лишь отдельные общества, а не формация. Он писал: «...в последующих формациях сохраняются деформированные остатки предыдущих формаций... Можно привести много примеров, когда уклад, входящий в данную формацию, деформируется...». В этом месте при вторичной

<sup>57</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 241—242.

<sup>58</sup> Жуков Е. М. Указ. соч., с. 103.

правке степогаммы докладчик сделал такое примечание: «Здесь грубый ляпсус. Не в данную формацию, а в данное общество»<sup>59</sup>.

Из анализа работ основоположников марксизма-ленинизма не следует непосредственного вывода о многоукладности конкретных общественно-экономических формаций, если понимать под укладом инотипную для нее систему общественных отношений, учреждений и т. п. В этом должно убедить предшествующее изложение, но хотелось бы привести еще только один пример из Ленинского наследия. В. И. Ленин показал, что с точки зрения народника Михайловского К. Маркс, прослеживая развитие мелкотоварного производства в период средневековья, опустил другие общественные порядки, которые имели распространение в тот период. Для Михайловского это было тем более странно, что индивидуальная собственность, основанная на собственном труде, не была ни единственным, ни преобладающим фактором даже в области экономических отношений.

Михайловский в данном случае рассуждал как эмпирик, пытающийся понять историческую данность зеркально, одним махом и потому не способный проникнуть за пределы мира явлений. В отличие от него В. И. Ленин раскрывает теоретический подход К. Маркса к анализу общественной жизни, его умение проникнуть в сущность действительности. «Поэтому-то,— отмечал В. И. Ленин,— и опущены другие черты экономических порядков средних веков, что они принадлежали к феодальной общественной формации, тогда как Маркс изучает одну *капиталистическую*. В чистом своем виде процесс развития капитализма действительно начался (например, в Англии) с режима мелких, раздробленных товаропроизводителей и их индивидуальной трудовой собственности»<sup>60</sup>.

Итак, одна из тенденций в понимании соотношения формационной теории и действительности состоит в стремлении «заземлить» теорию, насытить ее такими дополнительными элементами, которые на первый взгляд, приближают ее к эмпирической действительности, но на самом

<sup>59</sup> См.: Историк-марксист. М., 1930, т. 16, с. 129—130.

<sup>60</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 180. Дополнительно заметим, что в данном случае речь идет о генетическом аспекте, о теории становления, развития и отмирания капиталистической формации, где тоже опускаются инотипные включения (т. е. уклады).

деле превращаются в препятствие на пути теоретического анализа сущности общества и реализации методологической функции теории в познании исторического многообразия.

Другая тенденция связана с попытками оторвать теорию от действительности, лишить ее объективного содержания. У советских философов и историков она почти не просматривается, однако встречается у буржуазных авторов.

Тот факт, что идеализированных элементов теории «в чистом виде» не существует в реальной действительности, наталкивает буржуазных исследователей на мысль: не является ли теория субъективным конструктом человеческого ума, который не имеет объективного основания?

Представления о теории как о субъективном конструкте, выработанном для удобства описания и систематизации фактического материала, — не редкость для буржуазных философов субъективистского толка. Примером такого толкования может служить «теория идеальных типов» М. Вебера. Для буржуазной философии и социологии теория — это условная субъективная методологическая установка. Такое понимание природы теоретического знания чуждо марксизму-ленинизму и аргументированно критикуется в нашей литературе. Марксистско-ленинское понимание природы теоретического знания предполагает наличие объекта, который отражается в этом теоретическом знании.

Специалисты, занимающиеся проблемами построения научной теории, подчеркивают, что принятие ряда идеализирующих предположений и допущений не только не исключает возможности отнесения знания к реальному объекту, а, более того, является необходимым условием такого отнесения<sup>61</sup>. При анализе природы теоретического знания речь может идти лишь о том, что подобное отражение является опосредованным и осуществляется путем формирования абстрактных объектов научной теории<sup>62</sup>.

В период дискуссии об «азиатском» способе производства 30-х годов проявилась устойчивая тенденция рассматривать учение о формации как теоретическое знание. Первым шагом в этом направлении было разграничение

<sup>61</sup> См.: Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980, с. 198.

<sup>62</sup> См.: Степин В. С. К проблеме структуры и генезиса научной теории. — Философия, методология, наука. М., 1972, с. 159.

категорий «общественно-экономическая формация» и «общество», понимаемое как реальное историческое многообразие. В период аналогичной дискуссии 60—70-х годов названная тенденция укрепилась. «Общественно-экономическая формация» отождествлялась лишь с сущностью общества определенного типа, но не с совокупностью отдельных обществ, получивших наименование «социальных организмов»<sup>63</sup>. В реальной истории в «чистом» и развитом виде конкретно-исторические типы общественных отношений не встречаются. Даже при высокой степени развитости общественных отношений данного типа в какой-нибудь стране, достигшей наибольшего расцвета, они могут лишь приближаться к своему формационному эталону. Этот вывод высказали основоположники марксизма-ленинизма. Так, В. И. Ленин отрицательно отвечал на вопрос, сможет ли когда-нибудь реальный капитализм совпасть с его теоретическим описанием. «Существуют,— подчеркивал он,— многочисленные исторические и практические условия (не говоря уже об имманентных противоречиях капитализма), которые ведут и приведут гораздо скорее к гибели капитализма, чем к превращению современного капитализма в идеальный капитализм»<sup>64</sup>.

Абстрактно-теоретическая модель капитализма не может да и не должна абсолютно совпадать с конкретно-историческим ее воплощением. В чертах, которые концентрируются в капиталистической формации, раскрывается лишь тенденция развертывания капиталистических порядков в отдельных странах по направлению к идеально-завершенному качественно-определенному состоянию. Историческая практика показала, что ни в одной стране, даже в Англии, где капиталистические порядки получили наибольшее развитие, не были достигнуты идеально-завершенные формы буржуазных отношений, свойственных монополистической стадии развития капитализма. Больше того, буржуазное общество вступило в новую сту-

---

<sup>63</sup> «Социальный организм», по определению Ю. И. Семенова,— это «понятие об отдельном конкретном обществе, являющемся целостной и в то же время в значительной степени самостоятельной единицей исторического развития» (Семенов Ю. И. Теория общественно-экономической формации.— Народы Азии и Африки, 1970, № 5, с. 86). Специально это понятие анализируется в его статье «Категория „социальный организм“ и ее значение для исторической науки» (Вопр. истории, 1966, № 8, с. 97—102).

<sup>64</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 82.

пень своего развития — в стадию монополистического капитализма, идеально-теоретическое выражение которого<sup>65</sup> рядом черт отличалось от модели домонополистического капитализма, хотя наиболее существенные закономерности тождественны для обеих стадий. И опять-таки идеально-развитый империализм может существовать только в теории, в конкретной же истории такой предел недостижим. К. Маркс указывал, например, что в теории общественные отношения, законы капитализма рассматриваются в чистом виде. В «...действительности же, — продолжал он, — всегда имеется палицо лишь некоторое приближение; по приближению это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов»<sup>66</sup>.

В нашей литературе, анализирующей проблемы диалектической логики, не ставится под сомнение, что нужно различать объективную сущность предмета и теоретическую абстракцию, которая ее выражает. По своему содержанию в итоге познавательного процесса они смыкаются, но по способу существования они различаются. Сущность предмета обладает объективным бытием, а понятие — продукт сознания. Поэтому говорят не об объективном существовании понятий в реальной действительности, а об их объективном содержании. К. Р. Мегрелидзе отмечал, что понятия не имеют иной формы существования, кроме той, что оно есть констатация сознанием объективных отношений действительности. Объективно существуют не понятия как таковые, а те реальные образования, которые выражаются этими понятиями<sup>67</sup>. Раскрывая материалистическое понимание природы логических абстракций, Г. А. Курсанов писал, что не понятие есть истина сущности, а последняя находит в нем адекватное выражение<sup>68</sup>.

Следовательно, формация как объективный аналог категории, как сущностно-общие черты, свойственные стра-

---

<sup>65</sup> Такую модель разработал В. И. Ленин в своих работах, и прежде всего в произведении «Империализм как высшая стадия капитализма».

<sup>66</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 191—192.

<sup>67</sup> См.: Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973, с. 221, 226.

<sup>68</sup> См.: Курсанов Г. А. Диалектический материализм о понятии. М., 1963, с. 188.

пам, достигшим определенного уровня развития производства, существует реально, на «грешной земле», тогда как категория «формация» — это продукт абстрагирующей работы мысли.

Изучение философской и исторической литературы, касающейся учения о формации и его методологической функции, подчас оставляет впечатление, что познание общественно-экономической формации является чуть ли не конечной целью социально-философского познания. На самом деле это не так, задача познания — изучение общества во всем его многообразии. Познание начинается с конкретно-исторической данности, т. е. с конкретного в действительности, а завершается теоретически осмысленным конкретным знанием.

Движение мысли от абстрактного к конкретному начинается с теории общественно-экономической формации, которая, как уже отмечалось, на логическом уровне выражает сущность определенного этапа развития общества. На историческом уровне ей соответствует категория «историческая эпоха», которая фиксирует все его конкретно-историческое содержание.

К такому мнению склоняется целый ряд философов и историков. Оно полностью соответствует ленинской позиции. «...Эпоха,— писал он,— есть сумма разнообразных явлений, в коей кроме типичного есть *всегда* иное»<sup>69</sup>.

Следовательно, каждая историческая эпоха включает в себя все многообразие переплетающихся моментов, свойственных реальной общественной жизни. Чтобы разобраться в этом многообразии, первоначально определяют формационную принадлежность эпохи, т. е. выделяют тип общественных образований, «социальных организмов», которые характеризуют основное содержание, основные тенденции развития истории на том или ином этапе. По типу господствующих общественных отношений определяется формационная принадлежность эпохи.

Исторические эпохи — это либо качественно особые периоды в истории, либо решающие повороты в ее развитии. В нашей исторической литературе выделяются такие эпохи во всемирной истории: до конца IV тысячелетия до н. э. — эпоха первобытнообщинного строя, от конца IV тысячелетия до н. э. до V в. н. э. — эпоха рабовладельческого общества. От V в. до середины XVII в. — эпоха

<sup>69</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 287.

феодализма. От XVII в. до начала XX в. — эпоха капитализма, которая подразделяется на эпоху домонополистического капитализма и империализма. Великой Октябрьской социалистической революцией открывается современная историческая эпоха. Это переходная эпоха, основным содержанием которой является переход от капиталистической к коммунистической формации.

Движение мысли по пути приобретения конкретного знания об обществе связано также с понятием «регион». Оно позволяет группировать отдельные общества (страны и т. п.) по разным основаниям<sup>70</sup>. Так, выделяются пространственные регионы, группирующие страны по их географическому положению, регионы, объединяющие страны по типу господствующих в них общественных отношений. Стадиальные — когда учитывается генетический аспект, т. е. степень развитости общественного строя, принадлежащего к определенному типу. Региональное различие всего многообразия географического положения и типов организации общественной жизни позволяет классифицировать общественные порядки отдельных обществ.

Следующий шаг связан с проникновением в структуру отдельных обществ («социальных организмов»). Здесь уместно вспомнить о понятии «общественно-экономический уклад», который помогает понять влияние негосподствующих типов общественной организации в отдельных странах на характер их развития. Многоукладность присуща преимущественно антагонистическому обществу, а также должна учитываться при анализе переходного периода от капитализма к социализму.

Процесс восхождения от теории к конкретному знанию об отдельных обществах, об определенной исторической эпохе достаточно сложен. Вместе с тем сама теория, если не найдены способы применения ее для получения знания о конкретных явлениях прошлой истории и современности, превращается в никому не нужное абстрактное построение. Абстрактные категории исторического материализма, отмечал К. Маркс, в отрыве от реальной истории не имеют ровно никакой цены. Их значение в том, что они помогают упорядочить исторический материал,

---

<sup>70</sup> Более подробно о понятии «регион» и его методологическом значении см.: Барз М. А. Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970, с. 265—270.

наметить последовательность определенных его слоев, причем «трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала — относится ли он к минувшей эпохе или к современности, — когда принимаются за его действительное изображение»<sup>71</sup>.

Проблема исторического и логического, которая помогает понять место объективных законов в историческом развитии, роль теории в познании общественной жизни — одна из ключевых в марксистско-ленинской философии. Из признания объективной логики истории следует возможность научного предвидения и предсказания характера общественного прогресса. Из понимания объективных законов и исторической необходимости вытекает неизбежность коммунистического общества. Буржуазные идеологи всеми силами пытаются доказать не только неправильность такого вывода, но и научную несостоятельность самих принципов теории, которые позволяют его сделать.

Если суммировать попытки буржуазных идеологов «опровергнуть» исторический материализм, то их можно свести в основном к трем положениям. Во-первых, это отрицание объективной логики истории. Во-вторых, попытка опровергнуть наличие повторяемости в истории и возможности постижения сущности исторического процесса, а следовательно, и теоретического знания. В-третьих, стремление любым способом доказать невозможность научного предвидения. Такие выводы напрашиваются после знакомства с социологическими воззрениями А. Тойнби и К. Поппера.

Так, Тойнби вычеркивает из истории объективную закономерность, основанную на признании принципа детерминизма. Он признает в лучшем случае вероятностный характер общественных законов. А. Тойнби отрицает повторяемость в истории и возможность глубоких сущностных научно-исторических обобщений, допуская возможность только эмпирических, описательных, феноменологических обобщений. Отрицает возможность научного предвидения<sup>72</sup>.

Учению о формации он косвенно противопоставляет учение о цивилизациях, которые понимаются как устой-

<sup>71</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 26.

<sup>72</sup> См.: Семенов Ю. Н. Социальная философия А. Тойнби: Критический очерк. М., 1980, с. 33—34.

чивые общности людей, объединенных прежде всего духовными традициями, а также географическими рамками и в конечном счете — характером религиозных воззрений. Это некоторое социальное целое, не ограниченное рамками одной страны<sup>73</sup>. А. Тойнби, по существу, отрицает единство реального всемирно-исторического процесса, расчленяя историю человечества на историю отдельных «локальных цивилизаций», которые лишь соседствуют друг с другом, но не объединены ни причинными, ни сущностными связями.

Пытаясь отгородить свое учение от упреков в чистом эмпиризме, он выносит проблему единства истории за скобки реальной общественной жизни и видит ее в Божественном Законе, который проявляется через свободный выбор<sup>74</sup>.

Гораздо дальше идет в своей критике марксистско-ленинской теории общественного развития К. Поппер. Он вводит понятие «историцизм», которым обозначает, как явствует из работы «Нищета историцизма», философские воззрения — от Гераклита и Платона до Гегеля и Маркса. Историцизм для К. Поппера — это концепция, признающая детерминированность исторического процесса, его объективную логику и закономерность. Это такое направление, которое признает, что «социология представляет собой теоретическую историю». Сам же К. Поппер отрицает возможность теории исторического развития.

Классовое содержание его философских позиций со всей очевидностью следует из пространных возражений против крупномасштабных прогнозов, предвосхищающих неизбежность коммунистической формации. Такого рода предвидения он называет «пророчеством» и «утопическим проектированием»<sup>75</sup>. Категорически возражает он и против «утопических попыток перестроить общество в целом»<sup>76</sup>. В то же время он отстаивает идею краткосрочных прогнозов и социального проектирования частного характера<sup>77</sup>. На почве этого он допускает социальную инженерию. Хотя приведенные положения высказаны К. Поппером в 60-х г., в них вряд ли можно обнаружить что-то

<sup>73</sup> См.: Чесноков Г. Д. Современная буржуазная философия истории. Горький, 1972, с. 71.

<sup>74</sup> См.: Семенов Ю. И. Указ. соч., с. 43, 45, 51.

<sup>75</sup> См.: Popper K. The Poverty of Historicism, 1969, p. 42, 64.

<sup>76</sup> См.: Ibid., p. 83.

<sup>77</sup> См.: Ibid., p. 64.

повое по сравнению с идеями буржуазных социологов конца XIX — начала XX столетия. Еще либеральные народники типа Михайловского высказывали нечто подобное. Они разрабатывали рецепты «латания» и «починки» существующего буржуазного строя и под разными предлогами выступали против революционной борьбы пролетариата за новый коммунистический общественный строй.

Из сказанного следует, что эмпиризм, свойственный буржуазной социологии, ограничивающий возможности проникновения в сущность исторического процесса, основан на неверной оценке соотношения логического и исторического в общественной жизни. Уклон в эмпиризм оставляет исследователя на поверхности истории. Эмпиризм, получивший достаточно широкое распространение в американском и западноевропейском общественном знании, по существу, лишает исторические и социальные исследования научного статуса.

#### 4. «ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ» КАК КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

В литературе по историческому материализму и отраслевым общественным наукам все чаще высказываются предложения различать содержание категории «формация» в зависимости от познавательных задач той или иной области общественно-научного знания. Некоторые философы, историки и экономисты считают, что «формация» может включаться в систему категорий исторического материализма, тогда это будет абстрактно-сущностное понятие. Может оно входить в категориальный аппарат исторической науки как обозначение конкретного периода исторического многообразия. Экономисты склонны считать «формацию» категорией политической экономики, сводя ее к совокупности производственных отношений.

Рассмотрим более конкретно этот вопрос и выясним, насколько правомерна и продуктивна в методологическом отношении такая дифференциация.

Специалисты в области исторической науки говорят о двух аспектах категории «формация». Так, акад. Е. М. Жуков отмечал: «Некоторые авторы склонны рассматривать социально-экономическую формацию как некую абстракцию, выражающую лишь общую тенденцию организации общества на определенной ступени его развития. В представлении этих авторов социально-экономи-

ческая формация не столько историческая, как логическая категория»<sup>78</sup>.

Из приведенного положения следует вывод, что допускается двойное понимание категории «общественно-экономическая формация». В одном значении «формация» выступает в качестве логической и включается в систему категорий исторического материализма. В другом — наполняется эмпирическим содержанием и превращается в категорию исторической науки. В этой связи предлагается «различать социально-экономические формации как объект социологического изучения и как объект «чисто» исторического исследования»<sup>79</sup>. Такой же точки зрения придерживались М. А. Барг, В. Я. Израитель и ряд других ученых. М. А. Барг утверждал в своих работах, что научно-исторический подход в исследовательской практике стал возможен только «в результате вычленения в самой категории „формация“ двух аспектов анализа: теоретического и исторического»<sup>80</sup>.

Теоретический аспект этой категории, по мысли М. А. Барга, хотя и базируется на незыблемом основании фактов, представляет собой ее научное обобщение, т. е. неизбежную ее идеализацию<sup>81</sup>. Исторический же аспект категории интерпретируется весьма своеобразно — как «сама действительность, обобщенная в теории формации, подлинный исторический процесс, только высвеченный изнутри абстракциями, содержащимися в теории. Этот аспект имеет два уровня: всемирно-исторический и локально-исторический, каждый из которых отличается важными особенностями»<sup>82</sup>.

Попытка доказать необходимость разведения категории «общественно-экономическая формация» по двум ведомствам — исторического материализма и исторической науки — высказывается не только в исторической, но и в философской литературе. В работе В. Я. Израителя, посвященной специально философскому исследованию

---

<sup>78</sup> Жуков Е. М. Некоторые проблемы методологии истории. — Докл. на Всесоюз. теорет. конф. «Актуальные проблемы методологии общественных наук», 24—26 января 1977. М., 1977, с. 9—10.

<sup>79</sup> Там же.

<sup>80</sup> Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Е., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 54.

<sup>81</sup> Там же.

<sup>82</sup> Там же, с. 57.

учения об общественно-экономических формациях и его применению в социальном познании, правильно ставится вопрос о категории «формация» как абстрактно-теоретическом понятии. Однако, раскрывая методологическую функцию категории и всего учения, автор допускает наличие двух категорий, обозначаемых термином «общественно-экономическая формация». В работе говорится о «социально-философском» и «историко-социологическом» понятиях общественно-экономической формации. «Социально-философское понятие общественно-экономической формации,— отмечается в монографии,— предполагает логический анализ исторического развития, освобожденный от «мешающих случайностей» и очищенный от конкретно-фактологических наслоений. Это абстрактно-логическая модель общественного развития, фиксирующая то типически общее, что объединяет различные страны, народы и континенты на определенных стадияльных этапах исторического процесса...»<sup>83</sup>.

Что же такое формация как историко-социологическая категория? «С точки зрения конкретного исторического процесса каждая формация — это сложный, противоречивый социальный организм, включающий в себя все многообразие, переплетение социально-экономических, политических, идеологических, нравственных и других отношений»<sup>84</sup>.

На чем же сторонники такой точки зрения основывают свои выводы? Как утверждает М. А. Барг, в первую очередь — на изучении работ классиков марксизма-ленинизма. В качестве главного аргумента приводится высказывание Ф. Энгельса о необходимости различения теоретического и исторического: «...с одной стороны,— писал Ф. Энгельс,— конкретное развитие, как оно происходит в действительности, и, с другой стороны, абстрактная конструкция»<sup>85</sup>. Далее в монографии отмечается, что В. И. Ленину принадлежит всесторонняя разработка идеи дуального содержания категории «формация»<sup>86</sup>. Ясно, что из приведенного положения Ф. Энгельса никоим образом нельзя сделать вывод о возможности вычленения в категории формации теоретического и исторического аспектов.

<sup>83</sup> См.: Израитель В. Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975, с. 18.

<sup>84</sup> Там же, с. 23.

<sup>85</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 38, с. 177.

<sup>86</sup> См.: Жуков Е. М. и др. Указ. соч., с. 54.

Ф. Энгельс говорит о необходимости различать теорию и действительность и нет даже намека на различение двух значений категории «формация». Тем более ничего подобного нет у В. И. Ленина. Не случайно в тексте не приводится ни одного его высказывания, которое могло бы подтвердить такой вывод. Думается, что принципиально неверно в одном понятии видеть и абстрактно-теоретическую модель общества определенного типа, и его конкретный эмпирический вариант, так, как в последнем случае это вообще не понятие, а только эмпирическое представление. Неверно в качестве второго смыслового значения категории «формация» (исторического аспекта) полагать и теоретически осмысленное конкретное, как это в определенном отношении получается у М. А. Барга, так как последнее не есть сама формационная теория, а лишь знание о конкретно-исторических отдельных обществах, полученное с помощью этой теории.

Предприимается попытка убедить читателей путем проведения аналогии с ленинским анализом категории «материя» в работе «Материализм и эмпириокритицизм». В. Я. Израитель пишет, что вариации в употреблении термина «формация» (непонятно, почему термина, когда речь идет о понятии?) «могут быть вызваны различием, аналогичным ленинскому различению философского и естественнонаучного понятий материи, при котором вопрос о структуре, конкретных разновидностях, эмпирически обнаруживаемых свойств материи относится ко второму понятию, а не к первому»<sup>87</sup>. Такое сравнение не убеждает прежде всего потому, что в философской литературе справедливо оспаривается возможность естественнонаучного понятия материи. В свое время была проведена дискуссия по поводу его допустимости. Вывод, к которому пришли ученые в итоге спора, был достаточно однозначным: можно говорить о естественнонаучном представлении о строении материи, но не о понятии. Ясно также, что категории «формация» и «материя» не подходят для сравнения в силу разнорядности этих понятий, обладающих к тому же неодинаковой методологической функцией.

Но дело, разумеется, не только в этом. Аналогии никто не рассматривает как доказательство, к тому же она может быть просто неудачной. Главное заключено в сути

---

<sup>87</sup> Израитель В. Я. Проблемы формационного анализа..., с. 13.

решения самой проблемы. Существо же дела заключается в том, что предложение ввести понятие «историко-социологической формации» опять-таки создает повод для отождествления категории «формация» с определенной конкретной ступенью развития общества во всем его историческом многообразии.

Если в исторической литературе предлагается в двух аспектах толковать категорию «формация» или склоняются к необходимости двух категорий, то отдельные экономисты настаивают на исключительно экономическом ее содержании. Так, например, В. Г. Усенко утверждал, что «общественно-экономическая формация как понятие не может не быть экономической категорией»<sup>88</sup>.

Кроме того, некоторые исследователи предлагают ввести еще категории «национальная формация», «надформация», «подформация». Нам бы не хотелось с порога отвергать все эти поисковые предложения, которые нередко содержат и рациональные зерна. Однако слишком частое употребление термина «формация», за которым не всегда скрывается точный категориальный смысл, а зачастую подразумевается разное содержание, может привести к путанице.

Думается, что категория «общественно-экономическая формация» должна быть строго определена как категория исторического материализма, которая однозначно употребляется во всех областях марксистско-ленинского мировоззрения, а также в отраслевых науках, в том числе в исторической области знания. Если каждая область знания будет давать свое особое определение «формации», то направляющая методологическая функция исторического материализма в социальном познании будет искажена.

Применение философских категорий в отраслевых науках — не простой вопрос. В нашей литературе можно выделить две крайности, в равной степени ошибочно характеризующие методологическую функцию категорий исторического материализма. Одна крайность связана с попыткой представить категорию «общественно-экономическая формация» как внешнюю форму, под которую нужно подогнать фактический материал отраслевых наук. Это вид догматического, натурфилософского понимания места философии, в данном случае исторического материализма,

---

<sup>88</sup> Усенко В. Г. Политическая экономия и управление производством. Л., 1975, с. 96.

в системе общественных наук. Отсюда берет начало схематизм в общественном знании, который связан с отбрасыванием исторических, экономических и т. п. фактов, коль скоро они не укладываются в прокрустово ложе абстрактно-теоретических формационных типов. Другая крайность сводится к отказу от строгого категориального аппарата, к определенному умалению роли философских теоретических абстракций в социальном познании.

Многовариантное толкование выражения «общественно-экономическая формация» и допускаемые при этом оттенки приводят, на наш взгляд, к утрате этой категории необходимой научной определенности. Вообще впечатление релятивизма в ее истолковании таит в себе негативные моменты методологического характера.

Когда «формация» рассматривается в качестве категории исторической науки, обозначающей существующий в действительности период исторического многообразия, то создается иллюзия, что, фиксируя факты, историк уже руководствуется марксистско-ленинским учением об общественно-экономической формации, тогда как на самом деле в данном случае прямой связи с этим учением такое исследование не имеет. В то же время эмпирический поиск и вытекающие из него выводы, если они не направляются теорией и теоретически не осмысливаются, оставляют ученого в пределах только лишь эмпирического анализа, что для нашей исторической науки совсем не характерно.

Из дополнительных рассуждений, которыми облачают вывод о необходимости «формации» как категории исторической науки, следует, что речь здесь идет об отдельных обществах, существующих или существовавших в определенный конкретно-исторический отрезок времени, в определенную историческую эпоху, — именно этот материал является объектом исторического исследования. Но в таком случае нет никакой нужды обозначать подобный исторический период понятием «формация». Стоит говорить либо об исторической эпохе, либо об отдельном обществе, или их совокупностях регионального и т. п. характера.

Сторонники выделения общественно-экономической формации как категории исторической науки пишут о воплощении конкретно-исторических формаций в действительной истории. Так, Е. М. Жуков отмечал, что для исторической науки «важно изучать отдельные формации в

их развитии, выявляя специфику конкретно-исторического воплощения формационной организации в разных странах...»<sup>89</sup>. К сфере исторического исследования он относил изучение особенного и единичного<sup>90</sup>.

Это, конечно, верно. Возражения против рассмотрения формации как категории исторической науки касается по существу терминологического оформления предмета исторического исследования. К его сфере относится изучение особенного и единичного, однако, по нашему мнению, нецелесообразно период исторического многообразия именовать «исторической формацией».

Познавательная функция учения об общественно-экономической формации, по нашему мнению может быть объяснена в связи с раскрытием философских приемов теоретического осмысления эмпирического материала реальной истории. Разработка этих приемов осуществляется и философами и историками. Такая направленность исследования, основанная на диалектико-материалистическом подходе, противоположно прежде всего метафизическому представлению о том, что познающий субъект должен пассивно следовать за «предметной данностью», что подлинные свойства реальности схватываются в результате непосредственного воздействия предмета на познающего субъекта, а ошибки и заблуждения есть продукт недостаточной «зеркальности» отражения. Такое понимание проблем познания действительности было, как известно, характерно для созерцательной гносеологии домарксистской философии<sup>91</sup>.

Положение о том, что историческая наука изучает отдельные формации (в философском или историческом понимании? — *Е. Л.*), выявляя специфику конкретно-исторического воплощения формационной организации в разных странах, правильное было бы изложить по-иному: специфика конкретного развития в разных странах в ее особенных и единичных проявлениях может быть познана с помощью марксистско-ленинской социально-философской теории об общественно-экономической формации. Важнейшая проблема, которая в этой связи возникает — это проблема правильного применения теории. Наличие

<sup>89</sup> Методологические проблемы общественных наук. М., 1979, с. 331.

<sup>90</sup> Там же, с. 332.

<sup>91</sup> См. по этому поводу: *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание, с. 148—149.

<sup>92</sup> *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история, с. 110,

теории «еще не дает правильного понимания реальности»<sup>92</sup>. Надо уметь теорию применять. А для этого требуется прежде всего устранить расплывчатость в толковании исходной категории.

Основоположники марксизма-ленинизма считали крайне нежелательным обозначение разных понятий одинаковым термином, хотя и прекрасно понимали, что во всех случаях избежать этого нельзя. К. Маркс по этому поводу писал: «Употребление одних и тех же *termini technici* (технических терминов) в различном смысле неудобно, но в полной мере избежать этого не удастся ни в одной науке...»<sup>93</sup>. Отсюда следует, что без крайней необходимости не имеет смысла обозначать одним термином разные понятия. Думается, что нет никакой необходимости использовать термин «формация» для обозначения общественных процессов разных уровней, в которых по-разному отражены глубина и охват структурных элементов общественной жизни.

Следует подчеркнуть, что не только историки стремятся истолковывать категорию «формация» в аспекте собственной науки. Подобная тенденция обнаруживается и у экономистов.

Стремление некоторых экономистов превратить «общественно-экономическую формуляцию» исключительно в категорию политической экономии также не помогает разработке методологических проблем науки, не способствует укреплению союза общественнонаучного с философией, а подчас вносит путаницу в совершенно ясные вопросы. Так, в уже упоминавшейся работе В. Г. Усенко «общественно-экономическая формация» объявляется экономической категорией «которая выражает определенный общественный организм как систему необходимых производственных отношений...»<sup>94</sup>. Он утверждает, что если в содержание понятия «общественно-экономическая формация» включить производительные силы, экономический базис, надстройку, формы общественного сознания и т. д., то «тем самым мы лишаем себя возможности материалистически объяснить необходимость тех или иных политических, правовых и других идеологических форм, существование тех или иных общественных идей и т. д.»<sup>95</sup>.

Итак, если мы не сведем формуляцию к производствен-

<sup>92</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 228.

<sup>94</sup> Усенко В. Г. Политическая экономия и управление производством, с. 107.

<sup>95</sup> Там же, с. 109.

лым отношениям, то, по сути дела, выступим против материалистического понимания истории. Вывод получается более чем странный, но он имеет свою логику. Раз, в формацию как экономический базис общества включается надстройка, а общественные идеи, как это ошибочно делает В. Г. Усенко, частично выносятся за скобки надстройки и формации, то получается, что общественные идеи определяются не только производственными отношениями, но и надстроечными элементами, причем в равной степени, что противоречит материалистическому пониманию общественной жизни.

Попытка свести формацию к производственным отношениям к тому же явно сужает значение этой категории, а главное, она превращается в бесполезный дубликат уже существующего в экономической науке понятия — «производственные отношения», которое под философским углом зрения анализируется и в историческом материализме.

В принципе, думается, что можно говорить о своеобразии в подходе отдельных отраслевых наук к учению об общественно-экономических формациях, который вытекает из особенностей их предмета. Вместе с тем общие принципы понимания категории «общественно-экономическая формация» формулируются историческим материализмом. Исторический материализм определяет принципы построения формационной теории и ее методологическую функцию.

В своем социально-философском значении категория «формация» включается в категориальный аппарат отраслевых общественных наук в качестве исходного теоретического основания. П. Н. Федосеев отмечал, что «одни и те же категории могут быть категориями исторического материализма и исторической науки. Например, категория „общественно-экономическая формация“ — это общая логическая категория в марксистско-ленинском мировоззрении»<sup>96</sup>.

Таким образом, речь идет об общей логической категории «общественно-экономическая формация», имеющей единый смысл. Если же отраслевые науки будут давать собственное ее толкование, то произойдет постепенное «вымывание» философской методологии из арсенала методологических средств отраслевых наук. Теория обще-

---

<sup>96</sup> История и социология. М., 1964, с. 331.

ственно-экономических формаций как философская основа методологии отраслевых наук может оказаться замечательной категориальным аппаратом нефилософского характера, который более близок к предмету исследования отраслевых наук. В этом случае методологическая функция исторического материализма не сможет реализоваться в полной мере. На современном же этапе развития обществензнания особенно важно правильно понять и раскрыть функцию философских методологических средств в их вплетенности в методологию отраслевых общественных наук, поскольку от этого во многом зависит решение собственных познавательных задач таких наук, целью которых совместно с марксистско-ленинской философией является обслуживание общественно-исторической практики прогрессивных сил в современном мире.

## 5. СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Структура формации, состав ее элементов систематически обсуждаются в нашей печати, хотя пока еще нет сколько-нибудь обстоятельного, монографического исследования этой проблемы.

Специалистами в области исторического материализма и отраслевых общественных наук (историками, экономистами) выдвигались главным образом два различных понимания структуры общественно-экономической формации. Одни считали, что ее структура сводится к производственным отношениям, другие — включали базис, надстройку и элементы, которые в них не входили, такие, как производительные силы общества, семья, нация и т. п. В 50-х годах дискуссия между сторонниками разных точек зрения приняла достаточно острый характер. Большинство ученых поддерживали представление о многоэлементном характере структуры формации. Сам факт одобрения большинством специалистов определенной теоретической позиции еще не есть доказательство. Более доказательными явились те аргументы, которые приводились сторонниками многоэлементной структуры формации.

Рассмотрим эти аргументы и начнем с разбора компромиссного варианта в толковании структуры формации.

Некоторые авторы склонялись к тому, что слово «формация» в работах основоположников марксизма-ленинизма употреблялось в разных смысловых значениях. Иногда оно выражало экономическую структуру общества (сово-

купность производственных отношений) и, следовательно, имело политэкономический смысл, в другом случае — обозначало философско-социологическую категорию. В последнем случае структура формации представлялась более сложной<sup>97</sup>.

На первый взгляд такая позиция могла показаться привлекательной, так как она оправдывала обе точки зрения по поводу структуры формации. Однако это только на первый взгляд. Следует сразу оговориться, что, несмотря на все заверения сторонников такой концепции, осталась педоказанной причастность основоположников марксизма-ленинизма к двоякому пониманию структуры формации. Все приводимые выдержки из их работ не являлись прямым подтверждением такого вывода. Но главное даже не в этом. Никто из сторонников двоякого толкования термина «формация» не показал, что оно необходимо в теоретическом и методологическом отношениях.

Вместе с тем некоторые основания, хотя их и нельзя считать достаточными, у сторонников такой позиции были. Дело в том, что если ограничиться анализом лишь отдельных работ основоположников марксизма-ленинизма, преимущественно ранними, или фрагментами, изолированными от контекста в более поздних работах, короче, если не учитывать развития взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на общественно-экономическую формацию и ее структуру, то можно сделать вывод о двояком понимании структуры формации.

В нашей философской литературе неоднократно предпринимались попытки объяснить факт неоднозначности термина «формация» в произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Так, М. С. Джукусов объяснял это тем, что представление о формации и ее структуре у К. Маркса и Ф. Энгельса складывалось постепенно. По его мнению в «Немецкой идеологии» прослеживаются лишь отдельные признаки этого понятия, выделяется лишь его основа — «форма собственности». В работе К. Маркса «Наемный труд и капитал» структура общества раздвигается до экономических отношений. В произведении «К критике политической экономии», наряду с экономической, выделяются социальная, политическая и духовная стороны общественной жизни. Наконец, в «Капитале»

---

<sup>97</sup> Такое мнение высказывалось в работе А. Г. Федоровой «Общественно-экономическая формация». М., 1959, с. 11.

наиболее полно формулируются все элементы, составляющие структуру общественно-экономической формации<sup>98</sup>.

Такого рода подход, когда предпринимается попытка рассмотреть воззрения К. Маркса и Ф. Энгельса по одному из центральных вопросов их теории, опираясь не на отдельные произведения, цитаты или фрагменты, а на все их философское наследие в целом, несомненно, правомерен. В данном случае формационная теория и ее категориальный аппарат анализируются в процессе их становления и развития.

Анализ теоретических положений в гегетическом ключе отвечает требованиям диалектического метода и поэтому не случайно позитивному рассмотрению теории общественно-экономической формации и ее методологической функции в данной монографии предпосылается глава, где предпринимается такого рода исследование. По сути,— это один из важнейших приемов, позволяющий установить смысловое значение категории, которое она приобрела в развитой теории. Именно такое смысловое значение категории «формация» должно приниматься за основу в историческом материализме.

Возвратимся теперь к позиции авторов, сводящих структуру формации к производственным отношениям. В этой связи нельзя обойти молчанием наиболее веский аргумент тех, кто настаивает на сугубо экономической природе категории «общественно-экономическая формация». Этот аргумент сводится к ссылке на прямое высказывание В. И. Ленина в работе «Что такое „друзья народа“...». В ней сказано, что К. Маркс установил «понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений...»<sup>99</sup>. Данная формулировка в несколько иной редакции приводится и в «Экономическом содержании народничества...». На эти положения обычно ссылаются как на решающее основание для идентификации взглядов тех, кто сводит структуру формации к производственным отношениям, с позицией основоположников марксизма-ленинизма. Вместе с тем подобное основание не покажется достаточным, если взять не отдельные фрагменты работы В. И. Ленина,

<sup>98</sup> См.: Джунусов М. С. Общественно-экономическая формация как категория исторического материализма.— В кн.: Категории исторического материализма. Фрунзе, 1959, сб. 1, с. 13—14.

<sup>99</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

а суть его теоретических позиций. Выступая против субъективистской социологии народников, он выделял главное завоевание марксизма в философской науке об обществе — материалистическое понимание истории. В этой связи, говоря об общественно-экономической формации, он на первый план выдвигал экономическую структуру общества, с определяющей ролью которой по отношению ко всем другим сторонам общественной жизни связано материалистическое понимание истории. Но материалистическое понимание истории В. И. Ленин рассматривал как исходный пункт создания учения об общественно-экономической формации. «Материализм, — отмечал он, — дал вполне объективный критерий, выделив производственные отношения, как структуру общества»<sup>100</sup>. И далее В. И. Ленин писал, что «анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие общественной формации»<sup>101</sup>.

Остаиваясь на исследовании К. Марксом капитализма, В. И. Ленин обратил внимание, что главным в этом исследовании был анализ системы товарного хозяйства, производственных отношений капитализма. На почве такого анализа К. Маркс разработал экономическую теорию капитализма. Однако, когда В. И. Ленин раскрывал понимание К. Марксом структуры капиталистической общественной формации, то он специально подчеркивал, «что — объясняя строение и развитие данной общественной формации исключительно производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облакал скелет плотью и кровью». И, чтобы не оставалось никакого сомнения в том, каким образом К. Маркс представлял себе структуру формации, В. И. Ленин продолжал, что в «Капитале» автор показал читателю «всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капитали-

---

<sup>100</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

<sup>101</sup> Там же.

стов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»<sup>102</sup>.

Представляется, что приведенные положения не оставляют сомнения в том, что основоположники марксизма-ленинизма понимали структуру формации как сложную систему взаимодействующих сторон общественной жизни. И вместе с тем есть еще одно обстоятельство, которое нельзя не оговорить. Иногда двойное понимание структуры формации (как совокупности производственных отношений и совокупности различных взаимодействующих сторон общественной жизни, определяемых способом производства) пытаются подтвердить тем, что В. И. Ленин в своих работах употребляет два разных термина: «общественная формация» и «общественно-экономическая формация», причем понятие «общественно-экономическая формация» в работе «Что такое „друзья народа“...» у него нередко связывается с производственными отношениями, а понятие «общественная формация» — со сложной структурой сущностных сторон общественной жизни. Однако употребление В. И. Лениным двух терминов вряд ли можно толковать как признание им двойного понимания структуры формации. На наш взгляд, он не проводил различия между содержанием категорий «общественная формация» и «общественно-экономическая формация». Так, например, В. И. Ленин в ряде случаев характеризовал общественно-экономическую формацию как совокупность производственных отношений или применительно к капитализму — как систему товарного хозяйства<sup>103</sup>, с другой стороны — раскрывал общественную формацию как совокупность производственных отношений<sup>104</sup>. В работе «Экономическое содержание народничества...», наоборот, понятие «общественно-экономическая формация» анализируется как совокупность сущностных сторон общественной жизни. Производственные отношения рассматриваются как определяющее основание структуры формации, «которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли»<sup>105</sup>.

---

<sup>102</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138—139.

<sup>103</sup> См.: Там же.

<sup>104</sup> См.: Там же, с. 165.

<sup>105</sup> Там же, с. 429.

Приведенные положения дают основание полагать, что в результате эволюции взглядов основоположников марксизма-ленинизма, в том числе на ленинском этапе, утвердилось однозначное представление о структуре общественно-экономической формации. Структуру формации стали понимать как совокупность сущностных сторон общественной жизни, причем определяющей стороной признавались производственные отношения, соответствующие определенному уровню развития производительных сил. В философской литературе начиная с 50-х годов постепенно закреплялся взгляд на структуру формации как на цельный социальный организм, находящийся на определенном этапе исторического развития, охватывающий совокупность всех существенных сторон общественной жизни.

Можно считать, что такой взгляд на структуру формации прочно утвердился в философской литературе. Об этом свидетельствуют публикации последних лет<sup>106</sup>. Такой взгляд доминировал на координационном совещании по теории общественно-экономической формации, проводившемся в Институте философии АН СССР (1978 г.). Такая точка зрения принимается не только советскими учеными, но и учеными других социалистических стран.

Представление о формации как о целостной системе общественных явлений, определяемых конкретно-историческим типом экономических связей, вошло в 70-х годах и в нашу учебную литературу<sup>107</sup>.

Вместе с тем нельзя говорить о полной ясности в понимании структуры формации. До сих пор сохранились различные мнения по поводу тех структурных элементов, которые следует включать в формацию. Обычно выделяют те стороны общественной жизни, во взаимодействия которых раскрывается функционирование социальной системы, однако подходы к вычленению взаимодействующих элементов неодинаковы. Так, одна группа философов основу формационной структуры видит в дифференцированных общественных отношениях. М. С. Джунусов, например<sup>108</sup>, выделяет экономические, социальные, идеологиче-

<sup>106</sup> См. например: *Гановский С.* Общественно-экономическая формация и мирное сосуществование. М., 1964, с. 67.

<sup>107</sup> См.: *Основы марксистско-ленинской философии.* М., 1971.

<sup>108</sup> См.: *Джунусов М. С.* Общественно-экономическая формация как категория исторического материализма, с. 22—23.

ские отношения. В. П. Рожин, В. П. Тугаринов, А. Ф. Кузьмин, Л. С. Павлов предложили рассматривать формации в классовых обществах состоящими из различных отношений, группирующихся в определенные системы: экономические, социальные, политические, духовные отношения. Причем каждая из указанных систем складывается из других, более частных систем общественных отношений. Например, экономические отношения состоят из отношений собственности, обмена, распределения, потребления и т. д. Формация в ее структурном варианте в конечном счете выступает как система систем<sup>109</sup>.

Другая группа философов в качестве основных элементов формации выделяет производительные силы, базис и надстройку. Вариативность в проведении этой позиции состоит в перечислении некоторых дополнительных компонентов. Обычно говорят о необходимости включения в структуру формации таких важных общественных явлений или сторон общественной жизни, как семья, сфера быта, классовые отношения, исторические общности людей.

Когда речь идет о структуре формации, структурные элементы общественной жизни должны быть представлены в их наиболее существенных чертах. Поэтому нельзя, выясняя структуру формации, становиться на путь перечисления отдельных общественных явлений. Их слишком много и они затемняют главное, не позволяют понять действительно существенные моменты. Далее, необходимо уточнить, о структуре какой формации мы говорим. Известны пять (вопрос о существовании азиатской формации обсуждается) конкретно-исторических общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая. Решая вопрос философски, необходимо раскрыть элементы любой формации, т. е. формации вообще, формации, которая будет родовым понятием по отношению к конкретно-историческим проявлениям. Так в нашей философской литературе и поступают: пишут о структуре формации вообще. Однако структуры первобытнообщинной и капиталистической конкретно-исторических формаций различаются. По мере развития истории структура общественной жизни усложнялась. Поэтому когда

---

<sup>109</sup> См., например: Марксистско-ленинская философия: Учебное пособие. М., 1968, с. 260.

описывается структура формации вообще, то за основу берутся наиболее развитые общественные формы, из характера которых и исходят исследователи.

Такой подход дает возможность осуществить движение теоретической мысли от абстрактного к конкретному. Сначала — проследить особенности в структурах конкретно-исторических общественно-экономических формаций на сущностном уровне, затем перейти к анализу структуры отдельных обществ, обладающих данной формационной принадлежностью, во всем богатстве общих, особенных и единичных черт.

Рассмотрим вопрос о структуре общественно-экономической формации как таковой и в этой связи — о выделении соответствующего критерия для определения ее структурных элементов.

Структура формации охватывает самые различные элементы, взаимодействующие между собой. Чтобы представить структурные элементы формации, их необходимо сгруппировать, иначе говоря, рассмотреть структуру формации под углом зрения различных срезов.

Один из таких срезов заключается в выделении сторон общественной жизни, которые включены в систему отношений базиса и надстройки. Это производственные отношения как системообразующие и определяющие, идеологические отношения (политические, правовые, нравственные и т. п.), общественные учреждения (политические: партии, государство и т. п.), общественные идеи (политические, правовые, этические и т. п.). В эту же систему включаются производительные силы, органически связанные с производственными отношениями и являющиеся конечной причиной исторического прогресса. «Из определенной формы материального производства, — отмечал К. Маркс, — вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе»<sup>110</sup>. В этих двух группах общественных явлений представлены, с одной стороны, базис и определяемая им надстройка общества, с другой — производительные силы.

Другой срез формационной структуры позволяет классифицировать общественные явления по *социальному* стержню. Термин «социальный» употребляется здесь в значении «общественный» и обозначает круг явлений, которые имеют сложную структуру, свою экономическую,

---

<sup>110</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 279.

политическую и т. п. стороны (например, классы). Предпосылкой такой группировки будет народонаселение. В различных исторических условиях движение народонаселения, его рост и т. п. подчиняются различным социальным закономерностям. Исследуя проблему народонаселения, В. И. Ленин писал: «Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов (под «социальными организмами» В. И. Ленин понимал «формации». — *Е. Л.*), и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно», без отношения к исторически различным формам общественного устройства»<sup>111</sup>.

К. Маркс обнаружил прямую связь между общественным строем и количеством населения. Он отмечал, что условия общественного строя совместимы только с определенным количеством населения. Поэтому столь же историчным является перенаселение, появляющееся при тех или иных общественных условиях. Перенаселение «у охотничьих народов было иным, чем у африканцев, а у этих последних оно было иным, чем у германцев...»<sup>112</sup>. «Перенаселение и население, взятые вместе, — отмечал К. Маркс, — составляют то население, которое может быть порождено определенным производственным базисом»<sup>113</sup>.

Определение структуры формации в социальном срезе связано с выделением субъектов исторической деятельности, определенных исторических форм общности людей. Народонаселение группируется по таким историческим формам общности: племя, семья, этнические группы, народности, нации. Другой спектр исторических форм общности непосредственно выражает классовую структуру общества — это классы, социальные группы и прослойки, народные массы как совокупность преимущественно трудящихся классов на определенном этапе исторического развития, народ (например, при социализме — советский народ как новая историческая общность).

Социальный аспект структуры формации нельзя противопоставлять сущностным сторонам общественной жизни. Исторические формы общности людей имеют слож-

---

<sup>111</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 476.

<sup>112</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 102.

<sup>113</sup> Там же, с. 102—103.

ную природу. В них взаимодействуют как материальные стороны общественной жизни, так и те, которые принадлежат к надстройке. Исторические формы общности, следовательно, можно понять только через призму сущностных сторон общественной жизни. С другой стороны, без включения исторических форм общности людей, субъектов общественной деятельности понимание структуры формации будет неполным, да и сами сущностные стороны не могут быть правильно поняты в их реальных противоречиях. Вместе с тем все-таки это разные аспекты формационной структуры, которые классифицируются по разным основаниям. Было бы неправильно их смешивать, включая единым потоком в общий реестр структурных элементов формации, как это делалось в 50-х годах.

Последнее время все более широко обсуждается возможность исследования структуры формации по сферам общественной жизни. В философской литературе появились статьи и монографии, где категория «сфера общественной жизни» рассматривается как важное средство в анализе структуры общества. Сферы общественной жизни рассматриваются, например, в работах В. П. Рожина. Большое внимание этой проблеме уделяют болгарские ученые. Однако единства мнений по поводу того, что такое «сфера», пока нет. Понятие «сфера» может быть полезным только в том случае, когда выделяются какие-то качественно особые и относительно самостоятельные совокупности явлений общественной жизни.

В. С. Барулин и А. К. Уледов самыми общими элементами сферы называют субъекты деятельности, характер деятельности и общественные отношения. В совокупности эти элементы образуют качественно особый способ жизнедеятельности людей, связанный с соответствующими закономерностями. С учетом такого понимания выделяются три основные сферы общественной жизни: экономическая или сфера материального производства, политическая и духовная. В. П. Рожин в число основных сфер включает социальную сферу. Некоторые исследователи склонны дополнить их еще семейно-бытовой.

Мы не будем касаться проблемы неосновных сфер общества и обсудим только целесообразность выделения в основные сферы социальной и семейно-бытовой. Против такого выделения есть серьезные возражения, которые представляются достаточно убедительными. Так, А. К. Уледов считает, что, прежде чем апализировать

сферы общества, необходимо рассмотреть субъекты исторического процесса, т. е. исторические формы общности людей, которые своею деятельностью проникают во все сферы общественной жизни. Если с этим согласиться, то сам собою снимается вопрос об особой социальной сфере. Думается, что такой подход является правильным. Социальный срез правомерно рассматривать самостоятельно как некоторую общую характеристику формационной структуры. Разумеется, что в рамках формационного анализа нельзя абстрагироваться от взаимосвязи и взаимодействия основных сфер общества на основе определяющей роли сферы материального производства.

Анализ сфер общественной жизни в структуре формации связан с решением особой познавательной задачи. Ее целью является исследование обширных областей общественной жизни, существенным образом влияющих на функционирование и развитие всего общественного организма в целом как определенной системы. Сферы общественной жизни также нельзя отрывать от ранее рассмотренных двух срезов формационной структуры.

Существенный шаг вперед в разработке проблемы структуры общественно-экономической формации сделал В. Г. Афанасьев. Помимо анализа структуры формации по основным сторонам общественной жизни, он выделяет социальный срез (объединения людей, их сообщества), который конкретизируется на разных уровнях — административно-территориальном, демографическом и т. п.<sup>114</sup> Выделяется срез — по сферам общественной жизни. Плодотворной представляется идея В. Г. Афанасьева максимально широко представить структуру формации, раскрыть ее как многоплановую систему, хотя в некоторых случаях, на наш взгляд, допускается излишняя детализация. Вместе с тем высказанные мысли заслуживают внимания и помогают дальнейшей разработке проблемы.

Структура формации представляет собой систему, обладающую целостностью. Иными словами, каждый элемент формационной структуры включает в себя черты, выражающие качественную характеристику всей системы как определенной целостности.

Целостность структуры формации коренится в определяющей роли материального производства, которая обес-

---

<sup>114</sup> См.: Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980, с. 268—270.

печивает качественную определенность всех других ее структурных компонентов. «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена [commerce] и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов,— словом, определенное гражданское общество»<sup>115</sup>.

Таким образом, структура формации представляет собой систему взаимосвязанных сторон, системообразующей основой которой выступает материальное производство, и прежде всего экономические отношения.

В. П. Кузьмин рассматривает систему, как «определенное множество взаимосвязанных элементов, образующее устойчивое единство и целостность, обладающее интегральными свойствами и закономерностями»<sup>116</sup>.

Анализируя структуру формации, мы будем следовать этому определению. Материалистическое понимание истории позволило взглянуть на формацию как на целостный социальный организм, представляющий собой такую систему, которая объясняла взаимодействие и взаимосвязь всех «подсистем», представляющих собою сущностные стороны общественной жизни, исторические формы общности людей и сферы и т. п. Вместе с тем были открыты системные закономерности функционирования общества. К. Маркс показал, что законы, которым подчиняется целостный единый социальный организм, являются законами, обобщающими все более частные закономерности и поэтому представляют собой их качественную характеристику.

Анализ формационной структуры как целостности имеет некоторые дополнительные характеристики. Эти характеристики нельзя определить как элементы структуры наряду с другими, так как они относятся к системе в целом, либо проникая все ее составляющие, либо являясь показателем ее качественного состояния. К таким общественным явлениям, выражающим целостность всего общественного организма, можно отнести управление и культуру.

---

<sup>115</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402.

<sup>116</sup> Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 10, 11.

Категория «управление» имеет отношение не только к обществу. Однако применительно к обществу абстрактное понятие «управление» конкретизируется, приобретая дополнительные черты и своеобразную качественную специфику. Поскольку управление проникает собою все стороны общественной жизни, то различают несколько его видов, в зависимости от характера объекта. Так, В. Г. Марахов различает такие виды управления: экономическое, социальное, политическое, управление духовно-идеологическими отношениями. В качестве особого вида управления он рассматривает технологическое или техническое управление<sup>117</sup>.

Общество как целостность характеризуется качественным своеобразием и уровнем культуры. В данном случае мы не будем вдаваться в тонкости дискуссии по поводу определения культуры. В нашу задачу не входит и рассмотрение содержания теории культуры. На этот счет есть специальная литература. В данном же случае важно показать отношение культуры к структуре формации как определенной целостности. В этом смысле примечателен вывод, к которому пришел В. М. Межуев в монографии, посвященной проблемам культуры. «Любая попытка, — отмечал он, — рассматривать проблему культуры как нечто самостоятельное и существующее независимо от целостного историко-материалистического учения об обществе не дает удовлетворительного результата»<sup>118</sup>. С его точки зрения понятие «культуры» в марксизме выступает как всеобщая социологическая категория, содержащая в себе целостную характеристику исторической реальности<sup>119</sup>.

Последние годы интенсивно разрабатывается категория «образ жизни людей». Как же соотносятся между собой формация, ее структура и образ жизни людей? Поскольку учение о структуре формации дает нам целостное понимание общественной жизни, то у некоторых исследователей возникло мнение, что категория «общественно-экономическая формация» совпадает с понятием «образ жизни». Образ жизни дает целостную картину поведения индивидов в обществе. В этой связи предлагалось уравнивать эти понятия с точки зрения их содержания и места в системе категорий исторического материализма. Они в равной

<sup>117</sup> См.: Марахов В. Г. Структура и развитие производительных сил социалистического общества. М., 1970, с. 241.

<sup>118</sup> Межуев В. М. Культура и история. М., 1977, с. 13.

<sup>119</sup> Там же, с. 16.

степени рассматривались как фундаментальные и исходные категории философской науки об обществе, причем образу жизни людей как первичной клеточке теоретического анализа отдавалось даже некоторое предпочтение. Это понятие применялось и для определения содержания категории «формация». Так, общественно-экономическая формация определялась как исторически определенный тип образа жизни людей и ступень развития общества <sup>120</sup>.

Вряд ли можно согласиться с мнением, что формацию необходимо определять через образ жизни людей, возводя последнее в разряд родового по отношению к формации, тем более выводить из образа жизни эту категорию. Дело в том, что понятия «образ жизни людей» и «общественно-экономическая формация» разноуровневые. Формация, как мы пытались доказать, с точки зрения понимания ее структуры охватывает сущностные стороны общественной жизни, типичные черты исторических форм общности людей, отдельные сферы социального целого. Категория «образ жизни людей», несомненно, является характеристикой социального целого. В образе жизни выражается социально-устойчивое, социально-типичное, проявляющееся в поведении индивидов. В монографии В. И. Толстых отмечается, что это понятие «будет заключать в себе способы, формы, типы проявления общественного на уровне индивидуального, на уровне личностного поведения и существования человека» <sup>121</sup>. Через категорию «образ жизни» мы осуществляем переход от понимания сущности общества и человека к индивидуальным, хотя и типичным, чертам его поведения в исторически определенных общественных условиях. Взаимосвязь теории формации и теоретического объяснения образа жизни людей состоит в том, что целостное представление о сущностных сторонах общественной жизни и другие элементы формационной структуры, теоретическое объяснение конкретно-исторических типов общества помогают понять характерные черты поведения индивидов, их образ жизни в определенных исторических условиях.

Если в учении о формации выражается сущность социального целого, а следовательно, и конкретно-исторического человека, то знание об этой сущности является

---

<sup>120</sup> См.: Шершунов А. Д. Категории исторического материализма. М., 1975, с. 36.

<sup>121</sup> Толстых В. И. Образ жизни. М., 1975, с. 29.

исходным пунктом для теоретического осмысления индивидуального, личностного поведения людей. Реальные индивиды, их деятельность, живые личности — это исходный пункт исследования в системе обществознания, но для того чтобы это знание стало научным, нужна теория, понимание сущности социальных процессов. И только через теорию мы можем прийти к достоверному знанию об этих реальных индивидах и их поведении.

К. Маркс отмечал, что «человек — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это *мир человека*, государство, общество»<sup>122</sup>. Для того чтобы понять реального человека, образ жизни людей, для этого нужно понять «мир человека», те общественные условия, в которых он живет. Учение о структуре формации дает лишь сущностно-общие черты этих условий. Для воспроизведения их во всем реальном многообразии на протяжении истории необходимо совершить восхождение от абстрактных положений теории к конкретному представлению о структуре реальной общественной жизни в определенные конкретно-исторические эпохи, в отдельных странах и т. п. В этом движении от абстрактного к конкретному раскрывается во всем объеме методологическая функция марксистско-ленинского учения о структуре формации. Это движение осуществляется через выявление особенностей структуры каждой конкретно-исторической формации, а затем структуры реальных отдельных обществ, исторических периодов и эпох.

На основе философских знаний о структуре формации в союзе с отраслевыми общественными науками вырабатывается представление о структуре первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций. Своеобразие их структуры будет выражаться в количестве, характере, развитости отдельных структурных элементов, особенностях их взаимодействия и т. д.

Учение о структуре конкретно-исторических формаций, в свою очередь, выполняет методологическую функцию в ходе исследования структуры отдельных обществ (стран, регионов), существовавших в прошлые исторические эпохи или существующих в современную.

Структура отдельных реальных обществ сложнее, чем ее теоретический снимок, запечатленный в структуре кон-

<sup>122</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 414.

кретно-исторических формаций. Это усложнение определяется тем, что в действительности формационные типы не существуют в «чистом» виде. Разноукладность реальных обществ и определяет пестрое переплетение разнотипных структурных элементов. Причем не всегда легко бывает разобраться, к какому типу принадлежит тот или иной структурный элемент. Вместе с тем, точно так же как и в конкретно-исторических формациях, все элементы структуры реальных обществ образуют определенную целостность.

Категория «целостность» характеризует структуру общества как на формационном уровне, так и на уровне отдельных реальных исторических образований. Целостность структуры выражается в закономерном взаимодействии ее элементов и генетической связи с прошлым и будущим их состоянием, что имеет место, как отмечал К. Маркс, в любой органической системе. «Сама эта органическая система,— продолжал он,— как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития»<sup>123</sup>.

Из марксистско-ленинского учения о структуре формации выводится еще ряд важных методологических принципов, которые имеют существенное значение для социального познания и общественно-исторической практики людей.

Философское учение о законах взаимодействия структурных элементов формации, основывающееся на материалистическом понимании истории, фиксирует общие черты, которые повторяются в самые различные исторические периоды и в непохожих друг на друга разнотипных исторических формах общественного устройства. Знание этих законов является действенным методологическим средством в научных исследованиях различных отраслей общественного познания.

Системность и целостный характер структуры социальной организации ведут еще к одному методологическому выводу, относящемуся к познанию отдельных реальных,

<sup>123</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 229.

многоукладных обществ. Каждый формационный тип общества имеет свой набор структурных элементов, объединенных в систему. И эти элементы нельзя произвольно переносить из одного типа общественных связей в другой.

С этих позиций В. И. Ленин критиковал народников, которые произвольно соединяли разнотипные формы экономических связей. Он писал, что народник «смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Он вырывает одно из таких явлений — принадлежность земли земледельцу в средневековых формах — и думает, что его можно точно так же пересадить во всякие другие формы, как кирпич переложить из одного здания в другое»<sup>124</sup>.

Методологическую функцию учения о структуре формации важно учитывать при анализе сложнейших процессов современной исторической эпохи, теоретических проблем развитого социализма и коммунистического строительства.

## Глава вторая

### ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ

#### 1. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКЛАД, СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА, ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ. УКЛАДНЫЕ И НЕУКЛАДНЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В основе любого конкретного общества, т. е. социального организма, лежит определенная система экономических, производственных отношений. Эта система отношений, составляющая экономический строй данного общества, определяет все прочие существующие в нем общественные отношения, определяет исторический тип общества, т. е. его принадлежность к той или иной общественно-экономической формации. Поэтому задача анализа экономического строя общества является одной из самых важных в общественных науках. Только такой анализ может дать ключ к пониманию данного социаль-

<sup>124</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 191.

ного организма, его прошлого, настоящего и будущего, к раскрытию закономерностей его развития.

Эта задача не проста даже в том случае, когда базис социального организма, его экономический строй образуют производственными отношениями, относящимися к одному типу. Но она становится во много раз сложнее, когда экономический строй общества включает в себя производственные отношения не одного, а нескольких разных типов. А именно таким был экономический строй подавляющего большинства, если не всех, классовых социальных организмов.

В таком случае важнейшим инструментом анализа экономического строя общества является понятие общественно-экономического уклада, введенное в марксистскую науку и разработанное В. И. Лениным.

Среди философов и историков нередко бытует мнение, что понятие общественно-экономического уклада было введено В. И. Лениным впервые в 20-х годах XX в., когда он столкнулся с задачей анализа экономического строя Советской России переходного периода. Однако согласиться с ними нельзя. Данное понятие используется почти во всех его работах, посвященных анализу экономического строя общества, начиная с ранних и кончая самыми поздними. Впервые введя это понятие в работе «К характеристике экономического романтизма» (1897 г.)<sup>1</sup>, В. И. Ленин детально разработал его в рецензии на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки» (1898 г.)<sup>2</sup>.

Отмеченная выше ошибка некоторых философов и историков объясняется тем, что в ранних своих работах В. И. Ленин использовал иные термины — «уклад общественного производства» («уклад общественного хозяйства»), «система общественного производства» («система общественного хозяйства»). Этими терминами он продолжал пользоваться в более поздних работах, однако в последних он чаще употреблял как их синоним термин «общественно-экономический уклад»<sup>3</sup>, который один только и получил впоследствии всеобщее признание. Но данное обстоятельство не должно заслонять от нас того несомненного факта, что В. И. Ленин в термины «обще-

<sup>1</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 219.

<sup>2</sup> См.: Там же, т. 4, с. 36—37.

<sup>3</sup> См.: Там же, т. 43, с. 158, 227, 229.

ственно-экономический уклад», «уклад общественного производства», «система общественного хозяйства» вкладывал одно и то же содержание.

Взгляд на понятие общественно-экономического уклада как на введенное лишь для анализа прежде всего переходного периода обусловил и соответствующее понимание содержания этого понятия, которое долгое время почти безраздельно господствовало в литературе и полностью не изжито до настоящего времени. Речь идет о понимании общественно-экономического уклада как либо зародыша нового способа производства (или шире — зародыша новой общественно-экономической формации) в недрах старого общества, либо остатка старого способа производства (или шире — остатка старой формации) в недрах нового общества.

Оно, на наш взгляд, резко расходится с ленинским пониманием, которое нашло наиболее отчетливое выражение в рецензии на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки». Отстаивая в этой работе «воззрение на политическую экономию», как на науку о развивающихся исторических укладах общественного производства, науку, имеющую своей целью дать «представление об отдельных, исторически определенных, укладах общественного хозяйства», В. И. Ленин писал: «Вся задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы... В девяносто девяти случаях из ста именно этого-то и недостает руководствам по политической экономии. Не столько еще в том их недостаток, что они ограничиваются обыкновенно одной системой общественного хозяйства (именно капитализмом), сколько в том, что они не умеют концентрировать внимание читателя на коренных чертах этой системы ...не умеют представить отдельные стороны и отдельные явления современной хозяйственной жизни, как составные части определенной системы общественного хозяйства, как проявления коренных черт этой системы ...не умеют, наконец, заинтересовать учащегося, потому что крайне узко и бессвязно понимают значение экономических вопросов, размещая в «поэтическом беспорядке» «факторы» экономический, политический, моральный и т. д. Только *материалистическое понимание истории* вносит свет в этот хаос и открывает возможность широкого, связного и осмыслен-

ного воззрения на особый уклад общественного хозяйства, как на фундамент особого уклада всей общественной жизни человека»<sup>4</sup>.

Как явствует из приведенного выше положения, говоря об укладах общественного хозяйства, В. И. Ленин имел в виду исключительно лишь производственные отношения, а не всю совокупность общественных отношений в целом и не общественное производство в целом. О таком же понимании общественно-экономического уклада свидетельствуют и все его последующие высказывания. «...Присмотритесь внимательно, — писал он, — что мы наблюдаем в России, с точки зрения действительных экономических отношений? Мы наблюдаем по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков... И, если присмотреться, мы должны сказать, что и сейчас в экономической системе, в экономическом строе России мы все эти отношения видим»<sup>5</sup>.

Но относясь исключительно лишь к производственным отношениям, понятие определенного общественно-экономического уклада в то же время не совпадает с понятием производственных отношений того или иного типа. Определенный общественно-экономический уклад есть не просто производственные отношения того или иного типа, а *система* производственных отношений того или иного типа. В этой связи нельзя не вспомнить одного из замечаний В. И. Ленина на второй проект программы Г. В. Плеханова. Говоря об употребленном в проекте термине «капиталистические производственные отношения», В. И. Ленин отметил, что он «более теоретичен и без добавления слов „система“ и т. п. (отношений) не указывает на нечто законченное и цельное»<sup>6</sup>. Именно с тем, что под общественно-экономическим укладом В. И. Ленин понимал систему производственных отношений, и связано употребление им в качестве синонимов терминов «уклад общественного производства (хозяйства)» и «система общественного производства (хозяйства)».

Так как общественно-экономический уклад представляет собой систему определенных производственных отношений, то вполне понятно, что данное понятие отнесется лишь к базису общества, к его экономическому строю.

<sup>4</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 36, 37.

<sup>5</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 158.

<sup>6</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 221—222.

Этим оно качественно отличается от понятия «общественно-экономическая формация», которое характеризует общество в целом, в единстве всех существующих в нем отношений.

Столь же неверно рассматривать общественно-экономический уклад как зародыш нового или остаток старого способа производства. Различие между способом производства и общественно-экономическим укладом заключается вовсе не в том, что в первом случае мы имеем дело со зрелым явлением, а во втором — с его зародышем или остатком. Оно идет совсем по другой линии. Общественно-экономический уклад есть система производственных отношений того или иного типа, представляющая собой определенную общественную форму, в которой совершается производство. Способ производства есть производство, взятое в определенной общественной форме, есть определенный тип общественного производства.

Способ производства и общественно-экономический уклад немыслимы друг без друга. Если существует определенный способ производства, то тем самым существует и соответствующий общественно-экономический уклад. Если существует определенный общественно-экономический уклад, то тем самым существует и соответствующий способ производства, причем именно сам данный способ производства, а не его зародыш или остаток. Другое дело, что данный способ производства (а тем самым и данный общественно-экономический уклад) может быть как новым, еще не господствующим в обществе, но с неизбежностью развивающимся по линии превращения в господствующий, так и старым, еще не исчезнувшим, но уже утратившим ведущее положение.

Взятое само по себе, понятие общественно-экономического уклада не содержит указания на место и роль данной системы производственных отношений в экономическом строе общества, а тем самым и в обществе в целом, на тенденции развития и степень ее развития. В. И. Ленин характеризовал как общественно-экономический уклад любую существующую в данном социальном организме систему производственных отношений определенного типа, совершенно независимо от того, является ли эта система господствующей, зарождающейся или исчезающей. Так, например, В. И. Ленин говорил о капиталистическом укладе в применении не только к феодальному обществу

и обществу Советской России 20-х годов XX в., но и к капиталистическому обществу<sup>7</sup>.

Таким образом, понятие «общественно-экономический уклад» — совершенно самостоятельная категория. Если понятие «способ производства» характеризует общественное производство в целом, а понятие «общественно-экономическая формация» — структуру общества в целом, то категория «общественно-экономический уклад» — лишь систему производственных отношений, которая, являясь общественной формой производства, представляет собой либо основу общества, либо составную часть основы общества.

Именно потому, что понятие общественно-экономического уклада характеризует исключительно производственные отношения, оно и является важнейшим инструментом анализа экономического строя того или иного конкретного общества, т. е. всей в целом системы производственных отношений, образующей фундамент этого общества.

Введение понятия «общественно-экономический уклад» открывает путь к пониманию того, что производственные отношения того или иного типа могут существовать и существуют в социальном организме по-разному. Производственные отношения того или иного типа могут образовывать в социальном организме систему, т. е. определенный общественно-экономический уклад. Но определенные производственные отношения могут и не образовывать в данном организме целостной системы, а существовать в нем в виде более или менее значительного придатка к системе, образованной отношениями другого типа. Здесь мы сталкиваемся с другой формой бытия производственных отношений — неукладной. В тех случаях, когда в рамках этих неукладных экономических отношений осуществляется производство, их совокупность можно было бы охарактеризовать как общественно-экономический подуклад. Соответственно эти неукладные отношения можно назвать подукладными.

Таким образом, производственные отношения могут выступать в социальном организме как в качестве общественно-экономического уклада, так и в неукладной форме, в частности в качестве общественно-экономического подуклада. Вполне понятно, что укладные и неукладные

---

<sup>7</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 111.

(в частности, подукладные) производственные отношения играют далеко не одинаковую роль в экономической структуре общества. Значение первых несравненно более велико, чем вторых. И нельзя при этом не вспомнить, что сама идея неравноценности разных производственных отношений была выдвинута еще К. Марксом, писавшим в одной из своих работ о вторичных, третичных, вообще непрерывных производственных отношениях<sup>8</sup>.

Различение укладных и подукладных производственных отношений, общественно-экономических укладов и общественно-экономических подукладов имеет важное методологическое значение. Игнорирование его может привести к грубым ошибкам. Примеров можно привести множество.

Как известно, некоторые буржуазные историки и экономисты находили капитализм и в Древней Вавилонии, и в Древнем Риме, и в других древних обществах. И в подтверждение они ссылались на наличие в этих социальных организмах наемного труда. Наемный труд действительно в них существовал. Это — несомненный факт, который нельзя ни отрицать, ни игнорировать при анализе экономики этих обществ. Но все дело в том, что данные экономические отношения не образовывали в них самостоятельной системы, т. е. особого общественно-экономического уклада. Они существовали лишь в качестве придатка к системе, образованной производственными отношениями иного типа.

Это прежде всего проявлялось в том, что наемный труд в этих обществах не противостоял капиталу. Человек, который нанимал работника, не выступал как капиталист. Наемный труд не был отношением наемного работника и капиталиста, т. е. не носил капиталистического характера, не был капиталистическим отношением. Таким образом в этих обществах не было не только капиталистического общественно-экономического уклада, а следовательно, и капиталистического способа производства, но не было и капиталистических отношений, даже зародышевых. Поэтому ни о каком капитализме в этих обществах говорить не приходится.

Наемный труд, как мы видели, является капиталистическим отношением далеко не всегда. Он является капиталистическим лишь тогда, когда противостоит капиталу,

---

<sup>8</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 46.

когда существует капиталистический общественно-экономический уклад. Капиталистическим является лишь укладный наемный труд. Неукладный наемный труд не является капиталистическим. Для обозначения производства, общественной формой которого является не уклад, а лишь подуклад, можно было бы использовать термин «образ производства». Естественно, что любой антагонистический образ производства является одновременно и определенным образом эксплуатации человека человеком. В рассматриваемом случае мы имеем дело с определенным образом производства и определенным образом эксплуатации, который можно было бы назвать наймитством.

Если не теоретически, то практически различие между укладной — капиталистической и подукладной — докапиталистической формами наемного труда всеми советскими исследователями учитывается. Это выражается, в частности, в применении терминов «капитализм», «капиталистический» исключительно лишь по отношению к укладным отношениям.

Гораздо хуже обстоит дело с качественным различием между укладными и неукладными рабовладельческими отношениями. Как зарубежные, так и советские историки, экономисты, философы, этнографы применяют термины «рабство», «рабовладение» в равной степени для обозначения как тех, так и других, в результате чего создается иллюзия, что мы имеем дело с абсолютно одним и тем же явлением. В действительности термин «рабство» имеет по меньшей мере три разных смысла.

Прежде всего под рабством можно иметь в виду такого рода состояние, когда один человек является полной собственностью другого. Существование рабства в таком смысле слова вовсе не предполагает бытие рабства не только в качестве способа производства, но и образа производства. Ведь раба можно использовать для личных услуг, а также в качестве учителя, чиновника, солдата и т. п.

Когда раб используется в производстве, причем в качестве работника, который трудится «при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»<sup>9</sup>, т. е. под полным контролем рабовладельца или лиц, им на то уполномоченных, то мы имеем дело не просто с рабством

<sup>9</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 354.

как состоянием, а с рабовладельческим производством. Но это производство может носить различный характер. В одном случае рабовладельческие производственные отношения образуют систему, т. е. общественно-экономический уклад. Тогда перед нами — рабовладельческий способ производства. В другом случае рабовладельческие отношения существуют лишь в качестве общественно-экономического подуклада. Тогда мы имеем дело лишь с рабовладельческим образом производства. Примером может послужить так называемое патриархальное рабство. Последнее существовало лишь в качестве общественно-экономического подуклада.

В качестве общественно-экономического уклада, а значит и способа производства, рабство существовало в античном мире. Система рабовладельческих производственных отношений составляла ядро социально-экономического строя античных социальных организмов.

Неукладные отношения необычайно многообразны. Как уже отмечалось выше, каждый антагонистический способ (или образ) производства есть способ (или образ) эксплуатации человека человеком. Это положение совершенно справедливо. Но из этого отнюдь не следует, как иногда думают, что верен и обратный тезис: каждый способ (образ) эксплуатации человека человеком есть антагонистический способ (образ) производства. Существовали и существуют такие способы эксплуатации человека человеком, которые вообще не представляют собой ни способа производства, ни даже образа производства.

Примером может служить ростовщичество. Блестящая характеристика его была дана К. Марксом. «Ростовщический капитал,— писал он,— обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства»<sup>10</sup>. Такого рода способы эксплуатации присасываются к тем или иным способам производства, существуют как своеобразное дополнение к последним. «Ростовщичество,— писал К. Маркс,— не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния»<sup>11</sup>. Как способ эксплуатации без способа производства, наряду с ростовщичеством, К. Маркс характеризовал также и торговлю. «Ростовщичество, как и торговля,— указывал он,—

---

<sup>10</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 147.

<sup>11</sup> Там же, с. 145.

эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним образом»<sup>12</sup>. Говоря о торговле как способе эксплуатации, базирующемся на тех или иных способах производства, К. Маркс имел в виду торговлю, которая совершается при посредстве купцов и предполагает существование купеческого капитала<sup>13</sup>.

Формы эксплуатации, которые не являются ни способами, ни образами производства, качественно отличаются от тех, которые одновременно представляют собой способы или образы производства. И это различие требует закрепления в терминологии. В дальнейшем изложении формы эксплуатации, не являющиеся способами производства, мы будем именовать методами эксплуатации. Они не образуют и не могут образовывать общественно-экономического уклада и существуют только как приделки к системе, образованной производственными отношениями иного типа, всегда являются неукладными. Если совокупность неукладных отношений, в рамках которых происходит процесс производства, мы условимся называть общественно-экономическим подукладом, то совокупность такого рода неукладных отношений требует для своего обозначения иной термин. Учитывая, что данные социально-экономические связи всегда являются отношениями только в процессе распределения и обмена, но не собственно производства, их совокупность можно было бы охарактеризовать как общественно-экономический надуклад. Соответственно такого рода неукладные отношения можно назвать надукладными.

Кроме ростовщичества и посреднической торговли существуют и другие методы эксплуатации. Один из них — данничество. Характерной особенностью данничества в строго научном смысле слова является то, что оно представляет собой отношение не внутри социального организма (социора), а между социальными организмами (социорами)<sup>14</sup>. Межсоциорным, а не внутрисоциорным отношением может быть и торговля как метод эксплуатации.

Принимая во внимание различие между способами (и образами) эксплуатации и методами эксплуатации, мы

<sup>12</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 159.

<sup>13</sup> Там же, ч. I, с. 355—370.

<sup>14</sup> Подробнее об этом понятии см.: Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. — Вopr. истории, 1966, № 8.

должны в то же время учитывать, что оно не является абсолютным. Так, например, купец, начав с роли посредника, может постепенно овладеть производством, подчинить себе мелких самостоятельных производителей, превратить их в наемных работников, а себя — в промышленного капиталиста. Но вполне понятно, что это может произойти только в определенных условиях. Глубокий анализ процесса превращения торгового капитала в промышленный, а мелких производителей — в наемных работников дали К. Маркс и В. И. Ленин<sup>15</sup>.

С другой стороны, тот или иной способ эксплуатации может в определенных условиях выступать как метод эксплуатации. Так, например, когда в России первой половины XIX в. крепостной крестьянин, работая на капиталистическом предприятии, отдавал часть заработной платы в качестве оброка помещику, то в данном случае крепостничество выступало исключительно как метод эксплуатации. Крепостничество выступало как метод эксплуатации и в том случае, когда крепостной крестьянин становился фабрикантом и выплачивал часть дохода помещику в качестве оброка.

Введение понятий о неукладных производственных отношениях, об общественно-экономических подукладах вовсе не означает отрицания возможности существования в одном социальном организме не одного, а нескольких общественно-экономических укладов. Однако в силу того, что производственные отношения могут носить неукладный характер, число существующих в социальном организме общественно-экономических укладов не обязательно должно совпадать с числом представленных в его базе разновидностей социально-экономических отношений. Число первых всегда, как правило, меньше числа вторых. Наличие в социальном организме нескольких видов производственных отношений само по себе еще не свидетельствует о его многоукладности. Он вполне может быть и одноукладным. Это имеет место тогда, когда производственные отношения только одного типа образуют в нем систему, а остальные существуют в виде придатков к этой системе. И в многоукладных социальных организациях отношения только некоторых из существующих в них типов образуют уклады. Все же прочие наличествуют в них только в качестве придатков к этим укладам.

<sup>15</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 367—369; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 366—368 и др.

Это обстоятельство, на наш взгляд, часто не учитывается исследователями. Для некоторых из них наличие в социальном организме тех или иных социально-экономических отношений является достаточным основанием для вывода о существовании в нем соответствующего уклада. В результате они находят в обществе гораздо больше общественно-экономических укладов, чем в действительности их существует<sup>16</sup>. Вполне понятно, что все это затемняет картину реального социально-экономического строя общества, а тем самым мешает разобраться в его истории.

Понятия «общественно-экономический уклад» и «общественно-экономическая формация», отличаясь друг от друга, в то же время тесно связаны. Общественно-экономическая формация есть тип социального организма, а тем самым — тип общества, имеющий своей основой систему определенных производственных отношений, а тем самым — и известный способ производства. Однако не всякий тип общества может быть назван общественно-экономической формацией. Общественно-экономическая формация есть такой тип общества, который является стадией всемирно-исторического развития.

Когда в социальном организме существует только один общественно-экономический уклад, определить тип социального организма, т. е. его принадлежность к той или иной формации, не составляет труда. Если в основе социального организма лежит, например, система первобытнообщинных отношений, то ясно, что он относится к первобытнообщинной формации. Сложнее дело обстоит тогда, когда социально-экономический строй общества не совпадает ни с одним определенным общественно-экономическим укладом, когда в состав системы производственных отношений, образующей основу социального организма, входит не один общественно-экономический уклад, а несколько.

Однако не все входящие в состав социально-экономического строя общества общественно-экономические уклады играют, как правило, одинаковую роль. Один из них обычно является господствующим, доминирующим, а остальные — подчиненными. Это деление, кстати отметим, лежит в основе деления общественных классов на основ-

---

<sup>16</sup> См., например: *Гуревич А. Я.* К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад. — *Вопр. философии*, 1968, № 2, с. 122—123.

ные и неосновные. Основными являются классы, связанные с господствующим укладом, неосновными — классы, связанные с подчиненными укладами. Господствующий уклад является центром, ядром всей системы производственных отношений, составляющей фундамент социального организма. Он и делает эту систему единым целым. Объединяя и подчиняя себе все остальные уклады, доминирующий уклад определяет характер социально-экономического строя общества в целом, а тем самым — тип общества, его принадлежность к определенной общественно-экономической формации. И в этом смысле господствующий уклад является основой, фундаментом всего общества в целом. Господствующий уклад накладывает свой отпечаток на подчиненные уклады, не говоря уже об общественно-экономических подукладах. «Так, в феодальном обществе, — писал К. Маркс, — приобрели феодальный облик даже и такие отношения, которые весьма далеки от существа феодализма»<sup>17</sup>. Общество, в котором господствует феодальный уклад, является, несмотря на наличие в нем других укладов, феодальным, относится к феодальной общественно-экономической формации.

Таким образом, многоукладность общества сама по себе вовсе не исключает его принадлежности к определенной общественно-экономической формации. Соответственно принадлежность общества к определенной формации не исключает наличия в нем нескольких укладов.

Говоря о многоукладности, например, феодального общества, мы прежде всего имеем в виду наличие нескольких укладов в конкретных, отдельных феодальных обществах, т. е. феодальных социальных организмах. Для некоторых авторов наличие нескольких укладов в социальных организмах того или иного типа равносильно признанию данной формации многоукладной<sup>18</sup>. Причину этого понять можно. Она кроется в многозначности терминов «феодальное общество», «капиталистическое общество» и т. п. Каждое из них имеет по меньшей мере два различных смысла. Одно значение термина, например, «феодальное общество» — отдельное, конкретное феодальное общество, т. е. феодальный социальный организм. Другое значение того же самого термина — фео-

<sup>17</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I, с. 417.

<sup>18</sup> См.: Гуревич А. Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад, с. 122—123.

дальное общество вообще, т. е. феодальная общественно-экономическая формация. Применение одного термина делает незаметной подмену понятия феодального социального организма понятием феодальной общественно-экономической формации.

Вряд ли было бы правильным сказать, что вообще ни в каком смысле нельзя говорить о многоукладности некоторых из общественно-экономических формаций. Однако необходимо совершенно четко отличать вопрос об одноукладности или многоукладности социального организма того или иного типа от проблемы одноукладности или многоукладности соответствующей общественно-экономической формации.

Одноукладность или многоукладность того или иного социального организма — вопрос чисто фактологический. Если в данном социальном организме обнаружены не один, а несколько общественно-экономических укладов, то этого вполне достаточно для вывода о том, что он многоукладен. Но наличие в социальном организме, относящемся к той или иной формации, нескольких укладов само по себе не свидетельствует о многоукладности данной формации.

В капиталистических социальных организмах обычно существует более одного уклада, но капиталистическое общество в принципе может существовать без каких-либо иных общественно-экономических укладов, кроме капиталистического. Знание капиталистического уклада вполне достаточно для понимания закономерностей развития капитализма. Капиталистическая формация есть такой тип общества, не только основой которого является, но и в основе которого лежит система, образованная производственными отношениями исключительно лишь одного типа, т. е. один лишь капиталистический уклад. И в этом смысле, несмотря на многоукладность капиталистических социальных организмов, капиталистическая общественно-экономическая формация является одноукладной и только одноукладной.

О многоукладности той или иной общественно-экономической формации можно говорить лишь в том случае, когда социальные организмы данного типа в принципе не могут существовать, не включая в свой состав, кроме господствующего уклада, также и того или иного подчиненного уклада, если эволюция общества данного типа не может быть понята без учета существования не только

господствующего, но и того или иного подчиненного уклада.

И в последнем случае общественно-экономическая формация может быть определена как тип общества, имеющий своей основой определенный общественно-экономический уклад. Но в систему производственных отношений, образующую основу данного типа общества, кроме этого господствующего уклада, входит по крайней мере еще один общественно-экономический уклад. Однако последний, хотя и входит в основу общества данного типа, в то же время сам не является основой данного типа общества. Такой основой является господствующий общественно-экономический уклад.

Возвращаясь к вопросу о господствующем и подчиненных укладах, необходимо подчеркнуть, что различие между ними часто носит не абсолютный, а условный, относительный характер. Господствующий в данную эпоху в социальном организме общественно-экономический уклад в процессе дальнейшего развития может стать подчиненным и, наоборот, подчиненный уклад со временем может превратиться в господствующий.

Однако наряду с укладами, которые могут стать и становятся господствующими, существуют и такие, которые в принципе не могут быть доминирующими. Если уклады первого типа могут определять характер социально-экономической структуры общества в целом, а тем самым и его тип, то уклады второго — никогда не могут быть основой общества в целом, не могут определять его принадлежность к определенной общественно-экономической формации. Уклады первого типа можно было бы назвать формационными. К их числу, бесспорно, относятся первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, коммунистический. Уклады второго типа можно было бы назвать неформационными. Примером может послужить мелкобуржуазный общественно-экономический уклад.

В истории социальных организмов можно наблюдать и такие периоды, когда ни один из существующих в нем общественно-экономических укладов не является господствующим, т. е. не определяет характера социально-экономического строя общества в целом. В таком случае общество не может быть отнесено ни к одной общественно-экономической формации. Оно может быть охарактеризовано только как переходное. Примером может послужить

Советская Россия начала 20-х годов. Как указывал В. И. Ленин, в ней существовало тогда пять общественно-экономических укладов: социалистический, госкапиталистический, частнокапиталистический, мелкотоварный и патриархальный. Социалистический уклад был ведущим, однако он в то время еще не определял социально-экономического строя страны в целом. Экономика Советской России не была еще социалистической, она носила переходный характер. Соответственно и общество в целом находилось на стадии перехода от капитализма к социализму.

Понимание общественно-экономического уклада как зародыша новой или остатка старой общественно-экономической формации в отдельном обществе является неверным. Однако эта, в целом ошибочная точка зрения имеет определенные основания. В основе перехода от одной общественно-экономической формации к другой лежит смена господствующих формационных общественно-экономических укладов. Происходит эта смена по-разному. При одном из вариантов в социально-экономическом строе общества наряду с еще продолжающим господствовать старым формационным укладом появляется новый, более прогрессивный формационный уклад. Последний развивается, теснит старый формационный уклад и, наконец, после революции из подчиненного превращается в господствующий. Результатом является трансформация социального организма старого типа в социальный организм нового, более высокого типа, т. е. смена общественно-экономических формаций.

Как явствует из сказанного, появление в социальном организме нового формационного уклада, который с этих пор начинает существовать в нем наряду с продолжающим господствовать старым формационным укладом, означает не что иное, как создание предпосылок для возникновения или даже начало становления новой общественно-экономической формации. Если теперь принять еще во внимание, что каждый общественно-экономический уклад, представляя собой систему производственных отношений, с неизбежностью порождает целую надстройку мнений, взглядов, привычек, моральных норм и соответствующих идеологических отношений, т. е. является основой, фундаментом особого уклада общественной жизни, то вполне можно говорить о появлении в обществе вместе с новым формационным укладом зародыша новой

общественно-экономической формации. В этом же смысле можно в определенной степени говорить о сохранении в обществе остатка старой общественно-экономической формации, когда в нем после революции, наряду с теперь уже господствующим новым формационным укладом, продолжает существовать, по теперь уже в качестве подчиненного, старый формационный уклад.

## 2. СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УКЛАДА: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЯЧЕЙКА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОРГАНИЗМ

Указание на то, что в социальном организме может существовать несколько общественно-экономических укладов, из которых один, как правило, является господствующим, несомненно важно. Однако ограничиваться им нельзя. Важно раскрыть картину взаимодействия существующих в социальном организме укладов и, в частности, механизм их подчинения господствующему укладу. А это требует анализа внутренней структуры самих общественно-экономических укладов, и прежде всего выявления признаков, по которым можно судить, образуют ли те или иные социально-экономические отношения в данном социальном организме целостную систему, т. е. уклад, или же они существуют в нем в качестве неукладных. Все это невозможно сделать без дальнейшего совершенствования используемого понятийного аппарата.

Общественно-экономический уклад, как уже говорилось, есть система производственных отношений определенного типа. Производственные отношения являются в своей сущности не чем иным, как отношениями собственности. Конечно, собственность не сводится к одним лишь производственным отношениям. Всегда существуют волевые отношения собственности, которые в классовом обществе принимают форму правовых, юридических отношений. Но собственность как социально-экономическое явление совпадает с производственными отношениями<sup>19</sup>.

Не вдаваясь в анализ собственности как социально-экономического явления, отметим лишь, что она есть такое отношение между людьми по поводу вещей, которое

<sup>19</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 34; т. 3, с. 218—219; т. 4, с. 168, 318; т. 16, с. 26; т. 27, с. 406; и др.

делает людей собственниками, а вещи — их собственностью. Собственник (им может быть как один человек, так и группа людей) вместе с принадлежащими ему вещами образует ячейку собственности. Если в состав ячейки собственности входят средства производства, то в ее рамках происходит процесс созидания потребительных стоимостей, т. е. она выступает одновременно как единица функционирования производительных сил. Такого рода ячейку можно было бы назвать хозяйственной. Примером хозяйственной ячейки могут послужить первобытная община, крестьянский двор, мастерская ремесленника, рабовладельческая вилла, капиталистическое предприятие и т. п.

Каждый общественно-экономический уклад предполагает существование хозяйственной ячейки определенного типа. Существуют такие уклады, которые сводятся к одной-единственной подобной ячейке. В таком случае хозяйственная ячейка совпадает с социальным организмом и представляет собой образование, которое в чисто экономическом отношении может функционировать вполне самостоятельно, вне связи с другими такого же рода образованиями. Такого рода экономическое образование можно было бы назвать хозяйственным организмом. Примером хозяйственной ячейки, которая была одновременно хозяйственным и социальным организмом, является первобытная община.

Однако большинство общественно-экономических укладов имело более сложную структуру. Их хозяйственные ячейки в принципе не могли существовать иначе, как в составе более крупного экономического образования. И только это сложное образование, включавшее в себя множество хозяйственных ячеек, было хозяйственным организмом.

Примером общественно-экономического уклада с такого рода структурой может послужить капиталистический. Капиталистические предприятия, представляющие собой хозяйственные ячейки, в силу общественного разделения труда, столь характерного для этой системы общественного производства, не могли существовать иначе, как в неразрывной хозяйственной связи друг с другом. Связывал их воедино внутренний рынок, границы которого совпадали с государственными. Его принято именовать национальным рынком. Таким образом, капиталистический хозяйственный организм был одновременно и социальным организмом.

Вполне понятно, что в разных общественно-экономических укладах природа связей между хозяйственными ячейками была далеко не одинаковой. Не только между их хозяйственными ячейками, но между их хозяйственными организмами могли существовать качественные различия. Не для всех общественно-экономических укладов являлось обязательным и совпадение хозяйственного организма с социальным.

Сказанное выше приближает к решению вопроса о признаках, по которым можно судить, существуют ли те или иные производственные отношения в укладной или неукладной форме. Первобытнообщинный уклад имеет место тогда, когда существует первобытная община, являющаяся одновременно хозяйственной ячейкой, хозяйственным и социальным организмом. Для бытия общественно-экономического уклада с двумя уровнями необходимо наличие одновременно соответствующих хозяйственных ячеек и соответствующего хозяйственного организма. О бытии, например, капиталистического уклада можно говорить лишь в том случае, когда существует капиталистический хозяйственный организм. Если этого нет, то наемный труд, как бы широко он ни был распространен, не может быть охарактеризован как капиталистический.

Если в обществе хозяйственные ячейки определенного типа совсем не встречаются или встречаются лишь спорадически, то не может быть речи о существовании в нем данного общественно-экономического уклада. Можно говорить о существовании в нем тех или иных неукладных производственных отношений. Бытие последних не предполагает особых хозяйственных ячеек, не говоря уже о хозяйственном организме.

Однако не каждый общественно-экономический уклад характеризуется наличием не только собственных, только ему присущих хозяйственных ячеек, но и собственного, только ему присущего хозяйственного организма. В любой буржуазной стране, например, кроме капиталистических предприятий, основанных на наёмном труде, существуют также и хозяйства мелких самостоятельных производителей, совмещающих в одном лице собственников средств производства и работников. Эти хозяйства являются единицами иной, некапиталистической собственности. Но эти некапиталистические хозяйчики входят в состав того же самого хозяйственного организма, что и капиталистические предприятия, и не могут без него существовать. Но

входя в капиталистический хозяйственный организм, они тем не менее образуют в нем особую систему производственных отношений — мелкобуржуазную. Отношения того же самого капиталистического рынка, на котором в качестве товара выступает рабочая сила, когда они связывают не участников капиталистического производства, а мелких самостоятельных производителей, выступают по отношению к последним в несколько ином качестве, делают их не капиталистами и не рабочими, а мелкими буржуа.

Перед нами, таким образом, очень своеобразный общественно-экономический уклад, со своими собственными хозяйчиками, но без собственного самостоятельного хозяйственного организма. В силу этого данный уклад никогда не может быть господствующим, не может определять тип социального организма. Он может существовать только в симбиозе с другим общественно-экономическим укладом — капиталистическим, только как своеобразное дополнение к нему. Этот уклад является не просто подчиненным, а дополнительным и поэтому неформационным.

Мелкое самостоятельное производство существовало не только при капитализме, но и на предшествующих стадиях развития классового общества. И везде характерной его чертой было соединение в одном лице собственника средств производства и работника. Но наличие по внешности одной формы соединения рабочей силы со средствами производства не делает его одним-единственным способом производства. Ячейки мелкого самостоятельного производства могут существовать и существуют в составе хозяйственных организмов разного типа, в частности, как мы уже видели, они могут быть погружены в хозяйственные организмы иных укладов. Иначе говоря, экономические связи между этими ячейками могут иметь различный характер, что не может не сказываться на их природе. И поэтому укладов (а тем самым и способов) мелкого производства существует столько, сколько имеется типов хозяйственных организмов, в составе которых они могут существовать и функционировать.

Уклад мелкого производства, существующий в недрах капиталистического хозяйства, является мелкобуржуазным. Иным был уклад мелкого товарного производства, существовавший в городах средневековой Европы. Его ячейки входили в состав иного, только ему присущего хозяйственного организма — феодального города. Он не

может быть охарактеризован как мелкобуржуазный. Его можно было бы назвать бюргерским или цеховым. Перед нами в данном случае два, хотя и родственных, но тем не менее различных общественно-экономических уклада. Качественно отличным как от мелкобуржуазного, так и от бюргерского укладов был уклад мелкого самостоятельного производства, существовавший в недрах античного хозяйственного и одновременно социального организма — полиса.

И мелкие буржуа, и мелкие самостоятельные производители античного общества являются особыми общественными классами, но такими, которые существенно отличаются от классов антагонистических общественно-экономических укладов. И дело не только в том, что эти классы всегда являются только неосновными. Классы антагонистических укладов являются классами совершенно независимо от того, существуют в социальном организме другие уклады или не существуют. Это, как указывал В. И. Ленин, «такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»<sup>20</sup>. В мелкобуржуазном укладе нет групп людей, которые отличались бы друг от друга своим местом в ней и из которых одна бы благодаря этому эксплуатировала другую. С этим укладом связана только одна группа людей — мелкая буржуазия. И эта группа людей является особым классом в силу того, что уклад, с которым она связана, всегда существует только как дополнение к другому укладу, всегда составляет только часть системы производственных отношений. Если классы антагонистических общественно-экономических укладов можно было бы назвать парно-антагонистическими, то классы, подобные мелкой буржуазии, — одиночными, дополнительными.

Все уклады мелкого самостоятельного производства являются дополнительными, неформационными. Однако некоторые из них столь тесно связаны с определенными формационными укладами, что бытие их является необходимым условием существования последних, а тем самым — и обществ соответствующих типов. Если, например, капитализм может в принципе существовать и без мелкобуржуазного уклада<sup>21</sup>, то античное рабовладельческое об-

<sup>20</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

<sup>21</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 221.

щество без уклада мелкого самостоятельного производства совершенно немыслимо. Рабовладельческий уклад может существовать только в симбиозе с укладом мелкого самостоятельного производства. Античное рабовладельческое общество — это такое общество, в основе которого лежит система производственных отношений, состоящая не из одного уклада, а из двух, из которых один — рабовладельческий — является формационным, а второй — укладом мелкого производства, хотя и не формационным, но столь же необходимым, что и первый. Соответственно в таком обществе необходимо существование не двух, а трех общественных классов. Исчезновение уклада мелкого самостоятельного производства, а тем самым и связанного с ним общественного класса неизбежно влечет за собой разложение и гибель рабовладельческого общества.

Понятия хозяйственной ячейки и хозяйственного организма важны для анализа любого общественно-экономического уклада, но применять их необходимо с учетом его специфики. Очень своеобразная картина вскрывается при их использовании для анализа феодального уклада. Эта специфика особенно четко вырисовывается при сопоставлении феодализма с рабством и капитализмом. И рабство, и капитализм характеризуются тем, что непосредственные производители, в первом случае — рабы, во втором — пролетарии, полностью лишены каких-либо прав на средства производства и соответственно соединены с ними как с полностью чужой им собственностью. Все средства производства полностью принадлежат другой группе лиц: в первом случае — рабовладельцам, во втором — капиталистам, которые и осуществляют соединение непосредственных производителей со средствами производства, в первом случае — путем приобретения в полную собственность личности работника, во втором — путем покупки на время у работника его рабочей силы.

На этих примерах можно совершенно отчетливо видеть, что собой представляет частная собственность. Последняя есть не вещь и не отношение человека к вещи само по себе, а особого рода отношение между людьми. Рабовладельческая частная собственность есть отношение между двумя частями общества, из которых одна безраздельно владеет одновременно и всеми средствами производства, и другой частью общества, вследствие чего последняя вынуждена работать на первую. Капиталистическая частная собственность есть отношение между двумя

частями общества, из которых одна безраздельно владеет всеми средствами производства, а другая полностью лишена их и владеет исключительно лишь своей рабочей силой, что заставляет ее работать на представителей первой. И в том и в другом случае частная собственность есть не только монопольная, но и полная (тотальная) собственность одной из двух частей общества либо на все факторы производства — средства производства и рабочую силу (рабство), либо только на важнейший из них — средства производства (капитализм).

Поэтому и в рабовладельческом, и в капиталистическом укладах, взятых в чистом виде, никаких других единиц функционирования производительных сил, кроме тех, что являются в одном случае единицами рабовладельческой, а в другом — единицами капиталистической частной собственности, нет и быть не может. Единственной хозяйственной ячейкой рабовладельческого уклада является рабовладельческое хозяйство (вилла, латифундия или эргастерии), единственной хозяйственной ячейкой капиталистического — капиталистическое предприятие. Они одновременно и не состоят из более мелких хозяйчеек и не являются частями более крупных. И в том и в другом случаях существуют лишь две ступени: хозяйчейка и хозяйственный организм, причем последний является одновременно и социальным организмом.

С феодализмом дело обстоит иначе. Если и раб, и пролетарий работают в чужом хозяйстве — ячейке рабовладельческого или капиталистического производства, то феодально зависимый производитель в отличие от них самостоятельно ведет свое собственное хозяйство. И последнее является не только единицей функционирования производительных сил, но и единицей собственности, т. е. обладает всеми признаками хозяйственной ячейки. Среди исследователей-марксистов нет разногласий по вопросу о принадлежности всех, исключая землю, средств производства, используемых феодально зависимыми производителями. Общеизвестно, что все они в той или иной степени являются собственностью производителей. Сложнее обстоит дело с основным средством производства — землей. Несомненным фактом является то, что крестьянин всегда имел определенные права на тот участок земли, на котором вел свое хозяйство. И поэтому большинство историков, не исключая и советских, прямо характеризуют феодально зависимых производителей как вла-

дельцев земли<sup>22</sup>. Но владеть землей — значит в той или иной мере быть ее собственником. В противном случае само понятие владения теряет всякий смысл. И тем не менее те же самые авторы, которые называют феодально-зависимого производителя владельцем земли, нередко буквально тут же утверждают, что он ни в коей мере не был ее собственником, что земля, обрабатываемая им, была полной и безраздельной собственностью феодала<sup>23</sup>. Причину такого положения вещей попятать можно.

Факты неопровержимо свидетельствуют о том, что участок земли, на котором крестьянин вел хозяйство, был собственностью не только его самого, но одновременно и собственностью феодала. Но представление, что одна и та же вещь может иметь двух разных собственников одновременно, находится в разительном противоречии с теми взглядами на имущественные отношения, которые сформировались в новое время как отражение буржуазных экономических порядков. Последние предполагали лишь одну постановку вопроса: собственником земли мог быть либо феодал, либо крестьянин, но не оба вместе. Феодалы эксплуатировали крестьян, но основой эксплуатации может быть только монопольная собственность эксплуататоров если не на все средства производства, то, по крайней мере на основное — землю. Толкуя монопольную собственность эксплуататоров на средства производства как полную, безраздельную, данные авторы неизбежно приходили к выводу, что феодал был единственным и полным собственником земли. В качестве доказательства они ссылались на слова К. Маркса, которые действительно не оставляют сомнений в том, что основоположник марксизма считал феодала монопольным собственником земли<sup>24</sup>. Однако при этом они упускают из виду, что К. Маркс одновременно с этим указывал, что крестьяне имели на обрабатываемую ими землю «такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы»<sup>25</sup>. Иначе говоря, согласно взглядам К. Маркса, собственниками земли при феодализме были как феодалы, так и крестьяне. И данный взгляд не согласуется с положением, что феодалы

<sup>22</sup> См., например: *Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века*. М., 1968, с. 103—105, 116.

<sup>23</sup> См.: *Сказкин С. Д. Очерки...*, с. 129.

<sup>24</sup> См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 23, с. 246—247; т. 25, ч. II, с. 166.

<sup>25</sup> Там же, т. 23, с. 730.

были монопольными собственниками земли, только в том случае, если феодальную монопольную частную собственность понимать по аналогии с монополией рабовладельческой и монополией капиталистической собственности как собственность полную, безраздельную. А в действительности собственность феодалов, будучи, так же как и рабовладельческая, и капиталистическая собственность монопольной, в то же время в отличие от них не представляла собственности *полной*.

Чтобы разобраться в том, каким образом монопольная собственность господствующего класса на землю могла сочетаться с собственностью на то же самое средство производства представителей эксплуатируемого класса, необходимо освободиться от привычных представлений о частной собственности, возникших на базе капиталистических отношений. И лучший способ сделать это — выяснить, как понимали феодальную земельную собственность люди эпохи средневековья.

Средневековые юристы в подавляющем большинстве своем рассматривали земельную собственность как «разделенную». С их точки зрения собственниками земли были одновременно и феодалы, и крестьяне, причем первые выступали по отношению ко вторым как «верховные» собственники земли, а вторые по отношению к первым — как «подчиненные» ее собственники. Однако отношение «верховных» и «подчиненных» собственников отнюдь не рассматривалось ими как специфическое отношение между феодалами и крестьянами. Отношение феодалов и крестьян как «верховных» и «подчиненных» собственников было для них всего лишь частным случаем отношения «верховных» и «подчиненных» собственников вообще, которое мыслилось ими как отношение людей, занимающих смежные ступеньки феодальной иерархической лестницы, и прежде всего как отношение сюзерена и вассала. Являвшийся «верховным» собственником по отношению к крестьянам, феодал выступал как «подчиненный» собственник по отношению к своему сюзерену, который, в свою очередь, мог выступать как «подчиненный» собственник по отношению к человеку, занимавшему еще более высокое место в феодальной иерархии, и т. д.

Таким образом, концепция средневековых юристов стирала грань между отношением двух классов, из которых один эксплуатировал другой, с одной стороны, и отношениями внутри класса эксплуататоров — с другой. И в

этом смысле она искажала действительность, маскировала существующие производственные отношения. Но из этого отнюдь не следует, что введенные средневековыми юристами понятия «разделенной», «верховой», «подчиненной» собственности вообще лишены объективного содержания, не отображают определенных, причем существенных сторон феодальных отношений. С этим и связано употребление всех этих понятий в трудах ряда исследователей-марксистов<sup>26</sup>. Однако все они, следуя за средневековыми юристами, употребляли понятия «верховой» и «подчиненной» собственности для характеристики отношений как внутри класса феодалов, так и между феодалами и крестьянами, неизбежно лишая тем самым эти категории четкого социально-экономического содержания.

Чтобы выявить содержащееся в концепции средневековых юристов рациональное зерно, прежде всего необходимо исходить из того, что понятия «верховой» и «подчиненной» собственности в применении к отношениям между феодалами и крестьянами имеют иное содержание, чем в применении к отношениям между членами класса феодалов, занимавшим разные ступеньки иерархической лестницы. В применении к отношению между феодалами и крестьянами они отображают тот факт, во-первых, что собственниками земли, обрабатываемой крестьянами, является не только феодал, но и сами непосредственные производители; во-вторых, что собственность феодала на землю выступает по отношению к собственности крестьян как господствующая, доминирующая над ней. И феодал, и крестьянин являются собственниками земли, но первый выступает как верховный ее собственник, второй — как подчиненный первому.

Подчинение это выражается в том, что верховная собственность феодала распространяется не только на землю, но и на личность непосредственного производителя и тем самым — на его рабочую силу. В отличие от *раба* феодально зависимый производитель является собственником своей рабочей силы, в отличие от *пролетария* — не полным, а лишь подчиненным ее собственником. Недостаточно сказать, что верховная собственность на землю неотделима от верховной собственности на личность произво-

---

<sup>26</sup> См.: История средних веков. М., 1938, т. 1, с. 8—9; Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948, с. 123, 140, 228—229 и др.

дителя. Верховная собственность вообще в норме существует лишь как собственность одновременно и на землю, и на личность непосредственного производителя. В этом и заключается ее суть. В том случае, когда объектом собственности являются не вещи, а люди, отношения собственности необходимо предполагают существование отношений прямого насилия, прямого, непосредственного принуждения. Верховная собственность как определенное экономическое, производственное отношение с необходимостью порождает внеэкономическое принуждение и не существует без него <sup>27</sup>.

Таким образом, существуют две основные формы монополии части общества на средства производства, две основные формы частной собственности: полная, или тотальная, когда непосредственные производители полностью лишены средств производства, и верховная, или доминантная, когда непосредственные производители являются подчиненными собственниками средств производства. Первая форма характерна для рабства и капитализма, вторая — для феодализма.

Все сказанное выше позволяет уточнить характеристику хозяйства феодально зависимого производителя. Оно, несомненно, представляет собой хозяйственную ячейку. Но назвать его хозяйственной ячейкой феодализма в том же смысле, в котором мы называем хозяйчейкой капитализма капиталистическое предприятие, нельзя. Капиталистическое предприятие предстает перед нами как капиталистическое даже в том случае, если мы рассматриваем его изолированно от других таких же ячеек. Оно является капиталистическим по своей внутренней структуре: в нем воплощен капиталистический способ соединения рабочей силы со средствами производства. Оно представляет собой ячейку капиталистической эксплуатации.

Иначе обстоит дело с домохозяйством феодально зависимого крестьянина. Если рассматривать его изолированно, то во внутренней его структуре мы не найдем ничего специфически феодального. Являясь ячейкой производства, оно, само по себе взятое, не представляет ячейки феодальной эксплуатации. По своей внутренней структуре оно сходно с ячейкой мелкого самостоятельного производства. Отличает его от последней то, что оно является единицей не самостоятельной, а подчиненной собствен-

---

<sup>27</sup> См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 353.

ности. Но подчиненная собственность выступает в таком качестве только то отношению к верховной. И соответственно крестьянское домохозяйство выступает как единица подчиненной собственности лишь по отношению к единице верховной собственности, которой является вотчина. Единица подчиненной собственности — крестьянское домохозяйство — может выступить в качестве таковой, только находясь в составе единицы верховной собственности — вотчины. Объединяя крестьянские домохозяйства, вотчина тем самым выступала по отношению к ним как хозяйственный организм. Но она была не единственным хозяйственным организмом. Внутривотчинные отношения не связывали крестьянские домохозяйства непосредственно друг с другом.

В докапиталистических классовых обществах, исключая, может быть, только античные, формой непосредственного объединения как самостоятельных, так и зависимых крестьянских хозяйств была община. Она выступала по отношению к крестьянским домохозяйствам как хозяйственный организм.

Домохозяйства феодально зависимых крестьян входили одновременно в состав двух разных хозяйственных организмов — вотчины и общины. Вотчина и община и по территории, и по личному составу могли совпадать. Однако от этого они не переставали быть двумя разными хозяйственными организмами. И особенно наглядно их различие выступает, когда члены одной вотчины входят в состав разных общин, а члены одной общины — в состав разных вотчин. А такое положение часто наблюдалось в средние века и во Франции, и в Англии<sup>28</sup>.

Там, где существуют хозяйственные ячейки, объединенные в хозяйственный организм, мы имеем дело с определенной целостной системой производственных отношений, с определенным общественно-экономическим укладом.

Как уже указывалось, во внутренней структуре крестьянского двора, взятого изолированно, нельзя найти ничего специфически феодального. Нет ничего феодального и в крестьянском дворе как составной части крестьянской общины. Нет ничего феодального и в самой крестьянской общине. Крестьянские дворы, объединенные в общину, представляли особый общественно-экономический уклад, но этот последний не был феодальным. Ни крестьянские

---

<sup>28</sup> См.: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957, с. 228.

дворы как элементы общины, ни крестьянская община не были единицами феодальной эксплуатации, феодальными хозяйственными ячейками. Не была крестьянская община и феодальным хозяйственным организмом. В крестьянских дворах как частях общины создавался лишь необходимый продукт. Таким образом, данный уклад, который можно было бы назвать крестьянско-общинным, был системой производства только необходимого продукта.

Но несомненно, что трудом крестьян создавался не только необходимый продукт, но и прибавочный. Однако последний создавался в крестьянских домохозяйствах исключительно лишь как в частях вотчины. Только вотчина в целом выступала как воплощение феодального способа производства, как единица феодальной эксплуатации. Она и только она была подлинной хозяйственной ячейкой феодализма. Но в отличие от хозяйчеек сервиллизма и капитализма, в которых создавался весь продукт, в вотчине создавался исключительно лишь прибавочный продукт. На это обстоятельство указывают многие медиевисты<sup>29</sup>. Такого рода ее особенность неразрывно связана с ее двойственной природой. Будучи хозяйственной ячейкой, вотчина является также и хозяйственным организмом, причем таким, хозяйчейки которого входили одновременно и в хозяйственный организм совершенно иного типа. Характер вотчины как ячейки по производству исключительно феодальной ренты особенно наглядно проявляется в том, что, кроме крестьянских домохозяйств, она, как правило, включала в себя и господское хозяйство, в котором по самой его природе никакого другого продукта, исключая прибавочный, производиться и не могло.

Таким образом, в отличие от рабства и капитализма характерным для феодализма был симбиоз двух укладов общественного хозяйства, один из которых является системой производства необходимого продукта, а другой — прибавочного. Феодальный уклад включал в себя крестьянско-общинный в качестве необходимейшего своего компонента. И крестьянско-общинный уклад в том случае, когда он представляет собой составную часть другого уклада, причем антагонистического, выступает соответственно не столько как уклад, сколько как субуклад.

Если фундамент феодализма нами рассмотрен достаточно полно, то анализ самого здания нами далеко еще

<sup>29</sup> См., например: *Сказкин С. Д. Очерки...*, с. 101—102 и др.

не завершен. Верховная собственность невозможна без внеэкономического принуждения, которое в силу самого его характера неизбежно должно было принять форму политической власти. Поэтому каждая вотчина с неизбежностью должна была быть в значительной степени самостоятельной единицей политического господства, т. е. своеобразным государством, а сам вотчинник — государем. Но каждый вотчинник, взятый в отдельности, не обладал достаточной силой для осуществления функции внеэкономического принуждения, без которого не могло быть верховной собственности, а тем самым — и вотчины как ее единицы. Таким образом, сама специфика верховной собственности требовала существования системы связей между вотчинниками и вотчинами. И она существовала в виде иерархической лестницы, включавшей в себя всех представителей господствующего класса. Эта система была образована отношениями по распределению вотчин среди господствующего класса, отношениями собственности.

При феодализме, таким образом, наблюдается существование трех обособленных уровней социально-экономических отношений. Первый уровень — отношения между представителями эксплуатируемого класса. Системой этих отношений была община. Второй уровень — отношения между эксплуатируемым и эксплуатирующим классами. Их системой была вотчина. И третий уровень — отношения между представителями господствующего класса. Они образовывали систему по ряду признаков, сходную с хозяйственными организациями других укладов. Как и хозяйственные организации других укладов, она состояла из хозяйчеек. Существование ее было необходимым условием бытия вотчин, а тем самым — и функционирования феодальных производительных сил. И это социально-экономическое образование было основой феодального социального организма. Последний покоился на социально-экономических связях лишь между эксплуататорами, но не эксплуатируемыми.

Крестьянские общины существовали и в недрах феодального социального организма и в этом смысле были его частями. Но они были крайне своеобразными его частями. Феодальные социальные организмы, включая в себя крестьянские общины, в то же время не состояли из них. Они состояли из вотчин. Системы производственных отношений, образовывавшие базисы крестьянских общин, не были составными частями системы производственных от-

ношений, которая образовывала базис феодального социального организма. У крестьянской общины был иной экономический базис, чем у социального организма, в состав которого она входила. И этот базис с необходимостью порождал свою собственную надстройку, отличную от надстройки феодального социального организма. Именно поэтому в феодальном обществе существовали две качественно отличные как по содержанию, так и по форме культуры: одна — простонародная, анонимная, бесписьменная, другая — профессиональная, письменная.

Таким образом, каждая община выступала в определенном отношении как настоящий социальный организм, т. е. отдельное, конкретное общество. На это обстоятельство указывали многие исследователи и, в частности, К. Маркс и Ф. Энгельс<sup>30</sup>.

Но община, имея много общего с подлинным социальным организмом, в то же время отличалась от него. Она существовала не самостоятельно, а в недрах феодального социального организма. Она была поэтому не социальным организмом, а социальным суборганизмом. И будучи социальным суборганизмом, а не организмом, крестьянская община была не способна к самостоятельному историческому развитию. Направление ее эволюции во многом зависело от особенностей структуры и развития социального организма, в состав которого она входила.

### 3. ПРОБЛЕМА «АЗИАТСКОГО» ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УКЛАДА

Выше нами были рассмотрены три формационных антагонистических общественно-экономических уклада и соответственно — три антагонистических способа производства — рабовладение, феодализм и капитализм. Но К. Маркс называл и еще один, четвертый, антагонистический способ производства — «азиатский». Наиболее известное из высказываний К. Маркса об «азиатском» способе производства содержится в предисловии к «К критике политической экономии». Дав в нем изложение сущности материалистического понимания истории, он закончил его следующими словами: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные про-

---

<sup>30</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 544; т. 19, с. 405.

изводственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма»<sup>31</sup>.

К вопросу об «азиатском» способе производства К. Маркс обращался неоднократно<sup>32</sup>. Совсем недавно достоянием широкой научной общественности стало еще одно его высказывание. «Здесь, конечно,— писал он, имея в виду капитализм,— речь идет о том, чтобы представить *природу* этого определенного способа производства, следовательно, его *естественные законы*. Но подобно тому как сам этот способ производства является *историческим*, таковыми же являются его *природа* и *законы этой природы*. Естественные законы азиатского, или аптического, или феодального способов производства были существенно иными»<sup>33</sup>.

Отсылая желающих детально ознакомиться со взглядами К. Маркса и Ф. Энгельса по этому вопросу к специальным работам<sup>34</sup>, отметим лишь, что сейчас даже те советские исследователи, которые признают существование только трех антагонистических общественно-экономических формаций, согласны с тем, что К. Маркс под «азиатским» способом производства подразумевал особый антагонистический способ производства, отличный от рабовладельческого, феодального и капиталистического<sup>35</sup>. Никто теперь не пытается доказывать и того, что идея «азиатского» способа производства была всего лишь мимолетным, преходящим явлением в эволюции взглядов К. Маркса. Один из самых последовательных сторонников признания существования только трех антагонистических

<sup>31</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7—8.

<sup>32</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд., т. 9, с. 132, 134—135, 222; т. 23, с. 89; т. 25, ч. I, с. 366—367; т. 25, ч. II, с. 146, 183—184, 349, 353—354; т. 26, ч. I, с. 294; т. 26, ч. III, с. 559; т. 28, с. 215, 228—229; т. 46, ч. I, с. 456—457, 462—464; и др.

<sup>33</sup> Там же, т. 48, с. 157.

<sup>34</sup> См.: Тер-Акопян Н. Б. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине.— В кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973.

<sup>35</sup> См.: Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975, с. 132.

формаций, В. Н. Никифоров, утверждая, что К. Маркс в конце концов отказался от концепции «азиатского» способа производства, относит этот перелом во взглядах к 1881—1882 гг., т. е. к самому концу его жизни<sup>36</sup>. Однако никаких доказательств того, что К. Маркс в это время отказался от концепции «азиатского» способа производства, в книге В. Н. Никифорова не приводится.

Но главный вопрос, конечно, заключается в том, подтвердили ли накопленные в течение последних ста лет наукой материалы идею К. Маркса о существовании четвертого антагонистического способа производства и четвертой антагонистической формации или же они, наоборот, опровергли ее. Этот вопрос оживленно обсуждался в ходе дискуссии, имевшей место среди марксистов в 60—70-х годах<sup>37</sup>. Ответы давались разные.

На наш взгляд, правильным ответом является утвердительный<sup>38</sup>. Согласно взгляду К. Маркса, первой антагонистической формацией была не рабовладельческая, как это принято считать, а та, которую он именовал «азиатской». И действительно, все первые классовые общества и вообще все классовые общества, которые возникли непосредственно из первобытных, причем вне сферы воздействия ранее появившихся классовых социальных организмов, не могут быть охарактеризованы как рабовладельческие. Рабство в них если и существовало, то не только не образовывало господствующего, но чаще всего даже и подчиненного уклада. Это относится к социальным организациям Древнего Востока и Эгейского мира, а также доколумбовой Америки. Именно такого рода классовые социальные организмы формировались в доколониальной Африке южнее Сахары и в Океании.

Если не во всех, то во всяком случае во многих из этих обществ совершенно отчетливо вырисовывались две основные группы людей, из которых одна присваивала

---

<sup>36</sup> См.: *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975, с. 139, 143—144.

<sup>37</sup> См.: *Данилова Л. В.* Дискуссия по важной проблеме.— *Вопр. философии*, 1965, № 12, с. 149—155; *Никифоров В. Н.* Указ. соч., с. 13—80 и др.

<sup>38</sup> Подробнее см.: *Семенов Ю. И.* Теория общественно-экономических формаций и всемирная история.— В кн.: *Общественно-экономические формации: Проблемы теории*. М., 1978; *Он же.* Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии.— В кн.: *Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки*. М., 1980.

труд другой. Одну из этих больших групп людей составляли мелкие производители-земледельцы, которые самостоятельно вели хозяйства и были объединены в общины. Их обычно именуют крестьянами-общинниками. Существование во всех этих обществах крестьян-общинников является фактом, который не оспаривается никем из исследователей-марксистов, какого бы взгляда на природу этих обществ они ни придерживались. Подавляющее большинство исследователей-марксистов признают и то, что крестьяне-общинники подвергались самой жестокой эксплуатации. Этого не отрицают и многие из тех ученых, которые считают, что существовали только три антагонистические общественно-экономические формации.

Но, признавая крестьян-общинников эксплуатируемой группой, последние в то же время не дают никакого ответа на вопрос о том, с каким же именно способом эксплуатации мы в данном случае сталкиваемся. А ведь по отношению к целому ряду из указанных выше обществ доказано, что крестьяне-общинники не только составляли основную массу эксплуатируемых, но были создателями большей части прибавочного продукта. Несомненно, например, что данный способ эксплуатации был безраздельно господствующим в обществе инков<sup>39</sup>. И, отказываясь от какой бы то ни было характеристики рассматриваемого способа эксплуатации, упоминаемые исследователи фактически закрывают для себя путь к проникновению в сущность социально-экономического строя данных обществ, а тем самым — и к определению их формационной принадлежности.

Обращаясь к анализу данного способа производства, можно сразу же сказать, что он в отличие от рабовладения и капитализма не был основан на полной (тотальной) собственности эксплуататоров на средства производства. Как и в случае с феодализмом, речь может здесь идти только о верховной частной собственности на средства производства и личность работника, противостоящей подчиненной собственности на те же самые факторы производства.

Как и феодальный, данный общественно-экономический уклад включал в себя в качестве своей основы крестьянско-общинный уклад. Все это и дало основание для трактовки данных производственных отношений как

<sup>39</sup> *Rowe J. H. Inca Culture at the Time of the Spanish conquest.— In: Handbook of South American Indians. Washington, 1943, v. 2, p. 184—274.*

феодалных. Одни исследователи, проводя эту точку зрения последовательно до конца, объявляли феодальными все общества рассматриваемого типа, включая и древневосточные<sup>40</sup>. Другие ограничивались только некоторыми из этих обществ, в основном лишь теми, что формировались или сформировались в сравнительно позднее время. В частности, как феодальные или формирующиеся феодальные в литературе обычно характеризуются доколониальные общества Африки южнее Сахары, а также Полинезии<sup>41</sup>.

Сходство рассматриваемого способа производства с феодальным несомненно. Однако наш анализ далеко не полон. Его нужно продолжить. При феодализме верховными частными собственниками являются отдельные представители господствующего класса. Соответственно хозяйственными ячейками феодализма являются вотчины. Прибавочный продукт, создаваемый крестьянами, домохозяйства (дворы) которых входили в состав вотчины, шел владельцу последней.

Иначе обстояло дело в обществах рассматриваемого типа. Как утверждают подавляющее большинство исследователей, в обществах и Древнего Востока, и доколумбовой Америки прибавочный продукт, созданный трудом крестьян-общинников, поступал *государству*. Отсюда следует, что именно государство выступало в роли верховного собственника как земли, так и личностей непосредственных производителей.

Иногда на этом основании делается вывод, что в этих обществах существовала общественная собственность на землю. Однако попятия государственной и общественной собственности далеко не тождественны. Государственная собственность есть и общественная только в таком обществе, где государство является представителем интересов либо подавляющего большинства членов общества, либо всего общества в целом. Именно так обстоит дело в переходный период от капитализма к социализму, при дикта-

---

<sup>40</sup> См.: *Кобищанов Ю. М.* Феодализм, рабство и азиатский способ производства.— В кн.: *Общее и особенное в историческом развитии стран Востока*. М., 1966, с. 42—45.

<sup>41</sup> См.: *Токарев С. А.* Происхождение общественных классов на островах Тонга.— *Сов. этнография*, 1958, № 1, с. 120—152; *Потехин И. И.* О феодализме у ашанти.— *Сов. этнография*, 1969, № 6; *Орлова А. С.* История государства Конго (XVI—XVIII вв.). М., 1968; и др.

туре пролетариата, и при социализме, когда государство является общенародным. Совершенно иначе обстоит дело при капитализме. Капиталистическое государство есть диктатура эксплуататорского меньшинства — класса буржуазии. Поэтому государственная собственность при капитализме есть собственность капиталистическая, т. е. частная, а не общественная.

Когда речь заходит о частной собственности, то ее чаще всего понимают как собственность отдельных лиц. Это не означает полного отождествления индивидуальной и частной собственности. Все согласны с тем, что не всякая индивидуальная собственность есть частная, что она может быть и личной. Однако это не мешает представлять частную собственность непременно как индивидуальную. Но такой подход нельзя признать правильным.

Как уже указывалось, суть частной собственности заключается в том, что она есть собственность только части членов общества, причем такая, которая позволяет этой части общества присваивать себе труд другой ее части. И не имеет принципиального значения форма проявления этой сущности, форма бытия собственности эксплуататорской части общества. В качестве частного собственника может выступить отдельный представитель класса угнетателей — в таком случае мы имеем дело с персональной частной собственностью, группа членов этого класса — в таком случае перед нами групповая частная собственность, наконец, весь класс в целом — тогда перед нами классовая частная собственность. Последняя обычно выступает в форме государственной собственности.

Для рабовладения, феодализма и капитализма наиболее характерна персональная частная собственность, что, однако, не исключает существования и других ее форм. Так, например, если в домонополистическую эпоху капиталистическая собственность выступала почти исключительно как персональная, то с переходом к империализму персональная частная собственность начала все в большей степени дополняться групповой, а затем и классовой (государственной) капиталистической собственностью.

Характерная особенность рассматриваемого способа производства состоит в том, что он был основан исключительно лишь на классовой верховной частной собственности, выступавшей в форме государственной. С этим связана и другая его особенность — совпадение в общем и целом класса эксплуататоров с государственным аппа-

ратом. Прибавочный продукт, созданный трудом крестьян-общинников, поступал в распоряжение государственного аппарата и распределялся между его членами в соответствии с местами, занимаемыми ими в административной иерархии. Соответственно данный способ производства можно было бы назвать политарным (от греч. полития — государство)<sup>42</sup>.

Как известно, термин «государство» имеет два смысла: первый — аппарат принуждения, второй — определенная территория, находящаяся под властью того или иного аппарата принуждения. При рассматриваемом данном способе производства каждое государство во втором значении было одновременно и ячейкой верховной классовой частной собственности.

Эта единица имела двойственную природу. Она включала в свой состав домохозяйства (дворы) непосредственных производителей и выступала по отношению к ним как хозяйственный организм. Дворы непосредственных производителей входили, таким образом, одновременно в состав двух разных хозяйственных организмов — общины и данной ячейки классовой верховной собственности. Как части общины они были ячейками по производству лишь необходимого продукта. Ни домохозяйства, ни община сами по себе не были единицами какой-либо формы эксплуатации. Крестьянско-общинный уклад не был антагонистической системой общественного хозяйства. Прибавочный продукт создавался в крестьянских дворах исключительно как в частях классовой верховной собственности.

Эта единица была единственной ячейкой, в которой был воплощен данный способ производства, данный способ эксплуатации. И в этом смысле она была единственной хозяйственной ячейкой данного способа производства. Но эта хозяйственная ячейка могла существовать безо всякой экономической связи с другими такими же ячейками. Она в экономическом отношении была совершенно самостоятельной. И в этом смысле она была одновременно и хозяйственным организмом данного способа производства. Иначе говоря, для данного общественно-экономического уклада было характерно полное совпадение его хозяйственной ячейки с его же хозяйственным организмом.

---

<sup>42</sup> См.: Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии.

И в этом отношении данный общественно-экономический уклад был сходен с первобытнообщинным и отличен от всех остальных, не исключая и феодального. Как мы уже видели, вотчина не была вполне самостоятельным хозяйственным организмом. Она входила в состав более крупного социально-экономического организма, который был и социальным организмом.

Рассматриваемый общественно-экономический уклад, так же как и феодальный, был, если можно так выразиться, двухэтажным. Соответственно двухэтажным было и все данное общество в целом. Базисы крестьянских общин образовывали иные производственные отношения, чем те, что составляли основу социального организма рассматриваемого типа. Каждая крестьянская община при данном способе производства еще в большей степени, чем при феодализме, выступала в определенном отношении как настоящий социальный организм. Поэтому для данного общества гораздо в большей степени, чем для феодального, было характерно существование двух качественно различных культур: культуры крестьянских общин и культуры социального организма в целом. История знает случай разрушения социальных организмов данного типа, сопровождающегося исчезновением их культуры. Но если верхний этаж разрушался, то нижний сохранялся: крестьянские общины продолжали существовать, а вместе с ними — и их культура.

Выше был дан далеко не исчерпывающий перечень всех существовавших в досоциалистическую эпоху общественно-экономических укладов, а тем самым и способов производства. Кроме них, существовали и иные общественно-экономические уклады, а тем самым — и способы производства, в том числе и антагонистические. Наличие их отмечено в предклассовых (т. е. переходных от первобытных к классовым) и раннеклассовых обществах<sup>43</sup>. Однако ни один из них не принадлежал к числу формационных. Формационными общественно-экономическими укладами являются лишь первобытнообщинный, политарный (азиатский), рабовладельческий (античный), феодальный, капиталистический и коммунистический. Все остальные укла-

---

<sup>43</sup> См.: Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.

ды существуют в основном лишь как дополнение к ним.

Каждый формационный общественно-экономический уклад с необходимостью имеет свой собственный хозяйственный организм, который в принципе может быть базисом всего социального организма в целом. И когда хозяйственный организм того или иного формационного уклада реально является базисом всего социального организма в целом, данный общественно-экономический уклад является господствующим, определяет тип общества, его принадлежность к определенной общественно-экономической формации.

### Глава третья

## РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ В СМЕНЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ ОБЩЕСТВА

### 1. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РЕВОЛЮЦИОННОЙ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

История общества есть история его развития, закономерной смены способов производства и соответствующих им форм общественного и политического устройства. Ступенями этого поступательного движения, охватывающими целые исторические эпохи, выступают общественно-экономические формации. Важнейшая задача социального познания — выяснение путей и механизмов исторического развития. Как происходит смена одних общественно-экономических формаций другими, когда наступает время «революционных бурь» и какова их роль в истории человечества, какие условия предопределяют объективную необходимость революции, возможность реализации революционного потенциала для осуществления качественного скачка в историческом развитии? Ответ на этот вопрос как применительно к отдельной, конкретно взятой общественно-экономической формации, так и ко всемирно-историческому процессу в целом, дает марксистско-ленинское учение о революции. Только марксизму удалось, связав философскую теорию с практикой революционной борьбы пролетариата, преодолеть ошибки и ограниченность прошлых

идеалистических и метафизических взглядов на революцию, создать научную теорию революции.

Рассматривая общественное движение как естественно-исторический процесс, все части и элементы которого находятся во всеобщей связи и взаимодействии, основоположники марксизма показали, что социальные революции, выступающие одновременно и как форма отрицания низших общественных формаций высшими, и как связывающие их звенья, сами наряду с общественными формациями являются важнейшим органическим элементом исторического процесса, составляют определенный этап его развития. Таким образом, было установлено диалектическое взаимодействие между категорией «общественно-экономическая формация» и категорией «социальная революция». Закономерная последовательность развивающихся формаций, осуществляющаяся путем столь же закономерного революционного отрицания устаревших формаций новыми, более развитыми, образует процесс исторического развития.

Выявление законов классовой борьбы и революционных процессов, обуславливающих смену общественно-экономических формаций в ходе поступательного развития истории, позволило основоположникам марксизма сформулировать и ряд важнейших общесоциологических законов, применить их к анализу общественного развития. Законы революционной деятельности людей являются одновременно и историческими законами, позволяющими раскрывать характер и значение многих общественных явлений и событий. Именно на это указывал В. И. Ленин, подчеркивая, что методологическое значение научного исследования К. Марксом капиталистической формации «состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом»<sup>1</sup>.

Формирование взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на проблему революции проходило на основе выработки ими материалистического понимания истории, диалектического метода анализа общественной жизни. При этом положения марксовой теории революции, становясь составной частью общего диалектико-материалистического мировоззрения марксизма, в значительной степени способствовали

---

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 167.

его становлению и развитию. Марксистская теория революции представляет дальнейшее развитие и конкретизацию материалистического понимания истории, диалектико-материалистических методологических принципов.

Гносеологическая и методологическая значимость категории «социальная революция» как важнейшего инструмента анализа общественного развития, диалектико-материалистического объяснения исторического процесса имеет непреходящую актуальность для познания социальной действительности, особенностей и тенденций современной эпохи. Только на основе всестороннего теоретико-методологического анализа революционных процессов можно понять объективную логику и закономерности развития всемирной истории, охватить все его многообразие, выявить исторически необходимый характер общественного прогресса.

Поскольку всякая революция есть кульминационный, наиболее острый момент исторического развития, чрезвычайная форма разрешения классовых противоречий, постольку изучение этого явления, его воздействия на жизнь общества дает возможность глубже и всестороннее познать социальные закономерности. Исследование революционных процессов в исторической практике дает ценный материал для теоретических обобщений и выводов, имеющих методологическое значение для социального познания.

Многообразным вопросам теории и практики социальной революции посвящено немало трудов советских обществоведов, в том числе и опубликованных в последние годы<sup>2</sup>. Естественно, что разные авторы рассматривают эту проблему в различных аспектах, в зависимости от своего подхода к ней, характера и целей проводимых исследований. Эти исследования позволили расширить познавательные границы и возможности исторического материализма. Особенно ценными представляются комплексные работы, в которых широкий междисциплинарный

---

<sup>2</sup> См., например: *Водолазов Г. Г.* Диалектика и революция. М., 1975; *Зародов К. М.* Три революции в России и наше время. М., 1975; *Ковалев А. И.* Социальная революция. М., 1969; *Красин Ю. А.* Теория социалистической революции. М., 1977; *Ленинская теория социалистической революции и современность.* М., 1975; *Проблемы теории социальной революции.* М., 1976; *Селезнев М. А.* Социальная революция. М., 1971; *Чертков В. П.* Диалектика революционного процесса. М., 1979; *Якушевский И. Т.* Революция и современность. Л., 1977.

подход к этой проблеме обеспечивает всесторонность и глубину ее разработки.

Существуют здесь, конечно, и разные точки зрения, некоторые различия в подходе к познанию данного феномена, обусловленные прежде всего его многообразием и внутренней противоречивостью. В значительной степени дискуссионный характер носят, в частности, вопросы о содержании категории «социальная революция», о соотношении политической и социальной революции в переходе от одной общественно-экономической формации к другой, об универсальном характере проявления законов социальной революции на разных этапах всемирно-исторического развития, об особенностях взаимодействия социальной и научно-технической революции в современную эпоху и ряд других. Поскольку та или иная трактовка всех этих вопросов имеет существенное методологическое значение для анализа процесса смены исторических типов общества в его поступательном движении, мы также затронем некоторые из них применительно к рассматриваемой здесь проблеме.

Знакомство с ранними работами К. Маркса и Ф. Энгельса показывает, что они первоначально придерживались положений концепции политической революции, а затем, преодолевая ее ограниченность и противоречия, перешли на позиции концепции социальной революции<sup>3</sup>. Согласно политической концепции на первый план выдвигались задачи преобразования политической власти и государственно-правовой перестройки общества, осуществление прежде всего демократических преобразований для достижения «политической свободы личности», всеобщего политического равенства в рамках и на основе существующей социальной реальности. Правда, находясь на позициях концепции политической революции и отдавая дань гегелевским взглядам на государство и его «разумную» роль, К. Маркс и Ф. Энгельс уже тогда высказывали ряд мыслей, свидетельствующих о поисках ими новых подходов к пониманию проблем революции. Так, уже в 1843 г. К. Маркс склонен был рассматривать политику не столько

---

<sup>3</sup> Следует отметить, что имевшим распространение в тот период концепциям как политической, так и социальной революции были свойственны в той или иной степени традиционные пороки идеалистической и метафизической трактовок общественных явлений, волюнтаристское и утопическое понимание сущности и целей революционных движений.

в качестве конечной цели, сколько как средство, как ступень перехода к решению социальных проблем<sup>4</sup>.

Тогда же К. Маркс выделяет и подвергает анализу два вида эмансипации: политическую и человеческую. Если первая достигается в ходе революции, носящей политический характер, то вторая, означающая истинное, не только политическое, но и социально-экономическое равенство, предоставляющая возможность индивиду организовать свои «собственные силы» как *общественные*<sup>5</sup>, осуществляется уже посредством революции, носящей более широкий, по существу, социальный характер.

По-новому начинает подходить К. Маркс и к вопросу о предпосылках революции, усматривая ее корни прежде всего в противоречиях существующей промышленно-экономической и торговой системы<sup>6</sup>.

Аналогичная трансформация наблюдалась и во взглядах Ф. Энгельса. Его переход от концепции политической революции к социальной и одновременно с этим выработка элементов качественно новой марксистской теории революции, преодолевавшей ограниченности и противоречия обеих первых концепций, также происходил в период 1842—1844 гг. Уже в 1843 г. в статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» Ф. Энгельс, проводя различие между политической и социальной революциями, дает достаточно четкое определение последней, которая рассматривается им как «радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность». Он также подчеркивает, что ее историческая необходимость определяется предпосылками, заложенными «в общих условиях современной цивилизации»<sup>7</sup>.

Рассмотрение народных масс как субъекта революционных изменений, научное понимание революционной практики, исходящее из «совпадения изменения обстоятельств и человеческой деятельности»<sup>8</sup>, выявление экономических противоречий и интересов как определяющих предпосылок революционных движений, а также ряд других диалектико-материалистических положений, высказанных в этот период К. Марксом и Ф. Энгельсом,

<sup>4</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 377—378.

<sup>5</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 406.

<sup>6</sup> См.: Там же, с. 377, 378.

<sup>7</sup> Там же, с. 525.

<sup>8</sup> Там же, т. 3, с. 2.

предопределили их переход к научному коммунизму. Можно считать, что именно наметившееся уже во второй половине 1844 г. во взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса проведение более четкого различия между социальной и политической революциями, а также преодоление традиционно существовавшей антиномии между ними, означало фактическое начало формирования собственно марксистской теории революции<sup>9</sup>.

Один из основополагающих тезисов этой теории — положение о диалектическом единстве и одновременно функциональном различии политической и социальной революций в историческом процессе<sup>10</sup>. При этом сами понятия «социальная» и «политическая» революции в марксистской интерпретации наполняются качественно новым содержанием. Политическая революция рассматривается как такая необходимая, органически составная часть всякой социальной революции, которая призвана прежде всего выполнять функцию ниспровержения и разрушения старой власти, революционной переделки «оболочки» общества, т. е. всей системы его надстройки. В свою очередь, основоположниками марксизма углубляется и расширяется также и понятие «социальная революция», которое включает в себя в новой трактовке уже не только «человеческую эмансипацию», но означает коренную перестройку всей системы социально-экономических отношений на качественно новой основе.

К. Маркс и Ф. Энгельс в своих исследованиях выявляли как общие закономерности и типичные свойства, характерные для революции в целом как особого социального феномена, специфической формы общественно-исторического развития, так и конкретные черты и признаки, присущие отдельным революциям тех или иных исторических типов и видов. Большой интерес они проявляли также к проблеме диалектического взаимодействия различных «ступеней» революционного процесса как явления, охватывающего длительные периоды смены одних общественно-экономических формаций другими, а также исторические этапы формирования и развития отдельных форма-

---

<sup>9</sup> Этой точки зрения придерживаются ряд советских исследователей — Г. А. Багатурия, Т. И. Ойзерман и др.

<sup>10</sup> Подробнее об этом см.: Блюм Р. Н. Понятие политической и социальной революции в домарксистской и марксистской общественной мысли. — В кн.: Проблемы теории социальной революции. М., 1976, с. 8—29.

ций. Этот процесс рассматривался ими в качестве многоступенчатого и не только в пространственно-временном, но и в качественно-содержательном аспекте.

В нашей литературе встречаются различные определения понятия «социальная революция», имеет место и разная трактовка проблемы соотношения социальной и политической революций в процессе смены общественно-экономических формаций. Суть дискуссий сводится к вопросу типологизации революционных путей и форм общественно-исторического развития, к определению универсальности действия основных законов революции на всех этапах всемирной истории, к тому, представляет ли революция «разовый скачок» при переходе от одной общественной формации к другой, или же она охватывает в той или иной форме все стадии процесса становления и развития данной формации. Поскольку имеющиеся здесь точки зрения различных авторов, так же как и приводимые ими аргументы, достаточно известны<sup>11</sup>, хотелось бы высказать на этот счет лишь следующие соображения. Вряд ли можно согласиться с иногда высказываемым мнением, будто бы основоположники марксизма зачастую вообще не дифференцировали понятия социальной и политической революций, употребляли термин «революция» в обобщенном виде, относя его в равной мере как к первому, так и ко второму феномену<sup>12</sup>. Если в их отдельных работах действительно и встречается употребление термина «революция» в общем смысле, то, на наш взгляд, вряд ли можно делать из этого столь далеко идущие выводы. Логичнее предположить, что в данном случае мы имеем дело как раз с применением основоположниками марксизма метода движения от абстрактного к конкретному применительно к исследованию революции, метода, позволившего им раскрыть наиболее существенные признаки и особенности данного социального феномена, наиболее полно и глубоко изучить его «в спятом виде».

Согласно марксизму всякое подлинно революционное движение носит всегда комплексный характер, оно включает в себя и экономические, и политические, и социальные, и духовные преобразования, охватывает как базис, так и надстройку. На этом основании К. Маркс делает

---

<sup>11</sup> См. по этому вопросу: Проблемы теории социальной революции. М., 1976; Селезнев М. А. Социальная революция. М., 1971.

<sup>12</sup> См., например: Лапин Н. И. Молодой Маркс. М., 1968.

вывод о том, что никогда не бывает такого политического движения, которое не было бы в то же время социальным, и наоборот. «Каждая революция разрушает *старое общество*, и постольку она *социальна*. Каждая революция низвергает *старую власть*, и постольку она имеет *политический характер*»<sup>13</sup>.

В этой связи представляется неправомерным всякое абсолютное противопоставление социальной и политической революций, рассмотрение их в отрыве друг от друга. Всесторонний анализ революционных переворотов в исторической практике позволяет К. Марксу констатировать, что «*революция вообще — ниспровержение существующей власти и разрушение старых отношений — есть политический акт*»<sup>14</sup>. С другой стороны, как отмечал В. И. Ленин, «всякий политический переворот, если это не смена клика, есть социальная революция...»<sup>15</sup>.

Вместе с тем основоположники марксизма-ленинизма установили и функциональное различие между конкретными «звеньями» революционного процесса, разграничивали возможности и задачи определенных этапов революционного движения. В работе «К критике политической экономии» вводится специальное понятие «эпоха социальных революций», которое имеет чрезвычайное методологическое значение для правильной трактовки и понимания феномена революции как конкретно-исторического явления, не только ограниченного определенными рамками и условиями своего возникновения, но и приобретающего новые качества и признаки в процессе своего формирования, достигающего зрелости и завершенности по мере своего развития.

К. Маркс отмечал, что одним «революционным ударом», т. е. политической революцией можно осуществить лишь захват государственной власти, но вовсе не решить всех выдвинутых данной революцией социально-экономических задач, ибо для этого требуется целая историческая эпоха.

В. И. Ленин употреблял термин «революция» в «широком» и в «узком» смысле, имея при этом в виду в первом случае всю сумму качественных революционных изменений, направленных на устранение противоречия между

---

<sup>13</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 448.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 120.

производительными силами и производственными отношениями, т. е. собственно социальную революцию, а во втором случае лишь сам непосредственный революционный переворот, преследующий захват политической власти, т. е. отдельно взятую политическую революцию как таковую, представляющую, как он писал, одну из волн революционного шторма<sup>16</sup>.

Согласно марксистской теории революции, переход власти из рук одного в руки другого класса является первым, главным, основным признаком революции как в строго научном, так и в практическом политическом значении<sup>17</sup>. Это ленинское положение относится как раз к характеристике именно политической революции, осуществляемой непосредственно революционным классом и представляющей высшее проявление ожесточенной классовой борьбы масс.

Социальная революция не сводится, конечно, лишь к «захвату власти», не ограничивается только временными рамками изменения государственно-политического статуса общества. Вместе с тем именно политические преобразования всегда составляют самую существенно необходимую и важную часть начального этапа революции, ибо без них невозможно практическое осуществление всего комплекса многообразных социально-экономических изменений, дальнейшая коренная перестройка общества на новых началах.

Ни одна революция в истории не могла разрешить сразу, одним ударом всех стоящих перед ней многообразных противоречий и проблем. На разных этапах своего развития революция решает различные по содержанию и значению задачи как негативного, разрушительного, так и позитивного, созидательного свойства.

Революционный переворот во всем своем объеме, охватывающем и базис, и надстройку, совершается не сразу, не автоматически, не путем одного лишь декларирования воли революционного класса, а всегда в границах определенной исторической эпохи, путем длительной борьбы нового со старым. Следует учитывать и то обстоятельство, что особенность диалектики революционного процесса, как и социальной диалектики в целом, проявляется в том,

---

<sup>16</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 384; т. 14, с. 152; т. 9, с. 247.

<sup>17</sup> См.: Там же, т. 34, с. 14—15.

что причинно-следственные связи складываются здесь при определенном сочетании объективных и субъективных факторов. Поэтому революционный процесс носит всегда крайне противоречивый и сложный характер. Законы общественного прогресса прокладывают себе путь через столкновение и борьбу разнородных социальных сил и исторических тенденций.

Социализм, как подчеркивал В. И. Ленин, нельзя ввести ни силой, ни декретированием, он не может быть поэтому установлен сразу, немедленно после завоевания власти рабочим классом. Основные политические задачи революции решаются в ходе осуществления революционного переворота, непосредственной сменой власти. Что же касается многих других задач социалистической революции — экономических, идеологических и т. д., то для их решения требуются уже другие сроки, определенный переходный период. «Требуется время, чтобы новая общественная система не только была представлена соответствующей политической властью, но и проникла в поры хозяйственной жизни, стала действенным фактором формирования массового общественного сознания»<sup>18</sup>.

Но и указанный переходный период от капитализма к социализму нельзя рассматривать как некую завершающую, последнюю стадию данного революционного процесса. После прохождения этого периода, как показывает уже имеющийся исторический опыт, только и начинается собственно социалистическое и коммунистическое строительство, создание самого здания новой общественной формации.

Вместе с тем если рассматривать революционный процесс в рамках целых исторических эпох, то очевидно, что ни один отдельный революционный переворот, ни одна конкретно взятая «частная» революция не были в состоянии в полной мере и окончательно обеспечить господство той или иной общественной формации, определенных общественных отношений в более или менее широких масштабах. Необходима была целая серия однотипных революций, происходивших в течение длительного исторического периода — целой определенной эпохи. Таким путем осуществлялось в истории утверждение каждой общественной формации, подготавливалась основа для будущих

---

<sup>18</sup> Зародов К. М. Три революции в России и наше время. М., 1975, с. 399—400.

революционных скачков. Порчеркивая всю сложность и противоречивость, длительность и многоступенчатость революционного процесса, его неодолимость, К. Маркс писал о революциях XIX в., что они «то и дело останавливаются в своем движении... возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова... все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению...»<sup>19</sup>.

Пролетарская революция, осуществляемая рабочим классом в союзе с другими отрядами трудящихся, в органическом единстве с национально-освободительными движениями колониальных и полуколониальных народов, всех антиимпериалистических сил, также разворачивается как сложный и длительный всемирно-исторический процесс, охватывающий разные по своему качественному содержанию стадии и временные этапы своего развития — от момента возникновения революционной ситуации и до полной победы в мировом масштабе.

Нельзя также не учитывать то обстоятельство, что классовая борьба, будучи обусловлена, во-первых, уровнем развития эксплуатируемого класса и, во-вторых, степенью развития антагонистических противоречий в данном обществе, не является некоей перманентной величиной, а проходит различные стадии в процессе своего возникновения и обострения. Так, например, классовая борьба пролетариата первоначально носила преимущественно социально-экономический характер. Только по мере того, как масса рабочих конституируется как «класс для себя», достигает определенного уровня сознательности и организованности, их борьба приобретает непосредственно политический характер<sup>20</sup>.

Социальные эволюции в процессе своего развития не всегда приводят к политическим революциям. Так, например, переход от первобытнообщинного к рабовладельческому строю, хотя и представлял собой социальный переворот, означавший качественный революционный скачок в общественном развитии, не носил характера политической революции, ибо здесь отсутствовала классовая борьба, не было и смены классового господства. Политическая революция связывается марксистами при всех обстоятель-

---

<sup>19</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 123.

<sup>20</sup> См.: Там же, т. 4, с. 146.

ствах с развитием антагонистических классовых противоречий и рассматривается как высшее проявление классовой борьбы.

Следовательно, в основе марксистского подхода к проблеме соотношения понятий «социальная революция» и «политическая революция» лежит методологический принцип соотношения и взаимосвязи целого, общего и отдельного, конкретного. Категория «социальная революция», несомненно, шире и объемнее понятия «политическая революция». Она включает в себя и последнюю, но не сводится к ней, ибо в ее функции входит решение, наряду с политическими, еще также и многих других задач общественного развития<sup>21</sup>.

В соответствии с указанным выше методологическим принципом каждая отдельная революция может быть понята и оценена не сама по себе, не как абсолютно самостоятельное и независимое явление, а как составная часть, как некий момент единого революционного процесса данной исторической эпохи. Одновременно применение этого принципа дает в современных условиях возможность анализа особенностей и проблем отдельных революционных движений в органической связи с общим характером мирового революционного процесса как выражения тенденций и особенностей настоящего этапа всемирного общественного развития в целом.

Вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, согласиться с теми авторами, которые придерживаются, с некоторыми различиями в формулировках, следующего определения понятия «социальная революция»: социальная революция представляет собой совокупность качественных прогрессивных экономических, политических и духовных преобразований, ведущих к переходу от низшей к высшей общественной формации, к ее полной победе в определенных всемирных масштабах, означающей революционный скачок в процессе исторического развития<sup>22</sup>.

Важнейшее теоретико-методологическое значение для исследования и объяснения закономерностей поступательного развития истории, процесса последовательной смены общественно-экономических формаций имеет открытое и сформулированное К. Марксом и Ф. Энгельсом

<sup>21</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133, 145; т. 34, с. 200.

<sup>22</sup> См., например, работы А. Г. Бутенко, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальсона, А. Р. Корсунского, М. А. Селезнева.

положение об объективных противоречиях материальной жизни, противоречиях в способе производства как определяющего фактора возникновения революций, их исторической необходимости. Главной движущей силой всех революционных преобразований, согласно марксизму, выступает основное противоречие, присущее каждой антагонистической общественной формации, — противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

При рассмотрении всякого революционного процесса необходимо, как отмечал К. Маркс, отличать «материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение»<sup>23</sup>.

Предпосылки революции вызревают не в головах людей, а в материальных условиях их жизни. Они возникают в конечном счете из внутренних противоречий способа производства, из происходящих в нем объективных изменений. Никакая деятельность сознания не способна заменить материальные предпосылки, необходимые для прихода новой общественной формации. «Люди строят для себя новый мир... из тех исторических приобретений, которые имеются в их гибнущем мире. В самом ходе своего развития должны они сперва *произвести материальные условия* нового общества, и никакие могучие усилия мысли или воли не могут освободить их от этой участи»<sup>24</sup>.

Установив диалектическую связь и взаимодействие производственных отношений и производительных сил в общественном развитии, основоположники марксизма выявили глубинные истоки революционных процессов, обосновали роль социальных революций как движущей силы исторического прогресса. За противоречиями между производительными силами и производственными отношениями стоят противоположные классовые силы, антагонизмы и борьба между которыми являются превращенной формой этих первоначальных противоречий. «...Все исторические коллизии... коренятся в противоречии между

---

<sup>23</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

<sup>24</sup> Там же, т. 4, с. 299.

производительными силами и формой общения,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс.—...Противоречие между производительными силами и формой общения... должно было каждый раз прорываться в виде революции»<sup>25</sup>.

Качественные сдвиги в совершенствовании и развитии средств труда всегда являлись конечной причиной изменений общественных отношений, происходящих посредством социальных революций, которые обеспечивали переход от одного типа общественно-экономических формаций к другому. Более высокому уровню развития производительных сил соответствует в целом и более сложная форма производственных отношений, общественной организации. «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»<sup>26</sup>.

Способ производства выступает и как определяющий признак специфического характера той или иной общественно-экономической формации, и как основополагающий критерий определенного типа революционного переворота, приводящего к смене одной общественной формации другой.

Марксизм не только впервые раскрыл внутреннюю необходимость и закономерность революционной смены общественно-экономических формаций. Он также установил, что никакой новый общественный строй не возникает, пока в недрах старого общества не вызреют необходимые для его существования объективные материальные предпосылки. «...Революция возможна только в те периоды,— констатирует К. Маркс,— когда *оба эти фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства, вступают между собой в противоречие*»<sup>27</sup>.

Именно противоречия, присущие самим объективным процессам социального развития, вызывают необходимость перехода от низших к высшим формам общественной организации, обуславливают закономерность революционных скачков в обществе, прерывающих постепенность количественных эволюционных изменений. Отмечая всю бесплодность революционных мечтаний и заговоров, основоположники марксизма писали, что лишь «на извест-

---

<sup>25</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 74—75.

<sup>26</sup> Там же, т. 4, с. 133.

<sup>27</sup> Там же, т. 7, с. 100.

ной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями ...внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы... Наступает эпоха социальной революции»<sup>28</sup>.

При выработке теории революции К. Маркс опирается на объективный анализ действительной борьбы реальных классовых сил в конкретно взятом обществе. Главную задачу он видит здесь в том, чтобы «из *собственных* форм существующей действительности развить истинную действительность как ее должностное и конечную цель»<sup>29</sup>.

Материалистический подход к анализу исторической действительности позволил основоположникам марксизма выявить и другую важнейшую закономерность. Им было доказано, что ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются производительные силы, для которых она дает достаточно простора, что новые, более высокие производственные отношения не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах старого общества. Не случайно человечество ставит только такие задачи, которые оно может разрешить, и только тогда, когда материальные условия их решения уже имеются или находятся в процессе становления<sup>30</sup>.

Так же как общественно-экономическая формация, феномен социальной революции исследуется в марксизме как живая историческая реальность. Революционный процесс никогда не представляет собой строго последовательного, соответствующего всем «формальным правилам» явления. Наоборот, его сущность и законы проявляются не путем «прямолинейного движения», а через многочисленные, подчас трудно предсказуемые противоречия, зигзаги. Путь революции, как и путь истории в целом — это также многовариантный процесс, в котором различные альтернативы переплетаются с нереализованными возможностями, подъемы — со спадами, железная логика исторических законов — с отступлениями от них.

---

<sup>28</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

<sup>29</sup> Там же, т. 1, с. 380.

<sup>30</sup> См.: Там же, т. 13, с. 7, 8.

Однако в конечном счете революционный процесс подчиняется объективным законам истории. Через всевозможные случайности и препятствия, тупики и «гигантские иногда скачки назад» господствующая историческая тенденция неуклонно пробивает дорогу в поступательном развитии общества. Остановить ход истории поэтому так же невозможно, как невозможно остановить течение времени, заменить настоящее прошлым, отменить будущее. Невозможно предотвратить и наступление революционной ситуации, отменить революцию, когда объективные и субъективные предпосылки для нее в целом подготовлены, когда она стала исторической необходимостью. Революция может в силу тех или иных обстоятельств терпеть поражение (Парижская Коммуна), после ее поражения может начаться период регрессивного развития общества, разгул реакции (российская революция 1905 г.). Но начавшийся революционный процесс в целом имеет неодолимый характер именно в силу объективных условий своего вызревания, рано или поздно он преодолевает все препятствия на своем пути, закон исторической необходимости будет реализован. «Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз,— писал К. Маркс по поводу Парижской Коммуны,— новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван»<sup>31</sup>.

Содержание и направленность всякой революции определяются как ее разрушительной функцией по отношению к старому обществу, его отрицанию, так и функцией созидания, творчеством нового социального качества. Главное назначение революции — покончить с отживающими, исчерпавшими свои возможности общественными отношениями, разрушить социально-экономический строй, в рамках и на основе которого они функционировали, и утвердить новый, прогрессивный для данного исторического периода политический строй, являющийся внешней оболочкой, формой господства иных общественных отношений.

«Локомотивами истории» назвал К. Маркс социальные революции, подчеркивая тем самым их исключительную, преобразующую и созидательную миссию в осуществлении перехода человечества от одной общественной формации к другой, в устранении всех тормозящих общественное развитие преград, в обеспечении беспрепятственного

<sup>31</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 175.

развития производительных сил. От одного типа социальной революции к другому неуклонно возрастают сложность и масштабность революционных задач, объем и организованность участвующих в них классовых сил и соответственно воздействие этих революций на общественный прогресс человечества. При этом темпы развития производительных сил обуславливают и темпы исторического развития в целом — продолжительность периодов существования и смены одних общественно-экономических формаций другими. Если, например, рабовладельческая и феодальная общественные формации отличаются крайне медленными темпами развития производительных сил и соответственно социальные революции, служащие водоразделами между ними, отстоят друг от друга на весьма значительный отрезок времени, то капитализм, ускоряя темпы развития производительных сил и одновременно усиливая антагонистический характер общественного развития, значительно сокращает сроки наступления социальных революций, открывающих новую коммунистическую эру истории.

Констатируя указанные выше две различные стороны революционного процесса, отличие их функциональной роли в этом процессе — разрушительной и созидательной, марксизм вместе с тем подчеркивает их органическое единство, неразрывность в обеспечении исторического прогресса. В данном случае мы видим на практике применение основоположниками марксизма-ленинизма метода системного подхода к исследованию революции, анализа соотношения между отдельными частями целого в процессе его функционирования, учета взаимодействия между ними.

## 2. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И ОБЪЕКТИВНЫЕ ЗАКОНЫ ИСТОРИИ

Поскольку «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»<sup>32</sup>, постольку не только возникновение, но и сам характер социальных революций определяется в конечном счете законами функционирования и развития производства. От сущности экономических преобразований, осуществляемых в процессе революции, клас-

---

<sup>32</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

совой природы ее движущих сил и характера утверждаемой политической власти зависят социальное содержание и тип данной революции.

Между революциями и антагонистическими противоречиями, их порождающими, как было установлено основоположниками марксизма, существует внутренняя и необходимая связь. Типы революций определяются конкретно-исторической формой проявления основного противоречия, присущего данной общественно-экономической формации. Так, например, в основе буржуазной революции лежит противоречие между производительными силами феодализма и его производственными отношениями. В свою очередь, коренной причиной социалистической революции выступает противоречие между производительными силами и производственными отношениями капитализма.

Вскрывая революционизирующую роль ведущего противоречия, свойственного каждой антагонистической формации, основоположники марксизма-ленинизма показывают, что оно определяет содержание и направленность всего процесса ее развития и революционной смены. В. И. Ленин, исходя из определяющей роли основного противоречия империализма, которое подчиняет своему действию всю систему других противоречий капитализма на высшей стадии его развития и ведет к его неизбежному закату, отмечал, что «обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала»<sup>33</sup>.

Существенный момент и одна из особенностей диалектики революционного процесса — то, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями приводит к революционной развязке лишь при условии существования именно антагонизма между ними. Этот характер оно приобретает в условиях частной собственности на орудия и средства производства, эксплуатации человека человеком, классовой борьбы и других присущих эксплуататорскому обществу явлений. С другой стороны, в каждом конкретном случае это антагонистическое противоречие проявляется в особой форме, через специфические противоречия данной общественно-экономической формации. Так, например, указанное про-

---

<sup>33</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 422.

тиворечие при капитализме проявляется прежде всего в противоречии между трудом и капиталом, между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения продуктов труда. Из этого конкретного противоречия и вытекает историческая необходимость замены частной собственности общественной собственностью на средства производства, а следовательно, неизбежность социалистической революции, приводящей к смене капиталистической общественной формации более высокой, коммунистической, формацией. Что же касается последней, то в коммунистической формации нет социальных революций, ибо здесь противоречия между производительными силами и производственными отношениями не носят уже более антагонистического характера.

Основное противоречие между производительными силами и производственными отношениями, выступая определяющим фактором всякой революции, находит многообразное проявление в ряде других неосновных противоречий базисного и надстроечного характера. Эти косвенные проявления основного противоречия в процессе возникновения революционной ситуации приобретают относительную самостоятельность и независимость. При этом для возникновения самой революционной ситуации и тем более революционного взрыва необходим не только определенный уровень зрелости основного ведущего противоречия, но и максимальное обострение всех других производных от него противоречий в базисе и надстройке данной общественно-экономической формации. Поэтому можно сказать, что революция лишь в общем и целом зависит — в границах данной эпохи — от степени развития основного противоречия. Не меньшее воздействие на нее оказывают и другие противоречия, которые подчас приобретают весьма острый характер и нередко выходят на передний план революционной борьбы. Конечно, во всех случаях основное противоречие играет ведущую роль по отношению к другим неосновным противоречиям, которые возникают и развиваются под его воздействием.

Хотя экономическую основу каждой социальной революции составляет закон соответствия производственных отношений уровню производительных сил, все они осуществляются, как правило, по-разному в зависимости от целого ряда конкретных факторов. И это различие присуще не только революциям качественно разного типа, но также зачастую и однотипным. В рамках каждого историче-

ского типа революции возможны разные формы и пути осуществления революционных преобразований. Эти особенности и специфические черты каждой революции отражают конкретно-исторические условия данной страны, реальную расстановку и соотношение борющихся классовых сил и целый ряд других факторов объективного и субъективного характера. Так, например, революционный переход от капитализма к социализму, как это было научно доказано основоположниками марксизма-ленинизма и подтверждено исторической практикой, возможен как путем вооруженного восстания, так и без применения открытой вооруженной силы, сравнительно мирным путем. При этом выбор конкретного пути (и это относится в равной степени ко всем историческим типам революций) не зависит от воли и желания людей, он определяется прежде всего объективными условиями, в которых данная революция разворачивается.

Сложность и противоречивость любого революционного процесса основоположники марксизма выводят из сложности и противоречивости самого механизма общественного развития той или иной исторической эпохи, из диалектического взаимодействия множества действующих здесь внутренних и внешних факторов, многообразия уровней социально-экономического и политического развития конкретных стран. Это обстоятельство определяет, в свою очередь, значительное разнообразие как социально-экономических противоречий, которые вызывают к жизни революционные процессы, так и само их объективное содержание и специфические черты, т. е. типы социальных революций. Поэтому к указанным трем основным типам социальных революций можно добавить еще такие, как буржуазно-демократическая, национально-освободительная, народно-демократическая, антиимпериалистическая, и ряд других. Некоторые из них, хотя и не выходят за рамки господствующей общественно-экономической формации, тем не менее вносят существенные изменения в систему существующих производственных отношений, форм собственности и т. д.

Принцип историзма, красной нитью проходящий во всех марксистских исследованиях социальных революций, органически сочетается с конкретно-историческим подходом к анализу их сущности и роли. К. Маркс и Ф. Энгельс, для того чтобы подняться на вершины абстрактно-теоретического анализа революционных явлений, обрати-

лись к изучению конкретно-исторической практики своего времени, тех путей и форм, посредством которых реализуется всеобщий закон противоречия производительных сил и производственных отношений на данном этапе истории. При этом они показали, что и на пути к установлению определенных общественных отношений в различных странах неизбежно возникали свои особенности, что эти различия накладывали свой отпечаток на революционный процесс в целом<sup>34</sup>. Образцом творческого конкретно-исторического подхода к осмыслению исторической реальности служит ленинский анализ характера и движущих сил буржуазно-демократической революции в России. Учет особых исторических условий, новой расстановки классовых сил, влияния некоторых внешних факторов на внутреннюю обстановку в России позволило ему по-новому поставить вопрос о перспективах развертывающегося здесь революционного движения, его возможностях перерастания в социалистическую революцию.

Существующие качественные различия между разными типами социальных революций обусловлены прежде всего уровнем экономического, политического и духовного развития конкретных обществ, объективным содержанием и направленностью происходящих в них революционных процессов, характером борющихся классов. Господствующий способ производства, а также структурные особенности обществ определенного типа оказывают влияние на форму перехода от одной формации к другой, в частности на степень и остроту классовой борьбы. Это особенно отчетливо прослеживается на примере перехода от первобытнообщинной к рабовладельческой и от капиталистической к коммунистической формации.

В первом случае, когда в условиях разложения первобытнообщинного строя и гегемонии рабовладельческого строя вообще отсутствовали классы и государственная власть как таковые, борьба между различными социальными слоями не носила политического характера. Этот переход означал социальную, но не политическую революцию, отличительным признаком которой является борьба антагонистических классов, которая характерна для всех последующих общественных частнособственнических формаций.

---

<sup>34</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 114.

Переход от капиталистической к коммунистической формации, в свою очередь, принципиально отличается от всех предшествующих переходов от одной эксплуататорской общественной формации к другой<sup>35</sup>. Главное отличие социалистической революции от всех других имевших место до нее состоит в том, что она кладет конец антагонистическим общественным отношениям, основанным на эксплуатации и отчуждении человека, ведет к созданию общества неантагонистического, основанного на социальном равенстве, свободного от всех форм эксплуатации и угнетения людей.

Призывая исследовать исторические условия и саму природу революционного переворота, имеющего целью утверждение новой коммунистической формации, Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» выявляет основные социально-экономические, политические, идеологические факторы, лежащие в основе общественного движения к социализму. На большом конкретном материале он показал, что если частнособственническая цивилизация, т. е. классово-антагонистическое общество, является отрицанием доклассового общества, то коммунистическая цивилизация, т. е. коммунистический общественный строй, в свою очередь, есть отрицание классово-антагонистического общества. С той же исторической необходимостью, с какой во всех предшествующих классовых общественных формациях *«человеческая жизнь нуждалась для своего осуществления в частной собственности»*, новая историческая эпоха перехода от капиталистической к коммунистической общественной формации *«нуждается в упразднении частной собственности»*<sup>36</sup>.

Качественное различие существует здесь и в конечных целях. Суть всех прежних революций, включая и

---

<sup>35</sup> Ряд буржуазных исследователей, целью которых является отрицание в принципе самого понятия «общественно-экономическая формация», пытаются достигнуть этого путем качественно однозначной трактовки буржуазных и социалистических революций, рассматривая их всего лишь как разные пути перехода от «предындустрпального мира» к современному, «индустриальному обществу». Они зачастую вообще не усматривают никакого качественного различия между революциями разных видов и типов, произвольно объединяют их в одну категорию по чисто формальным, внешним признакам. Неправомерность такого абстрактно-метафизического подхода к рассматриваемому явлению очевидна.

<sup>36</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 144.

буржуазную, писал К. Маркс, состояла в том, что па смену господства одного класса приходило «господство нового класса, выражающееся в новой политической власти»<sup>37</sup>. Наоборот, цель и конечный результат социалистической революции — «уничтожение всех классов», и всякой политической власти вообще. Имея своей конечной целью создание бесклассового коммунистического общества, упразднение политической власти, социалистическая революция означает тем самым конец истории политических революций. «Только при таком порядке вещей,— писал К. Маркс,— когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*»<sup>38</sup>.

Социалистическая революция отличается от всех предшествующих революций не только своим качественным содержанием, но и целым рядом важных количественных показателей, находящихся в диалектическом взаимодействии с ее содержательной стороной, в частности, масштабами своего действия, широтой охвата активно участвующих в ней социальных сил, разнообразием форм и средств классовой борьбы. Если сравнить, например, социалистические и буржуазные революции, то последние, как правило, ограничивали сферу своего действия национальными рамками одного государства. В процессе буржуазной революции, отмечал Ф. Энгельс, начинают фактически только создаваться нация и национальное государство как таковые<sup>39</sup>. Другое дело — социалистическая революция, которая по своему характеру и целям, степени зрелости классовых отношений и уровню социально-экономического развития общества в целом неизбежно превращается в революцию всемирную. Хотя по форме классовая борьба пролетариата против буржуазии является первоначально борьбой национальной, подчеркивал Ф. Энгельс, по своему содержанию и существу «она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену»<sup>40</sup>.

Исторический опыт подтверждает тот несомненный факт, что Великая Октябрьская социалистическая рево-

---

<sup>37</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 184.

<sup>38</sup> Там же, с. 185.

<sup>39</sup> См.: Там же, с. 428.

<sup>40</sup> Там же, с. 334, 435.

люция, являясь исторической закономерностью, означала коренной водораздел в истории человечества. Был пройден не просто очередной рубеж, разделявший разные эпохи и общественные формации. Эта революция ознаменовала качественный поворот общества в совершенно новое историческое русло: кончилась предыстория, началась собственно история человечества. Вместе с тем, как показал исторический опыт, все основные закономерности первой социалистической революции стали закономерностями всего исторического периода перехода человечества от капитализма к социализму, закономерностями всех социалистических революций нашей эпохи. Это, естественно, не исключает, а подразумевает, что все последующие социалистические революции вносили в революционную теорию и практику свои своеобразные черты, в которых находили отражение не только национальная специфика тех или иных стран, но также и качественно новые условия классовой борьбы, коренные сдвиги в социально-политическом облике современного мира, новое соотношение борющихся классовых сил.

### 3. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАСС И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

Само по себе основное противоречие между производительными силами и производственными отношениями никогда не вызывает «стагнацию» того или иного общественного строя, не ведет к его «автоматическому краху». Основоположники марксизма, разрабатывая теорию социальной революции, никогда не сводили революционный процесс к одним лишь экономическим предпосылкам, а анализировали диалектическое соотношение экономики и политики, объективных и субъективных факторов. Объективные условия только создают возможность революционного скачка, но его реализация зависит уже от ряда субъективных факторов, и прежде всего от целеполагающей деятельности масс людей.

Если к объективным предпосылкам К. Маркс относит прежде всего предпосылки, связанные с местом, занимаемым эксплуатируемым классом в системе экономической и политической жизни, то к субъективным относятся уже факторы, связанные с осознанием эксплуатируемыми своими собственными классовыми интересами. В этой связи К. Маркс в качестве одной из предпосылок социальной

революции рассматривает противоречие между общественным сознанием и общественным бытием<sup>41</sup>.

Когда объективные условия налицо, решающую роль в историческом движении приобретают активные действия людей, направленные на революционное преобразование действительности. «Марксизм,— писал В. И. Ленин,— отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»<sup>42</sup>.

Не случайно в марксистской теории революции особое внимание уделяется принципу деятельности, творческой активности и свободы воли людей, познающих историческую необходимость и закономерность, активно преобразующих на основе этого познания социальную действительность. Революционная деятельность есть всегда выражение наивысшей степени социальной активности людей, деятельности широких масс. К. Маркс, писал В. И. Ленин, с восторгом говорит о том, что именно в такие эпохи «кипит весь котел у чародейки-истории»<sup>43</sup>.

От степени зрелости как объективных, так и субъективных предпосылок зависит успех революционной борьбы, сама возможность и готовность проведения революционного переворота. Сейчас можно говорить о зрелости материальных предпосылок социализма в принципе в мировом масштабе, о возможности практически для каждой страны перехода к социализму. Однако для превращения этой возможности в действительность требуется, чтобы к объективным условиям присоединился такой субъективный фактор, как «способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не „упадет“, если его не „уронят“»<sup>44</sup>.

<sup>41</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Противоположность материалистического и идеалистического воззрений*. М., 1966, с. 41.

<sup>42</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 23.

<sup>43</sup> См.: Там же, т. 14, с. 374.

<sup>44</sup> Там же, т. 26, с. 219.

Революция представляет собой следствие всеобщего кризиса данной социально-экономической системы, существующих общественных порядков, политического режима и духовной жизни общества — словом, всех базисных и надстроечных элементов. При этом если подходить шире и брать не одну конкретную страну, не отдельное общество, а социально-экономическую систему в целом, рассматривать всю данную общественно-экономическую формацию, то речь может идти о всемирном, общем ее кризисе, так же как и о всемирном характере ее зрелости в период становления и развития. Кризис системы государственно-монополистического капитализма принял в настоящее время именно такой всеобъемлющий характер. Однако это не означает, что для практического решения проблемы устранения капитализма и победы социализма во всемирном масштабе не требуется ныне особых усилий, ожесточенной борьбы. Коммунисты далеки от того, чтобы предрекать автоматический крах капитализма.

К. Маркс и Ф. Энгельс допускали такое положение, когда, несмотря на наличие основных объективных предпосылок для революционной смены капитализма, он будет в течение определенного времени продолжать свое существование: «...старое буржуазное общество может продолжать еще некоторое время свое существование, пока толчок извне не разрушит это гнилое здание. Такое прогнившее старое сооружение может еще продержаться несколько десятков лет после того, как по существу уже отживет свой век, если воздух останется спокойным»<sup>45</sup>. Это положение крайне важно для правильного понимания диалектики объективного и субъективного, внутренних и внешних факторов, влияющих на современный мировой революционный процесс.

Верность марксистского положения о невозможности самоликвидации капитализма, о том, что его гибель не может наступить автоматически, только в силу действия одних объективных законов, подтверждает современная действительность. Недооценивать силы и возможности исторически обреченного капитализма, изощренность его попыток любыми средствами отсрочить свое крушение было бы не только неверно, но и опасно. Буржуазия — отнюдь не пассивный продукт социально-экономического развития. Она лихорадочно мобилизует все материальные

---

<sup>45</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 38, с. 163.

и духовные силы для сопротивления революционному движению, для продления своего господства.

Весь исторический опыт свидетельствует, что коммунистическая формация не может возникнуть и утвердиться без ожесточенных классовых битв, что путь к ней лежит через социалистическую революцию. Поэтому тот, кто сегодня говорит о социализме как цели, но отвергает единственно возможный путь, ведущий к нему — путь социальной революции, на деле отказывается и от провозглашаемой цели. «...Социализм не может быть осуществлен без революции»<sup>46</sup>.

Важнейшее методологическое значение для раскрытия объективного содержания исторического процесса, понимания закономерностей его развития имеет марксистско-ленинское учение о решающей, возрастающей роли народных масс в истории, в революционной борьбе. Революционное творчество широких масс трудящихся определяет ход исторических событий, составляет сущностное содержание истории. Подчеркивая, что «обстоятельства изменяются именно людьми», К. Маркс с самого начала разработки революционной теории по-новому ставит вопрос о социальных силах, способных совершить революционный переворот, о массах как субъекте революции. Отмечая, что народные массы встают на путь революционной борьбы, побуждаемые прежде всего своими материальными нуждами, состоянием угнетения и отчуждения, К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем рассматривали эту борьбу как решающий объективный фактор общественного прогресса человечества, подходили к трудящимся как подлинным творцам истории. В первую очередь это относится, конечно, к пролетариату как такому революционному классу, который «не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества...»<sup>47</sup>.

Социальная база революции — показатель не только ее характера, но одновременно глубины и остроты тех назревших противоречий в базисе и надстройке данного общества, разрешить которые она призвана. Чем шире непосредственное участие народных масс в революционном творчестве, тем более глубокий и всеобъемлющий

---

<sup>46</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 1, с. 448.

<sup>47</sup> Там же, с. 406, 428.

характер носит переживаемый старым обществом кризис, тем основательнее и масштабнее происходящий в нем революционный переворот.

Революция всегда совершается народными массами, степень участия и уровень сознательной деятельности которых в революционных событиях является исторически изменяющейся величиной. В ходе поступательного развития истории вместе с основательностью исторического действия неизменно растет и «объем массы, делом которой оно является»<sup>48</sup>, — так сформулировали К. Маркс и Ф. Энгельс общесоциологический закон возрастания роли народных масс в развитии общества. Творчески развивая это важнейшее марксистское положение и подчеркивая другую сторону этой общесоциологической закономерности, В. И. Ленин отмечал, что увеличение объема масс в исторических, и прежде всего революционных, событиях в то же время качественно меняет само их содержание и характер, неизмеримо углубляет происходящие социальные изменения и ускоряет темпы общественного прогресса.

Возрастание революционной активности масс, их воздействия в целом на исторический процесс, особенно в периоды революционных переходов к более высоким ступеням общественной организации, так же как и сама смена общественных формаций, определяется в первую очередь действием объективных экономических законов. Трудящиеся массы на всех этапах истории являются главным субъектом и решающей силой общественного развития как творцы всех материальных и духовных ценностей, но при этом их историческая деятельность определяется объективными конкретно-историческими условиями, существующими реальными возможностями революционной борьбы за свое раскрепощение, за социальный прогресс.

«Революциями меньшинства» называл Ф. Энгельс буржуазные революции, поскольку даже если большинство данной нации и принимало в них участие сознательно, то оно действовало лишь в интересах меньшинства.

Социалистическая революция представляет самое глубокое и коренное социальное преобразование среди всех известных в исторической практике прежде всего потому,

---

<sup>48</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 90.

что в ней принимают активное и сознательное участие несравненно более широкие массы трудящихся, нежели во всех прошлых революциях. В. И. Ленин отмечал как одну из главных особенностей социалистической революции в России тот факт, что на стороне революции здесь выступает не только большинство рабочего класса, но и «большинство народа»<sup>49</sup>. С возрастанием массы людей, активно и сознательно участвующих в революционной деятельности, связано прежде всего и значительное усиление роли субъективного фактора в эпоху социалистических революций, его воздействия на объективные предпосылки и условия.

В процессе исторического развития изменяется не только качественное содержание социальной деятельности людей, ее результаты, но также и сами люди, выступающие как творцы истории. Если сопоставить отдельные исторические эпохи, социальные революции разных типов по уровню развития как объектов, так и субъектов исторического процесса, то нельзя не увидеть их отличия друг от друга, наблюдающегося здесь неуклонного прогресса в количестве и «качестве» исторически действенной массы. Одна из исторических закономерностей, установленная марксизмом, заключается в том, что «основа, на которой... новый класс устанавливает свое господство, шире той основы, на которую опирался класс, господствовавший до него»<sup>50</sup>.

Переход от низшей к высшей общественно-экономической формации сопровождается неуклонным расширением границ познанных необходимости и, следовательно, свободы человека, ростом уровня сознательности масс, сужением сферы действия стихийного фактора в общественной жизни, в том числе и в революционной борьбе.

Без наличия общественных сил, которые способны и готовы совершить революционный переворот, его объективные предпосылки могут остаться «вещью в себе». История дает немало примеров того, когда старое общество истощало себя на определенном историческом этапе, не могло уже развиваться дальше на данной социально-экономической основе, и тем не менее революционного переворота не происходило именно в силу отсутствия достаточно зрелых и подготовленных для этого классовых сил. Например, история рабовладельческой формации по-

<sup>49</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 244.

<sup>50</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 48.

казывает, что восстания рабов не смогли положить конец рабовладельческому строю, они были в состоянии лишь расшатать и подготовить его гибель. В условиях рабовладельческого общества эксплуатируемые, занимая определенное место в системе господствующего способа производства, не могли выступать как сколько-нибудь организованная сила, уровень их сознания соответствовал уровню развития тех объективных материальных условий, в которых они жили. «Рабы, как мы знаем,— писал В. И. Ленин, сравнивая революционные движения прошлого и настоящего,— восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»<sup>51</sup>.

Аналогичное положение наблюдалось в некоторых случаях и при феодализме, когда в ряде государств в нужный момент отсутствовал сформировавшийся новый класс, способный революционным путем открыть путь историческому развитию, хотя объективные предпосылки для этого созрели.

Всякую, и прежде всего пролетарскую, революцию К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали как двуединый процесс коренного изменения не только общественных отношений, но и самого субъекта истории, людей, преобразующих социальную действительность, их сознания, психологии. Последнее же, в свою очередь, оказывает мощное обратное воздействие на общественное развитие, значительно ускоряет темпы исторического прогресса. «...Революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»<sup>52</sup>.

Революционный процесс представляет собой такой особый вид общественно-исторической практики, при котором происходит совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности или самоизменения, процесс, в котором в наибольшей степени возможно «массовое из-

---

<sup>51</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 82.

<sup>52</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, с. 50.

менение» людей. Рассматривая эти два взаимосвязанных функциональных аспекта социальной революции применительно к революционной борьбе пролетариата, К. Маркс отмечал, что при ее осуществлении, «с одной стороны, низвергается власть прежнего способа производства и общения, а также прежней структуры общества, с другой — развивается универсальный характер пролетариата и энергия, необходимая ему»<sup>53</sup>. При анализе диалектической взаимообусловленности процесса изменения объекта и субъекта социальной революции Ф. Энгельс считал, что она в качестве существенного, присущего ей признака «представляет собой многолетний процесс развития масс в условиях, которые способствуют его ускорению»<sup>54</sup>.

Революционная перестройка общества означает всегда скачок в историческом развитии, перерыв эволюционного процесса количественных изменений, переход к новому социальному качеству. В периоды социальных революций наблюдается и другого рода качественный скачок — от стихийного процесса развития и борьбы к сознательной активности людей, к осознанно-целенаправленной деятельности масс, прежде всего классовых сил, составляющих движущие силы революции. Только революционная борьба воспитывает эксплуатируемый класс, отмечал В. И. Ленин, только борьба открывает ему меру его силы<sup>55</sup>.

Установление особенностей каждого типа революции, их качественных различий друг от друга — необходимое условие для правильного понимания сущности и оценки действительной роли конкретных революций. Вместе с тем при исследовании революции как определенной формы социального развития к этим различиям следует подходить как к разнобразию единого целого. Таким единым целым выступает социальная революция в исторической действительности, взятая как определенная совокупность общих закономерностей общественного развития. Все революции имеют определенные общие черты и признаки, некоторые единые закономерности своего проявления как социальные феномены однопорядкового характера. К ним следует отнести прежде всего закон классовой борьбы.

Научная обоснованность положения о революции как решающем факторе в поступательном ходе истории, в за-

---

<sup>53</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 68.

<sup>54</sup> Там же, т. 36, с. 49.

<sup>55</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 314.

кономерной смене низших общественных формаций высшими раскрывается через призму марксистского учения о классах и классовой борьбе. История, писал В. И. Ленин, представляет собой «смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка»<sup>56</sup>. Руководящей нитью, позволяющей открыть закономерность в этом кажущемся хаосе истории, отмечал он, является созданная К. Марксом теория классовой борьбы. Классовый подход в качестве «руководящей нити» социального познания не означает, конечно, сведения всего многообразия общественного развития непосредственно к классовой борьбе. Такой вульгарно примитивный подход, свойственный многим ревизионистским теоретикам, является извращением марксизма. Только правильное методологическое применение классового подхода к анализу социальной действительности, использование наряду с ним других средств и методов познания дает возможность раскрыть действительные закономерности общественного развития, учитывать специфику его многообразных проявлений.

Смена общественной формации происходит путем длительной борьбы противостоящих социальных сил, цель которой — овладение прежде всего господствующими экономическими позициями и соответствующее юридическое «оформление» этого господства — захват политической власти. Классовый антагонизм, присущий всем досоциалистическим общественным формациям, является главным источником и движущей силой общественного прогресса. «Без антагонизма нет прогресса, — писал К. Маркс. — Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней»<sup>57</sup>.

Классовая борьба, выступая как главный двигатель общественного прогресса во всех прошлых антагонистических общественно-экономических формациях, имеет своим конечным результатом революцию. Социальная революция есть наивысшее, самое острое проявление классовой борьбы. Именно «бурное развитие классового антагонизма, — писал Ф. Энгельс, — в старых и сложных социальных организмах делает революцию таким могучим двигателем общественного и политического прогресса»<sup>58</sup>.

---

<sup>56</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

<sup>57</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 96.

<sup>58</sup> Там же, т. 8, с. 38.

По мере движения какой-либо из антагонистических общественных формаций к своему закату обостряются все ее противоречия. Соответственно этому нарастает и острота классовой борьбы между противоположными социальными силами. Когда эта борьба достигает своей, в каждом конкретном случае определенной «точки кипения», следует «взрыв», означающий социальную революцию. Когда процесс эволюции уступает место социальной революции, происходит скачок в общественном развитии.

В основе возникновения всякой классовой борьбы лежат объективные материальные предпосылки. Этим определяется и соотношение экономической и политической борьбы, основных целей революционного класса. «...Экономическое освобождение рабочего класса,— подчеркивал К. Маркс,— есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство...»<sup>59</sup>.

Об определяющей роли экономического фактора в социальной революции говорит и то обстоятельство, что сам захват власти революционным классом — не самоцель. Политическая власть есть лишь необходимое условие социальных преобразований, утверждения новых производственных отношений. Вскрывая «экономические механизмы» проявления социального насилия всех видов и форм в общественной жизни, включая революционное насилие, основоположники научного коммунизма подвергли в свое время обстоятельной критике принцип так называемого «силового детерминизма», искажавшего действительное соотношение экономики и политики в историческом развитии. «...Насилие есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода,— писал Ф. Энгельс.— Насколько цель «фундаментальнее» средства, применяемого для ее достижения, настолько же экономическая сторона отношений является в истории более фундаментальной, чем сторона политическая»<sup>60</sup>.

Являясь детерминантой всех революционных движений в истории, экономические противоречия играют определяющую роль и в отношении социального состава движущих сил революции. Вопрос о том, насколько интерес данного класса, его объективная роль в революционной борьбе совпадают с интересами развития общества в целом, всегда

---

<sup>59</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 12.

<sup>60</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 164.

находился в центре внимания основоположников марксизма-ленинизма, занимал их в связи с определением степени революционности того или иного класса в данный момент. На основе конкретно-исторического метода марксизм выявляет, какие объективные задачи социального развития стоят в определенный момент перед данным обществом, и определяет те классы и слои, которые объективно заинтересованы и способны их решить. В. И. Ленин подчеркивал, что именно в соответствии с историческими задачами развития общества происходит трансформация и самого понятия «революционная масса». «В глубокую ошибку впадают те,— писал он,— кто забывает, что с прогрессом революции, с ростом ее задач изменяется также состав классов и элементов народа, способных участвовать в борьбе за осуществление этих задач»<sup>61</sup>.

Основоположники марксизма-ленинизма всесторонне анализировали историческую и социальную обусловленность классового состава движущих сил конкретных революций. Этот состав определяется как характером исторической эпохи, так и объективным положением классов в господствующей системе производственных отношений. Как правило, именно тот класс, который является носителем новой, прогрессивной формы производственных отношений, выступает и авангардом революции, призванной обеспечить их победу.

Место конкретного класса в системе производства определяет и его объективные возможности в классовой, революционной борьбе. Так, например, рабы в силу занимаемого ими положения в рабовладельческом обществе не способны были довести классовую борьбу до победоносной политической революции, т. е. до изменения общественного строя. Это и определило тот факт, что «уничтожения рабства победоносным восстанием древний мир не знает...»<sup>62</sup>.

В эпоху средневековья крестьянство, хотя и представляло основную производительную силу общества, будучи распыленным и изолированным, что определялось господствовавшим способом производства, также не смогло вести самостоятельной политической борьбы за власть. Хотя крестьянские войны представляли безусловно более высокий этап революционного движения, в целом оно носило стихийный характер, не выходило за ограниченные вре-

---

<sup>61</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14. с. 52.

<sup>62</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 155.

менем и местом рамки отдельных разрозненных вооруженных выступлений.

В эпоху подъема и победы капиталистического способа производства, который В. И. Ленин охарактеризовал как эпоху «восходящей линии» буржуазии, интересы последней совпадали с объективным ходом исторического развития, и поэтому буржуазия выступала в борьбе против феодализма в роли представителя «всего страждущего человечества». Французской буржуазной революции 1879 г. способствовал успех прежде всего потому, писал К. Маркс, что представлявшие ее классовые силы в лице молодой тогда буржуазии «выражали... потребности всего тогдашнего мира...»<sup>63</sup>. Однако даже в этот период революционность буржуазии носила противоречивый и половинчатый характер, ибо она боролась всего лишь за замену одной формы эксплуатации и угнетения трудящихся другой.

До тех пор пока производственные отношения капитализма оставались прогрессивными, обеспечивали в целом благоприятные условия для развития производительных сил, буржуазия выступала как ведущая сила общественного прогресса. Когда же противоречие между развивающимися производительными силами, общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения приняло антагонистический характер, монополистическая буржуазия оказалась в том же положении, в каком находился класс феодалов накануне буржуазных революций.

Начавшаяся на рубеже XIX—XX вв. эпоха заката господства буржуазии характеризуется в первую очередь тем, что этот класс полностью утрачивает свою революционность и превращается в реакционную силу. «На место борьбы поднимающегося вверх национально-освобождающегося капитала против феодализма стала борьба реакционнейшего отжившего и пережившего себя, финансового капитала, идущего вниз, к упадку, — против новых сил»<sup>64</sup>.

Знамя социальной революции переходит в руки нового передового класса — пролетариата, который представляет собой единственно до конца революционный класс, «пригодный для творчества (исторического. — В. Д.) материал»<sup>65</sup>.

<sup>63</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 115.

<sup>64</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 145.

<sup>65</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 574.

Именно от пролетариата, «который вынужден пести на себе все тяготы общества, не пользуясь его благами...», — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя положение рабочего класса при капитализме, — исходит сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание»<sup>86</sup>. Соответственно и роль ведущей общественной силы переходит к рабочему классу, который становится в центре новой исторической эпохи — эпохи перехода от капиталистической к коммунистической общественной формации, определяет главное содержание и направление развития этой новой эпохи<sup>87</sup>.

Между указанными выше двумя главными факторами, обуславливающими состав движущих сил революции, существует диалектическое взаимодействие, сущность которого состоит в том, что в ходе поступательного развития истории усиливается и воздействие основных закономерностей данной исторической эпохи на расстановку революционных сил внутри конкретных стран. В настоящую эпоху, когда конфликт между трудом и капиталом, общественным характером производства и частной формой присвоения продуктов труда, а следовательно, и классовая борьба обострились до предела, создалось положение, при котором узкой клике монополистической буржуазии противостоит фактически подавляющая часть народа, объективно заинтересованная в революционной смене капиталистических производственных отношений социалистическими. Сама жизнь диктует необходимость в современных условиях объединения всех отрядов и слоев трудящихся, которых сама действительность противопоставляет власти монополий, для революционной борьбы за социализм. Гигантское расширение социальной базы социалистической революции определяет ее подлинно народный характер, ту исключительную роль, которую она призвана сыграть в общественном прогрессе человечества.

#### 4. ДИАЛЕКТИКА ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Поскольку согласно марксизму революционная зрелость общества зависит в конечном счете от уровня развития производительных сил, постольку революционные

<sup>86</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, с. 49—50.

<sup>87</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 142.

перевороты не могут совершаться одновременно во всех странах даже одного географического региона. Это невозможно в силу неравномерности их социально-экономического развития. «В каждой из этих стран,— писал Ф. Энгельс, характеризуя развитие революционного процесса в европейских странах в середине прошлого века,— она (революция.— В. Д.) будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность... и имеется более значительное количество производительных сил»<sup>68</sup>.

Неравномерностью экономического развития различных стран, разновременностью вызревания в них материальных предпосылок революции обусловлен и тот факт, что утверждение новой общественной формации, превращение присущих ей производственных отношений в господствующие не является скоротечным процессом, а всегда занимает значительный период времени. Процесс смены отжившей формации новой происходит поэтапно. При этом на первом этапе новое, как правило, не имеет еще подавляющей экономической и политической силы, уходящий общественный строй продолжает оказывать свое значительное воздействие на исторический процесс. Лишь на последующих этапах становления нового общественного строя его закономерности становятся господствующими, определяющими ход истории. Такая картина наблюдалась, например, когда рабовладельческий строй рушился, но еще долгое время не уходил с исторической арены, а на его развалинах возникал, шаг за шагом утверждался феодальный способ производства. Образование сельских общин в Европе, рост имущественного неравенства и классовой дифференциации, развитие новых форм зависимости и ряд других факторов, определивших возникновение феодализма,— все это потребовало значительного отрезка времени. Этот процесс занял в Европе около четырех столетий, наполненных борьбой между сопротивляющимся старым и доказывающим свои преимущества новым. «Общественные классы IX в.,— писал в этой связи Ф. Энгельс,— сформировались не в обстановке разложения гибнущей цивилизации, а при родовых муках новой цивилизации»<sup>69</sup>. Вызревание феодализма, утверждение господства феодальных отношений потребовало значительно-

---

<sup>68</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 334.

<sup>69</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 154.

го времени и долгой борьбы не только в Европе, но и в других регионах (Индия, Китай).

И после окончательной победы нового общественного строя в течение длительного времени многие черты старых общественных отношений сохраняются и существуют параллельно с новыми. К. Маркс отмечал, что «крепостное право раннего средневековья» заключало «в себе еще много черт древнего рабства...»<sup>70</sup>.

Аналогичное положение наблюдается и при переходе от феодальной к капиталистической общественной формации. Несмотря на то, что капитализм вызревал в недрах феодализма и его основу также составляет частная собственность на средства производства, ему понадобился длительный период борьбы для своего утверждения. Хотя зарождение капитализма относится к XVI столетию, а его «первые зачатки», как отмечал Маркс, спорадически встречаются уже в XIV и XV столетиях, полного господства буржуазия достигает лишь в XVIII в.

Борьба за ломку старых и утверждение новых общественных отношений начиналась всегда с политически наиболее развитых стран, а затем неизбежно выходила на мировую арену. Наступал период утверждения нового общественного строя в мировом масштабе. Эта открытая К. Марксом и Ф. Энгельсом закономерность имеет в своей основе реальный процесс общественного развития, который никогда не может быть изолированным явлением и который с неизбежной последовательностью охватывает одну страну за другой, принимает на определенной стадии своего развития всемирный характер.

Это положение обогащает наше понимание содержания и механизма исторического процесса, оно имеет важное методологическое значение для выявления основной исторической линии и направления развития общества на современном этапе всемирной истории, наступившего после победы Октябрьской социалистической революции, возникновения мировой системы социализма, превращения ее в решающую силу общественного прогресса человечества.

С развитием универсального мирового общения, превращением истории в подлинно всемирную историю, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, возникает принципиальная возможность революционных преобразований и не в самых развитых в экономическом отношении странах.

---

<sup>70</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 339.

«...Для возникновения коллизий в какой-нибудь стране вовсе нет необходимости, чтобы именно в этой стране противоречие это было доведено до крайности,— пишут К. Маркс и Ф. Энгельс в „Немецкой идеологии“.— Конкуренция с более развитыми в промышленном отношении странами, вызванная расширением международного общения, является достаточной причиной для того, чтобы породить и в странах, обладающих менее развитой промышленностью, подобное же противоречие...»<sup>71</sup>.

Анализируя степень воздействия высшего уровня, достигнутого в развитии мировых производительных сил и производственных отношений, в качестве внешнего фактора на внутренние общественные отношения отдельных стран, К. Маркс приводил в пример, в частности, Россию второй половины XIX в. Последняя при всем своеобразии своих конкретно-исторических условий неуклонно вставала в этот период на путь капиталистического развития, включалась в систему мирового рынка. «Россия — единственная страна в Европе,— писал он,— в которой общинное землевладение сохранилось в широком национальном масштабе, но в то же самое время... она является современницей более высокой культуры, она связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство»<sup>72</sup>.

Принципиальная теоретико-методологическая значимость положения о всемирности исторического процесса состоит в том, что из него логически вытекает и марксово положение об органическом единстве и взаимодействии общественно-экономического и революционного процессов, трактовка всемирного характера социалистической революции. Именно всемирность капитала и мирового рынка, всесторонняя зависимость национальных экономик и всей экономической жизни обуславливает и взаимозависимость революционно-освободительных процессов в мире, необходимость такой социальной революции, которая сможет положить конец эксплуатации и отчуждению человека, стихийности и антагонистическому развитию общества в мировом масштабе. Всемирность развития способствует утверждению и распространению буржуазных общественных отношений и в то же время на определенном этапе ста-

---

<sup>71</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, с. 79.

<sup>72</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 413.

новится препятствием их развития, служит стимулятором роста революционного движения пролетариата, выступает как условие обострения всех конфликтов и антагонизмов буржуазного общества, исторической необходимости перехода человечества к коммунистической общественной формации.

В. И. Ленин применительно к новой исторической эпохе обосновал также и другую сторону марксистского положения о всеобщности и единстве мирового революционного процесса, а именно вопрос о слиянии пролетарских революций и национально-освободительных движений народов колониальных стран, об «обратном отражении» революционных «бурь» в колониальных странах на классовую борьбу в развитых капиталистических странах. Грядущую эпоху социальных революций В. И. Ленин видел как соединение в единый революционный поток гражданских войн пролетариата с буржуазией в развитых странах с целым рядом национально-освободительных движений отсталых и угнетенных наций. «...Думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний малых наций в колониях и в Европе...— писал он,— думать так, значит *отречься от социальной революции*»<sup>73</sup>.

Скачкообразный характер исторического развития — одна из его главных закономерностей. Однако и между этими революционными скачками происходит развитие общества в эволюционной форме, путем постепенных количественных изменений в рамках данной общественной формации. Эти эволюционные изменения, происходящие как в базисных, так и в надстроечных «этажах» общества, подготавливают, в свою очередь, революционные скачки. Значительное место в этом процессе занимают социальные реформы. Как революционный, так и эволюционный путь общественного развития имеет свои специфические черты и закономерности, выполняет свое определенное назначение, определяется конкретно-историческим уровнем социально-экономического развития общества. Поэтому их неправомерно ни противопоставлять, ни подменять. «Понятие реформы, несомненно, противоположно понятию революции; забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам во всех исторических рассуждениях,— писал В. И. Ленин.— Но эта противо-

<sup>73</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 54.

ложность не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае»<sup>74</sup>.

Метафизическое отождествление количественных и качественных изменений в общественной жизни, так же как и их абсолютное противопоставление, ведет к серьезным методологическим ошибкам в познании социальной действительности, к различного рода извращенным трактовкам. В том случае, когда не соблюдается принцип рассмотрения количественных и качественных изменений в их неразрывной взаимосвязи, невозможно выявление подлинных источников и движущих сил революционных процессов, вызываемых ими революционными скачками. С другой стороны, отождествление количественных и качественных изменений, например, в реформистских доктринах «социализации капитализма», ведет к тому, что процесс перехода от капитализма к социализму рассматривается исключительно в форме частичных мелких преобразований, оставляющих в неприкосновенности основы капиталистического строя.

Не отвергая в принципе реформ как частного и постепенного метода решения отдельных задач общественного прогресса, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин подчеркивали невозможность реформистским путем добиться осуществления целей революционной борьбы пролетариата. Реформы при любых обстоятельствах не имеют самостоятельного значения и не могут быть самоцелью в революционной борьбе. Они — ее побочный продукт, имеют исторически обусловленный революционным движением масс характер. Только массовое революционное движение, объединенная сила революционных действий угнетенных классов способны обеспечить действительно радикальные качественные изменения общественного устройства, коренной переворот в базисе и надстройке. «...Единственной действительной силой, вынуждающей перемены, — подчеркивал В. И. Ленин, — является лишь революционная энергия масс...»<sup>75</sup>.

«Реформизм против социалистической революции — вот формула современной „передовой“, образованной буржуазии»<sup>76</sup>, — это ленинское положение сохраняет свою

---

<sup>74</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 167.

<sup>75</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 282, 385.

<sup>76</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 305.

актуальность. Вместе с тем в условиях современной эпохи, при новой расстановке классовых сил как внутри отдельных капиталистических стран, так и на международной арене возникают новые перспективы в осуществлении общественных преобразований методом реформ, в изменении самого качественного содержания этих преобразований, их нацеленности и приближения к революционным преобразованиям. В. И. Ленин предсказывал, что соотношение реформы и революции будет изменяться с развитием мирового революционного процесса, что уже «после победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции»<sup>17</sup>.

Острота классовой борьбы и степень давления народных масс на правящие круги капитализма достигла в настоящий момент такого пакала, что последние, дабы предотвратить открытый революционный взрыв, могут пойти и в ряде случаев действительно идут на существенные уступки. Поэтому хотя любая современная «революция сверху» не отличается принципиальным образом от всех прошлых, сегодня этим путем можно, очевидно, в отдельных случаях достигнуть таких результатов, которые в прошлом завоевывались лишь революцией «снизу». Само собой разумеется, что эта возможность осуществима только при условии, если программа радикальных демократических реформ тесно связывается и подкрепляется развертывающейся классовой борьбой пролетариата вплоть до осуществления им социалистической революции, которая в процессе решения своих созидательных задач проводит демократические преобразования действительно полно и действительно последовательно.

Большинство современных буржуазных концепций исторического развития доказывает, будто бы «эра революции» осталась позади, что наступила эпоха «социального мира» и конвергенции различных социальных систем. А следовательно, и всякая надобность в революционных методах преобразования действительности отпала, место революций должна занять реформистская деятельность, вместо «революционных взрывов» общество впредь будет якобы развиваться исключительно путем «плавных эволюций». Однако вся новейшая история свидетельствует об обратном — о неуклонном подъеме и расширении революционно-освободительной борьбы, о наступлении каче-

---

<sup>17</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 228,

ствепно нового этапа в мировом революционном процессе. Иначе и быть не может, ибо не только полностью сохраняются все антагонизмы капитализма, но в настоящее время они стали неизмеримо острее и явственнее, к ним прибавился еще и целый ряд новых противоречий как внутреннего, так и внешнего характера.

В. И. Ленин, анализируя логическую связь и взаимозависимость выявленных им пяти признаков империализма, обосновал неизбежность революционного крушения империализма и победы социализма. Эти признаки в модифицированном соответственно изменившимся условиям виде сохраняют свое значение и в наши дни. Несмотря на все попытки лавирования и приспособления к поступательному ходу истории, модификации капитализма путем частных реформ, все они носят паллиативный характер и неспособны устранить его основных антагонизмов. Что же касается надежд, возлагаемых в этом отношении идеологами капитализма на НТР, то теперь очевидно, что они не оправдались. Это была очередная иллюзия, ибо производственно-технологический прогресс, как показал еще В. И. Ленин, не отменяет и даже не отодвигает социальные революции, а, наоборот, стимулирует их, еще ярче обнажает пороки капиталистической системы. «Производство становится общественным, но присвоение остается частным...», — писал В. И. Ленин, — «гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее»<sup>78</sup>.

Растущее несоответствие буржуазных капиталистических отношений прогрессирующей тенденции обобществления производства ведет к дальнейшему обострению всеобщего кризиса капитализма, к его все большему загниванию. Последнее, однако, не исключает продолжающегося быстрого роста его экономико-технологического развития. Диалектика этого процесса такова, что нарастание противоречий усиливает конкурентную борьбу и стимулирует быстрый промышленно-технический рост, а этот рост, в свою очередь, обуславливает загнивание капитализма, ибо принимает все более уродливые формы, вызывает расширяющиеся конфликты.

Империализм не разрешил основного противоречия капиталистического способа производства, и поэтому в современных условиях в полной мере сохраняют свое дей-

---

<sup>78</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 321.

ствие объективные законы капиталистической общественной формации, их центробежные силы, а следовательно, и все основные принципы марксистской теории социальной революции. В документах XXVI съезда КПСС констатируется дальнейшее сужение сферы империалистического господства в мире, обострение внутренних противоречий в странах капитала и одновременно новые победы революционно-освободительной борьбы народов (Эфиопия, Афганистан, Никарагуа).

Терпят крах все попытки империалистических заправил сдержать кризисное падение производства с помощью государственного регулирования, снизить накал классовой борьбы путем социальных реформ, вернуть капитализму безвозвратно утраченные позиции в мировой экономике и политике. «Они поистине задались целью достичь недостижимого,— подчеркивал Л. И. Брежнев,— поставить барьер на пути прогрессивных изменений в мире, вернуть себе роль вершителей судеб народов»<sup>79</sup>.

XX в. принес человечеству больше социальных изменений, чем любое предшествующее столетие. Революционное обновление мира продолжается во все более широких масштабах и ускоряющихся темпах.

---

<sup>79</sup> Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речь, приветствия, статьи, т. 8, с. 655.

---

## Раздел третий

# ФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

---

### Глава первая

## МАРКСИСТСКОЕ УЧЕНИЕ О ФОРМАЦИИ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА

В предшествующих разделах рассматривались узловые положения теории общественно-экономической формации и методологическая функция этого учения. В данном разделе в свете марксистско-ленинского учения о формации предпринимается попытка дать формационный анализ современной эпохи, ее основного содержания.

Выше рассматривался вопрос соотношения категорий «общественно-экономическая формация» и «историческая эпоха». Показывалось, что категория «общественно-экономическая формация» раскрывает сущность определенного этапа истории, тогда как «эпоха» охватывает все его конкретно-историческое содержание. Такое толкование соотношения этих понятий принято в нашей философской литературе и вошло в учебные курсы по историческому материализму. Так, авторы учебника для вузов «Основы марксистско-ленинской философии» отмечают, что в отличие от понятия «общественно-экономическая формация», характеризующего ведущие тенденции определенной ступени в развитии общества, понятие «эпоха» более конкретно выражает многообразие процессов в данное время на данном этапе истории<sup>1</sup>.

Содержание понятия эпохи как определенного конкретного периода человеческой истории глубоко раскрыл В. И. Ленин. В работе «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“» он писал: «Эпоха

<sup>1</sup> Основы марксистско-ленинской философии: Учебник. М., 1971, с. 287.

потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам»<sup>2</sup>.

Таким образом, каждый конкретный качественно-особый период в развитии общества, иначе говоря, каждая историческая эпоха охватывает все многообразие исторических фактов и событий. Это обилие эмпирического материала, на первый взгляд представляющегося как скопление случайностей, не подчиняющихся никаким законам и не поддающихся систематизации, имеет свои трудности для исследования. Чтобы разобраться во всем калейдоскопе событий, необходимо использовать теорию с набором логических приемов научного анализа, с абстрактно-теоретическим понятийным и категориальным аппаратом. Таким образом, познавательный процесс начинается с эмпирического представления о реальной человеческой истории, но научное знание появляется тогда, когда эмпирические представления об исторических фактах и событиях оказываются «пропущенными» через теоретическое мышление.

Анализ современной исторической эпохи связан, конечно, с изучением и эмпирического материала.

Так, в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС тов. Л. И. Брежнев подчеркнул историческое многообразие современной эпохи. Социалистические страны строят «новый, социалистический мир, небывалый еще в истории тип отношений между государствами»<sup>3</sup>. Вместе с тем «создание и укрепление основ социализма, строительство социалистического общества... имели и имеют в различных странах свои особенности»<sup>4</sup>. Развивающиеся страны освободились и освобождаются от колониального гнета, по «страны эти очень разные. Одни из них после освобождения пошли по революционно-демократическому пути. В других утвердились капиталистические отношения. Некоторые из них проводят подлинно независимую политику, другие идут сегодня в фарватере политики империализма. Словом, картина довольно пестрая»<sup>5</sup>. Капиталистический мир тоже неоднороден<sup>6</sup>. На XXVI съез-

---

<sup>2</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 86—87.

<sup>3</sup> Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 5.

<sup>4</sup> Там же, с. 17.

<sup>5</sup> Там же, с. 11.

<sup>6</sup> См.: Там же, с. 19—26.

де показано, что учет всего эмпирического многообразия стран, его изучение чрезвычайно важны для выработки политики СССР. Но этот эмпирический материал должен соотноситься с диалектико-материалистической теорией исторического процесса. Современная эпоха может быть научно объяснена путем соотнесения с учением об общественно-экономической формации.

В. И. Ленин обращал внимание на два подхода к вычленению исторических эпох. Один подход — по господствующему типу организации общественной жизни, который в определенных исторических условиях накладывал решающий отпечаток на ход развития мировой цивилизации. Этот тип общественного устройства не обязательно должен был присутствовать в большинстве стран планеты. Он мог иметь узко-локальное распространение, но тем не менее его влияние на судьбы мирового развития должно быть значительным. Этот тип общественного устройства с неизбежностью оказывается предпосылкой формирования следующей исторической эпохи. Иными словами, речь идет о выделении исторических эпох по их формационной принадлежности. Основным содержанием их будет такой тип общественного устройства, который доминирует среди других форм общественной организации и который обозначается термином «общественно-экономическая формация».

Историческими эпохами именуются также отрезки общественного развития, основное содержание которых определяется генетической ступенью развития формации: например, — «эпоха домонополистического капитализма» и «эпоха империализма». Накопец, термин «историческая эпоха» может фиксировать переходное состояние общества, когда происходят глубокие качественные преобразования исторических типов организации общественной жизни. В такие периоды происходят глубочайшие качественные скачки, когда преемственность между старым и новым типом общества прокладывает себе дорогу через разрешение внутренних противоречий и диалектическое отрицание старого. Такого рода исторической эпохой является современная эпоха. В Программе КПСС, документах Международных Совещаний коммунистических и рабочих партий с позиций учения об общественно-экономической формации дан научный анализ современной эпохи. Ее основное содержание определено как переход от

капитализма к социализму, причем силы социализма в современных условиях завоевывают все более прочные позиции.

Второй подход к разделению исторических эпох В. И. Ленин связывал с социально-классовым анализом исторической обстановки. Необходимо знать, отмечал он, — «...какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»<sup>7</sup>.

Эти два подхода в оценке наиболее значительных периодов человеческой истории не тождественны друг другу. Во втором случае исторический процесс членится в связи с напряженностью классовых битв, пакалом революционной борьбы народных масс за утверждение нового, прогрессивного общественного строя. Вместе с тем формационный и социально-классовый аспекты анализа исторических эпох дополняют друг друга, позволяют более глубоко понять содержание определенных этапов человеческой истории.

Особенно важно учитывать методологическую функцию этих ленинских положений в ходе анализа современности. Сформулированные XXIV и XXV съездами КПСС теоретические оценки современной эпохи и наиболее важных событий, совершающихся в этот период, логически вытекали из данных положений. Современная эпоха в принятых на этих съездах партийных документах характеризовалась как эпоха перехода от капитализма к социализму. Рабочий класс стал решающей ведущей силой в мировом революционном процессе; его борьба направляется марксистско-ленинскими коммунистическими и рабочими партиями, приобретающими все больший авторитет и влияние. События последних лет, отмечалось на XXV съезде КПСС, убедительно подтверждают вывод об углублении общего кризиса капитализма, а современная эпоха рассматривается как эпоха коренных социальных перемен, когда продолжают укрепляться и шириться позиции социализма. «Победа национально-освободительного движения открывают новые горизонты перед странами, завоевавшими независимость. Нарастает классовая борьба трудящихся против гнета монополий, против эксплуататор-

---

<sup>7</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 142.

ских порядков. Приобретает все большие масштабы революционно-демократическое, антиимпериалистическое движение. Все это в целом означает развитие всемирного революционного процесса»<sup>8</sup>.

Общетеоретические положения, раскрывающие содержание современной эпохи, основные тенденции и законы ее развития, являются чрезвычайно важными обобщениями, на почве которых можно осуществить движение к более конкретному знанию относительно внутренних процессов современности и особенностей их развития в отдельных странах и регионах планеты.

Диалектико-материалистическое понимание истории позволяет марксистам раскрыть развитие общества как общемировой процесс и соответственно понять современную эпоху в ее единстве.

Современная эпоха открывается Великой Октябрьской социалистической революцией. В национально-освободительном движении народов России, слившемся в 1917 г. с социалистическим движением пролетариата и ставшем одним из основных потоков революции, впервые проявилась одна из главных тенденций нашей эпохи — органическая связь борьбы за национальное и социальное освобождение.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС тов. Л. И. Брежнев сказал: «Двадцатый век принес с собой больше перемен, чем любое предшествовавшее ему столетие. И ни одна страна не внесла в эти перемены более весомого вклада, чем Союз Советских Социалистических Республик — родина Великого Октября, первая страна победившего социализма»<sup>9</sup>.

Наличие общих закономерностей в революционном процессе перехода от капитализма к социализму и в построении социализма дает возможность не просто аккумуляции опыта строительства социализма в СССР, но использования его с учетом местных особенностей и конкретно-исторических условий современности. Благодаря победе Октябрьской революции последующие социалистические революции в ряде стран Европы и Азии, а также на Кубе произошли уже при более благоприятных внешних условиях. Позиции и силы империализма, переживавшего второй этап общего кризиса капитализма, были

<sup>8</sup> Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 27.

<sup>9</sup> Материалы XXVI съезда КПСС, с. 79.

сильно подорваны. Новые страны, вставшие на путь социалистического развития, имели возможность опереться не только на опыт русской революции, но и на прямую материальную и морально-политическую поддержку Советского Союза. Сбылись слова В. И. Ленина о том, что ни одна из грядущих рабочих революций мира не будет проходить в таких невероятно трудных условиях, в каких происходила русская революция<sup>10</sup>.

Ныне мировая система социализма определяет магистральное направление развития человечества. Социализм доказал свою жизнеспособность в борьбе с капитализмом и является ныне решающей силой в антиимпериалистической борьбе.

Опыт социалистического строительства в СССР безусловно имеет интернациональное значение, поскольку содержит общие для всех стран социализма черты. Вместе с тем, безусловно, его использование требует учета места и времени и не допускает механического переноса. В. И. Ленин указывал: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»<sup>11</sup>.

Использование опыта строительства социализма подразумевает глубокий анализ процессов социалистического развития в СССР и в других социалистических странах. При этом немалую роль может играть выделение определенных регионов, где обнаруживаются историческая и культурная общность развития, специфическая для данных стран.

Игнорирование качественного своеобразия хронологически последующих этапов развития истории и непонимание того, что они одновременно являются более высокими фазами в развитии человеческого общества, противоречит марксизму. К. Марксом и Ф. Энгельсом было показано, что различия между предбуржуазной и буржуазной эпохами, значительные сами по себе, становятся несущественными в сравнении с коммунизмом: «...буржу-

<sup>10</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 137.

<sup>11</sup> Там же, т. 25, с. 263—264.

азной общественной формацией завершается предистория человеческого общества»<sup>12</sup>. Следовательно, предшествующая история может быть представлена как нечто единое, как предистория, равно как коммунистическая формация открывает новую фазу единства истории.

И в первобытную эпоху, и при рабстве, и при феодализме, и при капитализме осуществляется обмен веществ между человеком и природой, в результате которого происходят рост производительных сил и перестройка производственных отношений для обеспечения простора их развитию. В этом смысле даже первобытное общество, не оставившее писаной истории, является историческим. Но по отношению к коммунизму все эти общества могут быть названы предисторическими в том отношении, что переход к коммунизму завершает долгий путь освоения природы, осуществляемый в условиях ее господства над человеком, социальных изменений в условиях господства над обществом объективных нераскрытых или частично понятых сил, период эксплуатации человека человеком в классовых обществах специализации и превращения человека в «частичного». Коммунизм призван обеспечить всестороннее развитие производительных и прочих сил человека. Переход к коммунизму означает переход к подлинной человеческой истории. В отличие от предшествующей истории, наполненной бесконечными социально-политическими и военными катаклизмами, борьбой с природой, это будет означать качественную эволюцию человеческих творческих сил и способностей.

Понимание начала подлинной истории имеет принципиальное методологическое значение для исследования исторического процесса. Во-первых, оно ориентирует рассматривать становление всех докоммунистических формаций как процесс, многообразие специфических черт и свойств каждого из этапов которого не устраняет его единства. Целостность этого предисторического периода может быть понята с позиций закона смены общественно-экономических формаций и с позиций общности стоящих перед социальными организмами задач освоения природы и общественных сил в условиях их господства.

Во-вторых, переход к коммунизму как подлинной истории предполагает коммунизм не как состояние, не как свойственную социальным утопиям детальную картину

---

<sup>12</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 8.

будущего, созданную воображением до выяснения практических конкретных путей его построения, а как непрерывный процесс (развития), который объемлет собой хронологически более длительный, чем вся предшествующая история, период и на пути построения которого — в качестве обязательной предпосылки — будет завоевание власти пролетариатом и построение общества на социалистических началах. «История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества», — писал Ф. Энгельс<sup>13</sup>.

В-третьих, вопрос об особенностях, чертах, периодизации коммунизма решен К. Марксом и Ф. Энгельсом в наиболее общем, методологическом виде («...наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению»<sup>14</sup>, — писал Ф. Энгельс). Более детальные представления о нем, воплощение идеалов коммунизма в конкретную форму осуществляются каждым поколением по мере достижения одних этапов его становления и перехода к другим.

В-четвертых, понятие подлинной истории еще раз подчеркивает неотделимость представлений о коммунизме и цели построения коммунизма от материалистического понимания истории и способствует борьбе с неомарксистскими течениями, дающими морализаторскую интерпретацию материалистического понимания истории в духе абстрактной критики капитализма.

Таким образом, обнаруживается неразрывная связь между открытым К. Марксом и Ф. Энгельсом на основе категории общественно-экономической формации материалистическим пониманием истории и характером и направленностью общественных процессов современной эпохи, где ведущей тенденцией является переход к единству истории на коммунистических началах.

В следующих главах мы перейдем к более конкретному анализу основного содержания современной эпохи. Будут рассмотрены современный этап развития и кризиса капитализма, проблемы социалистического развития стран, добившихся национального освобождения после краха системы колониализма, дан общий анализ характерных черт и особенностей коммунистической формации.

<sup>13</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 275.

<sup>14</sup> Там же, т. 37, с. 371.

## ИМПЕРИАЛИЗМ КАК ПОСЛЕДНЯЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

В течение всего периода существования капиталистической формации определяющей основой базиса является капиталистическая собственность на средства производства. Однако базис капиталистической формации, оставаясь в своей сущностной основе неизменным, на различных ступенях своего развития играет неодинаковую роль по отношению к производительным силам. На первой ступени развития капиталистические производственные отношения соответствуют уровню развития производительных сил: являются мощным импульсом их развития. По мере же развития капиталистической формации производственные отношения становятся тормозом для развития производительных сил.

Поэтому можно выделить в капиталистической формации две стадии развития: восходящую и нисходящую. Каждая стадия капиталистической формации характеризуется своими признаками.

Причиной изменения роли базиса капиталистической формации с конца XIX в. являются количественные и качественные изменения в производственных отношениях, происшедшие в результате развития производительных сил. В рамках одной формации производственные отношения могут претерпевать различные модификации; позднейшие формы в отдельных чертах могут отрицать первоначальные, исходные формы. Эти изменения в капиталистических производственных отношениях с неизбежностью вытекают из самой развивающейся сущности производственных отношений — капиталистической формы собственности на средства производства — и являются лишь новыми формами движения противоречий. Меняются формы капиталистической собственности на средства производства, но не меняется ее экономическое содержание. На второй стадии капиталистической формации — в эпоху империализма — капиталистическая собственность на средства производства, так же как и на первой стадии в эпоху свободной конкуренции, предполагает полное отчуждение массы непосредственных производителей от объективных условий производства. Условия производст-

ва и его результаты присваиваются незначительной частью населения на основе собственности на средства производства. Соединение непосредственных производителей со средствами производства происходит на основе купли и продажи рабочей силы.

Экономическое содержание капиталистической собственности на средства производства не меняется до тех пор, пока она не будет ликвидирована и заменена социалистической. В. И. Ленин писал, что «империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность...»<sup>1</sup>. Изменения, происходящие в капиталистических производственных отношениях, есть результат дальнейшего углубления основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением, которое наиболее полно отражает конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Анализируя особенности капитализма на империалистической стадии, В. И. Ленин, так же как и Маркс, выявляет причину их возникновения на новом уровне развития производительных сил.

### 1. СУЩНОСТЬ ИМПЕРИАЛИЗМА КАК ВЫСШЕЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

На рубеже XIX и XX вв. в производительных силах капитализма произошли большие изменения. Это — период, когда «громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма»<sup>2</sup>. С конца XIX в. на основе развития производительных сил происходят изменения и в капиталистических производственных отношениях. Сущность всех изменений в базисе состоит, как показал В. И. Ленин, в появлении монополии, которая возникает именно на основе концентрации про-

---

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385.

<sup>2</sup> Там же, с. 310.

изводства. В. И. Ленин пишет, что произошло «порождение монополии концентрацией производства»<sup>3</sup>. Закон концентрации производства и капитала является общей закономерностью капиталистических производственных отношений. Монополия, являющаяся «общим и основным законом современной стадии развития капитализма»<sup>4</sup>, есть прямое продолжение основного свойства капитализма домонополистического периода и сама рождается на его основе.

Таким образом, В. И. Ленин выделил сущность всех этих изменений, которые нашли отражение в категории «монополия». Экономической сущностью системы капиталистических производственных отношений на второй стадии стало господство монополий. Здесь, на наш взгляд, следует подчеркнуть, что типологически основным признаком — не существование отдельных монополий, а именно господство монополий как системы капиталистических производственных отношений.

В условиях империализма в результате подрыва механизма внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции присвоение лучших условий производства и сбыта и их результатов верхушкой класса капиталистов носит постоянный характер. Следовательно, монополия — не просто капиталистическая фирма, а такая фирма, которая обеспечивает себе постоянное господство на основе устойчивого разрыва в условиях производства и сбыта по отношению к другим фирмам, которые не обладают данной монополией<sup>5</sup>. Таким образом, капиталисты уже не могут быть равны в эксплуатации труда, как это было в эпоху свободной конкуренции. Между капиталами, как пишет В. И. Ленин, возникают «отношения господства и связанного с ним насилия». В. И. Ленин подчеркивает, что это типично для «новой фазы в развитии капитализма»<sup>6</sup>.

В. И. Ленин, раскрывая сущность монополии на анализе монополии в промышленности в развитых капиталистических странах, выявил и признаки монополии в сфере производства. К ним относятся:

---

<sup>3</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 315.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> См.: Рудакова И. Е. Капиталистическая монополия: ее политэкономическая природа и формы экономической реализации. М., 1976, с. 56—59.

<sup>6</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 323.

— концентрация производства происходит на монополистической основе;

— реализация товаров идет не по ценам производства, как на стадии свободной конкуренции, а по монопольным ценам;

— монопольные цены реализуются в монопольную прибыль, а не в среднюю прибыль, как на домополистической стадии.

Монополия, возникнув в промышленности, проникает во все сферы экономики. Потребность промышленной монополии в крупных заемных финансовых средствах приводит к концентрации банковского капитала и возникновению на этой основе новой формы монополии — банковской.

Дальнейший процесс развития монополии — сращивание промышленного и банковского капитала — нашел отражение в категории «финансовый капитал», который является еще более конкретной формой господства монополистического капитала. «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»<sup>7</sup>.

Чтобы обеспечить себе устойчивое господство в производстве и обращении, монополия должна присваивать лучшие условия производства и обращения еще до начала процесса производства, лишая их всех остальных предпринимателей. По мере насыщения рынков сбыта товаров и рынков приложения капитала в своих собственных странах монополии стали искать их за пределами национальных границ. Возникает международная форма монополии. Международная форма монополии требовала для сохранения своего господства на рынках сырья, товаров и капитала в развивающихся странах, включая и потенциальные рынки, юридического закрепления. Так образовалась колониальная монополия, т. е. господствующее положение немногих развитых стран над многими отсталыми странами. Возникла мировая система капитализма, которая представляет собой мировую систему производственных отношений, сложившихся на основе международного капиталистического разделения труда, интернационализации производства и капитала, эксплуатации и финансо-

---

<sup>7</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 344.

вого закабаления развитыми капиталистическими странами экономически отсталых стран и растущей эксплуатации пролетариата мировой буржуазией<sup>8</sup>.

Появление международных монополий также открыло новые способы получения прибыли. Вывоз капитала, как правило, осуществляется в те страны, где прибыль будет выше, чем в своей собственной стране<sup>9</sup>.

Монополии, изымая часть прибавочной стоимости из немонополистического сектора, тем самым снижают у него возможности накопления, а это — важнейшее условие развития научно-технического прогресса. Точно таким же способом монополии уменьшали возможности накопления в колониальных и зависимых странах, полностью подчиняя их экономику интересам монополистического капитала. Таким образом, способы и источники получения монопольной прибыли подрывают возможности научно-технического прогресса за пределами монополий как в рамках данной страны, так и за ее границами.

Монополия оказывает тормозящее действие на развитие производительных сил и вследствие свойственных ей способов получения прибыли. На домонополистической стадии важнейшим способом получения прибавочной стоимости, прежде всего в форме избыточной прибавочной стоимости, был технический прогресс. Получение дополнительной сверхприбыли на основе избыточной прибавочной стоимости было мощным стимулом развития производительных сил<sup>10</sup>.

Однако, определяя место империализма в развитии капиталистической формации, было бы неправомерно говорить о стагнации капитализма, о которой говорили некоторые буржуазные экономисты 30-х годов в целях обоснования необходимости государственного вмешательства в экономику. Дело в том, что в условиях империализма остается мотив движения капитала — сверхприбыль, возникающая на основе избыточной прибавочной стоимости, которая образуется на основе технического прогресса. Это ведет к повышению производительности труда и дальнейшему обобществлению производства, которое поднялось на такой уровень, что произошли изменения в регуляторе

---

<sup>8</sup> См.: *Мотылев В. В.* Теории мировой капиталистической экономики. М., 1971, с. 8.

<sup>9</sup> См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 360.

<sup>10</sup> См.: Там же, с. 397.

установления пропорций общественного труда. Для домонополистической стадии был типичен стихийный регулятор пропорций общественного производства. Через механизм внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции затраты отдельных сфер труда корректировались коэффициентами, определенными в результате приближения к пропорциям, отражающим общественную потребность<sup>11</sup>.

Господствующее положение монополии в сфере производства, подорвав внутриотраслевую и межотраслевую конкуренцию — стихийный регулятор пропорций общественного производства, создало для нее возможность воздействовать на распределение материальных и трудовых ресурсов. Во-первых, монополия может регулировать свое производство в рамках ее собственности. Еще в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс отмечал, что «в трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов»<sup>12</sup>. В. И. Ленин также отмечал, что планомерную организацию общественного производственного процесса «еще и тресты» дают<sup>13</sup>. Внутрифирменное планирование реализует возможность монополии сознательно регулировать хозяйственные отношения.

Внутрифирменное планирование охватывает производство, сбыт, научно-технический прогресс, трудовые, материальные и финансовые ресурсы. Безусловно, внутрифирменное планирование уменьшает потери общественного труда, которые были бы неизбежны, если предприятия, объединенные теперь под эгидой монополии, конкурировали бы, как раньше, на свободном рынке.

Монополия может оказывать регулирующее воздействие на производство не только в рамках ее собственности, но и в тех отраслях, где она господствует, т. е. она может воздействовать на объем и структуру производства других производителей. Монополия ведь является крупным продавцом товарной продукции и ее покупателем и тем самым может регулировать посредством изменения спроса и предложения объем и структуру производства фирм тех отраслей производства, с которыми она связана вза-

<sup>11</sup> См.: Рудакова И. Е. Капиталистическая монополия..., с. 59.

<sup>12</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 673.

<sup>13</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 232.

имными поставками. Монополия, пишет В. И. Ленин, дает плановость, «поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе...»<sup>14</sup>. Таким образом, производительные силы получают возможность развиваться не только на основе стихийного механизма, обеспечиваемого товарно-денежной формой, но и на основе сознательного механизма установления пропорций общественного производства из единого центра. Такой сознательный механизм установления пропорций общественного производства и контроля над ними может быть установлен как на уровне фирмы, так и в рамках национального и интернационального хозяйства.

В. И. Ленин, говоря о создании в условиях империализма материальных предпосылок перехода к социализму, подчеркивал важность данного механизма. В. И. Ленин писал, что монополия «втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»<sup>15</sup>.

Формирование в эпоху империализма материальных предпосылок перехода к социализму в значительной степени и определило тот факт, что В. И. Ленин характеризовал монополистическую стадию как высшую стадию капитализма. Он писал, что «монополия, вырастающая из капитализма, есть уже умирание капитализма, начало перехода его в социализм»<sup>16</sup>.

В недрах империализма создаются материальные предпосылки социализма, к которым относятся высококонцентрированное производство, централизованная кредитная система, система корпорационного регулирования и т. д.

Однако монополистическое регулирование подчинено не общественным нуждам, а долгосрочному обеспечению монопольной прибыли. Таким образом, экономия общественного труда, достигнутая в результате внутрифирменного планирования управления и организации производства, присваивается не обществом, а монополией. Поэтому В. И. Ленин отмечает, что «полной плановости, ко-

---

<sup>14</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 68.

<sup>15</sup> Там же, т. 27, с. 320—321.

<sup>16</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 165.

печно, тресты... не дают до сих пор и не могут дать»<sup>17</sup>. Вследствие этого пропорции общественного труда, устанавливаемые сознательным механизмом, даже косвенно, как было в условиях стихийного рыночного механизма, не отражают общественные потребности. Такое регулирование в конечном счете еще больше разрывает производство и потребление, порождает еще большие диспропорции во всем общественном производстве, в результате чего еще больше обостряется основное противоречие капитализма. В. И. Ленин в связи с этим писал, что в эпоху империализма «частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию»<sup>18</sup>. Поэтому необходима социалистическая революция, результатом которой является замена частной собственности социалистической.

Однако планомерный механизм регулирования общественного производства в условиях господства монополий не существует в чистом виде. Монополия не может устранить в реальной действительности перелив капитала из одной отрасли производства в другую. Поэтому непримлемо метафизическое противопоставление монополии и конкуренции. «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм,— писал К. Маркс,— но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой; конкуренты становятся монополистами... Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу»<sup>19</sup>.

В условиях свободной конкуренции стихийное рыночное регулирование означало не только распределение материальных и трудовых ресурсов по отраслям и сферам экономики, но и вело к снижению общественно-необходимых затрат труда. В условиях существования нового механизма функционирования монополистической экономики, где рыночное регулирование объема производства и распределение ресурсов по отраслям и сферам экономики переплетено с частномонополистическим и государственным регулированием экономического развития, действуют

<sup>17</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 68.

<sup>18</sup> Там же, т. 27, с. 425.

<sup>19</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 166.

две тенденции движения общественно необходимых издержек производства. Одна тенденция ведет к снижению общественно необходимых затрат в результате высокой степени обобществления производства, научно-технического прогресса и планомерного управления им. Противодействующая тенденция порождается тем, что в целях обеспечения монопольно-высокой прибыли фирме в условиях монополистической конкуренции идет растрата общественных ресурсов: избыточные производственные мощности, огромные рекламные расходы, моральное обесценивание различных товаров.

Регулирующее, организационное начало, свойственное монополии, приходит в столкновение с началом стихийным, связанным с существованием частных интересов, а это значительно увеличивает разрушительную силу стихии. По мнению В. И. Ленина, соединение двух противоположных начал — монополии и конкуренции — порождает «этими рядом особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю»<sup>20</sup>.

Выявив особенности империалистической стадии капитализма как монополистического, загнивающего и умирающего, В. И. Ленин определил ее историческое место как высшей и последней стадии капиталистической формации. В условиях господства монополий основное противоречие углубилось до такой степени, что вызвало кризис мирового капиталистического хозяйства. В основе этого кризиса было то, что стихийный, рыночный механизм, который в эпоху свободной конкуренции разрешал противоречие между все растущим обобществлением производства и частнокапиталистической собственностью, оказался подорван.

Механизм установления общественных пропорций производства, основанный на переплетении монополистического регулирования с рынком, не мог служить адекватным средством разрешения данного противоречия, так как он приспособлял общественное производство к узкомонополистическим целям.

В условиях существования мировой системы капитализма монополия стала тормозом развития уже не только национальных, но и производительных сил мира в целом.

<sup>20</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 386.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в СССР привели к тому, что мир раскололся на две противоположные общественные системы и появилась новая сфера противоречий — между растущим социализмом и умирающим капитализмом. Великая Октябрьская социалистическая революция освободила из-под власти капитала 7,8% населения земного шара и лишила капитализм безраздельного господства в мире. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» подчеркивается, что «победа Октября — главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества»<sup>21</sup>.

Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция были только первыми проявлениями общего кризиса капитализма. И эти проявления, на наш взгляд, не следует отождествлять с его сущностью. Общий кризис капитализма есть прямое следствие внутренних противоречий капитализма. Маркс в свое время писал, что капиталистическое производство с необходимостью порождает свое собственное отрицание<sup>22</sup>.

Категорию «общий кризис капитализма» нужно, конечно, отличать от категории «современная эпоха», которая шире по объему, чем первая, так как охватывает не только процессы разложения капитализма от базиса до надстройки, но и процесс укрепления системы социализма, которая развивается уже по своим законам и все более оказывает воздействие как на все мировые процессы, так и на процессы в рамках системы капитализма. Общий кризис капитализма является лишь одной из закономерностей современной эпохи. Основная закономерность нашей эпохи связана с развитием социалистической системы, переходом ее к коммунизму. С возникновением системы социализма противоречия внутри капиталистической системы обостряются под воздействием борьбы двух противоположных общественных систем.

Общий кризис капитализма есть процесс исторический: он имеет свое начало, развитие и будет иметь свой конец, который потенциально заложен в самом капитализме. Радикальный выход из общего кризиса капита-

<sup>21</sup> О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1977, с. 3.

<sup>22</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 773.

лизма — социалистическая революция. От изменения конкретных исторических условий зависят и формы проявления общего кризиса капитализма. «Коммунисты далеки от того, чтобы предрекать „автоматический крах“ капитализма. У него есть еще немалые резервы»<sup>23</sup>, которые включают не только его материально-техническую базу, объем национального богатства, многовековой опыт управления, но и способность капитализма приспособляться к быстро меняющейся обстановке.

Общий кризис капитализма характеризуется рядом важнейших черт, которые отражают его сущностную черту — необратимый процесс разложения капитализма от основания до вершины. Этот процесс может проявляться в отпадении от мировой капиталистической системы одной страны за другой, в резком качественном ослаблении господства буржуазии в результате усиления внутрикапиталистических противоречий, и прежде всего мирного соревнования двух противоположных общественных систем и действия трех великих сил современности, противостоящих империализму: мировой системы социализма, международного рабочего класса и национально-освободительного движения<sup>24</sup>.

Важнейшие черты общего кризиса капитализма:

- усиление неустойчивости и загнивания в развитых капиталистических странах;

- усиление неустойчивости экономического и политического развития всей мировой капиталистической системы;

- кризис буржуазной идеологии;

- кризис, распад и крушение колониальной и неоколониальной системы империализма.

Эпоха перехода от капитализма к социализму так динамична по своим международным, экономическим, политическим и социальным условиям, что формы проявления сущности общего кризиса капитализма (т. е. монополистической стадии периода общего кризиса) меняются в ходе его развития. Поэтому нам думается, что признаки, присущие одному этапу общего кризиса капитализма, нельзя экстраполировать на другой.

---

<sup>23</sup> Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 29.

<sup>24</sup> См.: Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Док. и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 285.

Современная эпоха — процесс исторический, в ней постоянно происходят изменения в соотношении сил двух противоположных общественных систем. Соотношение сил между мировой системой капитализма и мировой системой социализма качественно меняется в результате роста экономического и политического могущества социалистического лагеря. Кроме того, в условиях общего кризиса внутрикапиталистические противоречия разрешаются таким образом, что «загоняются вглубь», т. е. накапливаются в течение определенного периода, приводят к новым качественным изменениям в соотношении сил между капитализмом и социализмом и разрешаются в пользу последнего. Поэтому изменение соотношения сил между двумя противоположными общественными системами и лежит в основе перехода общего кризиса капитализма от одного этапа к другому.

Первый этап общего кризиса капитализма начался в ходе первой мировой войны и продолжался до начала второй мировой войны, которая вновь явилась для империалистической буржуазии попыткой выхода из социально-экономического и политического кризиса. Обострение всех внутрикапиталистических противоречий было вызвано углублением противоречий между трудом и капиталом, бурным развитием национально-освободительных движений в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке, усилением экономической неустойчивости мировой капиталистической системы. Несмотря на то что к этому времени социализм уже был построен в СССР и социалистическая страна делала все возможное, чтобы предотвратить новую мировую войну, империализм тем не менее развязал ее.

Второй этап общего кризиса капитализма начался после конца второй мировой войны и продолжался до середины 50-х годов. Важнейшим итогом второго этапа общего кризиса капитализма было возникновение мировой системы социализма в результате победы социалистической революции в странах Восточной Европы. Социализм вышел за рамки одной страны. Качественное ослабление мировой системы капитализма произошло также вследствие распада колониальной системы. С середины 40-х годов до середины 50-х годов в результате национально-освободительной борьбы добились политической независимости более 10 государств Азии, Ближнего и Среднего Востока. Некоторые из этих стран, например Северная Корея,

Северный Вьетнам, встали на путь развития национальной демократии. Таким образом, сократилась сфера мирового господства капитала и снова изменилось соотношение сил между мировой системой социализма и мировой системой капитализма. Начался новый этап развития общего кризиса капитализма.

## 2. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

С середины 50-х годов происходит качественное изменение соотношения сил между мировой системой социализма и мировой системой капитализма в пользу социализма.

В 1975 г. из общего количества населения Земли 32,1% приходилось на социалистические страны<sup>25</sup>. Характерно, что удельный вес только участников СЭВ в мировом промышленном производстве в 1978 г. уже составлял примерно 33%, тогда как в 1950 г. — 18%<sup>26</sup>. Кроме того, благодаря созданию Советским Союзом ракетно-ядерного потенциала была ликвидирована ядерная монополия США. Империализм лишился поэтому возможности безнаказанно пачать новую мировую войну, чтобы разрешить в свою пользу противоречие с социализмом. Следовательно, особенностью современного этапа общего кризиса капитализма было то, что он протекает в условиях мирного сосуществования двух социально-экономических систем.

Мирное сосуществование двух социально-экономических систем неизбежно следует из самой природы социализма, для которого возможности развития вытекают из внутренних закономерностей, а не из территориальной экспансии, что является атрибутивным свойством монополистического капитала.

Качественное изменение соотношения сил между мировой системой социализма и мировой системой капитализма проявилось в том, что мировая система социализма превратилась в решающую силу развития современно-

---

<sup>25</sup> См.: Мировая экономика и международные отношения, 1977, № 11, с. 5.

<sup>26</sup> Мировая экономика и международные отношения, 1981, № 2, с. 4.

го человеческого общества. Преимущества социализма в решении экономических, социальных и политических проблем наряду с привлекательностью миролюбивого курса внешней политики обусловили переход исторической инициативы в руки социализма.

Мировая система социализма открывает новые перспективы для мирового революционного процесса и дает стимулы для новых социальных сдвигов в мире. Все большую роль в развитии общего кризиса капитализма играют новые противоречия, связанные с появлением мировой социалистической системы.

Мировая система капитализма качественно ослабла в связи с тем, что практически завершилось крушение колониальной системы. В 1945 г. колонии и зависимые страны занимали 28,6% суши, а их население составляло 30% населения Земли, а к началу 1977 г. они занимали 2,5% суши и имели менее 1% населения. Причем некоторые из развивающихся стран придерживаются социалистической ориентации<sup>27</sup>. В отношениях между развитыми капиталистическими странами и развивающимися наступил перелом — последние стали на путь борьбы за экономическую независимость, за право суверенно распоряжаться своими природными ресурсами, за перестройку «международных экономических отношений на демократической основе, на началах равноправия»...<sup>28</sup>.

Качественное ослабление капитализма происходило и за счет дальнейшего углубления всех его внутренних противоречий, что проявилось в резком усилении социально-экономической и политической неустойчивости. Усиление нестабильности также происходило в условиях дальнейшего роста международного рабочего движения — важной части мирового революционного процесса.

Важной особенностью современного этапа общего кризиса капитализма явилось дальнейшее углубление процесса международного разделения труда, которое стало определять конечную эффективность общественного производства, интернационализацию хозяйственной жизни. Поэтому на развитие капитализма оказывают воздействие международные условия, которые охватывают отношения государств с различным строем. Интернационализация

---

<sup>27</sup> См.: США — экономика, политика, идеология, 1978, № 1, с. 9.

<sup>28</sup> Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 15.

хозяйственной жизни при капитализме проявляется в различных формах.

К существенным особенностям современного этапа общего кризиса капитализма относится и тот факт, что с середины 50-х годов во всем мире началась научно-техническая революция. НТР в капиталистических странах расширяет возможности производства избыточной прибавочной стоимости, когда благодаря новой технологии и техники можно присвоить больше прибавочного труда. Присвоение сверхприбыли, основывающейся на производстве избыточной прибавочной стоимости, делает ее мощным стимулом развития научно-технического прогресса. Движущей силой научно-технического прогресса в странах капитализма явилось и обострение конкурентной борьбы в результате территориального сокращения сферы господства монополистического капитала. Особенность капиталистической конкуренции на современном этапе состоит в том, что как на национальном, так и международных рынках главными в этой борьбе становятся не количественные, а качественные показатели, такие, как, например, переход на энергосберегающую технологию, производительность труда. Проблема развития технического прогресса и экономического роста встала перед странами капитала также в связи с угрозой отставания капитализма в экономическом соревновании с социализмом.

Рассмотрим теперь особенности развития монополистической стадии периода общего кризиса капитализма на современном этапе с точки зрения развития как производительных сил, так и производственных отношений, которые находят новые формы приспособления к новому уровню обобществления производства.

Производительные силы капиталистического общества поднялись на новый уровень. Происходило дальнейшее углубление специализации, особенно подетальной, и кооперирования, которое повысило эффективность производства, результаты которого были присвоены монополиями. Уровень производства в странах развитого капитализма создал возможность перехода к полной автоматизации производственных процессов. Углубление и расширение масштабов автоматизации, переход от машинного к комплексному автоматизированному производству — качественный этап в развитии орудий труда. Автоматизация производства идет во всех развитых странах и спо-

способствует повышению роста производительности общественного труда, плоды которой достаются в виде огромных прибылей частному капиталу.

В послевоенный период во всех развитых капиталистических странах стал чрезвычайно важным процесс «электронификации» многих видов современной техники и управления, материальной основой которого явился быстрый рост вычислительной техники и особенно мини- и микро ЭВМ.

Процесс «электронификации» производства, развитие новых отраслей, как, например, биоинженерии, переход на использование энергосберегающей техники вызывает необходимость в создании качественно новых образцов орудий труда и технологий.

В буржуазной экономике такой процесс перестройки производства получил название «реиндустриализации», важнейшей основой которого становится развитие науки.

Наука все в большей степени выступает в качестве непосредственной производительной силы и становится составной частью единого научно-производственного процесса. К. Маркс в свое время сказал, что силы «науки увеличивают производительные силы людей»<sup>29</sup>. Качественное изменение роли науки в общественном производстве обусловило необходимость возникновения кооперации науки и производства. В результате функционирования научно-производственных комплексов научно-технические достижения перестают быть изолированными, а становятся следствием ведения самых широких планомерных разработок. Новая форма обобществления производства призвана служить дальнейшей экономии общественного труда, однако научно-производственные комплексы создаются на монополистической основе (даже в тех случаях, когда они финансируются буржуазным государством) и подчинены интересам обеспечения монополистической прибыли. Таким образом, плоды экономии общественного труда снова присваиваются не обществом, а верхушкой класса капиталистов.

НТР произвела переворот в методах управления. Капиталистическая конкуренция, погоня за прибылью, которая привела к новому уровню концентрации производства, развитию автоматизации производства и усилению

---

<sup>29</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 124.

специализации, потребовала и изменения в методах управления. В развитых капиталистических странах большинство фирм осуществляет управление на базе внедрения вычислительной техники. С помощью внутрифирменной информационной сети реализуется системный подход, создающий условия для увязки составных элементов фирмы и протекающих в них процессов. Однако применение вычислительных машин в сфере управления не дает должного эффекта. По признанию специальной комиссии при Белом доме, США находится лишь на пороге эры вычислительных машин<sup>30</sup>. Эффективность применения вычислительных машин мала потому, что в капиталистическом обществе невозможно согласовать действия фирм-потребителей, поставщиков, государственных учреждений, направленных на эффективное использование вычислительной техники. Мешает этому частнокапиталистическая собственность.

НТР создаст большие возможности для управления и контроля над результатами производства из единого центра. Эффективность управления в условиях общественного разделения труда зависит от того, насколько автоматические системы ЭВМ охватят не только те или иные отрасли производства, но и будет ли осуществлена координация между сетями управления различных секторов и в масштабе всей страны, чему мешает наличие частнокапиталистической собственности.

Характерно и то, что НИОКР прежде всего охватывают отрасли, связанные с военным производством в ущерб гражданским отраслям; доля расходов на теоретические исследования в общих расходах на НИОКР очень невелика, тогда как важность подобных исследований осознается как учеными, так и практиками<sup>31</sup>.

Развитие научно-технического прогресса в ряде капиталистических стран сдерживалось, особенно в 70-х годах, сужением его материальной основы — производительного накопления. У предпринимателей уменьшались стимулы к производительному накоплению, так как инфляция вела к обесценению основного капитала и, следовательно,

<sup>30</sup> См.: *Иньков Ю. И.* США: информационные системы в промышленных фирмах. М., 1976, с. 17.

<sup>31</sup> См.: *Мировая экономика и международные отношения*, 1977, № 4, с. 132.

к росту некомпенсируемых затрат, а также приводила к удорожанию стоимости кредитов — внешний источник финансирования капиталовложений.

Международные монополии в развивающихся странах, хотя на современном этапе и вынуждены в каких-то сферах импортировать НТР, однако, если говорить в целом, стремятся сохранить в этих странах такое разделение труда, при котором сохраняется их господство в области науки и техники.

Требование НТР постоянно производить изменения в отраслевой и воспроизводственной структуре придает производительным силам динамический характер. Такой характер производительных сил требует планомерного перелива средств производства и труда по отраслям и сферам производства. Динамический характер производительных сил приходит в противоречие с частнокапиталистическим присвоением, так как последнее тормозит вообще перелив капитала по отраслям. Диспропорции в производстве становятся все более постоянными и находят свое отражение в структурных кризисах производства, которые еще более обостряют основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением.

Таким образом, монополистическая форма, в которой осуществляется НТР, тормозит ее развитие, придает ей уродливый характер. Технический прогресс и научные знания, которые все в большей степени по своей сущности становятся общественным достоянием, присваиваются монополистическим капиталом. Торможение научно-технического прогресса есть прямой результат того, что базис капиталистического общества кардинально изменил свою роль относительно развития производительных сил — стал сковывать их развитие.

Монополистическая форма, в которой осуществляется НТР, стала тормозом и в социальном развитии. Так, автоматизация имеет своим результатом увольнение большого числа рабочих, в том числе высококвалифицированных. Безработица, которая стала в условиях НТР острой социальной-экономической проблемой, является одновременно и проблемой морально-политической. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС, только за 70-е годы «армия безработных в разви-

тых капиталистических странах возросла вдвое. В 1980 году она насчитывала 19 миллионов человек»<sup>32</sup>.

НТР еще в большей степени усиливает разрыв между развитыми и развивающимися странами по производству продукции на душу населения, а также в сферах науки, образования и культуры.

Итак, НТР придала производительным силам еще более общественный и динамический характер. Поэтому особенно в условиях противоборства двух противоположных общественных систем монополистический капитал вынужден находить новые, пусть паллиативные, формы приспособления производственных отношений к новому уровню и характеру производительных сил.

Прежде всего это приспособление идет за счет повышения уровня концентрации производства и капитала — вопреки утверждениям, например, в американской экономической литературе о намечающейся тенденции к децентрации производства. Снижение уровня концентрации часто доказывается примерами стабилизации и падения удельного веса 4 крупнейших компаний в производстве отдельных отраслей за послевоенный период, что действительно имеет место. Однако под ростом концентрации в широком смысле слова понимается рост удельного веса крупных монополий в экономике той или иной страны<sup>33</sup>. Концентрация производства и капитала может происходить в форме не только горизонтальной, но и вертикальной интеграции. Если в начале XX в. в концентрации производства и капитала ведущую роль играла горизонтальная интеграция, то с 20-х годов преобладает вертикальная. С середины 50-х годов, например, в США важнейшим направлением этого процесса стала диверсификация, т. е. создание крупнейших монополистических объединений, относящихся к самым различным, часто не связанным между собой в технико-экономическом отношении отраслям.

Современный капитализм характеризуется сочетанием крупных предприятий со средними и мелкими. Хотя в большинстве случаев мелкие и средние компании юридически самостоятельны, однако в условиях господства фи-

<sup>32</sup> Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.

<sup>33</sup> См.: Никитин С. Концентрация производства и капитала в современных условиях.— Мировая экономика и международные отношения, 1976, № 8, с. 79.

нансового капитала они связаны с лим множеством самых разнообразных форм зависимости. Характерная черта монополизации на современном этапе развития капитализма — это ее скрытый характер. Не последнюю роль в насаждении различных скрытых форм зависимости мелкого и среднего капитала от крупного играют банки.

Контроль монополий над капиталом, юридически ей не принадлежащим, на современном этапе осуществляется не только посредством системы участия, о которой писал В. И. Ленин, но и через трастовые операции. Трастовые операции<sup>34</sup> представляют собой управление банками, главным образом ценными бумагами по доверенности, и их хранение. Монополистический капитал еще в большей степени, чем в довоенный период, получает возможность распоряжаться чужим капиталом, по размерам превышающим собственный во много раз. Такая форма господства финансового капитала, по существу, отрицает «священное» право частнокапиталистической собственности. Надстройка, правовые нормы вступают в противоречие с экономическим содержанием монополистической собственности. В насаждении новых методов господства финансового капитала банки играют первостепенную роль. Поэтому несправедливы, на наш взгляд, утверждения буржуазных экономистов, встречающиеся в экономической литературе, об уменьшающейся роли банков в связи с возрастанием у промышленных компаний возможностей для самофинансирования. Значение банка в хозяйственной деятельности промышленных компаний не уменьшается, а возрастает: меняются лишь формы связи. Огромная роль банкам принадлежит в слиянии и поглощении компаний: они становятся мощным рычагом в централизации капитала.

Повышение в кредитной системе стран развитого капитализма роли страховых компаний, пенсионных фондов, ссудно-сберегательных ассоциаций на рынке ссудных капиталов означает все большее использование трудовых средств населения в целях самовозрастания капитала.

На современном этапе монополизация производства сопровождается монополизацией научной деятельности.

---

<sup>34</sup> См.: Политическая экономия современного монополистического капитализма: В 2-х т. М., 1970, т. 1, с. 183.

Это означает монополизацию научно-технического прогресса в руках небольшой верхушки капиталистов и лишение доступа к нему всех остальных. Таким образом, монополия на современном этапе еще в большей степени, чем в начале века, сосредоточивает финансовые, материальные, трудовые, научно-технические, организационные и прочие преимущества по сравнению с немонаполистическим капиталом.

Приспособление монополии к международному разделению труда началось еще в начале XX в. В. И. Ленин писал, что «„усиливающееся международное переплетение клик финансового капитала“... всеобщая и несомненная тенденция не нескольких лет, не двух стран, а всего мира, всего капитализма»<sup>35</sup>. На современном этапе монополии, которые являются важнейшей формой интернационализации хозяйственной жизни в условиях капитализма, превратились в важнейший фактор мирового экономического развития. Переплетение монополистического капитала на интернациональном уровне привело к созданию международных корпораций, имеющих иногда сотни и даже тысячи филиалов и дочерних компаний. Однако в большинстве случаев хозяином этих дочерних компаний, отделений и филиалов является финансовый капитал какой-либо одной страны, правительство которой, как правило, оказывает ему поддержку в борьбе за господство на мировых рынках.

Международные монополии — это международные многоотраслевые гиганты со сложившимся разделением труда и кооперацией. Подетальная специализация выходит за пределы национальных рамок. Различные агрегаты производятся в разных странах в целях повышения эффективности производства за счет реализации более благоприятных производственных и конъюнктурных условий. Поскольку международные монополии имеют возможность обходить законодательства стран, где они функционируют, они вносят большую дезорганизацию не только в жизнь отдельных национальных хозяйств, но и мировой экономики в целом. Международные монополии придают интернациональному разделению труда зачастую уродливые формы, так как их деятельность подчинена обеспечению монопольной прибыли.

---

<sup>35</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 232.

Приспособление производственных отношений к новому уровню обобществления производства идет и по линии новых форм организации хозяйственной деятельности, а не только структуры и методов господства монополий. Монополия, осуществляя внутрифирменное планирование, стремится максимально приспособить производство к быстро меняющимся рыночным условиям. Внутрифирменное планирование организуется по принципу обратной связи, обеспечивающей автоматическую реакцию на изменение в потребительском спросе. Значительную роль в приспособлении производства к рыночным условиям играет широкое использование ЭВМ в целях управления.

Другой формой приспособления производства к рынку является система контрактов и субконтрактов о поставке продукции, о строительстве предприятий и сооружений, об оказании технической помощи. По сравнению с эпохой свободной конкуренции, когда производители ничего не знали о состоянии рынка, внутрифирменное планирование и система контрактов в значительной степени снижают неосведомленность монополии. В условиях быстро изменяющихся рыночных условий такая гибкость производства по отношению к спросу — важнейший фактор обеспечения прибыли.

Приспособление производства к рыночным условиям может привести к некоторому сокращению товарных запасов<sup>36</sup>, что на время несколько сглаживает противоречия на стадии реализации, уменьшая перепроизводство капитала в товарной форме. Так было, например, в США в 60-х годах. Перенакопление капитала представляет собой такой специфический момент накопления, когда рост капитала перестает быть эффективным средством расширения размеров самовозрастания капитала и сохранения его экономической самостоятельности<sup>37</sup>.

Однако временное сглаживание противоречия между производством и платежеспособным спросом ведет к новым формам перенакопления капитала: производительной и денежной. Перенакопление капитала в производительной форме выражается в перепроизводстве основного капитала и хронической безработице. Перенакопление

<sup>36</sup> См.: Микша Л. С. Новое в современном перенакоплении капитала США. М., 1970, с. 23.

<sup>37</sup> Там же, с. 6.

денежного капитала выступает прежде всего в росте нерыночных ценных бумаг. Приспособление производства к рынку в условиях господства монополий таково, что противоречие между производством и платежеспособным спросом загоняется лишь вглубь. Кризис перепроизводства 1973—1975 гг., который по глубине и интенсивности уступает лишь кризису перепроизводства 1929—1933 гг., является лучшим подтверждением невозможности разрешить противоречия воспроизводственного процесса в условиях существования основного противоречия капитализма.

На современном этапе происходит изменение в организационно-управленческой структуре. Корпорация представляет собой по форме акционерное общество. Поскольку растет потребность во все более крупном капитале, происходит распыление акций. Теоретики «демократизации капитала» утверждают, что в современный период основная масса акций скупается широкими слоями населения, которые и становятся поэтому собственниками средств производства. Прежде всего такие теоретики судят лишь по субъектам собственности, а не по реальным экономическим отношениям, т. е. отношениям между людьми по поводу присвоения условий производства, самого труда и его результатов. В данном случае происходит отождествление экономического содержания частнокапиталистической собственности с правом собственности. Искажается соотношение между экономическим содержанием капиталистической собственности и его отражением в надстройке. Действительное присвоение проявляется лишь в активном отношении к объективным условиям производства, их реальном использовании. В условиях диффузии акций средствами производства распоряжаются те, у кого находится контрольный пакет акций, т. е. у узкой кучки представителей финансового капитала. Так, по расчетам Ф. Ландберга 1,6% взрослого населения США владеют 82,2% всех акций в США<sup>38</sup>.

Таким образом, основная масса взрослого населения не имеет никаких акций. Владельцы акций, не имеющие контрольного пакета акций, имеют только право на получение дохода, т. е. право на долевое участие в распре-

---

<sup>38</sup> См.: Ландберг Ф. Богачи и сверхбогатые. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. М., 1975, с. 28.

делении прибавочной стоимости и право продажи акций, которые являются лишь титулом собственности.

Буржуазные экономисты разными путями стараются доказать, что современный капитализм характеризуется сглаживанием противоречий между трудом и капиталом. Аргументации подобных утверждений в значительной степени помогает тот факт, что на современном этапе эксплуатация рабочего происходит более замаскированно, чем на первых этапах развития капитализма. Например, почти во всех развитых капиталистических странах законодательным путем установлен 8-часовой рабочий день. Вместо удлиненного рабочего дня возрастает интенсивность труда, являющаяся скрытой формой увеличения продолжительности рабочего времени.

Рост среднего уровня заработной платы, наблюдающийся в период циклического подъема в результате усиления классовой борьбы трудящихся, капиталистическая пропаганда пытается представить как добровольную уступку капитала рабочему классу. Надо отметить также, что повышение заработной платы отнюдь не всегда означает уменьшение эксплуатации. В условиях современного капитализма постоянно существует разрыв между заработной платой и стоимостью рабочей силы, величина которой есть результат действия исторического и морального факторов. Кроме того, прирост реальной заработной платы, как правило, значительно отстает от роста производительности труда.

Стремясь затруднить осознание рабочим современных форм эксплуатации, монополии применяют новые системы заработной платы, которые хотя и ставят ее уровень в зависимость от результатов функционирования предприятия, но оплата оказывается не больше денежного эквивалента стоимости рабочей силы. Например, премии, а иногда часть заработной платы выплачивается в виде акций, что может создать у части рабочих иллюзию партнерства с капиталистом. Иллюзию сотрудничества рабочего класса и класса капиталистов создают также и различные приемы практики «человеческих отношений» (например, институт рабочего директора или производственные совещания, где рабочие в очень ограниченных рамках могут решать вопросы, касающиеся условий труда и быта). Буржуазная практика «человеческих отношений» имеет своей целью уменьшить недовольство рабочего класса условиями жизни и противопо-

ставить ее профсоюзному движению, именно в силу которого трудящиеся все в большей степени заставляют капитал идти им на уступки. Таким образом, противоречие между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией принимает все более скрытые формы. Практика капиталистической действительности доказывает, что всеобщий закон капиталистического накопления по-прежнему действует. Так, в середине 70-х годов в США 5% наиболее состоятельных семей распоряжались 15,3% национального дохода, а 20% беднейших семей доставало лишь 5,4% национального дохода, 12,3% граждан США было официально признано живущими в бедности. В Англии на долю 5% состоятельных семей приходится 53,9% национального богатства страны, а на долю 80% рядовых граждан достается лишь 17,6%<sup>39</sup>.

Противоречие между трудом и капиталом, хотя и принимает новые, более скрытые формы, продолжает углубляться и не может быть устранено, пока сохранится основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением. Тезис буржуазных экономистов об интеграции рабочего класса и класса капиталистов несостоятелен. Происходит не уменьшение социальных контрастов между имущими и неимущими, между монополистической буржуазией и рабочим классом, как утверждают буржуазная экономическая наука и социология, а усиление общественного неравенства, увеличение все большего богатства на одном полюсе и все большей относительной бедности — на другом.

Важнейшей формой приспособления капиталистических производственных отношений к современному уровню обобществления производства является система государственно-монополистического капитализма. Государственно-монополистический капитализм как признак монополистической стадии предполагает сращивание монополий и государства в целях поддержания «капиталистической формации в жизнеспособном состоянии, в обеспечении условий более или менее гладкого воспроизводства всей структуры общества на капиталистической основе»<sup>40</sup>.

<sup>39</sup> См.: Мировая экономика и международные отношения, 1977, № 11, с. 39, 88.

<sup>40</sup> Углубление общего кризиса капитализма. М., 1976, с. 137.

Государственно-монополистический капитализм является формой разрешения противоречия между новым уровнем обобществления производства, обусловленным монополией, и господствующей в обществе конкуренцией, которой монополия придает еще более ожесточенный характер. Так появилась необходимость воздействия буржуазного государства на экономическое развитие капиталистических стран. В эпоху империализма буржуазное государство становится субъектом хозяйства. Уже в первую мировую войну буржуазное государство в развитых капиталистических странах стало корпоративным предпринимателем и активно воздействовало на развитие производства в частнокапиталистическом секторе, перераспределение национального дохода в интересах монополистического капитала. Вмешательство буржуазного государства в воспроизводственный процесс в какой-то степени компенсировало подрыв действия стихийного, рыночного механизма распределения материальных и трудовых ресурсов по отраслям и сферам производства. Хотя первостепенная задача буржуазного государства — обеспечивать коллективные интересы монополистического капитала, тем не менее оно может проводить политику по поддержанию мелкого бизнеса в целях поддержания классового мира. Программы по поддержанию мелкого бизнеса имеются во всех развитых капиталистических странах. Непосредственных выгод от реализации таких программ монополистический капитал может и не иметь.

Государство при империализме выполняет, как и при домонополистическом капитализме, охранную функцию по обеспечению условий эксплуатации наемного труда. На современном этапе буржуазное государство несет свои «охранные» функции не только на национальном, но и на интернациональном уровне. В частности, некоторые правительства империалистических государств берут на себя функцию жандарма по охране интересов монополистического капитала далеко за пределами своих государств. В качестве наиболее паглядного примера здесь, конечно, может служить внешнеполитический курс администрации США.

На первом этапе общего кризиса монополистический капитал допускал вмешательство буржуазного государства в социально-экономические процессы только в условиях крайнего обострения противоречий капитализма,

например в период империалистических войн или кризиса перепроизводства.

На современном этапе буржуазное государство стало уже постоянным субъектом хозяйственной деятельности капиталистического общества. В 1977 г. отношение расходов правительственных учреждений к ВВП (валовому внутреннему продукту) в текущих ценах в среднем в странах членов — ОЭСР составили 39,4%<sup>41</sup>.

Важнейшей причиной превращения частномонополистического капитализма в систему государственно-монополистического капитализма было то, что стихийный рыночный регулятор установления пропорций общественного производства стал в меньшей степени отвечать не только укреплению господства монополистического капитала, но и поддержанию жизнеспособности капитализма в условиях превращения системы социализма в решающий фактор развития человеческого общества.

Не случайно, что многие буржуазные экономисты считают, что в современную эпоху деятельность государства становится определяющим фактором развития. Об этом свидетельствуют работы Д. Кларка, А. Хансена, Г. Стайнера, А. Мэддисона. Например, Мэддисон пишет, что «правительство теперь приняло на себя большую ответственность за обеспечение уровня экономической активности и роста национального дохода»<sup>42</sup>.

На каждом этапе развития государственно-монополистического капитализма перед буржуазным государством для решения стратегической задачи — поддержания жизнеспособности капиталистической формации — встают конкретные цели. Например, на современном этапе такими целями явились:

— поддержание темпов экономического роста в условиях более или менее стабильных цен; — борьба с безработицей и инфляцией, которые стали перманентными явлениями в капиталистическом обществе; — повышение роли в экономике капиталистических стран внешнеэкономических связей, потребовавших устойчивой валюты что в свою очередь вызвало необходимость постоянного поддержания платежных балансов<sup>43</sup>.

<sup>41</sup> Мировая экономика и международные отношения, 1981, № 4, с. 65.

<sup>42</sup> Мэддисон А. Экономическое развитие в странах Запада. М., 1967, с. 142.

<sup>43</sup> См.: Углубление общего кризиса капитализма, с. 136—139,

Буржуазное государство для решения конкретных задач имеет в своем распоряжении: 1) стоимостные рычаги; 2) прогнозирование и программирование, которое, в свою очередь, имеет две формы: а) программирование в масштабах всей экономики; б) отдельно существующие, неувязанные друг с другом программы<sup>44</sup>.

Вмешательство буржуазного государства в капиталистическую экономику осуществляется в разных формах. Во всех развитых капиталистических странах сейчас существует государственный сектор, который в различной степени охватывает как производственную, так и непроизводственную сферу. На государственных предприятиях ассоциированный капиталист эксплуатирует наемный труд и присваивает прибавочную стоимость. Государственный сектор призван играть определяющую роль в долгосрочном регулировании воспроизводственного процесса в интересах монополистического капитала. Государственно-монополистическая собственность — это государственная собственность, узурпированная финансовой олигархией.

Буржуазное государство оказывает сильное воздействие на развитие производства в частномонополистическом секторе и на перераспределение национального дохода в интересах монополистического капитала. Так, буржуазное государство создает благоприятные условия для накопления, что является основой экономического роста. В США и Японии доля государства в общих (валовых) капиталовложениях составляет около 20%. Буржуазное государство — основной организатор фундаментальных и прикладных научных исследований: от половины до трех четвертей расходов на эти цели покрываются за счет государственного бюджета. Однако буржуазное государство, стимулируя научно-технический прогресс, приспособливает его к интересам крупного капитала. Так, государственные ассигнования на НИОКР направляются прежде всего в крупные компании, как говорилось, например, в отчете Совета национального научного фонда в США, опубликованного в 1976 г.<sup>45</sup>

Далее, около половины этих ассигнований уходит на финансирование военных исследований и разработок. Та-

<sup>44</sup> Углубление общего кризиса капитализма, с. 136—139.

<sup>45</sup> См.: *Лихачева И.* Наука и общество. — Мировая экономика и международные отношения, 1977, № 4, с. 132.

кой характер государственного вмешательства в научно-технический прогресс ставит преграды на пути его развития.

На стадии реализации буржуазное государство может воздействовать на воспроизводственный процесс через регулирование цен, государственных закупок и различные законодательные акты. В кредитно-финансовой деятельности удельный вес буржуазного государства также значителен. В целях повышения конкурентоспособности монополий на мировом рынке государство создает благоприятные условия для вывоза капиталов, товаров и получения дешевого сырья. В результате такой широкой деятельности буржуазного государства через бюджетный механизм перераспределяется от 1/4 (Япония) до 2/5 и больше (Франция) национального дохода.

Во всех развитых капиталистических странах существует новая форма государственного регулирования — прогнозирование и программирование, которая отличается от всех предшествующих форм прежде всего постановкой макроэкономических задач. Цель такого регулирования, которое преимущественно остается косвенным, — воздействовать на весь ход капиталистического производства, причем в длительной перспективе. Программирование стремится сбалансировать экономическое развитие, но таким образом, чтобы оно в конечном счете, в долгосрочной перспективе было подчинено интересам обеспечения господства монополистического капитала, а не интересам общества в целом. Такая социальная направленность придает программированию противоречивый характер и ограничивает его возможности.

Глобальной целью системы государственно-монополистического регулирования в послевоенный период было обеспечить антициклическую стабилизацию капиталистической экономики при сохранении государственно-монополистического синтеза капиталистических экономических форм. В основе такой системы регулирования экономики лежала «кейнсианская» или «неокейнсианская модель», в соответствии с которой буржуазное государство должно было воздействовать на процесс производства посредством манипулирования совокупным спросом, который, по мнению буржуазных теоретиков, является пружиной развития капиталистической экономики. С этой целью буржуазные правительства использовали как бюджетные, так и кредитно-денежные рычаги.

Развитие форм государственно-монополистического капитализма подняло на новый уровень обобществление производства, поскольку он стал мощным фактором концентрации производства. Именно поэтому В. И. Ленин писал, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»<sup>46</sup>.

Развитие государственных форм регулирования и особенно программирования, а также новые организационные формы производства дали основание некоторым буржуазным экономистам, например таким, как Дж. Гэлбрейт, Р. Ароу, провозгласить их элементами социализма и сделать вывод о вращении капитализма в социализм без социалистической революции.

Методологически теория конвергенции несостоятельна тем, что она рассматривает экономические системы с технологической точки зрения, а не по типу производственных отношений, которые отличаются друг от друга целью общественного производства. Индустрия, организационные формы управления не существуют вне социальных форм. Современные производительные силы капитализма хотя и служат повышению эффективности общественного производства, но последняя служит не увеличению общественного богатства, как при социализме, а возрастанию прибавочной стоимости.

Опыт долголетнего развития государственно-монополистического капитализма показал, что эффективность и диапазон у нового макрорегулятора экономики не выше, чем у прежнего, о чем свидетельствуют кризисы перепроизводства в послевоенный период и обострение всех социальных противоречий.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС было выдвинуто важное теоретическое положение о кризисе государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики, и в частности антикризисной и антициклической политики, в основе которой лежит манипулирование совокупным спросом. Малая эффективность такого государственного воздействия на процесс воспроизводства прежде всего объясняется тем,

<sup>46</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.

что в условиях частнокапиталистической собственности на средства производства совокупный спрос в конечном счете определяется законами рынка, особенно при благоприятной конъюнктуре, как показал опыт использования антициклической политики в 60-х годах.

Роль совокупного спроса как «двигателя» производства на современном этапе резко снижается, так как отдельная монополия начинает ориентироваться все в большей степени не на движение спроса и предложения, а на запланируемую прибыль, которая обеспечивает ему господство на рынке, и на выплату дивидендов.

Антикризисная политика стабилизации капиталистической экономики не достигала своей цели из-за внутренней противоречивости самих методов государственно-монополистического регулирования. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС, правительства, «стараясь сдерживать кризисное падение производства», еще больше усиливали инфляцию. В то же самое время «принимая меры против инфляции, буржуазные правительства способствуют застою производства и росту безработицы»<sup>47</sup>.

На современном этапе государственно-монополистический капитализм вышел за пределы национальных рамок. Важнейшей формой международного государственно-монополистического капитализма на современном этапе интернационализации хозяйственной жизни является капиталистическая интеграция, в основе которой лежит объективный процесс развития глубоких взаимосвязей и разделения труда между национальными капиталистическими хозяйствами.

Движущая сила интеграционного процесса — прежде всего стремление монополий к усилению своего господства и увеличению монопольной прибыли. В образовании капиталистической интеграции имеет важное значение и политический фактор, а именно укрепление политического единства стран — участниц данной интеграции в условиях роста рабочего движения и усиления могущества мировой системы социализма. В частности, в возникновении и развитии Европейского экономического сообщества важную роль сыграло появление в мире социалистической интеграции, рост ее экономического и политического могущества.

---

<sup>47</sup> Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.

В капиталистической интеграции в интересах монополистического капитала стран-участниц должны регулироваться не отдельные стороны хозяйственных связей, а вся их совокупность. Опыт развития Европейского экономического сообщества показывает, что сложности на пути углубления капиталистической интеграции возникают тогда, когда она переходит к регулированию от внешнеэкономических связей к внутренним. В частности, капиталистическая интеграция призвана обеспечивать создание наднационального механизма корректирования рыночного механизма и целенаправленного регулирования экономических процессов в масштабе того или иного региона.

Капиталистическая интеграция требует, как и любая интеграция, сознательных, согласованных действий от всех стран-участниц. Однако такая согласованность действий невозможна в условиях разных уровней экономического развития. В. И. Ленин подчеркивал, что «*равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может»<sup>48</sup>. «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма»<sup>49</sup>. Так, в практике Европейского экономического сообщества трудности в его дальнейшем укреплении и развитии проявились в 70-х годах, когда в результате неравномерного развития государств, входящих в него, усилились противоречия на пути производственной и валютно-финансовой интеграции. Еще большие сложности возникли при попытках создания политической интеграции, когда странам — членам ЕЭС потребовалось отказаться от части суверенных прав.

Капиталистическая интеграция — внутренне противоречивое явление. С одной стороны, капиталистическая интеграция способствует общему поступательному развитию производительных сил. С другой стороны, подчиняя международное разделение труда интересам монополий, она ограничивает ее развитие, снижает эффективность международного обобществления труда. Например, каждая страна вместо рекламируемого сотрудничества стремится выйти из кризиса перепроизводства за счет другой. Государственно-монополистический капитализм на

<sup>48</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 417.

<sup>49</sup> Там же, т. 26, с. 354.

интернациональном уровне еще более противоречив, чем на национальном.

Каковы же общие итоги развития капитализма на новом, третьем этапе общего кризиса? Во-первых, научная революция принесла с собой колоссальный рост научно-технического потенциала и отчасти была тем первым «резервом» капитализма, о котором говорилось на XXV съезде КПСС. Вторым таким резервом капитализма явилось то, что «капитализм всячески стремился идти, так сказать, в ногу со временем, применять различные методы регулирования экономики»<sup>50</sup>.

Используя эти резервы, капитализм имел в 1950—1970 гг. относительно высокие темпы экономического развития, значительно поднялась производительность общественного труда. Капиталистическая экономика вышла на новый интернациональный уровень обобществления производства, которое вынуждает капиталистические страны искать новых форм экономического сотрудничества и с социалистическими странами. Однако, как и предвидели коммунисты, это не смогло «устранить противоречий капитализма»<sup>51</sup>. Гигантски увеличился разрыв между научно-техническим потенциалом и его реализацией. Капиталистическое производство продолжает носить циклический характер: например, в США за послевоенный период насчитывалось шесть экономических кризисов перепроизводства (1948—1949, 1953—1954, 1957—1958, 1960—1961, 1969—1970, 1974—1975 гг.).

Экономический кризис 1974—1975 гг. занимает особое место в истории послевоенных циклов. В Отчетном докладе XXV съезду КПСС говорилось, что «кризис такой силы поразил высокоразвитую государственно-монополистическую экономику, сложившуюся в послевоенный период»<sup>52</sup>. Были похоронены иллюзии о ее неуклонном процветании на основе НТР. Экономический кризис 1974—1975 гг. стал поворотным пунктом в развитии мирового капитализма. Как говорилось в Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС, в 70-х годах «происходило дальнейшее обострение общего кризиса капитализма»<sup>53</sup>.

---

<sup>50</sup> Материалы XXV съезда КПСС, с. 28.

<sup>51</sup> Там же.

<sup>52</sup> Там же.

<sup>53</sup> Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.

С возникновением монополий базис капиталистического общества стал играть тормозящую роль, которая проявилась прежде всего в постоянном хроническом недоиспользовании производительного капитала — производственных мощностей и трудовых ресурсов. Для современного этапа общего кризиса капитализма становится типичным, сознательный, планомерный характер торможения капиталистическим государством и его органами производительных сил общества. В целях укрепления господства монополий государственно-монополистическое регулирование, приспособлявая производство к платежеспособному спросу, прямо и косвенно ведет к недогрузке производственных мощностей.

Другой формой сознательного торможения производительных сил является милитаризация производства, которая характерна в различной степени для всех развитых капиталистических стран. Рынок военных заказов становится важнейшим средством обеспечения монопольной прибыли. В условиях неустойчивости капиталистического рынка военные контракты гарантируют монополии баснословные прибыли, тем более, что цены на военную продукцию устанавливаются самими монополиями на самом высоком уровне. Милитаризация экономики вытекает, как отмечал В. И. Ленин, также из агрессивной природы самого империализма.

Наиболее агрессивные круги империализма, и прежде всего США, все чаще проявляют свою готовность ради своих узкокорыстных интересов ввергнуть мир в новую войну. Именно поэтому на XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что ни для одного народа планеты нет более важной задачи в международном плане, чем сохранение мира<sup>54</sup>.

Милитаризация производства тормозит развитие производительных сил, так как отвлекает от гражданского производства материальные и людские ресурсы. К. Маркс писал, что «в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала»<sup>55</sup>.

Следовательно, возникшая в системе государственно-монополистического капитализма возможность планомер-

---

<sup>54</sup> См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 31.

<sup>55</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 67.

по развивать производительные силы, о которой писал В. И. Ленин, превращается на практике в свою противоположность — возможность планомерно разрушать производительные силы, которые сейчас все в большей степени принадлежат трудящимся, всему обществу в целом. Кроме того, надо иметь в виду, что стихийность развития капиталистической экономики не только не преодолена, но и еще более усилилась. Систематическое недоиспользование производительных сил в развитых капиталистических странах заставляет буржуазных экономистов, которые дают рекомендации буржуазным правительствам, определять потенциальные возможности экономики и их реальное использование. Так, по мнению американских экономистов, общий размер потерь производства в США за весь послевоенный период составляет 1715 млрд. долл., что вдвое больше реального ВВП 1973 г. (в ценах 1958 г.)<sup>56</sup>.

Таким образом, несмотря на благоприятные условия, которые были созданы НТР, современный государственно-монополистический капитализм не смог преодолеть нестабильности экономики. Период относительно высоких темпов развития (1950—1970 гг.) ушел в прошлое. Среднегодовые темпы роста промышленной продукции в капиталистическом мире снизились за 1974—1979 гг. до 2,46% против 5,8% в 1961—1970 гг.<sup>57</sup>

Усиление экономической и политической неустойчивости капитализма в значительной степени обусловлено тем, что инфляция стала неотъемлемой чертой экономики. Инфляция, которая предполагает обесценение денежных единиц и рост стоимости жизни, усилилась в результате многих факторов. Среди них важнейшим является взвинчивание цен как национальными, так и международными монополиями и дальнейшее развитие государственно-монополистического капитализма, одним из механизмов которого является дефицитное финансирование. Инфляция ведет к еще большему нарушению пропорций

---

<sup>56</sup> США — экономика, политика, идеология, 1976, № 9, с. 28.

<sup>57</sup> См.: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран: Обзор за 1977 и начало 1978 г.— Прилож. к журн. «Мировая экономика и международные отношения», 1978, № 8, с. 3; Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран: Обзор за 1980 и начало 1981 г.— Прилож. к журн. «Мировая экономика и международные отношения», 1981, № 8, с. 5.

общественного воспроизводства и усилению классовых противоречий, поскольку рост стоимости жизни ложится прежде всего на плечи трудящихся масс.

Нестабильность капиталистической экономики усиливает социальные противоречия. Углубляется пропасть между трудом и капиталом. Рабочему классу, трудящимся противостоит теперь не только отдельный капиталист или отдельная монополистическая корпорация. В качестве прямого эксплуататора и экспроприатора общественного достояния выступает также все в большей степени буржуазное государство.

В капиталистических странах за последние 20 лет шел дальнейший рост рабочего движения. В условиях массовой безработицы и инфляции, которая ведет к росту цен, трудящиеся борются за право на труд и улучшение материального положения. Все чаще и чаще забастовки стали принимать общенациональный характер. Выступления рабочего класса направлены не только против индивидуальных или ассоциированных капиталистов, но и против всей системы господства монополистического капитала, его политической власти. Борьба трудящихся принимает непосредственно политический характер.

Антагонизм между трудом и капиталом — это не только конфликт между пролетариатом и буржуазией. НТР ускорила превращение подавляющего большинства населения капиталистических стран в лиц наемного труда. В 70-х годах в развитых капиталистических странах свыше 65—90% всего активного населения составляла армия наемного труда, к которой все в большей степени присоединяется крестьянство, разоряемое монополистическим капиталом, и молодежь. Создаются также возможности для создания антимнополистической коалиции в развитых капиталистических странах, к которой могут присоединиться трудящиеся массы развивающихся стран, откуда монополистическим капиталом выкачивается огромная масса прибавочного труда.

Постоянно обостряется конфликт между всей эксплуатируемой массой трудящихся, работниками физического и умственного труда и финансовой олигархией, тесно сращенной с аппаратом государственной власти, т. е. с политической надстройкой современного империализма. На этой основе возникает кризис политической надстройки капиталистической формации, который затрагивает политическую гегемонию буржуазии.

Усиливаются противоречия и внутри самого господствующего класса. Объектом разногласий становится как внутренняя, так и внешняя политика. В настоящее время можно видеть две тенденции внутри господствующего класса. Часть господствующего класса достаточно трезво осмысливает социально-экономические перемены в мире и ищет новые формы приспособления к современным условиям, реально учитывая прежде всего изменения в соотношении сил двух противоположных систем. Именно эта часть буржуазии понимает необходимость разрядки международной напряженности и стоит за новые формы сотрудничества с социалистическими государствами. Другая часть буржуазии, и прежде всего та, которая связана с военно-промышленным комплексом, проявляет твердолобость в политике, стоит на консервативных позициях холодной войны и стремится сорвать разрядку, делает ставку на военную силу.

Важнейшей формой проявления углубления общего кризиса капитализма является дальнейшее обострение межимпериалистических противоречий, усиление борьбы за рынки, источники сырья и энергии. В системе современного империализма выделились прежде всего три центра концентрации экономической, научно-технической мощи и политического влияния — США, Западная Европа (особенно ЕЭС) и Япония. В настоящее время, по данным международной статистики, на эти центры в целом приходится свыше 60% промышленного производства и 65% экспорта капиталистического мира<sup>58</sup>.

В результате действия закона неравномерности экономического развития в 70-х годах произошло изменение в соотношении сил между этими тремя центрами. Как указывалось на XXVI съезде КПСС, «японские и западноевропейские монополии все успешнее конкурируют с американским капиталом»<sup>59</sup>.

Одна из форм проявления кризиса мирового капиталистического хозяйства — валютно-денежный кризис, который потряс мировую капиталистическую систему в конце 70-х годов. В то же время начался топливно-сырьевой кризис, который также уходит корнями в господство монополистического капитализма. Глубинная причина валютно-денежного кризиса в том, что обобщест-

<sup>58</sup> США — экономика, политика, идеология, 1981, № 9, с. 3.

<sup>59</sup> Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.

вление производства в международном масштабе, когда воспроизводственный процесс, становясь все более интернациональным, требует наднационального регулирования денежного обращения. Поэтому на современном этапе валютная система капитализма должна быть результатом международных экономических связей, отражающих более или менее структуру мирового капиталистического хозяйства. Поскольку в мировой системе капитализма вследствие закона неравномерности экономического и политического развития происходит постоянное изменение сил, то валютная система должна также корректироваться. Сложившаяся после второй мировой войны система межгосударственного регулирования международных расчетов, которая давала преимущества США, оказалась неспособной на современном этапе обеспечить стабильность экономики. Капиталистический мир ищет сейчас пути к созданию новой системы межгосударственного регулирования валютной системой, которая отражала бы изменения в соотношении сил между тремя мировыми центрами капитализма: США, Западной Европой и Японией. В подходе к решению данного вопроса проявляются все противоречия мировой системы капитализма. Каждая сильная капиталистическая страна стремится при создании новой валютной системы отстаивать собственные интересы. Таким образом, тенденция интернационализации мирового капиталистического хозяйства вступает в противоречия с интересами отдельных империалистических стран.

Неразрешим в условиях мирового капиталистического хозяйства сырьевой и энергетический кризис, который возник из-за хищнической политики монополий, эксплуатирующих сырьевые и энергетические ресурсы. Экономический механизм перекачки сырья и прибылей из развивающихся стран в индустриальные основывался на том, что закупочные цены на вывозимое сырье устанавливались на низком уровне, а цены на готовую продукцию — на монопольном уровне. По мере укрепления политической независимости и развития сотрудничества с социалистическими странами развивающиеся страны решили сломать данный механизм обеспечения развитых капиталистических стран промышленным сырьем и топливом и использовать национальные сырьевые ресурсы в своих интересах. Кроме того, сырье для развивающихся стран служит главным источником дохода, который необхо-

дим для перестройки структуры экономики этих стран. Поэтому в основе повышения цен на сырье и топливо лежат не конъюнктурные факторы, а глубокие структурные сдвиги в общественном воспроизводстве, изменение положения развивающихся стран. Удорожание сырья и топлива приводит к нарушению стоимостных пропорций капиталистического воспроизводства, вызывая в нем постоянно новые диспропорции и обостряя механизм функционирования мирового капиталистического хозяйства.

Таким образом, самым тяжелым проявлением общего кризиса капитализма на современном этапе является соединение хронической безработицы, технического застоя в производстве, инфляции, структурных кризисов перепроизводства, которые в капиталистических странах приняли сейчас синхронный характер. В современных условиях внутрикапиталистические противоречия на национальном уровне неизбежно переплетаются с противоречиями в рамках мировой капиталистической системы, сплетаются в один неразрешимый узел капиталистических противоречий. Для монополистической буржуазии развитых капиталистических стран остается все меньше и меньше возможностей маневрировать для спасения капитализма. Вся современная действительность убедительно подтверждает, что приспособление к новым условиям не означает стабилизации капитализма как системы.

### Глава третья

## ПУТИ РАЗВИТИЯ ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАН В СВЕТЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Важнейшей чертой современности является выход на мировую политическую арену и в сферу международных экономических связей большой группы ранее колониальных и полуколониальных стран. Эпоха общего кризиса капитализма и социалистических революций объективно выдвинула в число узловых проблем судьбу бывших колоний и полукolonий. От того, по какому пути пойдут народы освободившихся государств — станут резервом «омо-

лаживания», новым «поколением» капиталистической формации или вступят на путь социалистической ориентации и строительства социализма — во многом зависит характер и во всяком случае интенсивность развития мирового революционного процесса наших дней.

В Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС, в выступлениях делегатов и зарубежных гостей съезда отмечалось укрепление позиций стран, освободившихся от колониального гнета, и упрочение союза мирового социализма с национально-освободительным движением в борьбе против империализма, за мир и социальный прогресс. На съезде было подчеркнуто, что в силу неравномерности исторического развития ранее колониальные народы находятся на различных стадиях освободительного движения, занимают неодинаковое положение в структуре мировых экономических и политических связей, в разных условиях борются за выбор пути эффективной ликвидации вековой исторической отсталости в русле движения к той или иной из противоборствующих общественно-экономических формаций нашего времени, что общепе закономерности исторического и формационного развития вообще и революционного процесса действуют в бывших колониях и зависимых странах в специфических формах, обусловленных не только особенностями их предшествующей эволюции, но прежде всего характером современной эпохи, основное содержание которой составляет переход человечества от капитализма к социализму и коммунизму.

То обстоятельство, что освободившиеся страны оказались на своеобразном историческом перепутье, перед проблемой выбора пути социального прогресса, обусловило довольно частое применение по отношению к ним в немарксистской, а подчас и в марксистской литературе обобщенного термина «третий мир». Однако «третий мир» при всей условности этого понятия — вовсе не синоним «третьего пути», своего рода лавирования между капитализмом и социализмом с усвоением их «положительных» и отбрасыванием «отрицательных» черт, как это нередко заявляли идеологи Запада и буржуазные теоретики в самих освободившихся странах. Последняя четверть века со всей очевидностью показала, что нынешний разнородный массив молодых государств — специфическая историческая реальность, но вместе с тем в масштабе всемирной истории — это явле-

ние, безусловно, переходное, промежуточное, временное. Стоящая перед освободившимися странами альтернатива — при всем бескопечном и динамичном своеобразии их функционирования и развития — имеет только два формационных полюса: капитализм и социализм. Третьего не дано. Во всемирном масштабе, как подчеркнул Б. Н. Пономарев, «освободительные движения — неотъемлемый элемент естественнoисторического процесса развития и смены общественно-экономических формаций. Они выражают возникающую объективно потребность перехода к новым, более прогрессивным формам общественной жизни, являются неизбежным и закономерным результатом нарастания внутренних противоречий разделенного на враждебные классы антагонистического общества»<sup>1</sup>.

#### 1. ДИАЛЕКТИКА ОБЩЕГО, ОСОБЕННОГО И ЕДИНИЧНОГО В РАЗВИТИИ ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАН

Крушение колониальной системы капитализма поставило марксистскую науку перед лицом новых сложных проблем. Одна из них заключалась в объективной оценке уровня и специфики социально-экономического развития различных народов и стран, сбросивших колониальное иго. Именно от этого во многом зависела и зависит успешность применения в конкретно-исторических условиях, сложившихся и складывающихся в освободившихся странах, марксистской теории общественного развития, а тем самым и отношение народов, сбросивших колониальные оковы, к идеологии научного коммунизма и к историческому опыту стран социалистического содружества, выбор молодыми государствами пути ликвидации социально-экономической отсталости и становление современных форм производства, управления и культуры.

70-е годы характеризовались дальнейшим возрастанием места и роли освободившихся стран в международных политических и экономических отношениях, в историческом развитии человечества и мировом революционном процессе.

Философско-методологический аспект данной проблемы заключается в выяснении того, стоит ли за много-

---

<sup>1</sup> См.: Пономарев Б. Н. Неодолимость освободительного движения. — Коммунист, 1980, № 1, с. 15.

образом путей и вариантов, стадий и форм социального бытия и революционного действия народов освободившихся стран нечто объективно-всеобщее, и если да, то как оно сопряжено с конкретно-историческими реалиями и тенденциями современного мира.

Буржуазные идеологи, отказываясь от признания всеобщих законов общественного развития, преувеличивают это своеобразие и пытаются трактовать его в духе агностицизма. Совокупность освободившихся стран выступает в их концепциях как некий иррациональный, непроницаемый для познания мир, различные регионы и сферы жизнедеятельности которого развиваются спонтанно, импульсивно, диспропорционально, необъяснимым образом соседствуя с застоєм, а то и регрессом в других областях. Всячески подчеркивается, что это — совсем иной, противоположный Западу, в корне отличный от него «антимир» Востока.

И здесь вновь встает сакраментальный вопрос: представляет ли это своеобразие какое-то «выпадение» из общих закономерностей всемирно-исторического развития человечества? Ведь сумели же буржуазные идеологи внедрить в структуру рождавшегося теоретического сознания африканской интеллигенции идею гордого «любования» уникальной самобытностью африканской культуры. Эта тенденция пронизывает концепции африканских идеологов, придерживающихся подчас полярно противоположных политических ориентаций. Так, по мнению К. Нкрумы (периода пребывания его на посту президента Ганы), африканские общественно-экономические структуры были разрушены вторжением колонизаторов, зато остался неистребленным присущий африканцам дух гуманизма и взаимопомощи. Реформистско-пробуржуазная интерпретация «внеисторических вечных ценностей негро-африканской души» содержится в доктрине негритууда, в разработку которой, пожалуй, наибольший вклад внес бывший президент Сенегала, а ныне председатель Социалистического африканского интернационала Л. С. Сенгор. Поскольку, подчеркивал он, по существу повторяя бельгийского исследователя из Заира П. Темпельса<sup>2</sup>, клеточку духовного восприятия мира африканцем составляют «жизненные силы», постольку его философия является экзистенциалистской, гуманной и... социалисти-

---

<sup>2</sup> Tempels P. La philosophie Bantoue. P., 1969.

ческой, а само общество — коллективистским и коммуно-кратическим, потому что в основе своей оно — общение душ, их «сопричастие», «сопереживание», а не агрегат индивидов. Из этого делается вывод о существовании в Африке социализма задолго до прихода европейцев. Теперь же задача заключается, согласно Сенгору, в гармоничном синтезе морально-этических императивов негроафриканской души с достижениями буржуазной цивилизации, дополненном современным «социалистическим духом»<sup>3</sup>. Остается добавить, что в африканских философских кругах негритюдные утопии вызывают все более критическое отношение, начиная от иронии по поводу провозглашения (африканец выступает в данном случае в роли мольтеровского Журдена, говорившего прозой, но не знавшего, что это такое, философствовавшего, но не подозревавшего об этом<sup>4</sup>) мифологического сознания африканской этнофилософией и кончая разоблачением современного мифа о якобы благотворном влиянии колонизаторов на население бывших колоний. Относительно последнего аспекта можно отметить аргументацию Амилькара Кабрала и камерунского философа Марсвена Товы. Первый полагал, что разрушительная эксплуатация уступает место возможности какого бы то ни было заимствования лишь с вынужденным переходом от классического колониализма к неоколониализму и, конечно, к некапиталистическому развитию<sup>5</sup>. М. Това также отвергает иллюзии о культуртреггерстве бывших колонизаторов. Единственным условием заимствования в культуре колонизаторов позитивных элементов является успешная борьба с ними, а не абстрактное «культурное скрещивание», к тому же с доминантой метрополии<sup>6</sup>, как это утверждает Л. Сенгор. Таким образом, реформистско-неоколониалистская подмена проблемы становления в Африке новой общественно-экономической формации проблемой смены традиционной культуры современной, якобы исключающей классово-политический анализ, отвергается самими прогрессивными африканскими философами, постепенно переходящими на методологические

<sup>3</sup> African Socialism. Stanford, 1964, p. 265.

<sup>4</sup> См.: Eboussi-Boulaga F. Le bantou problématique. «Présence africaine» (Paris), 1968, N 66.

<sup>5</sup> См.: Кабрал А. Революция в Гвинее. М., 1973, с. 136—146.

<sup>6</sup> Towa M. Léopold Sédar Senghor: negritude ou Servitude. Jounde, 1971; Hountondji P. J. Sur la «philosophie africaine», Paris, 1977.

позиции диалектического и исторического материализма.

Марксизм-ленинизм исходит из того, что всеобщая закономерность истории — смена отживших типов власти и собственности, производства и культуры новыми, более прогрессивными — реализуется в деятельности людей, протекающей в различных социально-экономических условиях и адекватных им социально-классовых структурах.

Национально-освободительное движение можно понять как объективную реальность нашего времени, как диалектически противоречивую целостность, как динамично развивающийся процесс только с позиций *всемирности* как методологического принципа, органически присущего марксистско-ленинской философии истории. Это предполагает, во-первых, рассмотрение национально-освободительного движения с социально-классовых позиций, в политическом контексте конкретной эпохи всемирной истории, в связи (кстати, далеко не всегда выявляемой и осознаваемой самими участниками событий) с борьбой других отрядов трудящихся против своих угнетателей, т. е. как составной части мирового революционного процесса<sup>7</sup>. Во-вторых, нельзя упускать из виду имманентно присущие каждому региону и народу, каждой стране и социально-классовой общности закономерности общественного бытия и общественного сознания, объективно обусловленные их местом во всемирно-историческом движении человечества.

Актуальность очерченного круга методологических проблем рельефно просматривается на материалах Тро-

---

<sup>7</sup> Данный аспект методологического значения принципа всемирности получил разработку в трудах ряда советских философов. См.: *Водолазов Г. Г.* К. Маркс и Ф. Энгельс о всемирности исторического процесса. — *Мировая экономика и международные отношения*. 1973, № 1; *Косолапов Р. И.* Международные отношения и социальный прогресс. — *Вопр. философии*, 1974, № 5, с. 3—18; *Загладин В. В.* Интернационалистская платформа «Коммунистического манифеста» и борьба за единство мирового коммунистического движения. — В кн.: *Коммунистический манифест и современность*. М., 1974, с. 92—124; и др.

Именно «узнавание» общих, всемирно-исторических закономерностей в единичных и особенных чертах реальных социальных явлений выступает необходимой гносеологической предпосылкой предвидения возможных вариантов развития конкретных революционных ситуаций и процессов. См.: *Красин Ю. А.* Диалектика общего и особенного в современном революционном процессе. — *Вопр. философии*, 1979, № 11, с. 102.

пической Африки, где спектр разноформационных социально-классовых структур и отношений фрагментарно охватывает едва ли не всю историю человечества. Не случайно, вопросы диалектической взаимосвязи общего, особенного и единичного нашли отражение в итоговом документе первого в истории Совещания ряда коммунистических и рабочих партий Африки «За свободу, независимость, национальное возрождение и социальный прогресс народов Тропической и Южной Африки». Там, в частности, говорится: «Те же объективные закономерности социального развития, которые действуют во всем мире, проявляются и на нашем континенте — в форме, соответствующей национальным чертам и историческим особенностям стран нашего континента и его островов», а потому, «утверждая принципы научного социализма, являющиеся общими для всех стран, коммунисты при этом считают, что самый точный учет местных национальных особенностей каждой страны — первейшее условие при применении этих принципов на практике»<sup>8</sup>. Данное указание касается прежде всего исследования специфики функционирования и направленности движения реального укладного многообразия хозяйственной деятельности и всего общественного бытия африканских народов в русле противоборства двух формаций и тенденций социально-экономического развития человечества.

Словом, развивающийся мир — качественно новая историческая реальность эпохи сосуществования и борьбы в мировом масштабе капитализма и социализма, эпохи крушения колониализма и развертывания научно-технической революции.

Каковы основные черты этой социальной реальности? В чем состоит ее объективная специфика? Применение каких методов исследования наиболее эффективно при анализе последней?

Прежде всего необходимо еще раз подчеркнуть специфическое, в своем роде уникальное по масштабам и мозаичности переплетение во многих из освободившихся стран социально-экономических укладов и тенденций, генетически принадлежащих различным общественно-экономическим формациям и «межформационным» переходным эпохам. Будучи одновременными в хронологическом плане, они находятся как бы в различном историческом

---

<sup>8</sup> Рабочий класс и современный мир, 1979, № 3, с. 137; № 4, с. 140.

времени. Эта многоукладность и полиформационность развивающегося мира, переплетение различных, порою противоположных хозяйственных укладов и социальных институтов материалистически объяснима неравномерностью исторического развития различных народов и стран, характерной для докоммунистической эпохи человеческой истории.

К внутренним факторам, объясняющим особенности развития производительных сил в молодых государствах, следует отнести и весьма своеобразные экологические и демографические условия. Подавляющая часть освободившихся стран расположена в тропиках и субтропиках, а темпы роста населения в этих государствах в несколько раз превосходят соответствующие демографические показатели в индустриально развитых странах.

В буржуазной литературе в специфическом виде, по существу, воскрешается вульгарная концепция географического детерминизма, помноженного на неомальтузианство. Так, французский экономист Морис Гернье в опубликованном в 1980 г. от имени Римского клуба докладе «Третий мир — три четверти мира», игнорируя анализ производительных сил, производственных отношений, социальных структур освободившихся стран, патетически закликает: «Третий мир расположен в тропиках, и этим все сказано»?! Здесь — даже не экологический детерминизм, а географический фатализм. Что же «этим» сказано? Ответ Гернье звучал бы банально даже 100—150 лет назад. Все дело, оказывается, в том, что в тропических странах трудно работать, но легко плодиться, а потому главное, по мнению Гернье, препятствие экономического прогресса освободившихся стран и их движения к обществу потребления западного типа — чрезвычайно высокие темпы роста населения — неустранимо так же, как зной экваториального солнца, а потому в интересах всего (по Гернье) человечества направить уравнилельные тенденции, эгалитаризм народных масс развивающегося мира в русло аскетизма, возвращения к натуральному хозяйству, отказа от ориентаций на «сверхпотребление».

Советский исследователь М. Волков, полемизируя с М. Гернье, образно и метко назвал его рекомендации проектом «глобального апартеида». Его суть в том, что «ограничения в области производства и потребления материальных благ накладываются лишь на развивающиеся страны, а сложившееся на Западе „общество потре-

ния“ будет жить как жило». Сквозь флёр заботы об интересах всего человечества отчетливо просматривается стремление оградить западное «общество потребления» от возможной конкуренции «со стороны большей части населения нашей планеты, стремящейся покончить с нищетой, отсталостью и социальной несправедливостью, что неизбежно связано с увеличением потребления материальных благ»<sup>9</sup>. Состояние производительных сил в освободившихся странах характеризуется «соседством» средств производства и технологических схем, генетически присущих ранним ступеням производящего хозяйства, связываемых в современной науке с понятием неолитической революции<sup>10</sup> (основная масса традиционного сектора), машинного производства (главным образом национальный капитализм и частично государственный сектор) и фрагментов автоматизированного производства эпохи НТР (на предприятиях, принадлежащих межнациональным монополиям, а также на предприятиях, создаваемых с помощью стран социалистического содружества).

Этим обусловлено одновременное функционирование общинно-автаркической экономики большей части крестьян и ремесленников-кустарей, частнопредпринимательской активности буржуазных и пробуржуазных слоев в государствах капиталистической ориентации, а также серьезных попыток государственно-планового управления экономическими процессами в странах социалистической ориентации. В первом случае основным регулятором производства и потребления выступает живущая в сознании людей традиция, во втором — «анонимный», невидимый, но тем не менее всепроникающий рынок, в третьем — приобретающий силу закона государственный план.

Основные типы производственных отношений можно классифицировать следующим образом. Во-первых, традиционные (предкапиталистические, или докапиталистиче-

---

<sup>9</sup> Волков М. Против проекта «глобального апартеида». — Азия и Африка сегодня, 1981, № 7, с. 17—18.

<sup>10</sup> В философско-социологическом смысле этот термин, в отличие от его историко-археологического буквального значения, призван зафиксировать тот коренной перелом в развитии производительных сил первобытнообщинной формации, связанный с дифференциацией инструментально-технологических систем земледелия и скотоводства, ремесла и торговли, который объективно создавал материально-технические и социально-экономические предпосылки ее разложения и перехода к классово-антагонистическим рабовладельческой и феодальной формациям.

ские), в рамках которых пока что преобладает общинно-племенная собственность на объективные предпосылки производства (прежде всего землю) и неэкономические, общинно-личностные формы социального регулирования процессов производства, обмена и потребления, власть обычаев и их интерпретаторов — старейшин. Во-вторых, капиталистические, «внутри» которых вызревает частно-предпринимательская либо государственно-капиталистическая собственность на основные средства производства (главным образом орудия труда) и экономические, товарно-денежные, «безличные» мотивы, стимулы и формы регуляции участия индивидов в процессах производства и потребления. В-третьих, вновь складывающиеся в странах социалистической ориентации производственные отношения национально-демократического типа, в рамках которых зреют элементы нового, общественного типа собственности: государственной и кооперативной, а также контуры демократических форм сознательного и активного участия широких трудящихся масс в организации производства и регулирования всех основных сфер жизни общества.

В социальной структуре одновременно прослеживаются: незавершенность классовообразования значительных масс крестьянства и ремесленников (сохранность общинных институтов, по Марксу, — ее верный признак); социальные процессы, характерные для генезиса капитализма — бурное «раскрестьянивание» крестьянства, урбанизация и индустриализация, рост пролетариата, пауперизация и люмпенство, с одной стороны, и интенсивное формирование буржуазных слоев и кулачества — с другой; становление и организационное оформление новых, неантагонистических, демократических классов и социальных групп трудящихся — рабочего класса государственных предприятий, кооперативного крестьянства, патриотической интеллигенции (в том числе военной) и т. п.

В области институциональной надстройки специфика трех основных компонентов социальной структуры находит отражение в создании общенациональной системы демократических крестьянских Советов и выдвижении традиционных вождей на административно-государственные посты; в заимствовании ряда институтов буржуазного парламентаризма и в создании специальных государственных органов, призванных регулировать и ограничивать стихию буржуазных отношений; в развитии государства

национальной демократии, авангардных и революционно-демократических партий, а также национальных фронтов прогрессивных сил в странах социалистической ориентации.

Сфера духовной надстройки характеризуется сосуществованием трибализма и идеологических доктрин народнического типа с мелкобуржуазным анархизмом, реформизмом и национализмом; идеологией научного социализма, а также социально-психологическими структурами традиционно-пассивного, общинно-местнического типа; обывательско-индивидуалистическими и предпринимательскими тенденциями; революционным энтузиазмом трудящихся классов и слоев, возглавляемых прогрессивным крылом революционной демократии, переходящим на идеологическую платформу марксизма-ленинизма.

Выработка адекватного данной реальности методологического подхода к ее анализу — важное условие применения к проблематике освободившихся стран концептуального и понятийного аппарата марксистской теории общественного развития. В этой связи усилился интерес к методологическим проблемам всемирной истории. Постепенно выкристаллизовались два основных направления учета в рамках марксистской теории общественно-экономической формации глубокой специфики освободившихся стран. Некоторые авторы надеялись найти ключ к данной проблеме в марксистском понятии «азиатский способ производства»<sup>11</sup> либо прибегли к конструированию по этому типу иных регионально-континентальных моделей, в частности «африканского способа производства»<sup>12</sup>, «арабской (мусульманской) экономики»<sup>13</sup>, а также «триконтинентального», так называемого «колониального способа производства»<sup>14</sup>. Словом, адекватный учет специфики освободившихся стран имплицитно связывался с пересмотром

---

<sup>11</sup> См.: *Suret-Canale J.* L'Afrique Noire occidentale et centrale: géographie civilisation, histoire. P., 1958, p. 94.

<sup>12</sup> См.: *Coquery-Vidrovitch C.* Recherches sur une mode de production africain. — La Pensée, P., 1969, N 144.

<sup>13</sup> См.: *Стенянец М. Т.* Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX—XX вв.). М., 1974, с. 82—174; Критика буржуазных теорий национализма и расизма. М., 1976, с. 207—264.

<sup>14</sup> Эту концепцию разрабатывал, в частности, Хамзы Алави (Индия). См.: *Левковский А. И.* Мелкая буржуазия: облик и судьбы класса. М., 1978, с. 115.

самой системы формаций или по крайней мере способов производства, общепринятых в марксистской науке.

Другая ветвь научных поисков, столкнувшись (особенно явно в Тропической Африке) с сосуществованием общинных и специфических патриархально-феодальных форм социально-экономической организации, а также элементов (значительных в ряде стран) современного капиталистического хозяйства, пошла по пути определения формационной принадлежности освободившихся стран по признаку преобладающей роли тех или иных из названных типов общественных структур на современном этапе. А поскольку ни одна из крайних оценок (ни патриархально-общинная, ни капиталистическая) общественно-экономического строя освободившихся стран себя не оправдала ни в теоретическом, ни в практически-политическом плане, а кроме того, все более актуальной становилась проблема социалистической ориентации этих стран, на первый план одно время вышла концепция многоукладности развивающихся государств. В методологическом плане она, особенно если не выделен ведущий, системообразующий общественно-экономический уклад, содержит в себе опасность эклектического механицизма, представления, что в хозяйственной структуре освободившихся стран всего «понемногу» от разных формаций, а потому специфическими являются либо сама комбинация «частей» присущих им общих закономерностей, либо тотальная межформационность, затянувшаяся переходность, своего рода «зазор» между «нормальными» формациями<sup>15</sup>.

Разнотипность различных «кусков» общественного бытия освободившихся стран охватывает не только сферу производственных отношений и социальную структуру, но и деятельность потребления, институциональную и духовную надстройку, словом, специфический образ жизни значительной части населения страны. Иначе говоря, общественно-экономический уклад выступает как в определенной мере самостоятельная социальная подсистема в рамках опосредующих звеньев, связей, взаимодействия и т. п. Попытки же абсолютизировать фактор многоукладности, претензии объяснить все и вся в развитии освобо-

---

<sup>15</sup> См.: Левковский А. И. Третий мир в современном мире. М., 1970; Он же: Социальная структура развивающихся стран. М., 1978; и др.

дившихся стран, исходя из универсальности многоукладности как таковой, методологически неправомерны, а практически — сегодня это уже достаточно ясно — малоэффективны<sup>16</sup>.

Рядом авторов-марксистов предпринята попытка выявления специфических закономерностей социального функционирования и развития, присущих, по их мнению, развивающемуся миру и в принципе отличных от закономерностей функционирования и развития капиталистической и социалистической общественно-экономических систем. Эта точка зрения, акцентирующая в «тьермондизме» специфические признаки, присущие всем освободившимся странам, независимо от их ориентации, нашла, пожалуй, наиболее законченное выражение в предложении о выделении специфической политической экономии развивающихся стран<sup>17</sup>.

В методологическом смысле такого рода выпячивание специфики освободившихся стран и их отличия от социалистической и капиталистической общественных систем может вести к искажению роли и тенденций развития освободившихся стран в современном мире, к недооценке решающего влияния борьбы двух систем на перспективы и судьбы народов бывших колоний. Кроме того, нередко остается в тени объективный процесс углубления дифференциации освободившихся стран по принципу избранной социальной ориентации, исходного уровня и наличной стадии их развития. Кстати, сам развивающийся мир несет в себе и достаточно глубокие историко-культурные и хозяйственно-экономические региональные отличия.

К концепциям многоукладности и «тьермондизма» примыкает (вернее, выступает одним из их основных компонентов) тезис о преобладании в освободившихся странах переходных социальных отношений. Сама по себе эта мысль не вызывает возражений, если не упускать из виду, что переходный тип общественных отношений, строго говоря, не является самостоятельным формационным типом, однопорядковым тем зрелым социально-экономическим структурам, к которым тяготеют его основные компоненты и противоречивые тенденции развития. Словом,

<sup>16</sup> Об этом см.: *Андреев И. Л.* Некоторые проблемы многоукладности освободившихся стран. — *Рабочий класс и современный мир*, 1975, № 5, с. 127—137.

<sup>17</sup> См.: *Тюльпанов С. И.* Очерки политической экономии: (Развивающиеся страны). М., 1969.

специфика данной группы стран заключена в сосуществовании и взаимодействии различных типов общественно-экономических отношений и укладов, специфических форм собственности и власти, а не в складывании некоего особого «внеформационного» либо «надформационного» варианта социального функционирования и развития.

В зависимости от конкретно-исторических условий специфический дуализм переходных общественных отношений рано или поздно «вливается» в русло закономерностей той или иной социально-экономической формации и соответствующим образом трансформируется. В силу этого специфика современного этапа развития освободившихся стран неизменно должна рассматриваться сквозь призму борьбы двух противоположных общественных систем, с учетом диалектики внешних и внутренних факторов их социального прогресса.

В философских работах последних лет справедливо подчеркивается важность выявления механизма действия общих закономерностей исторического материализма в конкретных социальных условиях и общественных организациях<sup>18</sup>, т. е. необходимость конкретного соотнесения всеобщего и единичного в исторических процессах.

Методологическим ключом к материалистическому анализу процессов, развернувшихся в освободившихся странах, выступает учет диалектики общего, особенного и единичного на различных (антиколониальном, антиимпериалистическом и антикапиталистическом) этапах национально-освободительного движения, а также действие закона исторической корреляции, «вписанности» любого локального социально-экономического процесса в контекст современной ему эпохи.

В свете этой диалектики социальные факторы развития освободившихся стран могут быть классифицированы следующим образом:

*общие*, вытекающие из самой сущности нашей эпохи и общесоциологических закономерностей исторического процесса: противоборства на мировой арене двух противоположных общественных систем, роста могущества мирового социализма и углубления кризиса капитализма, научно-технической революции как предвестницы качественно нового типа производительных сил человечества;

---

<sup>18</sup> См.: Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972.

нарастания антиимпериалистической борьбы за мир и разрядку международной напряженности, демократию и социальный прогресс, объективной альтернативы капиталистической либо социалистической ориентации дальнейшего развития;

*специфические*, обусловленные характером складывающейся в освободившихся странах политической надстройки, реализацией того или иного типа социальной ориентации, соответствующей направленностью экономических преобразований и тенденциями классовых сдвигов, степенью развития буржуазных отношений и сохранности докапиталистических общественных структур, ориентацией внешнеполитических и экономических связей, формой (мирной или вооруженной) достижения политической независимости, наличием либо отсутствием дефицитных на мировом рынке полезных ископаемых и энергетических ресурсов и т. п.;

*единичные*, связанные с неповторимыми чертами истории, культуры и природы каждой страны, традиционно сложившимися формами хозяйства и быта, этнической и демографической структурой населения, степенью и тенденциями разложения общинной организации, конкретной расстановкой политических сил, социальной принадлежностью, личными качествами и устремлениями людей, находившихся у власти и т. п.

## 2. МЕСТО И РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В МИРОВОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Всемирно-исторический подход к вопросу о судьбах и путях развития народов ныне освободившихся стран органически присущ марксистско-ленинской теории общественно-экономической формации.

Ход истории подтвердил прозорливое предвидение основоположников марксизма-ленинизма относительно усиления тенденции закономерной смены капиталистической общественно-экономической формации социалистическим обществом, ставящим своей целью построение коммунизма, а также о неизбежном воздействии этого всемирного по своему значению процесса на перспективы, возможности и пути развития народов и стран, сбросивших иго колониальной и полуколониальной зависимости, и соответственно об обратном влиянии коренных социально-экономических изменений в зоне национального освобождения

па мировой революционный процесс и исторический прогресс всего человечества.

Поистине переломным моментом в формационном развитии всего человечества и, в частности, колониальной периферии капитализма, стала Октябрьская революция. Она связала в едином движении к самой прогрессивной общественно-экономической формации разворачивавшиеся до этого в значительной мере автономно, изолированно друг от друга, процессы борьбы за свержение гнета монополистической буржуазии в капиталистических странах и за национальное освобождение народов их колониальной периферии. Связующим звеном данных процессов стал в корне изменивший облик мира реальный социализм — детище Великого Октября.

Октябрьская революция впервые в мировой истории открыла перед национально-освободительной борьбой народов колониальных и зависимых стран перспективу становления (в союзе с победившим пролетариатом России) на путь социального прогресса, минуя либо существенно сокращая объективно необходимый в масштабе истории человечества как всемирного феномена этап капиталистической общественно-экономической формации.

Исторический опыт некапиталистического развития ранее угнетенных народов Средней Азии и Казахстана, Сибири и Дальнего Востока, Монгольской Народной Республики убедительно продемонстрировал всему миру практическую возможность ликвидации многовековой социально-экономической и культурной отсталости, опираясь на всестороннюю помощь и поддержку Советского социалистического государства, при жизни одного-двух поколений. Возник принципиально новый тип межнациональных и межгосударственных отношений, вытекающий из природы социалистического общества.

Превращение социализма в мировую систему объективно и субъективно усилило тенденцию отрыва от капитализма сбрасывающих его колониализма народов, так как открыло возможность союза мирового социализма с прогрессивными революционно-демократическими кругами, возглавившими национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах.

Исследование формационной специфики исторической эволюции освободившихся стран предполагает анализ не только самих внутренних и внешних факторов их современного развития, но и (что с методологической точки зрения

самое главное) механизмов их взаимной детерминации.

Само взаимодействие внешних условий и внутренних предпосылок развития освободившихся стран носит как прямой, непосредственный характер (внешняя политика освободившихся стран, сфера их технико-экономического и культурного сотрудничества довольно отчетливо связаны с их социальной ориентацией), так и опосредованный всем климатом на международной арене, всей системой международных политических связей, экономическим соревнованием двух систем, идеологической борьбой и т. п.

Выше отмечалось, что связующим звеном внутренних и внешних факторов развития освободившихся стран выступает надстройка: относительно первой группы воздействий — главным образом институциональная, и прежде всего государственно-политическая; относительно второй группы — главным образом духовная надстройка, идеологические и социально-психологические структуры общественного сознания. Именно надстройка (и в первую очередь государство национальной, а затем народной демократии) соотносит, как-то связывает тенденции, возможности и перспективы развития освободившихся стран с теми или иными силами, течениями, факторами мировой социально-экономической структуры.

В сфере духовной надстройки воздействие внешнего фактора реализуется в противоборстве марксистско-ленинской и буржуазной, а также ревизионистско-реформистской идеологии, специфически преломляющемся на почве религиозно-племенных и националистических представлений основной массы населения, а также в противоположности психологии социального коллективизма, взаимопомощи и соответствия меры потребления мере собственного труда, присущими социалистическому обществу, «демонстрационному эффекту» стяжательства, коррупции, эксплуатации, предпринимательства, закономерно связанным с развитием местной буржуазии. Все это оказывает существенное воздействие на процесс разложения общинно-родственных стереотипов социальной регуляции поведения индивида и вызревания новых форм общественной жизни в рамках национально-демократического государства, рождения революционного энтузиазма, исторического оптимизма, готовности масс к напряженной борьбе за социальный прогресс.

В области институциональной надстройки влияние соотношения сил на международной арене, пожалуй, наиболее

лее рельефно проявляется в «преждевременном» с точки зрения формационной принадлежности и характера протекания внутренних социально-экономических процессов возникновении в освободившихся странах современных политических институтов. Речь идет о вовлечении этих стран в исторически сложившуюся систему международных отношений и об известном опережении на первых порах внешнеполитической, представительной стороной национально-демократической государственности, ее внутриполитического содержания, о противоборстве социалистических и буржуазных форм и принципов государственного устройства и деятельности административного аппарата, о становлении революционно-демократических партий авангардного типа и профсоюзных организаций в условиях абсолютного преобладания крестьянского населения, о процессах складывания наций в условиях сформировавшегося национального государства и т. п.

Изменение социальной структуры освободившихся стран опосредованно связано с тенденциями развития мировой социальной структуры, преломленными сквозь призму социальной ориентации и демографических процессов. Эта связь прослеживается прежде всего в том, что социально-экономическая структура высокоразвитых стран служит своеобразной «матрицей» формирования (под руководством государственно-политической надстройки) новых социальных слоев и групп. В условиях социалистической либо капиталистической ориентации развития государство соответственно поддерживает и подавляет трудовые либо эксплуататорские группы населения, а к руководству приходят пробуржуазные либо революционно-демократические элементы, хотя какая-то часть промежуточных слоев (отходники, маргиналы, пауперы, люмпены, сфера мелкого и мельчайшего бизнеса как скрытой формы безработицы и т. п.) присутствует сегодня практически во всех освободившихся странах.

В сфере производственных отношений влияние сосуществования двух социальных систем и противоположных принципов организации общественного производства проявляется в поляризации и соперничестве иностранной и государственной, общественной и частной, групповой (кооперативной) и индивидуальной форм собственности на средства производства, а также в тенденциях демократизации самоуправления в области хозяйственной деятельности либо в усилении монопольного диктата, произ-

вола частных собственников. Государственные предприятия и демократические самоуправляющиеся кооперативные хозяйства противостоят в этом плане филиалам международных корпораций, иностранным компаниям, местному частному капиталу и мелкобуржуазной рыночной стихии. В одном из этих двух направлений движется — в зависимости от социальной ориентации страны — и процесс трансформации громадного массива автаркического патриархально-общинного и интенсивно втягивающегося в различные формы товарного обмена парцельно-общинного крестьянства, а также традиционных ремесленников-кустарей. Внешнее воздействие в данном аспекте неправомерно сводить к складывающейся структуре технико-экономических, торговых и иных связей освободившихся стран. Оно включает в себя также те или иные формы сопоставления двух основных типов современных экономических структур и своеобразной «примерки» их к задачам, условиям и возможностям своих стран. Словом, соревнование двух противоположных социальных систем, двух основных общественно-экономических формаций современного мира, сопоставление эффективности и гуманности двух основных типов собственности и принципов организации современного производства, различных социальных условий использования достижений научно-технической революции — все это оказывает существенное влияние на классовую борьбу за становление новых производственных отношений в молодых независимых государствах, за выбор прогрессивной ориентации развития.

Наконец, в сфере производительных сил освободившихся стран в специфических формах (тесно связанных с политической ориентацией и степенью социально-экономического развития) воспроизводится основное противоречие современных мировых производительных сил между тенденциями собственно промышленного и научно-технического развития. Пока преобладают первые, но вторые набирают силу и все более оттесняют машинное производство в сферу подготовительных стадий производства, услуг, быта и т. п. Эта альтернатива стоит перед инструментальным в своей основе мелким крестьянским и ремесленным производством, составляющим сегодня значительную (кое-где в освободившихся странах и основную) часть национальных производительных сил. Но данная проблема является, как показал опыт «зеленой революции» в Азии, не только и не столько технической и тех-

нологической, сколько социально-классовой. Она непосредственно связана с принципиальным различием типов производственных отношений (собственности и управления), объективно присущих этим историческим ступеням развития мировых производительных сил, а потому — с соответствующей ориентацией социально-экономических процессов. Так, тенденция усиления государственно-монополистического капитализма и межнациональных корпораций, где-то схватывая общественную историческую потребность интернационализации производства, органически вытекающую из самой сущности научно-технической революции, тем не менее в принципе не может устранить тех препятствий разворачиванию автоматизации и замкнутых циклов безмашинного (и безотходного) производства, которые ставят выросшие на почве машинного производства капиталистические производственные и общественные отношения. Напротив, социальные преимущества социалистических производственных и общественных отношений, в частности формы технико-экономической и научной интеграции усилий и ресурсов стран — членов СЭВ между собой и с развивающимися странами<sup>19</sup>, становятся особенно зримыми именно по мере того, как они гармонически соединяются с тенденциями развития и достижениями научно-технической революции. Данный момент, надо полагать, будет играть все большую роль в процессах классовой борьбы за социальный прогресс в освободившихся странах.

В свою очередь, развитие производительных сил, понимаемых как материальная способность труда (общества, людей) производить известное количество продуктов<sup>20</sup>, зависит, по Марксу, и от «естественных условий труда», и «от прогрессирующего совершенствования общественных сил труда»<sup>21</sup>. Речь идет, во-первых, об экономических предпосылках и факторах развития производительных сил, весьма специфических в освободившихся странах. Тропический климат обуславливает необходимость соответствующей адаптации инструментальной и машинной техники, импортируемой из различных стран,

---

<sup>19</sup> См., напр., Кошелев П. Я. Советско-африканское экономическое сотрудничество: итоги и перспективы. М., 1981.

<sup>20</sup> См.: Борисов В. В. О содержании категории производительных сил. — Вест. МГУ. Сер. 6. Экономика, 1972, № 3, с. 88.

<sup>21</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 128.

расположенных в зоне умеренного климата, а также развертывание ряда новых для мировой пауки (в настоящее время дислоцированной в основном там же) направлений фундаментальных и особенно прикладных направлений исследования, связанных со специфическими условиями развития производительных сил, использованием современной техники и технологии в освободившихся странах.

Что же касается зависимости развития производительных сил «от прогрессирующего совершенствования общественных сил труда» (К. Маркс), то последнее, в свою очередь, обусловлено не только социальной организацией данного общества, складывающимися и функционирующими там производственными отношениями и политическими институтами, но и демографическими факторами, существенно затрудняющими (темпы роста населения более высокие, чем производства продуктов питания, громадное аграрное перенаселение и люмпенство в городах, очень высокая доля нетрудоспособных в общей структуре населения и т. п.) внедрение оптимальных с точки зрения перспектив развития мировых производительных сил, форм разделения и кооперации труда, в частности современных капиталоемких и энергоемких средств производства. Решение этих противоречий, предполагая комплексный подход к ним, опять-таки упирается в проблемы социальные: возрастание роли надстройки, борьбу за прогрессивную ориентацию, ограничение и подавление мелкобуржуазной и люмпен-пролетарской стихии, ликвидацию паразитических форм потребления и т. п., концентрированным выражением которых объективно выступает классовая борьба за выбор прогрессивного пути формационного развития освободившихся стран.

### 3. ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ТИПЫ ФОРМАЦИОННОЙ ОРИЕНТАЦИИ ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАН

Сохранение в развивающихся странах общественно-экономических отношений и связей, присущих докапиталистическим формациям, включая прежде всего первобытнообщинную, объективно делает последние не просто фоном или «местом» развертывающегося процесса противоборства капиталистической и социалистической ориентации развития освободившихся стран, а важным фактором, компонентом, активным «участником» происходя-

щих событий, во многом определяющим ритм, темп и характер протекания, успешность реализации намеченных программ. Поэтому правомерна (с методологической и с политической точек зрения) фиксация специфической формационно-укладной трехполюсности структуры социально-экономического развития освободившихся стран. При этом выделяются дилеммы утопически-общинного и современного формационного развития, с одной стороны, и противоположность капиталистического и социалистического типов социальной ориентации — с другой.

При этом необходимо постоянно иметь в виду два методологически важных момента, играющих существенную роль при любых попытках соотнести данную теоретическую конструкцию с реальными событиями и процессами. Во-первых, неправомерно рассматривать эти тенденции как однопорядковые только на основании хронологического сосуществования и реального взаимодействия. Как уже отмечалось выше, описательно-эмпирические и позитивистские подходы, присущие буржуазным и немарксистским идеологическим концепциям, игнорируют именно качественное, формационное различие тенденций развития освободившихся стран, касающееся их предпосылок и перспектив, целей и задач, средств и методов достижения последних. Во-вторых, важен учет существенно различного социально-экономического уровня и преобладающего направления политического развития отдельных регионов и конкретных государств зоны национального освобождения.

Колоссальная инерция стагнации, малоподвижность социально-экономической жизни многих освободившихся стран обусловлены подавляющим преобладанием во многих из них наиболее примитивных форм жизнедеятельности, в принципе характерных для первобытнообщинной формации, сводящихся к удовлетворению самых элементарных жизненных потребностей трудящихся масс. Наличие значительного пласта традиционных общинных структур производства и потребления, деформированных колониализмом, объективно порождает присущую определенным социальным группам инерцию и даже своего рода «тягу назад», по сути дела, — к утопически идеализированной первобытнообщинной общественно-экономической формации, отчасти — к иллюзорным канонам якобы «внеформационной» ранней арабо-мусульманской общины.

В целом традиционный тип социальной ориентации, наиболее рельефно проявляющийся в статичности ряда наиболее отсталых аграрных стран Экваториальной Африки, в социально-психологическом и политико-идеологическом плане опирается на идею «возврата» к прежним формам жизнедеятельности, в рамках которых индивид не мог разбогатеть, но и не умирал с голоду. С позиций такого мировоззрения беды сегодняшнего дня нетрудно представить как результат отступления от испытанных веками «обычаев предков». Эту направленность на своего рода аграрно-ремесленный уравнилельно-аскетический «общинный социализм», который исторически лежит не впереди, а «позади» по отношению к нынешнему положению вещей, персонифицируют и стремятся воплотить в жизнь трибалистская аристократия и общинная верхушка. Эту идею активно эксплуатируют африканские и азиатские реформисты, а также политические авантюристы, демагогически использующие невежество и стихийное стремление к эгалитаризму (в том числе аскетическому) деклассированного люмпенства, как это было, например, в Уганде и особенно в Кампучии<sup>22</sup>. Родо-племенную верхушку и ее камарилью в принципе устраивают примитивные формы социального паразитизма и эксплуатации масс под покровом традиций, сохранившихся от первобытнообщинной формации. Объективной почвой данной тенденции выступает крайне примитивный, по существу, неолитический уровень производительных сил и обусловленная им классовая индифферентность и заскорузлая инертность сознания общинного крестьянства, у которого сама перспектива социальных перемен вызывает мистический страх. «Крестьянину, — тонко заметил известный французский исследователь Тропической Африки Ж. Сюре-Каналь, — очень трудно представить себе общество, отличное от того, которое он знает, а тем более предположить, что оно будет лучшим»<sup>23</sup>.

Традиционные социально-экономические структуры находятся в состоянии глубокой стагнации, исторически совершенно бесперспективны, способны лишь к функционированию, но не развитию. Поэтому попытки абсолютизировать их «внутреннее совершенство» и отгородиться от хода истории, замкнувшись в мире реликтов первобытно-

<sup>22</sup> См.: Косолапов Р. Оскорбление идеалов. — Коммунист, 1979, № 14.

<sup>23</sup> См.: Suret-Canale J. La République de Guinée. Paris, 1971, p. 241.

общинной формации, объективно реакционны. Это иллюзорный в своих целях и идеалистически-просветительский в предполагаемых средствах тип социальной ориентации освободившихся стран. Степень неизбежного «проникновения» мировых тенденций в судьбы отдельных народов и государств неуклонно нарастает, а потому этот тип зачастую служит лишь удобной ширмой обуржуазивания общинно-племенной верхушки, складывания так называемой плантационной буржуазии. Но если государство социалистической ориентации принимает решительные меры для блокирования этого процесса, то в странах капиталистической ориентации он развивается практически беспрепятственно.

Словом, сохранение неизменными традиционных общинно-племенных принципов отношения людей к природе и друг к другу исключает развитие в направлении современных социально-экономических форм. Последнее же неизбежно вызывает их девальвацию и разрушение. Причем стихийное развертывание этого процесса формально ведет к альтернативе: трибализм или капитализм, а реально — к примитивно-капиталистической трансформации трибалистской верхушки, разрушению общинных структур рыночной стихией, пауперизацией и люмпенизацией крестьянства.

Другой, гораздо более важный в политическом отношении аспект формационного анализа диалектики развития современных освободившихся стран касается тенденций, условий и перспектив создания предпосылок становления на месте традиционных, колониальных и неоколониальных структур и типов жизнедеятельности новой социальной общности. Вопрос (решаемый в ходе классовой борьбы) заключается в том, какая революция завершит национально-освободительную борьбу и какой формации она откроет двери дальнейшего общественно-экономического развития.

Противоборство на мировой арене двух противоположных общественных систем поляризует процессы и тенденции социально-экономических преобразований в освободившихся странах, обуславливает два принципиально возможных пути их развития: выбор капиталистической либо социалистической ориентации как способов ликвидации отсталости. Вместе с тем каждый из названных типов социальной ориентации — в силу неизбежной противоречивости общественно-экономических процессов

в освободившихся странах и их глубинной связи с мировыми проблемами — несет в себе тенденцию внутренней дифференциации, неустойчивости, обратимости. В недрах капиталистической ориентации потенциально содержится отнюдь не абстрактная возможность политического, а затем и социально-экономического поворота в направлении создания предпосылок для преобразований социалистического типа, а в странах социалистической ориентации весьма реальна опасность буржуазно-бюрократического термидорианского и реакционно-националистического перерождения правящих социальных групп, прямого контрреволюционного антидемократического переворота объединенными усилиями местной (трибалистской и буржуазной реакции и международного империализма. В данном случае решающую роль могут сыграть субъективные факторы, такие как деятельность политических партий и национальных лидеров.

По мере того как преобразующее воздействие надстройки проникает в толщу традиционных социально-экономических структур и отношений, все отчетливее выявляется имманентная противоречивость каждого из противоположных типов социальной ориентации, обостряется борьба за выбор не только пути (стратегии), но и методов (тактики), усиливается социально-классовый акцент осуществляемых и намеченных преобразований. В русле данной закономерности может быть рассмотрена основная альтернатива эволюции национальной демократии: к демократии революционной и далее — к созданию (на неадекватной на первых порах социальной базе) партий авангардного типа, вооруженных марксистско-ленинской идеологией, и подготовке в рамках социалистической ориентации объективных и субъективных условий для строительства социализма, либо — к демократии реакционной, а от нее — к откровенно неокOLONиалистской диктатуре (олигархии) местных пробуржуазных элементов, стремящихся ускоренным пасаждением капитализма и буржуазной идеологии «перекрыть» возможность борьбы народных масс за социалистическую ориентацию развития.

Словом, в зоне национального освобождения сегодня принципиально возможны два основных варианта перехода (отвлекаясь от утопически-реакционных иллюзий повернуть процесс объективного развития вспять) к новой общественно-экономической формации. Перед наро-

дами освободившихся стран встает проблема выбора типа революции и открываемого ею пути дальнейшей исторической эволюции в направлении той или иной из противоборствующих на мировой арене социальных систем. Кстати, сама эта революция может осуществляться как «сверху», так и «снизу», в зависимости от типа ориентации развития, характера политических сил, осуществляющих переход к новой формации, причем первоначально верхушечная на политическом этапе революция, становясь социальной, может охватывать широкие «низы» (Эфиопия и др.), и, наоборот, массовый народный штурм прежней власти — выродиться в куцые реформы, проводимые «верхами» в собственных интересах.

Представляется важным отметить, что революционный в своей основе и перспективе процесс борьбы за ту или иную ориентацию коренных социально-экономических преобразований теснейшим образом связан с объективной логикой и этапами развития освободительного движения народов прежде колониальных и зависимых стран. Оно зародилось в виде *антиколониальной* борьбы за политическую независимость (в Африке и Азии «пик» этого этапа падает на 50—60-е годы), но по мере крушения классического колониализма центр его тяжести сместился в сторону *антиимпериалистической* борьбы за экономическую самостоятельность (на рубеже 70—80-х годов). В современную эпоху глобального кризиса буржуазной системы и успехов мирового социалистического содружества все более укрепляется тенденция *антикапиталистической* борьбы за социальное освобождение, за ликвидацию всех видов эксплуатации и угнетения. Разумеется, данные тенденции теснейшим образом связаны и подчас непосредственно переплетаются, взаимно обуславливая друг друга. Как некогда антиколониализм в процессе своего развития логично порождал тенденцию антиимпериализма, так ныне последний закономерно эволюционизирует в направлении антикапитализма.

В силу этого панорама бывшей колониальной империи весьма многолика. «Страпы эти очень разпые. Одни из них после освобождения пошли по революционно-демократическому пути. В других утвердились капиталистические отношения. Некоторые из них проводят подлинно независимую политику, другие идут сегодня в фарватере политики империализма. Словом, картина довольно пестрая», — отметил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI

съезду партии Л. И. Брежнев, особо выделив группу «государств социалистической ориентации, стран, избравших путь социалистического развития»<sup>24</sup>.

Современные освободившиеся страны — динамичная и вместе с тем внутренне противоречивая системная целостность. Представляется правомерным рассмотрение трех основных аспектов ее объективной дифференциации. Ключевым выступает тип социальной ориентации: альтернатива продвижения в русле подспудно подготавливавшихся колониализмом предпосылок капиталистического развития либо его принципиальное отрицание, выбор социалистической ориентации. В свою очередь, страны, вставшие на путь буржуазной эволюции, различаются по характеру отношения к империализму: одни из них увязли в трясине неоколониализма, другие, отстаивая экономическую самостоятельность, занимают антиимпериалистические позиции. Наконец, среди стран социалистической ориентации все более отчетливо выделяется группа государств, создавших важные предпосылки социалистического развития и составляющих авангард современного освободительного движения.

В фундаменте «раздвоенности» каждого из типов социальной ориентации освободившихся стран лежит противоречие между субъективным стремлением максимально «спрямить» путь развития (первоначально развертывающегося на неадекватной социальной почве) в направлении к той или иной из современных формаций (капитализму либо социализму) и объективной невозможностью этого добиться, не проходя хотя бы «конспективно» исторически предшествующих ее генезису этапов развития производства, культуры и общественных отношений в рамках переходных ступеней национального развития. С учетом этого обстоятельства могут быть намечены границы, соприкасающиеся фланги каждого из типов социальной ориентации, что в принципе позволяет фиксировать зоны их наиболее возможного (как «плавного», так и «крутого») взаимоперехода друг в друга. Этот методологически перспективный аспект проблематики освободившихся стран, естественно, нуждается в специальной (в том числе региональной) разработке.

Анализ диалектики капиталистической ориентации развития освободившихся стран предусматривает выде-

<sup>24</sup> Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 11.

ление ряда методологически важных политэкономических и философско-социологических аспектов последней.

Прежде всего сама потенциальная возможность капиталистической ориентации развития докапиталистического мира исторически связана с генезисом буржуазной общественно-экономической формации. Морально-идеологическая доктрина капитализма, проповедуя формальное равенство в среде «своих», рассматривала колониальную периферию как только сферу экспансии, господства и эксплуатации, как экзотически далекий мир «чужих», каких-то недочеловеков, как своего рода «одушевленную» природу. В ряде аспектов колониализм (особенно на ранних этапах) удивительно напоминает крепостничество. И тем не менее сквозь бесчинства конкистадоров и буржуазных колонизаторов, за «грудой развалин», что они оставляли после себя, Маркс прозорливо увидел ростки будущего прогресса, контуры первой социальной революции<sup>25</sup>. Однако несмотря на безжалостно-варварское разрушение колониализмом местных традиционных социально-экономических структур, капитализм потенциально «тянул» за собой и более того — консервировал деформированные своим воздействием реликты, обломки, элементы последних.

Для адекватного представления об этой тенденции важно иметь в виду, что в колониях и зависимых странах капиталистические производственные отношения длительное время накладывались как бы извне на архаические производительные силы и традиционные социально-экономические структуры или, употребляя выражение К. Маркса, существовали без капиталистического способа производства. Буржуазные производственные отношения как более динамичный (по сравнению с породившими их производительными силами) компонент капиталистического способа производства выступали своего рода острием тенденций общественного развития, присущих капиталистической формации и проникающих в самые отдаленные уголки ее колониальной и полуколониальной периферии. Средоточием, концентрированным сгустком буржуазных потенций трансформации сложившихся там социально-экономических структур выступал с момента своего зарождения мировой капиталистический рынок, который стимулировал интенсификацию эксплуа-

<sup>25</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 135.

тации и производство дополнительной, т. е. прибавочной, стоимости<sup>26</sup>, вызывал оживление ростовщичества и торговли, обуславливал складывание на фундаменте подорванных его вмешательством прежних производительных сил квазикапиталистической «коммерческой системы эксплуатации»<sup>27</sup>. Словом, в колонии, где отсутствовал капиталистический способ производства, был тем не менее «перенесен соответствующий ему способ представления из капиталистических стран»<sup>28</sup>.

Новые исследования советских ученых позволили выявить некоторые из тенденций-вариантов первичного проникновения буржуазных отношений в структуру производительных сил колониальных и зависимых стран, в частности ломающее их традиционные формы вторжение иноземного торгово-ростовщического и финансово-банковского капитала. Так, торгово-коммерческая ориентация рабовладельческого плантационного хозяйства Нового Света, его, по существу, принудительная интеграция в единую систему складывающегося мирового капиталистического рынка направила развитие Бразилии по буржуазному пути, минуя феодализм как целостную стадию, как особую общественно-экономическую формацию<sup>29</sup>.

Сравнительный анализ этапов развития английского капитализма и этапов генезиса капиталистического уклада в Индии показал, что введение британцами чисто буржуазного института купли-продажи земли разрушило исторически сложившуюся систему индийского земледелия и было прелюдией вторжения английского капитала, который функционировал главным образом в банковских, страховых, торговых, транспортных предприятиях. Последовавшее за этим «пересаживание» на местную почву анклавов фабричного производства (взамен уничтожаемого в результате конкуренции традиционного ремесла) повлекло за собой складывание национальной буржуазии и рабочего класса. Однако формирование местного капиталистического уклада, сочетавшееся с консервацией громадных пластов добуржуазных производительных сил и производственных отношений, перманентно и прочно обеспечивало его заведомо неполноправное, ущербное,

<sup>26</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 247.

<sup>27</sup> Там же, с. 769.

<sup>28</sup> Там же, т. 25, ч. II, с. 368.

<sup>29</sup> См.: Коваль Б. И. Бразильский вариант генезиса капитализма.— Вопр. философии, 1979, № 10, с. 55—58.

зависимое положение на периферии мировой капиталистической системы.

Налицо пример поистине классического взаимодействия в русле капиталистической ориентации первичной, «материнской» буржуазной общественно-экономической формации и объективно порождаемой ею на месте традиционных аграрно-ремесленных общинно-кастовых отношений вторичного, «дочерного» младокапиталистического развития. Данный сюжет в методологическом смысле посвоему уникален, ибо именно Индия на протяжении двухвекового английского владычества наиболее рельефно выявила своей многострадальной историей «основные закономерности колониального мира в целом». В частности, в отличие от большинства других колониальных и зависимых стран Индия в наиболее «чистом» виде «испытала на себе воздействие всех трех стадий развития британского капитализма: первоначального капиталистического накопления, промышленного капитализма, финансового капитала. В ней самой — в Индии — возник капиталистический уклад хозяйства, составляющий известный симбиоз иностранного и отечественного капитализма. Он был в высшей степени противоречивым, поскольку состоял из двух противоположных частей — капитализма угнетающей и угнетенной наций»<sup>30</sup>.

Что же касается африканского континента, то «пи в одной из порабощенных стран Африки (кроме тех районов, где основали свои хозяйства европейские переселенцы) колонизаторы не сформировали капиталистический способ производства, хотя и насаждали капиталистические отношения. Даже на своих собственных плантациях, шахтах и рудниках, транспортных предприятиях и в сфере услуг они широко использовали внеэкономические методы, в том числе принудительный труд, самые бесчеловечные формы эксплуатации»<sup>31</sup>. Политическая независимость застала большинство стран Африки на стадии паразитически-потребительского воздействия метрополий, среди которых была и Португалия — страна слабо развитого капитализма. Поэтому ликвидация прямого колониального ига открыла дорогу не только некапиталистическому развитию, как полагали некоторые

<sup>30</sup> Ульяновский Р. А. Современные проблемы Азии и Африки. М., 1978, с. 145.

<sup>31</sup> См.: Волков М. Тенденции экономического развития. — Азия и Африка сегодня, 1979, № 5, с. 10.

излишне прямолинейно рассуждающие люди, склонные отождествлять желаемое с действительным, но и гораздо более интенсивному, чем прежде, развитию буржуазных отношений, хотя здесь оно особенно отчетливо приняло карикатурно-гротескные формы.

Глубинные причины формационной «второсортности» африканского капитализма кроются отнюдь не в корысти межнациональных корпораций и не в субъективной ущербности местной буржуазии, а в исторической бесперспективности капиталистической общественно-экономической формации и в неразрешимых противоречиях самой буржуазной ориентации развития освободившихся стран в современную эпоху, в результате чего корни и рычаги управления неокOLONиалистической капиталистической ориентацией практически остаются вне зоны национального освобождения.

Вследствие всего этого местный капитализм неизбежно остается ущербным, зависимым, поверхностным, ибо не имеет сколько-нибудь прочного фундамента ни в сфере национальных производительных сил (материальных и идеальных), ни сколько-нибудь серьезной опоры в сфере национальных производственных отношений (собственности и власти)<sup>32</sup>. Представляется, что Марксова формула «внешней» эксплуатации менее развитого способа производства передовой по отношению к нему антагонистической общественно-экономической формацией посредством торгово-маклерских операций и кредитно-ростовщических механизмов с известными оговорками применима к сегодняшним государственно-монополистическому капитализму и транснациональным корпорациям.

Капитализм и сейчас деформирует экономику освободившихся стран главным образом путем внедрения там своих торгово-экономических и финансово-банковских институтов, в то время как научно-технологический и технологический потенциал мощнейших производительных сил, находящихся в собственности мировой буржуазии, остается в руках транснациональных корпораций и государ-

---

<sup>32</sup> Идея теоретического расчленения базиса на производственные отношения собственности (на средства производства и средства потребления) и производственные отношения власти (управления и регулирования общественного производства) получила определенную разработку в политэкономии. См.: *Пашков А.* О механизме использования экономических законов при социализме. — *Вопр. экономики*, 1973, № 3, с. 24—25.

ственно-монополистического капитализма. И явно запаздывает на этом фоне процесс становления современного производства.

И наконец, третий аспект методологического анализа противоречивости капиталистической ориентации современных освободившихся стран воплощает в себе феномен, кажущийся порой парадоксом, неразрешимым в рамках метафизического мышления. В самом деле, международный империализм в лице государственно-монополистического капитализма усиленно тянет «на себя», в лоно пополнения буржуазной формации процесс рождения младокапитализма в зоне национального освобождения, и в то же время в силу неодолимой внутренней противоречивости и имманентно присущей ему конкуренции он же главным образом посредством транснациональных корпораций «давит», отталкивает, «сминает» в ожесточенной конкурентной борьбе слабые ростки самостоятельного местного капитализма. Диалектико-материалистический анализ этой объективной закономерности позволяет зафиксировать неизбежную «трещину», высветить контуры потенциального политического конфликта (в том числе в стане национальных пробуржуазных элементов), обнажающего противоречие между различными «поколениями» капиталистической общественно-экономической формации, между национальным младокапитализмом, сложившимся или складывающимся в освободившихся странах, и мировым империализмом, промышленно развитыми буржуазными государствами.

Названная тенденция нашла отражение и в материалах регионального Совещания африканских коммунистов, где, в частности, констатируется, что «в странах капиталистической ориентации правящие круги прежде всего задаются целью установить экономические и политические структуры, нацеленные на ускорение роста буржуазии. В данном контексте могут возникать противоречия между этими политическими режимами и империализмом. Такие разногласия очень часто отражают давление масс, выступающих за действительную независимость, и местной буржуазии, стремящейся улучшить свои экономические позиции. Однако неокOLONиалистские режимы, требуя уступок от иностранных монополий, стараются умерить противоречия, разрешать их в рамках только неокOLONиальной системы». Вместе с тем вне рамок неокOLONпализма, в русле борьбы за подлинную

национальную независимость «при правильной и последовательной политике государственно-капиталистический сектор, даже в странах капиталистической ориентации, может приобрести антиимпериалистическую направленность. В этих странах под давлением народных масс возможно осуществить, пусть в ограниченном масштабе, прогрессивные мероприятия и реформы»<sup>33</sup>.

Представляется правомерным видеть в отмеченном феномене свидетельство не только объективной лимитированности перспектив развития, но и одной из глубинных возможностей ослабления, торможения и даже прерывания капиталистической ориентации либо уже начавшегося буржуазного развития освободившихся стран<sup>34</sup>, обусловленной в конечном счете гетерогенной формационной структурой современного мира.

В эпоху общего кризиса капитализма и социалистических революций пространство восходящего буржуазного развития освободившихся стран становится все более ограниченным, неумолимо сжимается, подобно мифической шагреновой коже. Растущая мощь социалистического содружества и обострение общего кризиса капитализма, крепнущие тенденции коренного изменения климата международных политических и экономических отношений открывают перед народами освободившихся стран, как никогда прежде, перспективные горизонты классовой по своему содержанию борьбы за независимое национальное развитие и социальный прогресс. Последовательное проведение данного политического курса — даже в рамках капиталистической ориентации в ее прогрессивно-демократическом варианте — объективно ведет к обострению противоречий с мировым империализмом, придает борьбе освободившихся стран за независимое развитие антиимпериалистический характер.

В силу связи внешней и внутренней политики современных государств антиимпериалистическая борьба освободившихся стран на международной арене объективно приходит во все большее противоречие с капиталистической ориентацией внутреннего развития, стимулирует борьбу прогрессивных сил за ее изменение и может перерасти в борьбу за государственное регулирование, ог-

<sup>33</sup> См.: Рабочий класс и современный мир, 1979, № 4, с. 139; № 3, с. 141.

<sup>34</sup> Подробнее см.: Вопр. философии, 1976, № 9, с. 98.

рапичеппе, а затем и пресечение тенденции капиталистического развития, т. е. становиться по своему классовому содержанию во все возрастающей степени антикапиталистической<sup>35</sup>.

Данная тенденция имеет своей основой не только закономерную реакцию на политический и экономический нажим многонациональных корпораций и государственно-монополистического капитализма, но и коренные, долговременные интересы экономического развития, ориентированные на скорейшую эффективную ликвидацию исторической отсталости и перспективу реального использования как пышущих, так и будущих достижений НТР. Тем более, что последняя для своего успешного и гуманного развития все более явно требует социальных условий, принципиально отличных от тех, что лежат в основе буржуазной общественно-экономической формации.

Словом, внутренние и внешние, национальные и интернациональные задачи ускоренного, гармоничного, независимого развития освободившихся стран как бы сливаются воедино, способствуя расширению масштабов и социальной базы, а тем самым — углублению классового содержания мирового революционного процесса в зоне национального освобождения. Антиимпериалистический потенциал национально-независимого варианта буржуазной ориентации освободившихся стран и перспектива перерастания (особенно в условиях сдвига влево руководства и политики той или иной страны) антиимпериалистических тенденций в антикапиталистические, принципиальная возможность постепенного ограничения и «затормаживания» вызревания капиталистической формации и поворота к социалистической ориентации на базе широких демократических преобразований и успешного развития государственного сектора экономики — качественно новый момент общественного развития освободившихся стран, продукт эпохи исторического отступления капитализма и растущего авторитета мирового социализма.

Объективная тенденция антиимпериалистического движения народов бывших колоний и зависимых стран все труднее «умещается» в рамках капиталистической ориентации, существенно деформируя ее по сравнению

<sup>35</sup> Первым среди советских ученых эту тенденцию отметил Р. А. Ульяновский. См.: *Ульяновский Р. А. Социализм и освободившиеся страны*. М., 1972.

с классическим буржуазным развитием. Под этим углом зрения различаются страны относительно «чистой» капиталистической ориентации (обычно жестко интегрированные в структуру неокOLONиализма) и страны, где развитие капитализма происходит преимущественно в государственных, монополистических (отчасти антимонополистических) формах, существенно отклоняясь от классического частнособственнического типа генезиса буржуазной общественно-экономической формации. В последнем случае могут возникать объективные предпосылки для прерывания начавшегося «зависимого» капиталистического развития и последующего поворота к социалистической ориентации, постепенного осуществления ряда демократических преобразований.

В этой связи все большее внимание привлекает феномен столкновения противоположных укладов и тенденций «внутри» самой капиталистической ориентации развития освободившихся стран, в котором выражается борьба между различными господствующими классами, выступающими за разные формы капиталистически ориентированного развития. Что же касается собственно континентальной специфики, то, как справедливо подчеркнуто В. В. Крыловым, «особенность Тропической Африки в отличие от Азии и Латинской Америки как раз и состоит в том, что капиталистическая стратегия развития представлена здесь в основном проимпериалистическим, неокOLONиалистским вариантом, не имеющим сильной националистической прокладки и буфера в своем противостоянии социалистически ориентированной стратегии развития, осуществляемой с учетом интересов трудящихся...»<sup>36</sup>.

Таким образом, сама капиталистическая ориентация освободившихся стран внутренне глубоко противоречива. Один из ее полюсов — квазиклассический, индивидуально-предпринимательский, частнособственнический тип буржуазного развития, исторически имевший место в Западной Европе эпохи первоначального накопления, мануфактурного производства и технической модернизации последнего на основе машинной технологии. К нему тяготеет в силу экономической слабости и политической раздробленности большая часть складывающейся в Тро-

---

<sup>36</sup> Крылов В. Трудовые ресурсы и занятость в Африке. — Азия и Африка сегодня, 1979, № 8, с. 43.

пической Африке маклерско-бюрократической и кулацко-коммерсантской (мелкой и средней) национальной буржуазии.

Второй полюс данного типа ориентации олицетворяет собой тенденция к «преодолению» исторической ограниченности капитализма в рамках самой капиталистической ориентации, стремление к своего рода необуржуазному развитию. Это чаще всего проявляется (причем, пока не столько в Африке, сколько в Азии и Латинской Америке) в стратегии максимального сокращения (путем осуществления «белой» или «зеленой» революции) промежуточных и пережиточных форм, исторически лежавших в фундаменте современного капитализма, что объективно предполагает также «впитывание» тех черт, которые обусловлены самим сосуществованием последнего с социализмом, вынужденным заимствованием ряда его социальных достижений и методов хозяйствования. Данная тенденция в определенной мере может находить поддержку прогрессивной интеллигенции и наиболее квалифицированной части рабочего класса освободившихся стран капиталистической ориентации. Именно эта тенденция может стать объективной почвой возможности ее прерывания и вступления на путь социалистического выбора.

Неполнота и незавершенность генезиса буржуазных отношений даже в их колониально-зависимом варианте и в то же время подспудно диктуемая разворачивающейся в мире научно-технической революцией тяга (за пределами социалистической ориентации) к неокapиталистическому, в том числе государственно-монополистическому, развитию, отчетливо проявляющаяся в индустриальных анклавах ряда развивающихся стран, создают реальные предпосылки «пропуска» определенных стадий классического буржуазного пути становления капиталистической общественно-экономической формации. В числе таких «сокращаемых» этапов может оказаться частнопредпринимательская ступень, а отчасти — и стадия мануфактурного производства.

В этой связи представляется закономерным все более активное обсуждение в научной литературе вопроса о тенденциях генезиса и основных путях воспроизводства в бывших колониях и зависимых странах нового «поколения» капиталистической общественно-экономической формации.

Ряд авторов выдвигают предположение о принципах

альной возможности трансформации производственных отношений в освободившихся странах непосредственно в направлении государственно-монополистического капитализма, минуя исторически предшествующие фазы развития буржуазной экономики. «Чисто теоретически для тех азиатских стран, которые пытаются решить проблемы экономической самостоятельности, оставаясь в рамках капиталистической формации, представляется лишь один „выход“ — скачок через фазу частнохозяйственного капитализма в фазу специфического (не только по своему генезису, но и по некоторым важным чертам) государственно-монополистического капитализма (ГМК)», — пишет Н. А. Симония<sup>37</sup>, выделяя в числе основных, исходных источников его генезиса собственно государственный капитализм, сочетающийся с системой парламентской демократии буржуазного типа, бюрократически-бонапартистский государственный капитализм и субимпериалистические очаги (миниимпериализмы), интегрированные в мировую систему транснациональных корпораций, которые условно можно было бы назвать сырьевым, нефтедолларовым или нефтекратическим государственно-монархическим капитализмом. Сходную позицию в данном вопросе занял Г. В. Смирнов. Он высказал мысль о том, что в ситуации взаимодействия в освободившихся странах национальной системы «государственный сектор — государство» с монополистическим капиталом (своим, отечественным или иностранным — в принципе безразлично), очевидно возможно (даже при сохранении значительных элементов докапиталистических укладов) довольно быстрое превращение государственно-капиталистического уклада в своеобразный (как бы не полностью развитый, урезанный) государственно-монополистический капитализм, в результате чего «в странах капиталистического пути развития бюрократическая буржуазия имеет тенденцию к слиянию с национальной предпринимательской буржуазией»<sup>38</sup>. Что же касается невиданно бурного развития нефтяных монархий Аравийского полуострова, доходы которых не идут ни в какое сравнение с потоками золота и прибылей от работорговли, некогда давшими толчок генезису капитализма

<sup>37</sup> Симония Н. К вопросу о судьбах капитализма в странах Азии. — *Азия и Африка сегодня*, 1979, № 2, с. 18 и 20.

<sup>38</sup> Смирнов Г. О социально-экономической сущности государственного сектора в развивающихся странах Азии и Африки. — *Азия и Африка сегодня*, 1979, № 5, с. 35—37.

в Западной Европе, то и там, по мнению некоторых исследователей, «складывается своеобразный государственный феодально-монополистический капитализм», одна из специфических черт генезиса которого заключена в разноформационности базиса (быстрорастущий капитализм энергично теснит в сфере производственных отношений докапиталистические уклады и типы жизнедеятельности, бывшие контрабандисты, менялы и хозяева жемчужного промысла стали маклерами, банкирами, совладельцами фирм) и надстройки (где довлеет дух средневекового монархизма и ортодоксального ислама), а повсюду «вестернизации», проникшие в область технологии учета, контроля и отчасти управления, старательно не допускаются в сферу сознания, идеологии, культуры, традиционных форм быта, общения, социального регулирования, что может создавать впечатление некоего «феодального капитализма»<sup>39</sup>. Все это вплотную подводит к размышлениям о феномене «революции сверху», получившем в литературе название «белой революции». Речь идет о принципиальной возможности осуществления посредством радикальных (по мирным) реформ перехода к капиталистической общественно-экономической формации в условиях когда последняя уже утрачивает потенциал прогрессивности, потеряла роль авангарда всемирной истории либо даже превращается в социальный анахронизм. Суть «белой революции» — переход (вернее, перевод общества) к новой формации без кардинальной смены правящего класса и типа власти, реформистский по своей сути выбор «меньшего зла». В известном смысле — это социальная революция (поскольку происходит пусть непоследовательный, мучительный, незавершенный, но все-таки переход к новой общественно-экономической формации) без революции политической (с позиции ее отношения к прежней власти)<sup>40</sup>, «откладываемой» на будущее, либо принимающей «ползучий» вид перманентных реформ.

Подкрепляется развернутой аргументацией и иная точка зрения относительно судеб капиталистической ори-

<sup>39</sup> *Андреасян Р.* «Нефтяное процветание» и капиталистическая трансформация арабских монархий. — *Азия и Африка сегодня*, 1979, № 1, с. 11, 13.

<sup>40</sup> О соотношении понятий социальной и политической революций см., например: *Корсунский А. Р.* О социальных революциях в докапиталистических формациях. — В кн.: *Проблемы теории социальной революции*. М., 1976, с. 49.

ентации освободившихся стран. «В экономике развивающихся стран в течение длительного времени сохраняются два сектора, базирующиеся на различных типах производственных отношений и производительных сил», и на основе их автономности, несовместимости будет формироваться дуально антагонистическая социально-экономическая структура с гипертрофированной ролью государства — «арбитра», — полагает Г. К. Широков, делая отсюда вывод о том, что «в странах, развивающихся по капиталистическому пути, он (государственный капитализм. — И. А.), взрастив частнохозяйственный капитализм, должен превратиться в подсобный механизм, обслуживающий интересы частного капитала», а потому «государственный капитализм здесь не будет перерастать в государственно-монополистический»<sup>41</sup>.

Что же касается феномена «пропуска» освободившимися странами тех или иных ступеней становления капиталистической формации, то А. И. Левковским отмечена тенденция своеобразной его «компенсации» путем последующего «возвращения» к прохождению «пропущенной» ступени, например, мануфактурного производства. «...Первоначально возникшие слои крупной фабричной (промышленной) буржуазии чаще всего выходили непосредственно из торгово-посреднических ростовщических кругов и как бы перескакивали стадию мануфактурного капитала (еще отчетливее этот процесс наблюдался при экспорте капитала, при создании иностранного капиталистического предпринимательства). Налицо были «перескок» через мануфактуру, наличие двухчленной формулы эволюции (без мануфактуры). Однако дальнейшее развитие капитализма и снизу, и сверху привело к возникновению все более широкого слоя мелкокапиталистического бизнеса, базирующегося на полумануфактурной основе. Возник мелкокапиталистический уклад, с которым связаны особенно многочисленные слои (низшей) национальной буржуазии. Начинается и перерастание отдельных ее представителей в фабричную буржуазию. Появляется трехчленная формула эволюции»<sup>42</sup>.

<sup>41</sup> Широков Г. Техническое переоснащение и социально-экономическая трансформация стран Востока. — Азия и Африка сегодня, 1979, № 7, с. 20, 21.

<sup>42</sup> Левковский А. И. Мелкая буржуазия: облик и судьбы класса, с. 116—117.

Естественно, затронутый комплекс тенденций, перспектив и судеб капиталистической ориентации и буржуазного развития в зоне национального освобождения имеет сегодня прямое отношение главным образом к Азии. Не случайно в дискуссии почти не фигурируют африканские материалы. И хотя интенсивное развитие государственно-го капитализма в крупнейшей африканской стране Нигерии<sup>43</sup>, углубление неокOLONиальной зависимости переживающего провозглашенную Мобуту «капиталистическую революцию» Заира<sup>44</sup> и т. п. делают попытки провести некоторые аналогии с развитием азиатских государств в достаточной степени актуальными. Все-таки в целом для Африки наших дней характерна неразвитость капиталистических форм хозяйства. Более того, в течение довольно длительного времени буржуазные производственные отношения оказывали преимущественно деструктивное, разрушающее воздействие на традиционно сложившуюся систему производительных сил колониальных и зависимых стран, не создавая им сколь-нибудь адекватной замены, наоборот, искусственно консервируя их отсталость<sup>45</sup>. Поэтому народные массы освободившихся стран в значительной своей части оказались на грани нищеты и вымирания. Последние десятилетия с особой силой выявили трагический диссонанс между масштабами и темпами разложения и гниения реликтов докапиталистических формаций, в первую очередь традиционных способов производства и хозяйственной деятельности, с одной стороны, и втягиванием прежде занятого либо формально, квазизанятого в них (и к тому же бурно растущего) населения освободившихся стран в сферу политического решения объективной альтернативы формационного развития современного человечества.

Процесс становления социализма во всемирном масштабе открыл перед народами освободившихся стран реальную возможность миновать развитые формы классово-антагонистических отношений, и прежде всего капиталистическую общественно-экономическую формацию.

---

<sup>43</sup> См.: *Следзевский И.* Развитие государственного капитализма: основные тенденции.— *Азия и Африка сегодня*, 1979, № 3.

<sup>44</sup> См.: *Винокуров Ю.* Заир: плоды неокOLONиалистской модели развития.— *Азия и Африка сегодня*, 1979, № 7, с. 12.

<sup>45</sup> См.: *Крылов В.* Некоторые аспекты аграрного развития Африки.— *Азия и Африка сегодня*, 1981, № 3, с. 29—33.

Такой «пропуск» одной или даже нескольких антагонистических общественно-экономических формаций не есть какая-то внеисторическая «пустота», некое «парение» вне истории. Он «заполняется» колоссальным ускорением социального развития, опирающимся на глубокое, диалектическое осознание общих закономерностей истории пришедшими к руководству передовыми элементами и на умелое использование благоприятных внешнеполитических условий. Происходит как бы «сжатие» исторического времени, которое объективно открывает возможность выполнения в течение жизни одного-двух поколений социальных задач, которые прежде осуществлялись в течение многих десятков, а то и сотен лет.

Правда, такое минование капитализма как общественно-экономической формации не является абсолютным. Даже при самом успешном протекании процесса некапиталистического развития в недрах этого «обхода» капитализма в специфических формах воспроизводятся некоторые стороны капиталистических производственных отношений, выражающих определенный уровень организации и этап в развитии производительных сил, что объективно несет в себе опасность оживления буржуазных тенденций в сфере социальных отношений.

Данную тенденцию неправомерно отождествлять с прохождением капиталистической стадии исторического процесса. К тому же у значительной части народов Тропической Африки не получил в свое время сколь-нибудь значительного развития рабовладельческий уклад и не вышла за рамки примитивных общинно-племенных форм тенденция становления феодализма (кстати сказать, грубо оборванная в Тропической Африке европейским вторжением, отбросившим эти народы к децентрализованным общинно-племенным формам организации и социального общения). Это дает основание полагать, что перспектива некапиталистического развития к социализму может быть связана с минованием, по существу, всей классово-антагонистической ступени всемирной истории. В частности, опыт малых народов Сибири и Дальнего Востока свидетельствует, что в общеисторическом отрицании отрицания первобытнообщинной формации классовым обществом, а последнего — социализмом и коммунизмом может почти целиком выпасть среднее звено. В данном явлении просматривается один из аспектов диалектики всемирно-исторического процесса: «пропуска» той или иной истории

ческой общностью людей определенной ступени социально-экономического развития как зрелой, господствующей и ее специфического «конспективного» воспроизведения в «сжатом», «концентрированном» виде внутри переходных к более высокой формации хозяйственных укладов и социальных структур. Это обуславливает значительные особенности некапиталистического пути развития по сравнению с социалистическими преобразованиями, осуществляемыми в условиях отрицания упрочившихся капиталистических отношений.

В 70-х годах отчетливо проявила свою жизненность, динамизм и перспективность такая объективная тенденция формационного развития современного мира, как социалистическая ориентация освободившихся стран. Несмотря на то что «первая волна» стран, провозгласивших некапиталистический путь развития в конце 50-х и в 60-х годах, как бы застыла, замедлила свой бег (Гвинея, Бирма, отчасти Танзания и т. п.), а то и вовсе откатилась назад (Индонезия, Гапа, Египет, Сомали и др.), в целом эта тенденция в 70-х годах не только не «выдохлась», но и — как свидетельствует опыт стран «второй волны» — стала гораздо радикальнее и глубже, чем когда-либо прежде. Характер и темпы социально-экономических преобразований в Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Бенине, Алжире, на Мадагаскаре, в Южном Йемене, Афганистане и в ряде других стран достаточно убедительно подтверждает ее реальную жизненную силу и объективную обусловленность закономерностями современной эпохи.

Разумеется, выбор и тем более реализация социалистической ориентации закономерно осуществляются в ожесточенной классовой борьбе с силами международного империализма и внутренней реакции. Закон противоборства революции и контрреволюции сопровождает любую (независимо от ее исхода) попытку смены общественно-экономической формации, связанной с установлением, наличием либо ликвидацией социальных антагонизмов. В Африке его действие проявляется в настоящее время прежде всего в том, что революционный подъем объективно порождает развязывание активности сил, заинтересованных в принципиально ином направлении развития событий, в сохранении либо утверждении эксплуататорско-угнетательских форм собственности и власти, в осуществлении своих привилегий за счет дискриминации других.

В этих условиях оплотом контрреволюции становится мировой империализм.

Своеобразным политическим итогом всех приведенных выше оценок противоборствующих тенденций социально-классового развития, ареной столкновения которых стала Африка наших дней, звучит вывод о настоятельной необходимости единства всех прогрессивных сил, в первую очередь революционных демократов и коммунистов, вместе составляющих ядро субъективного фактора революционного процесса в зоне национального освобождения.

Однако проблематика социалистической ориентации<sup>46</sup> вовсе не сводится к констатации ее коренной противоположности — ориентации капиталистической. Самой социалистической ориентации как исторически сложившейся объективной реальности современной эпохи, как составной части мирового революционного процесса, как курсу подлинного авангарда национально-освободительного движения наших дней<sup>47</sup> объективно присуща своя, непосредственно не связанная с капиталистической ориентацией внутренняя диалектическая «раздвоенность» тенденций и предпосылок, целей и средств, стадий и вариантов длительного процесса подготовки общества к началу собственно социалистических преобразований. Один из ее ключевых моментов лежит как бы на стыке объективных условий и субъективного фактора развития освободившихся народов и стран. Он заключается в противоречии между субъективным стремлением революционной демократии «отрицнуть», миновать, перескочить (опираясь на коренным образом изменившееся соотношение политических сил в мире и интернациональную помощь стран социалистического содружества) чреватый обострением социальных антагонизмов, нужды и бедствий трудящихся масс этап капиталистического развития, утративший ныне свою прогрессивность, с одной стороны, и объективной невозможностью полностью отбросить, игнорировать такие факторы его «присутствия» в процессе прогрессивного развития, как необходимость прохождения этапа машинного производства, интенсификации товарно-рыночных

<sup>46</sup> См.: *Старушенко Г. Б.* Социалистическая ориентация в развивающихся странах. М., 1977; *Ульяновский Р. А.* Современные проблемы Азии и Африки; *Бругенц К. Н.* Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979; и целый ряд других работ.

<sup>47</sup> См.: *Ульяновский Р.* О странах социалистической ориентации. — *Коммунист*, 1979, № 11, с. 116.

отношений и оживления мелкобуржуазной стихии, зависящего положения освободившихся стран в системе мирового капиталистического хозяйства и рынка, давления, оказываемого на них международным империализмом и мультинациональными корпорациями, и т. п. — с другой. Последнее обстоятельство создает реальную опасность «захлестывания» рыночной стихией тенденции государственного планирования, а тем самым ослабления социальных позиций революционной демократии и активизации реакционных сил, стремящихся к замене социалистической ориентации капиталистическим развитием в русле неокOLONиализма.

Отрицая эксплуатацию и угнетение человека человеком как принципы общественных отношений, присущие антагонистическим формациям, социалистическая ориентация вместе с тем открывает возможность продуктивного творчества широких народных масс в плане диалектического «снятия» и «удержания» реликтов коллективистско-демократических тенденций, присущих общине, своеобразное перенесение их в новые исторические условия, использование в качестве первичных форм организации местных структур государственной власти и кооперирование общинного крестьянства. Это позволяет психологически «смягчить» ему крутую ломку векового жизненного уклада и облегчить постепенный процесс приобщения к современным формам производства и культуры<sup>48</sup>.

Социалистическая ориентация освободившихся стран имеет ряд общих черт, таких, как формирование широкого национального фронта прогрессивных сил и тенденция усиления его левого, революционно-демократического крыла, последовательное проведение курса на ограждение мелкобуржуазной и люмпен-пролетарской стихии, на недопущение к власти пробуржуазных элементов, на усиление позиций государства в экономике, на ликвидацию социального паразитизма и привилегий прежде господствующих слоев, рост численности и организованности национального рабочего класса, производственное кооперирование и пробуждение политической активности крестьянства, переход правящей партии на позиции научного социализма, тенденция к созданию революционно-демократических партий авангардного типа, широкая пропаганда марксизма-ленинизма среди трудящихся

<sup>48</sup> Подробнее об этом см.: *Андреев П. Л.* Общие структуры и некапиталистический путь развития. Владимир, 1973.

стратегия последовательного расширения и укрепления всестороннего сотрудничества с социалистическими странами, мировым коммунистическим и рабочим движением.

Отметив в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС возрастание числа государств социалистической ориентации, стран, избравших путь социалистического развития, а также сложность их продвижения по прогрессивному пути, Л. И. Брежнев выделил главные черты происходящих там преобразований. Несмотря на специфическую сложность местных условий, подчеркнул он, основные направления развития этих стран сходные: «Это — постепенная ликвидация позиций империалистических монополий, местной крупной буржуазии и феодалов, ограничение деятельности иностранного капитала. Это — обеспечение народному государству командных высот в экономике и переход к планомерному развитию производительных сил, поощрение кооперативного движения в деревне. Это — повышение роли трудящихся масс в общественной жизни, постепенное укрепление государственного аппарата национальными кадрами, преданными народу. Это — антиимпериалистический характер внешней политики этих стран. В них крепнут революционные партии, выражающие интересы широких масс трудящихся»<sup>49</sup>.

Объективный процесс дифференциации освободившихся стран прогрессивной ориентации дает в настоящее время основания для разграничения оттенков употребления понятий «социалистическая ориентация» и «некапиталистический путь развития». Можно выделить три основных среза сопоставления этих категорий. Согласно одной точке зрения, применение понятия «некапиталистический путь развития» целесообразно ограничить сферой чисто теоретических, академических дискуссий, ибо оно в буквально-стилистическом смысле негативно-аморфно (традиционный тип социальной ориентации при всей его утопичности и спекулятивности формально также является некапиталистическим) и не содержит прямого указания на конкретные классовые задачи по созданию предпосылок грядущего социалистического строительства, стоящие перед народами освободившихся стран. Поэтому в политическом плане, с целью мобилизации трудящихся масс на антикапиталистическую борьбу, более приемлемо понятие «социалистическая ориентация».

---

<sup>49</sup> Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 12.

Другая, тоже «прагматическая», точка зрения заключается в разграничении этих понятий по критерию условий их реализации. Обычно говорят и пишут о некапиталистическом пути развития как завершённом этапе истории находившихся в полукOLONиальной зависимости народов национальных окраин нашей страны и Монгольской Народной Республики, испытавших непосредственное воздействие и помощь государства диктатуры пролетариата, и о социалистической ориентации бывших колоний, географически весьма отдалённых от стран социалистического содружества и, как правило, не имевших с ними в прошлом сколько-нибудь тесных экономических, политических, культурных связей.

Наконец, теоретическая дискуссия коснулась соотношения объема самих этих понятий. В частности, М. А. Ахмедова считает, что понятие «некапиталистический путь развития» шире, чем понятие «социалистическая ориентация», так как «оно охватывает, во-первых, не только нынешний, но и те более глубокие по своему социальному содержанию этапы в развитии стран социалистической ориентации, которые с неизбежностью должны наступить при последовательном проведении курса на социализм. Во-вторых, оно охватывает не только современную национально-демократическую, но и все предшествовавшие и возможные впредь конкретные формы перехода к социализму, минуя капитализм, реализующиеся в них общие закономерности»<sup>50</sup>. Близкую позицию занимает в данном вопросе Г. Б. Старушенко, полагающий, что социалистическая ориентация — одно из проявлений некапиталистического пути развития<sup>51</sup>.

Предприняты попытки различения некапиталистического пути развития и социалистической ориентации по признаку преимущественной «принадлежности» отражаемых ими реалий к диалектически связанным компонентам общественно-экономической формации — базису либо надстройке, чем обуславливается подчас даже их «привязка» к тем или иным общественным наукам и к категории «переходный период». Один из вариантов субординации

---

<sup>50</sup> См.: Ахмедова М. А. Некапиталистический путь: некоторые проблемы теории и практики. Ташкент, 1976, с. 103; *Вопр. философии*, 1978, № 10, с. 102—103.

<sup>51</sup> См.: Старушенко Г. Б. Социалистическая ориентация в развивающихся странах.

данных явлений таков. Переходный период (философско-социологическая категория) «отражает главным образом базисные социально-классовые сдвиги в развивающемся обществе». Некапиталистический путь развития (категория теории социальной революции, входящая, следовательно, в сферу научного коммунизма) фиксирует внимание, согласно излагаемой точке зрения, на «качественных сдвигах в социально-классовой структуре общества». Что же касается социалистической ориентации (категории современной политологии или государственоведения), то гипотетическая суть его заключается в концентрации внимания «главным образом на сдвигах надстроечного характера, в особенности на выявлении роли демократической власти, национального государства в процессах общественно-политического революционного развития, включая создание нового социально-экономического базиса, качественное обновление социальной структуры общества, проведение подлинно народной культурной революции». В итоге складывается картина соотношения названных понятий, которую под углом зрения формационного анализа условно можно было бы назвать структурно-стадиальной: «Таким образом, социалистическая ориентация не охватывает всего процесса «переходного периода» (коренные изменения в базисе) и «некапиталистического пути» (качественные сдвиги в социальной структуре и политической надстройке) и относится лишь к начальной мелкобуржуазно-националистической и крестьянско-революционной фазам социального переворота. Что же касается политической власти союза рабочего класса и крестьянства под руководством марксистско-ленинской партии, то для нее социализм — уже не просто «ориентация», а реальная практическая задача нового этапа сложной, длительной и напряженной борьбы за победу народной революции»<sup>52</sup>.

Однако более аргументированным и предпочтительным, с точки зрения указания на формационную направленность развития освободившихся стран, представляется рассмотрение социалистической ориентации как понятия более широкого, а некапиталистического пути — как специфической формы ее реализации в странах и регионах с

---

<sup>52</sup> См.: Ли В. О социальной типологии некапиталистического пути развития. — Азия и Африка сегодня, 1979, № 11, с. 23.

преобладанием докапиталистических отношений, связанных с минованием капиталистической общественно-экономической формации. Это — один из возможных путей развития освободившихся стран в направлении социалистических преобразований. Наряду с ним теоретически допустим постепенный поворот к решению задач социалистического строительства, берущий начало в рамках буржуазно-демократических преобразований прогрессивного типа, например, в странах, где индустриальное развитие развернулось, а рабочее движение завоевало серьезные позиции.

Накопленный исторический опыт дает основание говорить о специфике форм и методов претворения в жизнь социалистической ориентации, связанной с различной степенью распространенности и зрелости капиталистических отношений в освободившихся странах. Скажем, в странах со значительным уровнем развития капитализма острее опасность выхода государственного капитализма из-под контроля революционно-демократических сил и его «возвращения» к типично буржуазному типу развития, но в то же время существенно выше степень социальной консолидации и классовой организованности национального рабочего класса. Напротив, там, где капитализм не стал в колониальный и неоколониальный период определяющей тенденцией социально-экономического развития, объективно меньше опасность спонтанного внутреннего поворота к буржуазному развитию, но реакция пытается использовать слабость рабочего класса, массовую неграмотность и значительную политическую инертность крестьянства и т. п. Это обуславливает существенное различие расстановки классовых сил, политической стратегии и задач, стоящих перед прогрессивными организациями и общественными группами.

Речь, по существу, идет о двух основных направлениях создания предпосылок для последующего социалистического развития молодых независимых государств: о перспективе государственного регулирования и постепенного ограничения, а затем прерывания укоренившихся на национальной почве капиталистических тенденций и о задаче «обхода», недопущения, минования капитализма. В первом случае налицо собственно социалистическая ориентация политико-идеологических и общественно-экономических процессов в освободившихся странах; во втором — ее специфический вариант, содержательной оценке

которого больше подходит название некапиталистического пути развития.

Уточнение соотношения этих понятий поможет избежать упомянутых выше терминологических споров, вызванных тем, что одни авторы, по существу, отождествляют некапиталистический путь с первым, другие — со вторым вариантом прогрессивного развития освободившихся стран, а некоторые вообще не видят существенного различия между ними и употребляют названные понятия как синонимы<sup>53</sup>. Видимо, и в гносеологическом, и в идеологическом смысле целесообразно как отождествление, так и противопоставление данных понятий, ибо они отражают хотя и разные, но диалектически взаимосвязанные аспекты одного и того же процесса.

В методологическом плане суть различия основных форм социалистической ориентации заключается в преобладании одной из двух внутренне связанных и вместе с тем в известном смысле противоположных тенденций социального прогресса в освободившихся странах. Одна из них — в необходимости максимально «концентрированного» усвоения позитивных достижений, исторически выработанных человечеством в рамках капиталистической общественно-экономической формации, с перспективой целенаправленного использования последних, особенно в области организации индустриального производства и общественной инфраструктуры (транспорта, связи, торговли и т. п.), в русле создания предпосылок для развития в направлении социализма. Сюда относится использование революционно-демократической властью капиталистического уклада и местных частнопредпринимательских кругов, которые, в свою очередь, пытаются использовать государство социалистической ориентации в собственных корыстных экономических (и политических) интересах.

Другая тенденция предполагает задачу «отринуть» реальную угрозу пробуржуазной трансформации переходного общества с присущими ей углублением имущественной и социальной дифференциации, обострением нищеты трудящихся масс, усилением зависимости от империализма. Субъективно она проявляется в стремлении к минимальному риску «заражения» социальными пороками капитализма, связанному с потребностью использования

---

<sup>53</sup> Вопрос о сопоставлении этих понятий имеет не столько терминологическое, сколько методологическое значение.

некоторых присущих ему социально-экономических форм, институтов, стимулов развития, к «конспективному», сокращенному прохождению этого этапа, к минованию капитализма как общественно-экономической формации, к реализации собственно некапиталистического развития.

Понятие социалистической ориентации удачно объединяет (в аспекте перспективы и стратегии руководства революционным процессом в зоне национального освобождения) обе эти тенденции. Оно акцентирует близость и взаимопроникновение процессов создания предпосылок социалистического строительства в бывших колониях и зависимых странах с учетом различного уровня развития там капиталистических производственных и общественных отношений. Вместе с тем в отношении нынешних стран Тропической Африки социалистическая ориентация как принципиально-перспективная, комплексная, в том числе внешнеполитическая, характеристика избранного ими курса скорейшей ликвидации общественно-экономической отсталости и социального прогресса имеет своим внутренним содержанием ничто иное, как некапиталистический путь развития, что делает актуальной попытку его стадийно-генетического анализа.

#### 4. СТАДИАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

Необходимой методологической предпосылкой диалектико-материалистического анализа некапиталистического развития освободившихся стран социалистической ориентации представляется выделение закономерных стадий данного процесса, каждой из которых объективно присущи специфические противоречия, социально-экономические задачи, а также адекватные им политические средства и методы их решения. Это открывает перспективу эвристического предвидения тенденций и хода разворачивания тех или иных социальных процессов, прогнозирования предстоящих трудностей каждого нового этапа революционного преобразования общества. Подчас это имеет немаловажное значение, ибо некоторые тенденции на ранних стадиях некапиталистического развития (например, классовая борьба в освободившихся странах Тропической Африки) были выражены весьма слабо, что создавало почву для психологических иллюзий и идеологических спекуляций. Кроме того, анализ некапиталистического

развития под углом зрения его основных, закономерпо сменяющих друг друга стадий предполагает возможность творческого и вместе с тем научно обоснованного использования оправдавших себя средств и методов решения однотипных социально-экономических проблем на соответствующих этапах движения по пути ликвидации исторической отсталости и ориентации на социализм. Такой подход вполне соответствует диалектико-материалистическому представлению о закономерной смене и объективной последовательности типов противоречий как движущей силе развития.

В методологическом плане можно выделить три основные стадии завершённого процесса развития<sup>54</sup>. Одна из них — стадия разрушения старого качества, которое начинается как дифференциация элементов прежней системы и обострение противоречий между традиционными и новыми элементами. Объективно это ведет к ослаблению и крушению старой структуры отношений и связей, длительное время по инерции скрепляющей их. Для данной стадии характерно в целом опережающее изменение элементов исходной системы, снижающее ее устойчивость относительно внешних воздействий. Такова суть скачка от старого качества к промежуточному, от исходной системы к переходной. Это как бы подготовка почвы для последующего становления нового качества, для генезиса новой системы.

Стадия становления нового качества характеризуется преобладанием структурных изменений. Процессы генезиса новых социальных отношений и связей явно доминируют над процессами модификации, «доделки» элементов переходной ступени. Складывается система принципиально нового типа. По мере углубления этого процесса нарастают качественная определенность и внутренняя устойчивость объекта и соответственно снижается степень влияния на его функционирование внешних воздействий. Такова суть скачка от промежуточного качества к новому, от переходной системы к системе более высокого структурного уровня.

Эти стадии-скачки в известном смысле взаимопроникают, диалектически связаны. Вместе с тем многоступенчатость и вариабельность переходного этапа является объ-

---

<sup>54</sup> См.: *Андреев И. Л.* Системно-генетический анализ и проблема смены формаций.— *Вопр. философии*, 1972, № 4, с. 57—68.

ективной основой фиксации последнего как специфической стадии развития. В методологическом смысле она выступает как промежуточное качество, как «перелом» в движении системы к новому уровню организации, как своеобразный генетический узел процессов крушения старого и становления нового качества, как переходная система, синтезирующая в себе черты и исходной, и складывающейся систем. На данной стадии она обладает максимальной динамичностью, пластичностью, подверженностью внешним воздействиям. Ее противоречивость как бы обнажена, выступая в виде сосуществования реликтов прежних и зародышей новых элементов и связей. Такова суть переходной стадии как сгустка противоречий, перелома, сердцевины процесса смены качества, как специфического в методологическом смысле участка на «пути» от старого качества к новому, от исходной системы к системе иного уровня организации, к более развитой общественно-экономической формации<sup>55</sup>.

Рассматривая в философском плане объективно неоднородную генетическую структуру некапиталистического развития современных освободившихся стран социалистической ориентации, условно можно выделить стадию борьбы за политическую и отчасти экономическую деколонизацию, когда определяются перспективы и критерии дальнейшего развития, когда в столкновении с реальной опасностью неокOLONиализма организационно оформляется сам выбор некапиталистического пути и закладываются определенные предпосылки движения в этом направлении; стадию наибольшего обострения противоречий между потенциально социалистическими и пробуржуазными тенденциями развития — период глубоких национально-демократических преобразований, а также стадию завершения некапиталистического развития и становления на путь непосредственного создания основ социализма.

В данной связи вызывает принципиальное возражение точка зрения, согласно которой «между» двумя революциями в развитии освободившихся стран лежит будто бы «этап эволюционного развития», некий «перерыв», вклинившийся «внутрь», в самую «середину» процесса революционного перехода к новой общественно-экономиче-

---

<sup>55</sup> См.: *Андреев И. Л.* Системно-генетический анализ и проблема смены формаций.

ской формации. «Между национально-освободительной революцией, завершающейся завоеванием политической независимости, и революцией решающей задачи экономического и социального освобождения, лежит, как правило, этап эволюционного развития, этап накопления сил, борьбы за изменение соотношения классовых сил для последующей решающей схватки», — пишет О. С. Шахов, не уточняя, какой ориентации освободившиеся страны он имеет в виду и пригоден ли выделенный «этап эволюционного развития» для оценки современного политического развития, скажем, Эфиопии. К тому же, предложив выделение специального «этапа эволюционного развития», О. С. Шахов далее без каких-либо оговорок переводит его в категорию переходной формы и отождествляет с национально-демократической революцией: «Новый этап, отделенный от завоевания независимости для большинства стран десятилетиями, по своим задачам и движущим силам настолько самостоятелен, что имеет смысл говорить об особой переходной форме — национально-демократической революции», которая далее определяется как одна из «форм некапиталистического пути развития, или пути социалистической ориентации»<sup>56</sup>. Подобные представления о генетической гетерогенности процесса развития освободившихся стран, отождествление эволюционного этапа с особым типом революции, переходной ступени — с переходной формой, а последней — с одним из вариантов некапиталистического пути развития, или социалистической ориентации, и т. п. представляются методологически непродуктивными, а главное — существенно отстают от уровня разработки марксистско-ленинской философской наукой проблемы перехода к новой общественно-экономической формации вообще и в развитии освободившихся стран в частности.

Вопрос о разграничении стадий некапиталистического развития в реальных исторических процессах чрезвычайно деликатный и весьма сложный. Ведь между ними нет каких-либо четких и тем более заранее обусловленных «межевых», демаркационных знаков. На поверхности исторических событий постепенность нередко длительное время может скрывать в своих недрах дискретность, со-

---

<sup>56</sup> Шахов О. С. О некоторых проблемах стратегии и тактики компартий стран Азии и Африки. — В кн.: В. И. Ленин и современность. М., 1980, с. 139—141.

зрелые материальные условия для ее прерывания, нового шага в прогрессивном развитии данного общества.

И тем не менее сам методологический принцип членения однотипных и однонаправленных социальных процессов на объективно разнородные этапы — ключевое условие использования имеющегося исторического опыта даже с учетом того обстоятельства, что в современных освободившихся странах гораздо более отчетливо выражены противоречивость, неустойчивость и «растянутость» процесса некапиталистического развития.

В последние годы, когда все большее число освободившихся стран избирает социалистическую ориентацию, приобретает все большую актуальность проблема гетерогенности генетической структуры самого процесса перехода к порогу новой общественно-экономической формации, ибо с нею связана стратегия революционных преобразований в освободившихся странах. «Для огромного большинства африканских стран, чье общественное развитие было задержано колониализмом, невозможно осуществить непосредственный переход от докапиталистических отношений к социалистическим. Прежде чем приступить к социалистическому строительству, подчеркивается в документе, принятом первым Совещанием коммунистических и рабочих партий стран Тропической и Южной Африки, им необходимо пройти через ряд промежуточных этапов, через более или менее длительный переходный период», в течение которого «стихийное развитие уступает место целенаправленной, сознательной политике, отвечающей жизненным интересам рабочего класса, крестьянства и патристической интеллигенции, самых широких национальных демократических слоев»<sup>57</sup>.

Все это заставляет вспомнить ленинскую мысль о том, что нельзя отождествлять предпосылки социализма с предпосылками перехода на путь социализма. Метафизически противопоставлять их друг другу, игнорируя их диалектическую взаимосвязь, также неправомерно, ибо предпосылки социализма, как строя, могут быть созданы в той или иной мере в ходе самого перехода к социализму, в переходный период. Разумеется, совещание африканских коммунистов обсуждало как сегодняшнюю реальность не проблему строительства социализма в Аф-

---

<sup>57</sup> См.: Рабочий класс и современный мир, 1979, № 4, с. 138.

рике, а вопрос об объективной необходимости целой полосы мероприятий, призванных вплотную подвести нынешние страны социалистической ориентации к порогу собственно социалистических преобразований. Тем не менее глубокий методологический смысл ленинских рассуждений о диалектической связи социалистического строительства с его предпосылками (степень их зрелости, «готовности»), безусловно, относится к различным вариантам и социалистической ориентации и некапиталистического пути к самой прогрессивной общественно-экономической формации.

Теоретическая разработка вопросов, связанных со стадийной структурой периода «подхода» к этапу собственно социалистических преобразований, занимает все более заметное место в деятельности революционных демократов африканских стран социалистической ориентации. В отличие от массовых партий типа национальных фронтов конца 50-х — начала 60-х годов, акцентировавших лозунг борьбы за социализм как идеологическую антитезу буржуазному развитию в тисках неокOLONиализма и не углублявшихся в силу этого в рассмотрение стадийной структуры перехода к социализму, в программных документах авангардных революционно-демократических партий африканских и арабских стран 70-х годов теоретическое обоснование особого периода развития, призванного, закрепляя успехи национально-освободительной борьбы, создать предпосылки для социалистического строительства, подкрепляется тенденцией все более детальной (по мере углубления революционного процесса) «расшифровки» генетической структуры самой переходной ступени. В этом можно видеть один из аспектов целостности социалистической ориентации как развивающегося объективного феномена современной эпохи, отражающего присущую ей направленность формационного развития всего человечества.

Вот некоторые штрихи эволюции революционно-демократической политической идеологии в сфере представлений о переходном периоде и его структуре. В программе Конголезской партии труда, принятой в декабре 1972 г., поставлена цель обеспечить «продвижение по пути, ведущему постепенно к социализму... и к установлению диктатуры пролетариата», а в качестве этапа подготовки необходимых для этого объективных и субъективных предпосылок рассматривалась стадия националь-

ной, демократической и народной революции<sup>58</sup>. Далее, в принятой I съездом Партии народной революции Бенина (май 1976 г.) уставе ПНРБ различаются три этапа борьбы бенинского народа за полное и окончательное освобождение от иностранного господства, от всех форм эксплуатации человека человеком и за создание общества народной демократии и построение социалистического общества на основе принципов марксизма-ленинизма: революционного движения национального освобождения, национально-демократической и народной революции, этапа построения социализма. Им соответствуют революционная диктатура, демократическая диктатура и диктатура пролетариата<sup>59</sup>. Характерно, что в ряде принятых позднее документов этапы национальной (национально-демократической) и народно-демократической революции рассматриваются (правда, в странах борющихся, в отличие от Конго, с колониализмом вооруженным путем) как «стыкующиеся» и вместе с тем стадияльно-различные. В Национальной хартии Алжирской Народной Демократической Республики, одобренной всепартийным референдумом 27 июня 1976 г. в качестве программного документа алжирской революции и утвержденном IV съездом Фронта национального освобождения (январь 1978 г.), основополагающем идеологическом документе партии, говорится, что «война за национальное освобождение против иностранного гнета переросла в народно-демократическую революцию»<sup>60</sup>. В программе, принятой III съездом партии ФРЕЛИМО (февраль 1977 г.), при формулировании в качестве цели создания в Мозамбике общества, свободного от эксплуатации человека человеком и способного обеспечить улучшение материальной жизни народа и все более полное удовлетворение его социальных потребностей, констатируется: «Путь, ведущий к такой цели, насчитывает несколько различных этапов. Этап, который по существу был успешно завершен после завоевания национальной независимости, является этапом национально-демократической революции. Сегодняшний этап является народно-демократической

<sup>58</sup> См.: *Programma du Parti Congloise du Travail*, 1973, p. 5—7.

<sup>59</sup> См.: *Косухин Н. Д.* Формирование идейно-политической стратегии в африканских странах социалистической ориентации. М., 1980, с. 203, 208 (Прилож.).

<sup>60</sup> См.: *Национальная хартия Алжирской Народной Демократической Республики*. М., 1979, с. 39.

революцией. Только после построения народной демократии мозамбикские трудящиеся классы, руководимые своей авангардной партией, смогут перейти к следующему этапу — социалистической революции»<sup>61</sup>. Программа МПЛА — Партии труда (декабрь 1977 г.) также связывает завершение этапа борьбы за национальное освобождение с возникновением условий для перехода к народно-демократической революции. Последняя рассматривается как этап перехода (переходный период) к строительству социализма и, в свою очередь, теоретически расчленяется на уже начавшийся «период национальной реконструкции, за которым последует период консолидации народно-демократической власти»<sup>62</sup>. В программе Йеменской социалистической партии (октябрь 1978 г.) говорится, что «этап народно-демократической революции — длительный и сложный этап, в течение которого создаются условия, необходимые для сознательного и планомерного перехода к социалистической революции под руководством партии. Партия учитывает существующую в настоящее время тесную связь и постоянное переплетение демократических задач с социалистическими. Но в то же время партия считает, что смешивать их нельзя». Далее разъясняется, что «процесс перехода от этапа национально-демократической революции к следующему этапу имеет качественный, диалектический характер и не определяется каким-либо временным промежутком», «ибо в этом процессе «...будет преобразовываться не только сама революция, но и существующая власть будет превращаться в одну из форм народной демократии, которая будет осуществлять социалистические преобразования под руководством рабочего класса»<sup>63</sup>.

Вообще говоря, проблема внутренней структуры процесса некапиталистического развития — одна из малоразработанных в современной науке. Предшествующий исторический опыт СССР и МНР в силу своей специфики не содержал столь рельефного, как в современных условиях, объективного различия и субъективного различия задач некапиталистического пути и собственно соци-

<sup>61</sup> См.: Documentos do III Congresso da FRELIMO, Maputu, 1977.

<sup>62</sup> См.: I съезд Народного движения за освобождение Анголы МПЛА. М., 1978, с. 105, 111, 112.

<sup>63</sup> См.: Материалы I съезда Йеменской социалистической партии. М., 1979, с. 228, 229.

алистического развития. Это относится как к этапу становления на некапиталистический путь, так и к грани между завершением национально-демократических преобразований и непосредственной подготовкой условий для созидания основ социализма. Вместе с тем в проведении конкретных социально-экономических преобразований в сфере и базиса, и надстройки закономерно сменяющие друг друга (и мало зависящие от внешних условий, определяющих главным образом направленность развития, а не его внутреннюю структуру) стадии выступают достаточно рельефно (по крайней мере, в теоретическом анализе). Данная закономерная последовательность основных этапов присуща различным сторонам некапиталистического развития малых народов Севера, республик Средней Азии и Казахстана, в частности процессам создания и деятельности крестьянских Советов, развертывания демократической снабженческо-сбытовой и производственной кооперации крестьян и ремесленников, зарождения национальной промышленности и формирования рабочего класса, социально-психологического становления личности нового типа и т. д.

В африканских странах социалистической ориентации, помимо совпадения объективных этапов протекания там многих из названных выше социально-экономических и политико-идеологических процессов с закономерными стадиями их развития на национальных окраинах нашей страны, само отношение к уже имеющемуся историческому опыту (особенно советскому) оказывается в значительной мере детерминированным степенью продвижения в направлении социалистической ориентации. В частности, просматривается связь между этапами развития по некапиталистическому пути и объективным значением различных граней накопленного в данной области практического опыта, а также изменением характера его восприятия и теоретического осмысливания.

Только исторический материализм дает возможность вскрыть диалектическую взаимосвязь универсальных закономерностей общественного развития и специфических (континентальных, региональных, страновых) условий, в которых разворачивается их действие. Лишь материалистическое понимание истории, и прежде всего теория общественно-экономической формации, позволяет не только глубоко понять характер преобразований, осуществля-

емых в молодых независимых государствах, в глобальном контексте борьбы капитализма и социализма, но и, мысленно проникая внутрь локальных социально-экономических процессов, отчетливо выявить, какие объективные тенденции закономерно зреют и противостоят друг другу в самих освободившихся странах. Это открывает новые горизонты исследования происходящих там революционных преобразований, знаменуя собой более высокую степень восхождения от абстрактного к конкретному в изучении одной из ключевых методологических, теоретических и социальных проблем современности — проблемы перехода всего человечества к коммунистической общественно-экономической формации.

## Глава четвертая

# КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

## 1. РОЛЬ ТЕОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Развитие общества по пути к коммунизму составляет доминирующую тенденцию социального прогресса в современную эпоху. Становление коммунистической формации основоположники марксизма-ленинизма понимали как начало и развертывание подлинной истории человечества, поскольку, во-первых, человечество на этом этапе своего развития оказывается способным познать экономические законы и осуществлять сознательное управление социальными процессами на основе научного понимания существа их действия. Во-вторых, потому, что основным направлением и целью деятельности людей становится саморазвитие личности, создание материальных и иных условий для формирования гармонически и всесторонне развитого человека нового типа.

Особая историческая миссия коммунизма, своеобразие формирования данного типа общественного устройства определяют возрастающее значение теории в ходе подготовки пролетарской революции и коммунистического строительства. Это обстоятельство накладывает отпечаток на теорию коммунистической формации, которая обладает совокупностью специфических черт по сравне-

нию с теориями докоммунистических формаций как по характеру своего формирования, методологическим функциям, так и по интенсивности влияния на общественно-историческую практику людей, на их революционно-преобразующую деятельность.

В чем же состоит особенность формирования в марксизме учения о коммунистической общественно-экономической формации как определенном конкретно-историческом типе общества? Она выражается прежде всего в том, что все предшествующие исторические типы общественной организации вычленялись путем абстрагирования сущностно-общих черт реально существующих общественных образований. Теория, таким образом, создавалась как отражение реальных общественных порядков. Что касается учения о коммунистической формации, то здесь дело обстояло иначе.

Это учение формировалось из потребностей теоретического осознания целей и задач борьбы пролетариата, его исторической миссии. Оно возникло как результат теоретического прогноза, продукт апалпза объективных законов развития капиталистической формации. И только после того как этот прогноз оправдался, когда появился реальный социализм, сначала в одной стране, а затем в нескольких странах (социалистическая система), создавалась возможность развивать теорию коммунистической формации на базе обобщения опыта реальной истории.

Последнее замечание, однако, не означает, что разработка теории коммунистической формации до появления социализма в действительности не была связана с реальной историей. Это тоже было обобщение опыта реальной истории, только оно имело характер теоретического предвидения, со всеми особенностями из этого вытекающими. Иными словами, теоретическая модель будущего коммунистического общества, хотя и носила прогностический характер, не была субъективной теоретической моделью, концентрирующей в себе черты желательных перемен с точки зрения взглядов того или иного мыслителя. Подобного рода субъективистское представление о коммунизме первоначально зародилось в период неразвитой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Такова особенность социалистических и коммунистических систем Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Научный анализ реальных общественных условий и вытекающий из них прогноз они подменили придуманными, фантастическими условиями, а тео-

ретическую и практическую деятельность, направленную на познание и преобразование реальных общественных отношений — изобретением рецептов идеального общественного строя. «По их мнению, достаточно только понять их систему, чтобы признать ее самым лучшим планом самого лучшего из возможных обществ»<sup>1</sup>. Столь же надуманными были и средства, с помощью которых они рассчитывали осуществить свой идеал: не политическое, революционное действие прогрессивного класса, пролетариата, а апелляция ко всем членам общества, причем преимущественно к господствующему классу, который меньше всего заинтересован в радикальных социальных переменах. Упование на силу примера, преподносимого путем разрозненных мелких экспериментов — таковы, по их мнению, должны быть способы, пролагающие «дорогу новому общественному евангелию»<sup>2</sup>.

Вместе с тем утопический социализм и коммунизм оказали определенное влияние на формирование научного коммунизма. Во-первых, положительным был критический элемент их учений, вскрывающий реальные противоречия капитализма. Во-вторых, сам ложный подход их к познанию и преобразованию общественных условий наталкивал на истинное понимание проблемы.

Результатом этой критики были некоторые теоретические догадки, которые в какой-то степени предвосхищали черты будущего общественного строя. Они предугадывали уничтожение противоположности между городом и деревней, ликвидацию частной наживы, превращение функций государства в управление производством и т. п. Однако все это были лишь стихийные догадки, не опиравшиеся на знание объективных законов истории и классовой борьбы, родившиеся на почве неразвитых противоречий капиталистического общества, что во многом определило их утопический характер. «Незрелому состоянию капиталистического производства, — отмечал Ф. Энгельс, — незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы. Общественный строй являл одни лишь недостатки; их устранение было задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного устрой-

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 456.

<sup>2</sup> Там же.

ства и навязать ее существующему обществу извне, посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем больше разрабатывались они в подробностях, тем дальше они должны были уноситься в область чистой фантазии»<sup>3</sup>.

Однако К. Маркс и Ф. Энгельс с величайшим вниманием отпосились к теоретическим выступлениям мыслителей, отражавшим революционное движение еще не созревшего пролетариата. Среди них они выделяли прежде всего произведения Томаса Мора (XVI в.), Кампанеллы (XVII в.), Морелли и Мабли (XVIII в.) и, наконец, трех великих социалистов-утопистов — Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Но не только учения социалистов-утопистов явились предпосылкой для формирования теории коммунистической формации. Необходимым элементом для возникновения научного социализма была диалектика. Ф. Энгельс писал, что немецкие социалисты ведут свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Капта, Фихте и Гегеля<sup>4</sup>.

«Как всякая новая теория,— подчеркивал Ф. Энгельс,— социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах»<sup>5</sup>. Последнее замечание означало, что создание теории коммунистической формации находилось в непосредственной связи с диалектико-материалистическим анализом экономических и политических условий развитого капитализма, каковым он был в Англии и Франции. Развитые противоречия капитализма и классовой борьбы пролетариата с буржуазией, в том числе опыт Парижской Коммуны, послужили основой для разработки теории коммунистической формации, что, в свою очередь, стало основанием для создания учения о коммунизме. Этот новый этап общественного развития был не случайным открытием гениального ума, а закономерной ступенью развития человеческой истории. А задача предвидения будущего «заключается уже не в том, чтобы сконструировать возможно более совершенную систему общества, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс...»<sup>6</sup>,

<sup>3</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 194.

<sup>4</sup> См.: Там же, с. 323.

<sup>5</sup> Там же, с. 189.

<sup>6</sup> Там же, с. 209.

обнаружить внутренний закон его развития, проследить последовательные ступени социальной эволюции и исходя из этого дать теоретическую характеристику нового этапа развития, который неизбежно должен наступить.

В. И. Ленин теоретическое предвидение нового общественного строя основоположниками марксизма связывает с методом научной материалистической диалектики. По В. И. Ленину, теория К. Маркса есть применение учения о развитии в его наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме к современному капитализму. В работе «Государство и революция» В. И. Ленин специально анализирует, из каких данных проистекало предвидение коммунизма. «На основании того,— отмечал В. И. Ленин,— что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом»<sup>7</sup>.

Понимание объективных законов истории, представление о развитии общества как о естественноисторическом процессе — вот что составляло базис научного предвидения. По В. И. Ленину, у К. Маркса не было ни тени попыток сочинять утопии, гадать насчет того, чего знать нельзя. «Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естественный испытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»<sup>8</sup>.

К. Маркс не выдумал коммунистическое общество, он обнаруживал его черты в объективной логике общественной эволюции, в тех неотвратимых тенденциях, которые рождались самим историческим процессом. «У Маркса,— отмечал В. И. Ленин,— нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, фантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса...»<sup>9</sup>.

<sup>7</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 85.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Там же, с. 48.

Основное содержание коммунистической общественно-экономической формации К. Маркс вывел из реальных общественных потребностей, порожденных капиталистическим производством. В обобществлении производства состояла историческая миссия капитализма, а конфликт между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения составлял экономическую основу неизбежности нового общественного строя. Коммунизм рождался потребностью в таких экономических и других общественных отношениях, которые бы соответствовали общественному характеру производства. Последний же заключался в концентрации производства и капитала, в развитии специализации производства, в том, что многие раздробленные процессы сливались в один общественный процесс производства, где все звенья оказывались взаимозависимыми друг от друга. «Все производства сливаются, таким образом, в один общественный производительный процесс,— отмечал В. И. Ленин,— а между тем каждое производство ведется отдельным капиталистом, завися от его произвола, отдавая общественные продукты в его частную собственность»<sup>10</sup>. Этот конфликт порождал кризисы, сосредоточение богатства в руках немногих и беспощадную эксплуатацию большинства трудящихся. Только революционное преобразование общества могло разрядить обстановку и ликвидировать социальную несправедливость.

Какие же общественные условия должны были сформироваться на почве общественного характера производства? Какие общественные отношения могли соответствовать ему и адекватно выразить его природу? Вот те вопросы, которые требовали ответа. Этот ответ дали К. Маркс и Ф. Энгельс, показав основные черты коммунистической формации. Они раскрыли новый конкретно-исторический тип общества в двух его аспектах, тем самым заложив основы теории коммунистической формации.

Во-первых, они дали обобщенную характеристику сущностных черт коммунизма, раскрыли основные принципы организации коммунистического общественного устройства. Во-вторых, рассмотрели генезис этого общественного строя, законы его формирования и развития, те фазы, которые он должен пройти.

---

<sup>10</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 178.

Вычленение докоммунистических типов общества осуществлялось путем обобщения порядков разных стран, находившихся примерно на одинаковом уровне развития общественного производства, с употреблением соответствующих логических приемов, обычно применяемых при построении общих теорий. Формирование теории коммунистической формации осуществлялось иначе, так как не было соответствующих реальных исторических образований, экономические и социальные порядки которых можно было бы обобщать. Вместе с тем, как уже отмечалось, создание теории коммунизма не означало оторванного от реального исторического процесса конструирования. Эта теория строилась с учетом объективных законов общественного развития, с применением общенаучных логических приемов построения теории. Речь идет о введении соответствующих идеализирующих абстракций, о выделении категории коммунистической формации как определенного типа общества, характеризующегося совокупностью сущностных черт, которые в перспективе, с появлением реального коммунизма, должны обрести черту всеобщности, повторяемости для стран, принадлежащих к такому типу.

Понятно, что реальный процесс коммунистического строительства должен внести уточнение в общую теоретическую картину, но принципиальные ее положения все-таки должны сохраниться. Они должны сохраниться потому, что общее основание, из которого они выводились, бралось из реального исторического процесса, из той объективной тенденции, которая составляла суть прогрессивного развития общества.

К. Маркс и Ф. Энгельс абстрагировали новый исторический тип общества, с применением соответствующих идеализирующих допущений, из анализа общественного характера производства, сложившегося при капитализме, с учетом перспектив его дальнейшего развития. Свое понимание нового типа общественного устройства они изложили в ряде своих работ, причем наиболее полно черты коммунизма определены в «Критике Готской программы» и в «Анти-Дюринге».

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что коммунизм — это такой общественный строй, который основывается на крупной промышленности и представляет собой ассоциацию производителей. Ему присущи коллективизм, превращение средств труда в общественное достояние. Произ-

водство подчинено единому общественному плану. Распределение основано на прямом снабжении населения из общественных запасов без посредничества рынка. Вместо с тем вне индивидуального распределения сохраняется часть продукта, которая поступает для возмещения потребленных средств производства, для расширения производства, для создания и пополнения резервного или страхового фонда, покрывает управленческие расходы, предназначается на здравоохранение, коммунально-бытовое обслуживание, содержание нетрудоспособных и т. п. Социальная структура носит однородный, бесклассовый характер. Политическая сфера не включается в его природу. Управление людьми уступает место управлению хозяйственными процессами.

Теоретическая картина коммунизма как конкретно-исторического типа организации и функционирования общественной жизни дополнялась у К. Маркса и Ф. Энгельса характеристикой его развития. Они показали, как данный тип общества возникает и какие этапы в своем развитии проходит. Выделялись следующие этапы: переходный период от капитализма к социализму, социализм и коммунизм как вторая фаза в развитии коммунистической формации.

## 2. ТЕОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ И ПРАКТИКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В современную историческую эпоху, когда идеи научного коммунизма воплощаются в практической деятельности миллионов людей, когда, иначе говоря, социалистический строй стал реальностью, возник вопрос о степени совпадения теоретического предвидения основоположников научного коммунизма с тем результатом практики коммунистического строительства, который характеризует общественное устройство отдельных социалистических стран.

Одной из центральных проблем, которая обсуждается в философской и экономической литературе, является вопрос о характере системообразующего фактора социалистического общества, т. е. экономических отношений и, в частности, о том, насколько товарно-денежные отношения отвечают природе первой фазы коммунизма.

Какие же идеи на этот счет высказывали К. Маркс и Ф. Энгельс? По их мнению, пролетариат, добившись поли-

тического господства, обобществляет все средства производства. Последнее связано с ликвидацией товарного производства и упразднением товарно-денежных отношений. Распределение же как на первой, так и на второй фазе коммунизма осуществляется на основе прямого снабжения из общественных запасов. «...Каждый отдельный производитель,— отмечал К. Маркс,— получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай... Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме»<sup>11</sup>.

Второе положение, привлекающее внимание исследователей, касается надстройки социализма, его социально-политической сферы. Речь идет о положении, высказывавшемся основоположниками марксизма-ленинизма, об уничтожении классов и отмирании государства на первой стадии коммунизма. Захватив государственную власть, отмечал Ф. Энгельс, и превратив средства производства в государственную собственность, пролетариат «...уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство»<sup>12</sup>.

Рассмотрим некоторые предпосылки, послужившие основанием для таких выводов.

А. П. Бутенко, Г. Е. Глезерман, Г. И. Раздорский показывают, что идея несовместимости социализма с товарно-денежными отношениями высказывалась всеми видными революционерами-марксистами конца XIX столетия, в том числе такими выдающимися пропагандистами марксизма, как П. Лафарг, А. Бебель, Г. Плеханов<sup>13</sup>.

---

<sup>11</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 18.

<sup>12</sup> Там же, с. 224.

<sup>13</sup> См.: Бутенко А. П. Социализм как общественный строй. М., 1974, с. 175; Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973, с. 18; Раздорский Г. И. Товарный характер социалистического производства. М., 1967, с. 16.

Развив ряд положений, относящихся к первой и второй фазам коммунизма, В. И. Ленин в работе «Государство и революция» и в более поздних работах также отстаивал положение о единой общественной собственности, присущей этим фазам, об отсутствии классов, товарного производства, товарно-денежных отношений.

Если обратиться к реальной практике социалистического строительства, то может возникнуть мнение, что прогнозы об упразднении товарного производства, классов и т. д. при социализме не нашли подтверждения, что налицо «несовпадение» замечаний основоположников марксизма-ленинизма о судьбах товарного производства в новом обществе и реального исторического результата. Однако такое заключение было бы поспешным. Суть дела оказывается более сложной. Выводы основоположников марксизма-ленинизма относительно характера производства, распределения и социально-политической структуры общества при социализме могут быть правильно поняты в том случае, если учесть цель предпринятого ими теоретического анализа, степень его абстрактности и характер идеализирующих допущений, примененных в ходе исследования.

В данном случае коммунистическая формация рассматривается в ее «чистом» виде. Иными словами, во-первых, черты двух фаз коммунизма берутся лишь в их сущностном виде, без учета от возможных усложняющих обстоятельств, которые неизбежны для реального процесса. Во-вторых, эти фазы рассматриваются в предельно развитом виде.

Такой подход был применен К. Марксом и Ф. Энгельсом к анализу капитализма. Сущность социализма как первой фазы коммунистической общественно-экономической формации непосредственно выводилась из сущностных и предельно развитых черт предшествующей общественной формы. В этом случае капитализм рассматривался (см. разд. II, гл. 2) предельно развитым как в городе, так и в деревне. Из такой идеализированной «модели» капитализма вытекали те выводы, которые сделали К. Маркс и Ф. Энгельс. Из общественного характера производства в городе и деревне следовало создание единой общественной собственности. Если при анализе социальной сущности капитализма принимались в расчет буржуа и пролетариат города и деревни, то, превращая орудия и средства производства в государственную собственность,

пролетариат уничтожает самого себя как пролетариат, а тем самым уничтожает все классовые различия и противоположности. При условии существования одной общественной формы собственности исчезает основа для товарно-денежных отношений. Продукт труда рабочего или рабочая сила перестают быть товаром. Возникает новый тип общественных связей в производстве, распределении и т. д.

Здесь уместно вспомнить о высказывании, которое звучит как приговор теоретическому мышлению почти на всех дискуссиях по сложным вопросам общественнознания: «а в жизни так не бывает». Такие заявления, основанные на ошибочном толковании сущности теории, ее места в научном познании и соотношении с действительностью, являются препятствием, закрывающим дорогу теоретическому анализу.

Однако в ходе исследования проблем коммунистической формации все чаще справедливо говорится о необходимости применения соответствующих идеализирующих допущений, об анализе процессов в «чистом» виде и развитых формах. Для чего это делается? Для того чтобы правильно понять сущность и внутреннюю природу процессов, а затем разобраться, как они преломляются в жизни, а следовательно, понять самую эту жизнь.

Такая попытка была предпринята в ходе дискуссии, состоявшейся в МГУ в 50-х годах. Для выяснения природы товарного производства при социализме обосновывалась необходимость абстрагироваться от кооперативно-колхозной собственности и ограничиться рассмотрением только государственной, общенародной, т. е. предлагалось обратиться к теоретической концепции «чистого» социализма, социалистических производственных отношений в «чистом» виде, как они представлены в работе К. Маркса «Критика Готской программы».

Основной аргумент в обосновании такого подхода заключался в том, что такой социализм «практически возможен и теоретически мыслим». И. И. Козодоев, применивший такой подход, ссылаясь на возможность строительства социализма в странах развитого капитализма, на пример в Англии<sup>14</sup>.

---

<sup>14</sup> См.: Козодоев И. И. Закон стоимости и его роль при социализме. М., 1959, с. 18, 19.

На необходимость теоретической абстракции «чистого» социализма для понимания сущности социалистического общества обратил внимание Р. И. Косолапов. «Допуская этот методологический прием,— отмечал он,— мы рассматриваем социалистическое общество как такое, в котором обобществлены все средства производства и все люди действуют как единый коллектив работников, спаянный общим достоянием, общей целью и общими условиями труда»<sup>15</sup>.

Понимание внутренней сущности социализма на теоретическом уровне не самоцель. Оно, с одной стороны, помогает понять его природу и перспективу развития, с другой — является отправным моментом движения мысли к конкретному знанию о реальном социализме. Данное положение следует особо подчеркнуть, так как иногда делается попытка абстрактные положения теории рассматривать как непосредственную программу практических действий. Такое «применение» теории было бы ошибочным.

Если в теории К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали общественные формы в предельно развитом виде, то из этого нельзя делать вывод, что они и в практической деятельности призывали дожидаться предельного развития капитализма для дальнейшего движения по пути к коммунизму.

Нельзя не согласиться с мнением Р. И. Косолапова, который критикует попытки некоторых исследователей представить основоположников коммунизма такими максималистами, якобы выводившими возможность фактического появления нового строя не просто из противоречий и тенденций развития капитализма, а из обязательного доведения их до конца, до последней грани. «Конечно, если иметь в виду теоретические выводы, то такое мнение имеет основание,— отмечал он,— ибо мышление Маркса отличалось исключительной логической последовательностью, способностью извлекать из раз открытого закона все возможные следствия. Но отождествлял ли он приемы мышления с методами *политики*, имеющей дело не с научными абстракциями, а с судьбами сотен тысяч и миллионов живых людей?»<sup>16</sup>.

Итак, необходимо обратить внимание на то место, которое занимает общая теория конкретных общественно-

<sup>15</sup> Косолапов Р. И. Социализм. К вопросам теории. М., 1979, с. 205.

<sup>16</sup> Косолапов Р. И. Указ. соч., с. 216.

экономических формаций в анализе общественной жизни. Теория капитализма и коммунизма позволяет разобраться в сущности этих двух противоположных типов общественной жизни, из которых первый с неизбежностью порождает второй. Для того чтобы понять эту сущность, теория абстрагируется от целого ряда обстоятельств, через которые эта сущность проявляется, потому что для понимания природы капитализма и коммунизма эти обстоятельства не являются решающими. Более того, они могут мешать вычлениить и понять эту сущность.

Однако неправильно было бы полагать, что основоположники марксизма-ленинизма считали возможным применять выводы общей теории в качестве рецептов для непосредственных практических действий, без учета реальных условий. Так, например, вывод теории о том, что при социализме, когда все средства производства станут всенародным достоянием и исчезнет обмен между экономически обособленными различными собственниками — продукт перестанет быть товаром, не может рассматриваться без учета реальных особенностей страны, вступившей на путь строительства социализма. Этот вывод должен быть соотнесен с конкретными обстоятельствами, характеризующими развитие каждой отдельной страны. Конкретные решения требуют и конкретных знаний, которые приобретают с помощью теории. Чтобы превратиться в средство научно обоснованных рекомендаций для практических действий, теоретическое мышление должно освоить все особенности тех конкретных обстоятельств, в рамках которых эти практические действия разворачиваются. Иначе говоря, должно быть осуществлено движение мысли от абстрактного к конкретному, когда теория играет роль путеводной нити, освещая общественный строй с точки зрения его сущности, его природы.

Если создавая общую теорию определенного типа общества исследователь идет по пути абстрагирования от ряда реальных обстоятельств, то на пути приобретения конкретного знания о данном отдельном обществе в стране происходит обратный процесс. В теоретический анализ постоянно включаются те фрагменты действительности, от которых мы прежде абстрагировались, стремясь познать главное и существенное для определенного типа общества в его «чистом» виде.

Так, К. Маркс в «Критике Готской программы», как уже отмечалось, рассматривает производственные отно-

шения при социализме в «чистом» виде. «Подобное отвлечение, или абстрагирование,— отмечает Р. И. Косолапов,— от ряда факторов вполне допустимо с научной точки зрения, если при этом не забывается связь с временно отбрасываемыми моментами. После того как произведен анализ «чистых» производственных отношений социализма, можно, прибавляя один из ранее отвлеченных моментов за другим, одну реальную черточку за другой, восстановить подлинную картину, вполне соответствующую конкретной природе изучаемого явления»<sup>17</sup>.

Мы так подробно остановились на методологии теоретического анализа общественных явлений, так как в нашей научной литературе не всегда принимаются в расчет эти приемы теоретического анализа. Подчас не различаются теоретические абстракции разных уровней, осуществляется неоправданный перенос выводов, справедливых для более абстрактного уровня теории, на более конкретный уровень, где они оказываются не точными. Так, например, отвлечение от товарно-денежных отношений при анализе первой фазы коммунистической формации в ее «чистом» виде подчас переносилось в сферу реальных общественных отношений определенной конкретной страны, например СССР. Полагалось, что в СССР отмирает товарное производство. Такое допущение противоречит фактам и является ошибочным, так как в данном случае речь идет не о решении проблем абстрактной теории социализма, а о реальной стране, конкретные условия и порядки которой теория только помогает понять. В этом случае нельзя абстрагироваться от наличия двух форм собственности, от существования личных приусадебных хозяйств, товарно-денежных отношений и т. п.

Важным в методологическом отношении можно считать вывод, сделанный А. П. Бутенко, который обратил внимание на способ выделения общезначимых черт социализма, и в частности развитого социализма. Для выделения общезначимых черт нельзя абсолютизировать опыт отдельных стран, достигнутые ими рубежи. Необходимо учитывать всю совокупность фактов социалистического строительства во всех странах<sup>18</sup>.

Известно положение В. И. Ленина, который писал, что

<sup>17</sup> Косолапов Р. И. Указ. соч., с. 204, 205.

<sup>18</sup> См.: Бутенко А. П. Социализм как общественный строй. М., 1979, с. 220.

«только путем ряда попыток, — из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием, — создается цельный социализм из революционного сотрудничества пролетариев всех стран»<sup>19</sup>.

Поскольку в эпоху империализма и современную историческую эпоху строительство социализма начиналось с разных стартовых площадок материально-технического, социально-политического и культурного характера, то это обстоятельство во многом накладывает отпечаток на особенность социалистического строительства в отдельных странах. Правда, они не касаются самого главного, но тем не менее их нельзя не учитывать, когда мы переходим к более конкретному уровню теоретического анализа.

Особенностями, присущими реальным странам, строящим социализм в современную эпоху, определяется ряд общеобязательных черт переходного периода от капитализма к социализму. Но прежде чем охарактеризовать эти черты, раскроем существо самого переходного периода.

В нашей философской литературе справедливо критиковалась ошибочная точка зрения, согласно которой социалистическое общество отождествлялось с переходным периодом от капитализма к коммунизму<sup>20</sup>.

Попытка рассматривать социализм как период перехода от капитализма к коммунизму встречалась и у отдельных советских авторов. Так, Н. А. Симония выделял два переходных периода в процессе движения общества от капитализма к коммунизму. Первый переходный период, по его мнению, начинается еще в лоне капиталистического общества, в условиях империализма. Производственные отношения социализма начинают вызревать вместе с обобществлением производства в недрах капиталистического общества. При империализме в непримиримое противоречие «приходят отношения частнокапиталистической собственности с новыми общественными производительными силами и соответствующими им производственными отношениями»<sup>21</sup>. Второй переходный период означает движение общества от обобществленного производства к коммунистическому. Он совпадает с социализмом и его переходом к коммунизму.

---

<sup>19</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 306.

<sup>20</sup> См.: Бутенко А. П. Социализм как общественный строй, с. 165.

<sup>21</sup> Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975, с. 47.

Эти периоды в капиталистически высокоразвитых странах более или менее четко могут быть разделены гранью политической революции. В странах, где процесс обобществления производства не зашел так далеко, как, например, в нашей стране, эти два периода взаимопереплетаются и реализуются после политической революции и установления диктатуры пролетариата<sup>22</sup>.

Ошибочность такого подхода становится особенно заметной потому, что проблема рассматривается преимущественно на уровне общей теории исторического процесса. На уровне общей теории капитализма и его империалистической стадии данный тип общества превращается в нечто среднее между капитализмом и социализмом. Это был бы новый, еще неизвестный тип общества, который невозможно теоретически представить. Тем более становится непонятной типологическая характеристика социализма, который лишается собственной природы.

Обратимся к работам основоположников марксизма-ленинизма, которые иначе раскрывали процесс становления и развития коммунистической формации. В своих работах они выделяли переходный период, первую фазу коммунистического общества (социализм) и вторую фазу, именовавшуюся высшей фазой коммунизма (коммунизм). В работе В. И. Ленина «Государство и революция» эти этапы поочередно рассматриваются в отдельных главах.

Опыт строительства социализма в СССР и странах социалистического содружества подтвердил справедливость этих выводов. Вместе с тем проблема перехода от капитализма к социализму, на наш взгляд, нуждается в обсуждении как в общетеоретическом ее аспекте, так и в плане применения теории к обобщению накопленного опыта социалистического строительства.

Рассмотрим первоначально вопрос об общеобязательности и длительности переходного периода от капитализма к социализму.

Если анализировать процесс перехода от капитализма к социализму на уровне общей формационной теории, то переходный период предельно сжимается. Капитализм на его империалистической стадии, достигающей наибольшего развития на ступени государственно-монополистическо-

---

<sup>22</sup> Подробная критика этой точки зрения дана И. М. Михайловым и Э. В. Тадевояном. См.: *Вопр. истории КПСС*, 1977, № 5, с. 105—114.

го капитализма, приводит к такому обобществлению производства, когда обращение государственной власти на пользу всего народа и обобществление собственности на орудия и средства производства означают, по сути дела, социализм.

В. И. Ленин считал государственный капитализм преддверием социализма. Он писал, что «государственно-мополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»<sup>23</sup>.

Итак, в теоретическом аспекте, когда рассматривается предельно развитый капитализм, переходный период максимально сжимается, по вместе с тем нет основания считать, что им можно пренебречь т. е. прийти к отрицанию переходного периода на уровне анализа сущностно-общих типов развития общества. Даже на таком абстрактно-сущностном уровне теоретического анализа категория «переходный период» уместна и необходима, так как переход от одного типа общества (капиталистического) к другому (первой фазе коммунизма) всегда будет скачком, решающим поворотом в развитии исторического процесса. Этот качественный скачок всегда будет означать борьбу нового со старым. Данный процесс нельзя иначе обозначить как переходный период, т. е. период революционного превращения капитализма в социализм.

В работе «Государство и революция» вопрос о переходном периоде рассматривается в общетеоретическом плане, без учета особенностей процесса в различных странах. В. И. Ленин анализирует политическую сферу, ограничиваясь выделением только самого главного. Вслед за К. Марксом он подчеркивает, что переход от капиталистического общества к коммунистическому «невозможен без „политического переходного периода“, и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата»<sup>24</sup>. Диктатура пролетариата впервые дает демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров<sup>25</sup>.

<sup>23</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.

<sup>24</sup> Там же, т. 33, с. 87.

<sup>25</sup> См.: Там же, с. 89.

Переходный период означает ликвидацию капиталистической собственности и создание общественной собственности на основные орудия и средства производства. На этой основе появляется социалистическая форма распределения результатов производства. Переходный период предполагает соответствующие изменения социальной структуры общества, социалистические преобразования в сфере культуры и т. п.

Вместе с тем реальная жизнь богаче общей теории. При решении конкретных задач социалистического строительства необходимо было дополнительно учитывать целый ряд весьма существенных обстоятельств. Без такого учета невозможно было бы разработать конкретный план строительства социализма. Такой план был впервые создан В. И. Лениным. Теоретическую основу этого плана составляли выводы, которые были сделаны с учетом особенностей развития капиталистических отношений в России, причем наиболее существенные особенности, в которых проявлялось отклонение от идеализирующих допущений общей теории, были таковы, что они оказались характерными либо для всех стран, вступающих на путь социализма, либо для большинства. К числу таких особенностей в первую очередь следует отнести меньшую по сравнению с промышленностью развитость капитализма в земледелии, сохранение в сельском хозяйстве в более или менее широких масштабах мелкотоварного производства. Даже в современных условиях, когда в развитых странах капитала концентрация сельскохозяйственного производства сделала значительный шаг вперед, все равно продолжает сохраняться и мелкотоварное производство. В том, что в сельском хозяйстве происходит не только разорение крестьянских, фермерских хозяйств, но и определенное восстановление их, В. И. Ленин видел особенность развития капитализма в земледелии. Следовательно, данное обстоятельство необходимо было учитывать в ходе разработки плана социалистического строительства, а вопрос о крестьянстве и судьбах мелкотоварного производства приобретал не только локально-русское, но и международное значение.

Здесь может возникнуть законный вопрос, для чего, собственно, было К. Марксу, Ф. Энгельсу и В. И. Ленину прибегать к каким-то идеализированным допущениям? Не лучше ли было сразу «брать быка за рога» и рассматривать явления такими, какими они даны в жизни!

Но в том-то и дело, что без этих допущений нельзя было понять ни природу мелкотоварного производства, ни перспективы его развития, а следовательно, осмыслить подлинный классовый интерес крестьянства и его место в классовой борьбе за социализм. Только такого рода теоретический подход дал возможность понять двойственную природу крестьянства, его неизбежную гибель на капиталистическом пути, пролетаризацию основной массы его представителей. Выход из положения для них, как стало очевидно, состоял только в совместной борьбе с пролетариатом, под его руководством, за социализм.

Другое усложнение реальной обстановки по сравнению с общей теорией заключается в том, что капитализм не уничтожает полностью пережитки общественных отношений прошлых эпох. Буржуазное общество преобразует, деформирует и подчиняет их своему влиянию. Но тем не менее пережитки феодализма и другие архаические формы в большинстве случаев сохраняются в капиталистических странах, преимущественно в земледелии.

Общая теория общественно-экономической формации и в данном случае является ключом к пониманию реальных процессов социалистического строительства. Она позволяет выделить магистральный путь развития, определить характер преобразования архаических форм в социалистические.

Необходимо также учитывать международный аспект проблемы. Учение об общественно-экономической формации, раскрывающее внутреннюю логику исторического процесса и неизбежность коммунизма, а также учет особенностей черт развития реальных общественных отношений, которые тем не менее общи всем или большинству стран, вступивших на путь социалистического строительства, позволяют сделать вывод об интернациональном значении ленинского плана. В этом случае на более конкретном уровне теоретического анализа можно выделить общеобязательные черты развития общества на пути к социализму. К их числу относятся: «Руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции в той или иной форме и установлении диктатуры пролетариата в той или иной форме; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся; ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности

на основные средства производства; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; планомерное развитие народного хозяйства, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся; осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма; ликвидация национального гнета и установление равноправия и братской дружбы между народами; защита завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов; солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран — пролетарский интернационализм»<sup>26</sup>.

Своеобразные черты построения социализма в отдельных странах связаны с неповторимыми моментами, которые сопутствуют развитию общественных процессов в отдельных странах. К их числу можно отнести уровень капиталистической развитости, степень многоукладности их экономики, исторические традиции, проявляющиеся в различных областях общественной жизни и т. п. От этих особенностей зависят длительность переходного периода, конкретные формы реализации плана социалистического строительства и т. п. Следовательно, конкретный план строительства социализма в каждой отдельной стране должен включать в себя наряду с общими чертами элементы своеобразия, в которых выражаются особенности общественных порядков и исторического развития этих стран.

Учитывая преемственность между экономикой, подвергаемой преобразованию, и создаваемой новой экономикой, В. И. Ленин открыл важную закономерность, определяющую темпы социалистических преобразований. Он показал, что чем менее развита страна в экономическом отношении, тем длительнее и сложнее происходит в ней процесс становления социалистических форм. В. И. Ленин не раз отмечал, что для стран капиталистически высоко развитых переход к социализму мог быть сравнительно кратковременным и несложным, тогда как для стран, слабо развитых в капиталистическом отношении, этот переход становится длительным и сложным. В. И. Ленин писал, что относительно прямой переход к социализму,

---

<sup>26</sup> Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1964, с. 12—13.

предполагающий довольно быстрое прохождение переходного периода, возможен в странах с преобладанием крупного капиталистического производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Однако без этого условия непосредственный переход к социализму невозможен экономически<sup>27</sup>.

В странах, капиталистически слабо развитых, с многоукладной экономикой, строительство социализма представляет собой значительно более сложную задачу, которую можно решить только в течение более или менее длительного времени. В этом случае необходимо учитывать наличие не только буржуазных отношений, но и добуржуазных укладов, а план социалистического строительства должен предусматривать ряд промежуточных ступеней, постепенно подводящих докапиталистическую экономику к социализму. В. И. Ленин доказал всю опасность поспешности в деле строительства социализма и необоснованности перескакивания к таким общественным формам, для которых еще не созрели материальные условия.

После Великой Октябрьской социалистической революции встал вопрос, можно ли сразу революционными методами организовать по-коммунистически производство и распределение в стране или необходимо было двигаться постепенно, с помощью целого ряда государственных мероприятий, подготавливая предварительно материальные условия для такого перехода, т. е. прибегнуть, как говорил В. И. Ленин, к «реформистскому», осторожно-обходному методу действия в коренных вопросах экономического строительства?<sup>28</sup>

Окончательный ответ был такой: прямой переход к социализму был бы возможен, если бы в стране преобладала крупная промышленность, или даже не преобладала, но была очень сильно развита и было бы очень сильно развито крупное производство в земледелии. Без этого непосредственный переход к социализму невозможен экономически.

Новые общественные формы развития производства нельзя было «придумать» без учета реальных обстоятельств. В этом случае ошибочно и крайне опасно руководствоваться одним принципом желательности тех или иных общественных отношений. Здесь нужно учитывать

<sup>27</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 79.

<sup>28</sup> Там же, т. 44, с. 221.

действие объективных законов, считаться с преемственностью между старой (отмирающей) и новой (нарождающейся) экономикой. Эту объективную сторону исторического процесса безнаказанно игнорировать пока никому не удавалось.

При определении путей исторического развития, методов социально-преобразующей деятельности, по словам Г. В. Плеханова, важно выбирать не то лучшее, что можно пожелать для блага человечества, а лучшее из исторически возможного.

Борьба с капитализмом и всемерное стимулирование социалистического уклада должны были сочетаться с поисками путей преобразования докапиталистических общественных отношений. Это обстоятельство затрудняло строительство социализма. Столь сложную историческую задачу можно было решить только в течение более или менее длительного времени: надо было «понять, какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода *докапиталистических* отношений к социализму. В этом весь гвоздь»<sup>29</sup>.

Возвратимся к проблеме товарного производства и двух форм собственности при социализме. Мы уже обратили внимание на внешнее несовпадение общей теории коммунистической формации и реальных процессов, осуществляющихся на первой ее фазе в конкретных странах. Основоположники марксизма-ленинизма в своих теоретических работах писали об устранении товарного производства и товарно-денежных отношений при коммунизме. На первой же фазе коммунизма во всех социалистических странах мы имеем товарно-денежные отношения.

Если попытаться подойти к проблеме исторически, то многое здесь становится ясным. В. И. Ленин совершенно определенно объясняет необходимость товарно-денежных отношений в период строительства социализма. Он выводит необходимость товарного производства и товарообмена из того факта, что социализм пришлось строить в мелкокрестьянской стране. «Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране,— писал В. И. Ленин в брошюре «О продовольственном налоге»,— является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину»<sup>30</sup>. Этот

<sup>29</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 228.

<sup>30</sup> Там же, с. 220.

обмен в самом начале новой экономической политики превратился в обыкновенную куплю-продажу, торговлю.

В. И. Ленин отмечал, что мы должны проверить с точки зрения экономической науки все то, что нам известно об экономических требованиях земледельца: это прежде всего требование свободы оборота и достаточного количества товаров для его осуществления<sup>31</sup>.

В. И. Ленин подметил расхождение с принципами общей теории коммунизма и объяснил причину расхождения. «Коммунизм и торговля?! — отмечал он, — что-то очень уже несвязное, несуразное, далекое. Но если поразмыслить *экономически*, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого крестьянского, патриархального земледелия»<sup>32</sup>.

Иными словами, к выводу о необходимости торговли и товарного производства в переходный период В. И. Ленин приходит на более конкретном уровне теоретического анализа социализма, приняв во внимание факт неразвитости капитализма в России, выразившийся в наличии мелкотоварного, патриархального хозяйства, от чего в общей формационной теории наука абстрагировалась.

Думается, что выводы основоположников марксизма-ленинизма о дальнейших судьбах товарного производства при социализме стоило бы проанализировать с точки зрения тех познавательных задач, которые ими решались. Нужно различать положения, раскрывающие сущность процесса с применением соответствующих идеализирующих допущений, принадлежащих к достаточно высокой сфере теоретического абстрагирования и уровень теоретического анализа, вовлекающий в орбиту исследования особенности реального исторического процесса. Абстрактная теория и в данном случае помогает разобраться в реальном многообразии переплетающихся общественных отношений. Причем в этом переплетении обнаруживаются существенные элементы второго порядка, которые оказываются достаточно общезначимы для всех или большинства стран, принадлежащих к коммунистической формации.

К разряду проблем, которые нуждаются в таком анализе, относятся высказывания основоположников марксизма-ленинизма о формах собственности при социализме

<sup>31</sup> См.: Ленинский сборник. М., 1932, т. 20, с. 42.

<sup>32</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 225.

и его классовой структуре. И здесь дело обстоит аналогично рассмотренной нами проблеме товарного производства и товарно-денежных отношений при социализме. В нашей философской литературе высказывается мнение о том, что в дооктябрьский период основоположники научного коммунизма не указывали прямо на две формы собственности при социализме, что они считали характерной чертой социализма отсутствие эксплуататорских классов и превращение всех работоспособных членов общества в трудящихся, без указания различия между рабочими и крестьянами.

В чем причина этого? Можно дать два ответа на данный вопрос. Либо отсутствие конкретного опыта строительства социализма было тому основанием, либо сама познавательная задача не требовала учета дополнительных фактов. Думается, что суть именно в последнем.

Отсутствие прямых указаний на две формы собственности при социализме и наличие двух классов, являются результатом введения идеализирующих абстракций, позволяющих раскрыть процесс в развитых формах, а, следовательно, показать основную суть и главную тенденцию развития. А она, по К. Марксу, была такова: «В сфере земледелия крупная промышленность действует с наибольшей революционностью в том смысле, что она уничтожает оплот старого общества, «крестьянина», и выдвигает на его место наемного рабочего. Таким образом потребность социального переворота и социальные противоположности становятся в деревне одинаковыми с городом»<sup>33</sup>.

К. Маркс и Ф. Энгельс вовсе не считали, что для совершения социалистической революции нужно и в реальной действительности ждать такого же предельного развития общественных отношений, которое мы допускаем в интересах теоретического анализа. Поэтому они считали необходимым вовлечение крестьянства в революционную борьбу и допускали при социализме кооперативное производство как менее развитую форму обобществления труда по сравнению с промышленностью. «Чем больше число крестьян, — писал Ф. Энгельс, — которых мы избавим от действительного превращения в пролетариев и которых мы сможем привлечь на свою сторону еще как крестьян, тем скорее и легче совершится общественный переворот.

<sup>33</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 513—514.

Нам незначает ждать этого переворота до тех пор, пока последствия развития капиталистического производства не обнаружатся повсюду в своих крайних формах, пока последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин падут жертвой крупного капиталистического производства»<sup>34</sup>. К. Маркс отмечал, что там, где крестьяне существуют в массовом масштабе (исключением он считал Англию) пролетариат в качестве правительства должен принять меры, «...которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной...»<sup>35</sup>.

Крупное социалистическое производство в сельском хозяйстве могло сложиться на почве кооперирования мелких крестьянских хозяйств.

В письме к А. Бебелю Ф. Энгельс отмечал, что он и К. Маркс никогда не сомневались в том, что при переходе к «полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство...»<sup>36</sup>.

Приведенные положения свидетельствуют о том, что обобщая опыт революционной борьбы пролетариата, анализируя конкретные порядки в отдельных странах, основоположники научного коммунизма на основе общетеоретических выводов делали более конкретные обобщения, включающие и сложную классовую структуру реальных буржуазных обществ. Они размышляли не только над судьбой пролетариата. К. Маркс и Ф. Энгельс представляли экономическую и социально-классовую структуру реальных социалистических обществ гораздо более сложной, чем в абстрактных определениях общей теории.

Это обстоятельство важно иметь в виду также при анализе теоретического наследия В. И. Ленина. У него мы встречаемся с выводами, сделанными на уровне общей теории коммунистической формации, когда он абстрагируется от двух форм собственности, товарно-денежных отношений, сложной классовой структуры, формирующихся в реальном строительстве социализма. Некоторые исследователи специально подчеркивают, что такого рода положения у него встречаются и в послеоктябрьский период. Причем за этим иногда скрывается некоторая доля недоумения, так как В. И. Ленин воочию видел, что

<sup>34</sup> Там же, т. 22, с. 520.

<sup>35</sup> Там же, т. 18, с. 612.

<sup>36</sup> Там же, т. 36, с. 361.

социализм строят рабочие в союзе с крестьянством и что возникла кооперативная форма собственности наряду с общенародной. Он не отбрасывал, а, наоборот, настаивал на развитии торговли и товарно-денежных отношений. Мы уже выяснили, что такие выводы были сделаны В. И. Лениным на почве более конкретного анализа. А общая теория социализма помогает понять существо и тенденцию этих более конкретных явлений. В частности, раскрыть природу и специфику товарного производства и товарно-денежных отношений при социализме можно, по нашему мнению, только с учетом общей теории социализма. Попытка такого рода уже предпринята в нашей философской и экономической литературе<sup>37</sup>.

Из сказанного следует, что выводы основоположников марксизма-ленинизма, которые на первый взгляд расходятся с практикой развития реального социализма, на самом деле выражают его подлинную сущность. И в данном случае мы сталкиваемся с той «непохожестью» теории на действительность, которая лишь отражает внешнюю «непохожесть» сущности на ее проявления.

Такой взгляд на рассматриваемую проблему все более прочно утверждается в философской и экономической литературе. Сошлемся на недавно вышедшую монографию, посвященную исследованию развитого социализма. «Реальный социализм и предвидение Маркса,— отмечается в ней,— пытаются противопоставить, ссылаясь на известное Марксово высказывание о том, что право в новом обществе не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие. При этом указывают на якобы несовместимость того, что говорил Маркс, с наличием при социализме двух классов — рабочего класса и кооперированного крестьянства — и социального слоя интеллигенции. Однако здесь мы имеем дело отнюдь не с расхождением Марксовой позиции и реальности, а с тем, что новый строй, как и любой другой, основательно может быть проанализирован лишь в более или менее развитом состоянии. В «Критике Готской программы» Маркс характеризует то, что принципиально возможно при социализме, отвлекаясь от вопроса о ступенях зрелости нового общества»<sup>38</sup>.

<sup>37</sup> См., например: *Косолапов Р. И.* Указ соч., с. 197—226.

<sup>38</sup> Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1979, с. 22.

В работе подчеркивается очень важное предупреждение В. И. Ленина об опасности в начале социалистического строительства затеряться в частных зигзагах и изломах истории. Важно «сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму, которая нам, естественно, представляется прямой, и мы должны ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец, — в жизни она никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной...»<sup>39</sup>.

Вклад В. И. Ленина в теорию научного коммунизма состоял в том, что он, применяя эту теорию к практике социалистического строительства, углубил ее основные выводы. Но дело не только в этом. Он решил задачу, которую К. Маркс и Ф. Энгельс перед собою не ставили. В. И. Ленин конкретизировал пути и методы построения социализма, разработал систему организационных социально-политических мероприятий, которые следовало применять в ходе строительства социализма. Он показал важность теоретического обоснования каждого шага практического движения вперед. Эти основные организационные формы и методы социально-экономических, политических, административных и т. д. преобразований раскрываются в ленинском плане построения социализма.

Итак, можно выделить разные уровни теоретического подхода к анализу процессов социалистического строительства и социализма. Во-первых, это общая теория коммунистической формации. Во-вторых, это анализ общественного процесса в отдельных странах, строящих социализм, с учетом международных отношений, когда экономическая, социально-политическая и т. п. структуры общества предстают во всей их сложности. И, в-третьих, это теоретические обобщения и выводы на уровне конкретных решений в ходе строительства социализма.

Общие черты, свойственные конкретным странам, строящим социализм, охватываются не только общей теорией коммунистической формации, но и более конкретными уровнями теории, и потому ленинский анализ конкретных общественных условий переходного периода, его план построения социализма, предвидение общественных отношений при социализме в своих существенных чертах имеют интернациональное значение.

---

<sup>39</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 47.

В работе «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности» В. И. Ленин раскрывает основное содержание переходного периода как борьбу между пролетариатом и буржуазией. В экономическом смысле — это борьба между частнохозяйственным капитализмом и мелкотоварным производством, с одной стороны, и социалистическим укладом, поддерживаемым всей системой диктатуры пролетариата, опирающейся на командные экономические высоты народного хозяйства — с другой. Это период формирования первой фазы коммунистической формации. В социалистическом укладе, укрепляющемся и расширяющемся под влиянием экономической политики партии и государства, оформлялись те экономические отношения, которые находят полное развитие на первой фазе коммунизма.

В современную эпоху исследование социализма опирается на обобщение исторического опыта борьбы трудящихся масс во главе с пролетариатом за социализм и анализ реального социализма, построенного в странах социалистического содружества. Под знаменем социализма в настоящих исторических условиях объединяются страны, построившие или строящие социализм, спланиваются общественные силы, борющиеся за новый общественный строй. Но не только такие страны и общественные силы именуют себя социалистическими. Флагом социализма подчас пытаются прикрыть общественные явления и процессы, весьма далекие от подлинного социализма. Поэтому в наше время особенно остро встают вопросы о том, что такое социализм? Какова природа этого общественного строя? Какие признаки могут служить критерием для определения формационной принадлежности отдельных стран к первой фазе коммунизма? Все эти вопросы приобрели большое теоретическое и практическое значение.

Начнем с рассмотрения положения, выдвинутого в литературе ревизионистского толка, о различных моделях социализма. Эту идею поддерживают представители так называемого еврокоммунизма. Один из ярких представителей ревизионизма Р. Гароди выделяет «советскую», «чехословацкую», «французскую», «китайскую» модели.

Несколько слов о самом понятии «модель». Термин «модель» употребляется в разных значениях: как образец какого-либо изделия, как тип, марка, конструкция нового образца продукции, как уменьшенное воспроизведение, копия какого-либо предмета. В последнем смысле это поня-

тие употреблялось в научном познании и особенно широко вошло в кибернетику. Здесь его значение более расширилось. Оно приобрело смысл «заместителя» реального процесса в научном исследовании, который адекватно отображает свойства реального объекта, вследствие чего результаты исследования могут быть перенесены на сам объект. Понятие «теоретическая модель» может означать адекватное отражение в теории сущностных свойств объекта. Если говорить о социальном познании, то предмет познания ограничивается общественными явлениями, рассматриваемыми в их функционировании и развитии. Основоположники марксизма-ленинизма, насколько нам известно, не употребляли термина «теоретическая модель», хотя, как нам представляется, оно достаточно образно выражает материалистическую сущность соотношения теории и действительности. Учитывая все большую привычность и широкую распространенность термина «модель», думается, что его целесообразно употреблять и в последнем значении. Тем более, что он достаточно органично входит в понятийный аппарат не только естественных, но и общественных наук. «Борьба» с этим понятием малопродуктивна и может приобрести чисто терминологический характер, тогда как главная проблема окажется в тени. К тому же и критику ревизионизма правильнее вести с позиции уточнения этого термина, чем простого отбрасывания его, как иногда предлагается. Суть же дела состоит в обоснованной критике позиции множества «моделей» социализма.

Что же следует понимать под «моделью» социализма с точки зрения марксистско-ленинской теории? Она может быть только теоретическим отражением сущностных черт первой фазы коммунистического общества. Это первая ступень коммунистической формации. Здесь социализм предстает как определенный тип общества. Сущностные черты его неизбежно повторяются во всех реальных странах, принадлежащих к данному типу.

Когда говорится о множестве моделей социализма, то за этим скрывается, во-первых, стремление смешать сущностно-общие черты социализма, характеризующие его как определенный социальный тип, как ступень развития коммунистической формации, с чертами второстепенными, вытекающими из исторических, национальных и т. п. особенностей развития отдельных стран. Во-вторых, независимо от субъективных стремлений авторов концепции

признание множества «моделей» социализма ведет к «размыванию» самого понятия «социализм», к его теоретической неопределенности. И, в-третьих, выхолащивается основная методологическая функция теории социализма. Теряется критерий определения формационной принадлежности отдельных стран к социализму. Исчезает элементарная возможность теоретически отличить подлинный социализм от того, что социализмом не является. Вот те выводы, которые вытекают по всем правилам логики из концепции множества «моделей» социализма. В этом — ее несовместимость с марксистско-ленинскими принципами теоретического анализа процессов социалистического строительства и социализма.

Поскольку отличить социалистические страны от не-социалистических, а также разобраться в специфике социалистического строительства и социализма в отдельных странах можно только с позиции ясного представления о существенных чертах социализма как такового, то на первый план выдвигается проблема сущностных его черт и критериев определения принадлежности к нему.

Мы уже останавливались на наиболее существенных основах социализма, как они были сформулированы основоположниками марксизма-ленинизма в рамках общей теории. Однако эти самые глубинные основы социализма должны быть конкретизированы на уровне сущностно-общих черт, присущих реальному социализму в современную эпоху, т. е. теоретическая модель должна охватывать социалистический тип общества на разных стадиях его развитости. Иными словами, социалистический тип общества должен быть понят не только в его предельно развитых формах, но и в его эволюции. Должны быть приняты в расчет генетические ступени в поступательном движении социализма.

Материальной основой социализма является общественный характер производства с соответствующей концентрацией производства, разделением труда и взаимозависимостью его отраслей и т. п. Материально-техническую базу его представляет крупная промышленность. «...Без высоко поставленной крупной промышленности,— отмечал В. И. Ленин,— не может быть и речи о социализме вообще...»<sup>40</sup>. Причем крупная промышленность должна быть основой и земледелия<sup>41</sup>.

<sup>40</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 305.

<sup>41</sup> См.: Там же, т. 44, с. 135.

Материально-техническому базису крупного машинного производства соответствует общественная собственность на орудия и средства производства в ее двух формах — государственной (общенародной) и кооперативно-колхозной.

Осуществляется централизованное планирование и руководство народным хозяйством. Распределение построено по принципу «от каждого — по его способностям, каждому — по его труду», на основе товарообмена, хозрасчета и личной материальной заинтересованности работников, с использованием товарно-денежных отношений.

В социально-политической сфере отсутствуют классовые антагонизмы. Сохраняется деление на классы и социальные группы, которые обладают единой социалистической природой. Власть принадлежит трудящимся, решающим государственные проблемы на основе демократических принципов, при руководящей роли рабочего класса и марксистско-ленинской партии.

Основу общественного сознания, выросшего на завоеваниях прошлого в области культуры составляет марксистско-ленинская идеология, дух коллективизма, высокие нравственные идеалы<sup>42</sup>.

В философской и экономической литературе обсуждается вопрос об отношении к природе социализма так называемых «родимых пятен» капитализма. Если «родимые пятна» старого общества включаются в социалистический тип общества, то, по мнению некоторых исследователей, экономические отношения социализма лишаются собственного содержания и тем самым снимается проблема специфических экономических законов социализма<sup>43</sup>.

Думается, что в теоретическом плане, в рамках формационного анализа, вопрос поставлен правильно. Всякого рода привнесения, оставшиеся от прошлых эпох, не могут включаться в природу коммунистической формации даже на первой его фазе. Однако здесь не все полностью ясно.

Все дело в том, что понимать под «родимыми пятнами» капитализма? Если иметь в виду пережитки прошлого в

---

<sup>42</sup> Подробнее см.: Бугенко А. П. Социализм как общественный строй, с. 190—204.

<sup>43</sup> См.: Абалкин Л. И. Социалистическая стадия развития коммунистического способа производства и ее этапы. — Изв. АН СССР. Сер. экон., 1972, № 2, с. 77.

прямом смысле, например стремление к стяжательству, накопительству, религиозные институты и т. д., то следует считать, что вопрос решен правильно. Однако, как нам представляется, основоположники марксизма-ленинизма выдвигали проблему «родимых пятен» капитализма при социализме несколько в иной связи. Они стремились подчеркнуть не только противоположность, но и определенную преемственность между буржуазным и социалистическим обществом в соответствии с законами материалистической диалектики. И речь шла не о прямом заимствовании определенных форм функционирования общественной жизни, а о некотором напоминании о них, которое сохраняется в новом обществе. Так говорилось, например, о буржуазном праве, сохраняющемся при социализме, однако речь шла не об оценке внутренней сущности права при социализме, а лишь об одном моменте, выразившемся в том, что применяется одинаковый масштаб к фактически неравным людям. Это считалось «родимым пятном» буржуазного общества. Возникает вопрос, в природе ли социализма применение одинакового масштаба к разным по способностям, семейному положению и т. п. людям? Этот принцип прямо вытекает из распределения по труду и непосредственно с ним связан. Поэтому вопрос о природе социализма и связи с так называемыми «родимыми пятнами» буржуазного общества нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем обсуждении.

Социализм является целостной системой взаимосвязанных сторон общественной жизни. Справедливо поэтому в нашей литературе ставится вопрос о том, что при определении принадлежности отдельных стран к социализму или оценке уровня социалистической развитости нельзя опираться только на какой-нибудь один параметр, характеризующий природу социалистического строя. Так, например, степень развитости социалистического строя одно время характеризовалась преимущественно уровнем национализации средств производства в промышленности и торговле, а также степенью кооперирования сельского хозяйства. На самом деле только уровень развитости всей совокупности сущностных сторон общественной жизни может решить формационную принадлежность страны и уровень ее развитости.

### 3. РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Для решения задач строительства социализма и коммунизма в СССР и странах социалистического содружества большое значение приобретает теоретическое обоснование относительной самостоятельности социалистической фазы коммунистической формации, определение ее продолжительности и этапов развития. От объективной правильности такого обоснования во многом зависит характер стратегической линии в руководстве народным хозяйством, пути и способы преобразования материального производства, экономической и социально-политической сфер общественной жизни, а также культуры и т. п. В начальный период развития нашей страны предполагалось, что коммунизм — дело ближайшего будущего, а социалистическая фаза будет сравнительно непродолжительной. Такие выводы опирались на стремление народных масс побыстрее построить общественный строй, обладающий всеми чертами и признаками полного коммунизма. Хотя эти выводы и имели определенное оправдание, однако с точки зрения теории были поспешными и не учитывали конкретного уровня развития материально-технической базы страны, ее социальной структуры, международной обстановки и некоторых других факторов.

Впервые о возможности непосредственного перехода к коммунизму в нашей стране стали говорить в 1918 г., когда перешли к политике «военного коммунизма». Без «военного коммунизма», без превращения страны в военный лагерь нельзя было разгромить интервентов, победить помещиков и капиталистов в разоренной стране. Но была и другая сторона «военного коммунизма», которая касалась и непосредственно перспектив коммунистического строительства. В. И. Ленин отмечал, что, опираясь на волну народного энтузиазма, мы решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Имея в виду теоретическую и практическую правомерность такого решения, он призывал знать меру заслуги «военного коммунизма». С точки зрения перспектив коммунистического строительства «военный коммунизм» не мог быть долговременной политикой. С весны 1921 г. была выработана «новая экономическая

политика». В теоретической литературе этого периода выдвигалась мысль о неизбежности длительного и сложного перехода от капитализма к социализму, следовательно, признавался социализм как особая фаза. С 1921 г. стала проводиться «новая экономическая политика», предусматривавшая постепенный переход к социализму. Вопрос о сроках длительности социалистической фазы вновь возник в 30-х годах, когда построение социалистического общества принималось за непосредственное преддверие коммунизма. В эти годы было сформулировано положение о «постепенном переходе к коммунизму». В послевоенный период, в 50-х годах, также выдвигался тезис о том, что СССР идет по пути постепенного перехода от социализма к коммунизму. Хотя естественный ход событий раздвигал хронологические границы социалистической фазы, однако представление о сравнительной ее кратковременности и о том, что построение социализма означает постепенный переход к коммунизму, сохранилось и в 60-х годах.

Такая оценка социальных процессов в нашей стране рождала необоснованные предложения практического характера о форсированном слиянии двух форм социалистической собственности, свертывании приусадебных хозяйств колхозников, постепенной замене товарно-денежных отношений продуктообменом и т. п.

На октябрьском Пленуме ЦК КПСС (1964 г.) были подвергнуты критике субъективистские и волюнтаристские ошибки. Вся деятельность КПСС и Советского государства нацеливалась на реалистическую оценку практики социалистического строительства. Обобщение опыта строительства социализма в СССР и в других странах позволило по-новому взглянуть на место социалистической фазы в ходе движения общества к коммунизму. Вывод о построении в СССР развитого социалистического общества впервые был сформулирован товарищем Л. И. Брежневым в докладе «Пятьдесят лет великих побед социализма», а затем закреплены XXIV, XXV и XXVI съездами КПСС<sup>44-45</sup>.

Социалистическая фаза стала рассматриваться как сложный и длительный процесс совершенствования материального производства и социальных преобразований,

---

<sup>44-45</sup> См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 77, 78.

который включает в себя особые этапы, характеризующиеся степенью зрелости социалистического строя.

Опыт строительства социализма в СССР позволяет выделить такие этапы развития социалистического общества: к концу 30-х годов был в основном построен социализм, созданы основы социализма, что было равнозначно полной победе социалистической системы хозяйства; к концу 50-х годов относится полная и окончательная победа социализма; на рубеже 60—70-х годов был поставлен вопрос о новом этапе в развитии социалистического общества — развитии социализме.

В конце 50-х — начале 60-х годов вопрос о продолжительности социалистической фазы и этапах ее развития стал предметом анализа коммунистических и рабочих партий социалистических стран. В этих странах решался вопрос о завершении переходного периода и о ближайших перспективах развития социализма. Первой ступенью в развитии социалистической фазы, которая также стала рассматриваться как длительный период в развитии общества, коммунистические и рабочие партии стран социалистического содружества признавали построение основ социализма. В 60-х — первой половине 70-х годов многие братские европейские страны заложили основы социализма и приступили к строительству развитого социалистического общества.

На основе обобщения опыта строительства социализма в СССР и других социалистических странах можно сделать вывод о двух исторических этапах в развитии социалистического общества. Один этап характеризуется построением основ социализма. Следующий этап — это развитой социализм. С одной стороны, — это качественно особые ступени в рамках социализма, с другой — это процесс вызревания этих ступеней.

Теоретический анализ проблем развитого социалистического общества дан в материалах XXIV съезда КПСС (1971 г.). Перспективы совершенствования данного этапа социализма определены XXV, XXVI съездами КПСС.

Создание основ социализма, как показал опыт СССР и братских стран народной демократии, означает ликвидацию эксплуататорских классов, утверждение общественной собственности во всех секторах народного хозяйства<sup>46</sup>. Характеризуя развитой социализм, Л. И. Брежнев пока-

<sup>46</sup> См.: *Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи*. М., 1978, т. 6, с. 535.

зал, что это «такая стадия зрелости нового общества, когда завершается перестройка всей совокупности общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах. Отсюда — полный простор для действия законов социализма, для выявления его преимуществ во всех сферах общественной жизни. Отсюда — органическая целостность и динамизм социальной системы, ее политическая стабильность, несокрушимое внутреннее единство. Отсюда — растущее сближение всех классов и социальных групп, всех наций и народностей и образование у нас исторически новой социальной и интернациональной общности людей — советского народа. Отсюда же — создание новой, социалистической культуры, утверждение нового, социалистического образа жизни»<sup>47</sup>.

Своеобразие развитого социализма заключается в том, что по сравнению с первым этапом, когда основы социализма рождались через сложные процессы переходного периода из недр старого общества, современный этап социализма прогрессирует на своей собственной основе.

Развитой социализм знаменует собой превращение социалистического общества в целостность, когда все сферы общественной жизни оказываются взаимосвязанными и подчиняются единым принципам функционирования и развития. Предпосылка превращения социализма в такую целостность — его развитие в органическую систему. Развитие органической системы в направлении целостности состояло в том, что присущая ей внутренняя природа подчиняла себе все общественные элементы и создавала недостающие ей органы. Ядром ее является обобществленное производство. На коллективистских началах оказываются перестроенными все формы производственных отношений: технологические, организационно-управленческие, производственные, социально-политические, правовые, нравственные и т. п.

Развитой социализм предполагает комплексность социально-экономического развития, планомерный характер функционирования и прогресса общественной жизни. Основу дальнейшего поступательного развития общества составляет совершенствование его материально-технической базы на основе развертывания НТР.

Несмотря на то что НТР стала всеобщей формой раз-

---

<sup>47</sup> Брежнев Л. П. Указ. соч., с. 536.

вития производительных сил в условиях современности, по своей сути она соответствует социально-экономической природе социализма. При социализме преодолеваются отрицательные последствия, с которыми связан научно-технический прогресс при капитализме, НТР рождает материально-техническую базу, адекватную коммунистической формации. Поэтому, с одной стороны, она конфликтует с капиталистическими производственными отношениями, с другой — отвечает тем тенденциям, которые характерны для развитого социализма и постепенного перехода общества к коммунизму.

Влияние НТР в условиях развитого социализма не ограничивается только областью науки и техники, а распространяется и на другие сферы общественной жизни. Она влияет на производственные отношения, на отношение человека к природе, на его место в системе материального производства, способствует гуманизации труда. Она подготавливает условия для передачи регулятивно-управленческих функций техническим системам через комплексную автоматизацию производства и создание автоматизированного звена управления. С созданием таких условий не потребуется непосредственного участия человека в производственном процессе. НТР воздействует на социально-классовую структуру общества, на эволюцию политической и духовной сфер общественной жизни.

На основе высокого уровня развития производительных сил социалистические производственные отношения при развитом социализме достигают полной зрелости. Государственная и кооперативная формы собственности претерпевают сложные количественные и качественные изменения на пути постепенного их сближения.

Сближение двух форм социалистической собственности под воздействием формирующейся материально-технической базы коммунизма порождает соответствующие сдвиги в социальной структуре. Классовые различия остаются, но все явственнее пробивает дорогу тенденция к их стиранию. Она выражается в том, что классовые перегородки оказываются размытыми. Нет антагонистической полярности классов. Владеть и распоряжаться собственностью могут только ассоциированные труженики в лице кооператива или социалистического государства. Различие между колхозниками и рабочими связано с существованием двух однотипных форм собствен-

ности на орудия и средства производства, а также с тем, что колхозники получают плату за труд в кооперативном общественном хозяйстве, а рабочие — в государственном. Колхозники продолжают вести личное приусадебное хозяйство, продукты которого частично поставляют на рынок.

Однако основным источником дохода колхозников является труд в общественном хозяйстве. Принцип распределения дохода един для всех трудящихся — по количеству и качеству затраченного труда. Его универсальность способствует постепенной унификации форм распределения общественного богатства в условиях развитого социализма.

Свидетельством преодоления классовых различий является факт участия колхозников в распределении общенародных фондов. На колхозников распространяется система государственного социального обеспечения и другие льготы, связанные с использованием общественных фондов потребления, а также условия начисления пенсий, установленных для рабочих, служащих и их семей. Растут доходы колхозников. Рабочие и колхозники в равной степени приобщаются к общенародной собственности<sup>48</sup>.

В условиях развитого социализма продолжает расширяться слой интеллигенции, который теснейшим образом связан с рабочим классом и крестьянством. Интеллигенция обслуживает государственную сферу народного хозяйства, участвует в кооперативном производстве, трудится в области культуры, понимаемой как особая область профессиональной деятельности (просвещение, медицина, наука, искусство и т. п.). Интеллигенцию как социальный слой характеризуют занимаемое ею место в системе разделения труда, более высокая образованность по сравнению с другими общественными группами людей, высокая профессиональная культура. Во всех других отношениях интеллигенция мало чем отличается от рабочих и колхозников, из состава которых этот слой черпает свое пополнение.

Постепенное преодоление различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней ведет к размыванию перегородок между интеллигенцией и дру-

---

<sup>48</sup> См.: Развитой социализм: проблемы теории и практики, с. 183.

гими группами трудящихся. Совершенствование материально-технической базы производства ведет к интеллектуализации труда в различных отраслях народного хозяйства. Это не означает полного исчезновения в условиях развитого социализма малоквалифицированного физического труда. Вместе с тем, нельзя не видеть здесь той глубинной тенденции, которая диктуется объективной логикой развития материального производства и всеми пасущными потребностями общественной жизни.

Развитой социализм означает дальнейшее сближение наций на основе принципов интернационализма, полного равенства и братской дружбы всех народов. Основу этого процесса составляет движение общества по пути социальной однородности. Показателем растущей однородности советского общества, важным признаком развитого социализма Л. И. Брежнев назвал «**образование исторически новой социальной и интернациональной общности — советского народа**»<sup>49</sup>.

Появление новой исторической формы общности является результатом глубочайших сдвигов во всех сферах общественной жизни, происшедших на стадии развитого социализма. Однако это развитие общества по пути социальной и национальной однородности не снимает, а наоборот, предполагает руководящую роль рабочего класса, являющегося носителем передового способа производства, исторически наиболее сплоченного, выразителя прогрессивных революционных традиций современного общества. «Мы исходили и исходим из того, — отмечалось на XXV съезде КПСС, — что у нас сложилась новая историческая общность — советский народ, в основе которой лежит нерушимый союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции при ведущей роли рабочего класса, дружба всех наций и народностей страны»<sup>50</sup>.

Развитой социализм ведет к преобразованию политической системы общества. Государство диктатуры пролетариата, каковым оно было в переходный период от капитализма к социализму, превращается в общенародное государство. Это означает, что государство выражает интересы всех классов и слоев общества. Во внутренней политике оно уже не выступает как орудие классовой

---

<sup>49</sup> Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи, т. 6, с. 626.

<sup>50</sup> Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 84.

борьбы. Такая функция остается только на международной арене по отношению к капиталистической системе.

В условиях развитого социализма возрастает роль Коммунистической партии, которая также приобретает общенародный характер. «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза» — записано в Конституции СССР. Возрастание роли КПСС определяется уровнем развития социалистического общества. Усложнение деятельности по управлению обществом, по координации всех взаимодействующих сторон социальной системы — экономической, социально-политической, духовной — обуславливает растущее влияние КПСС в решении управленческих задач.

Изменения, происшедшие в социалистическом обществе — превращение государства диктатуры пролетариата в общенародное и партии рабочего класса в партию всего народа — не означают отказа от классово-пролетарских позиций. Общенародный характер КПСС и социалистического государства выражается в том, что все трудящиеся, все классы и социальные слои общества перешли на идейно-политические позиции рабочего класса, а на международной арене выступают как единый сплоченный отряд мирового рабочего движения.

Другой стороной превращения коммунистической партии и социалистического государства в общенародные является возрастание активности и все более широкое участие трудящихся масс в управлении всеми делами общества. Народные массы включаются в работу всех звеньев политической системы, реализуя свои права и обязанности. Советы, профсоюзы, комсомол, кооперация, трудовые коллективы и т. п. выполняют все более важные функции и оказывают все большее влияние на государственные и общественные дела.

Возрастанию политической и трудовой активности народных масс способствует неуклонное развертывание социалистической демократии. Термин «демократия» в этом случае приобретает свое первоначальное значение — правление народа. Если в условиях буржуазного общества этот термин наполняется содержанием по существу ему противоположным, так как гарантирует права и свободы только узкому слою эксплуататоров, то при социализме впервые права и свободы предоставляются всему

народу. Принятие Конституции СССР закрепило достигнутый уровень социалистической демократии в нашей стране и создало мощный стимул для ее дальнейшего развития. «Каждый, кто сравнит новый Основной Закон СССР с прежней Конституцией,— отмечал Л. И. Брежнев,— может убедиться, что он отражает качественные сдвиги в объеме прав и свобод советского человека»<sup>51</sup>.

Одной из важнейших проблем совершенствования демократии развитого социализма является определение оптимального соотношения демократии и централизма. Широта и свобода выражения мнений по поводу организации и ведения общественных дел разумно сочетаются с принципом централизованного принятия окончательных решений и столь же централизованным проведением их в жизнь. Без этого невозможно нормальное функционирование общества, где высокой степени достигла концентрация производства, существует общественная собственность на орудия и средства производства. Только укрепляя морально-политическое единство общества и централизованное управление на научной основе, можно избежать субъективизма в руководстве и элементов анархии в функционировании социалистического общества. Коренное изменение формы собственности при социализме, отношения к труду, сдвиги в социально-классовой и политической структуре, развитие социалистической демократии и т. д. оказывают решающее влияние на весь образ жизни людей.

Каждый общественно-экономический строй формирует свой образ жизни и свою культуру, которые взаимопроникают друг в друга. В. И. Ленин социалистическое преобразование общества непосредственно связывал с культурой широких народных масс, с культурной революцией и культурным строительством. Причем культурное строительство предполагает изменение самой культурности, которая перестает быть лишь внешним условием бытия, а постепенно становится органической частью самого образа жизни личности. Культура превращается в неотъемлемый элемент социалистического образа жизни, поскольку она оказывается связанной не просто с производством вещей, духовных ценностей и т. п., а характеризует производство самого человека во

---

<sup>51</sup> Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речь и статьи, т. 6, с. 632, 633.

всем богатстве его общественных связей и отношений<sup>52</sup>.

Подлинная культура человека выражается в сознательном участии в строительстве новых общественных отношений, в формировании подлинно коллективистских форм общения, в утверждении коммунистических норм нравственности, в совершенствовании социалистического образа жизни.

Развитие человека как существа подлинно общественного — высшая цель социализма. Задача всестороннего развития личности, формирования нового человека как творческой, духовно богатой, гармонически развитой личности — программная цель партии. Этим определяются комплексный подход к воспитанию всесторонне развитой личности в условиях зрелого социализма и конкретные задачи идейно-воспитательной работы.

Для решения задач коммунистического строительства особую важность имеет постепенное превращение труда в первую жизненную потребность. Процесс превращения трудовой деятельности из средства удовлетворения других потребностей в первую жизненную потребность каждого члена общества представляет важнейшую форму проявления закона возвышения потребностей при переходе от социализма к коммунизму<sup>53</sup>.

Теория развитого социализма имеет международное значение как в теоретическом, так и социально-практическом аспекте. В теоретическом плане можно говорить об общих чертах, характеризующих общественные порядки разных стран, вступивших и вступающих в эту стадию развития. В социально-практическом аспекте речь идет о том, что ряд социалистических стран уже приступили к строительству развитых форм социализма. Тем самым развитой социализм превращается в реальность международного характера.

Теоретический анализ развитого социализма как ступени в развитии социализма предполагает определение перспектив коммунистического строительства, выяснение характера перехода от социалистической фазы коммунистической формации к собственно коммунистической ее фазе. Развитой социализм — это закономерный этап в эволюции коммунистической формации. Вместе с тем —

<sup>52</sup> См.: Развитой социализм: проблемы теории и практики, с. 283—284.

<sup>53</sup> См.: Там же, с. 321.

это качественно определенный этап развития общества, который представляет собою целостную систему взаимодействующих сторон и процессов.

Было бы неправильно полагать, что развитой социализм, представляющий собой непосредственное преддверие второй фазы коммунистической формации, выполняет функцию переходного периода между ними. Такое представление является не только теоретически неверным, но также дезориентирует социально-историческую практику в современных условиях. На первый план при таком понимании могут быть преждевременно выдвинуты проблемы, касающиеся формирования коммунистических общественных отношений.

На самом деле развитой социализм, как было отмечено, — это самостоятельный этап общественной эволюции, причем достаточно длительный. И главное внимание в практически-политической деятельности в этих условиях должно быть обращено на использование всех его возможностей. В ходе решения этой задачи и будут вызревать реальные предпосылки для возникновения второй фазы коммунизма.

Иными словами, в решении задач коммунистического строительства правильнее будет исходить в первую очередь не из чистого стремления как можно скорее достичь желаемой цели, а из реальных возможностей общества, из степени зрелости тех объективных предпосылок, без которых нельзя достичь желаемых результатов. Вместе с тем вполне понятно, что мероприятия, направленные на совершенствование развитого социализма, служат делу коммунистического строительства и подготавливают переход к нему. Такое объяснение выражает диалектико-материалистический подход к пониманию характера исторического прогресса.

Проблемы теории коммунистической формации получили дальнейшее творческое развитие на XXVI съезде КПСС. Более глубокое обоснование получил вывод о ступенях коммунистической формации, о развитом социализме, как необходимом этапе в движении общества к коммунизму. Этот вывод был сделан на основании обобщения опыта социалистического строительства в СССР. «Этот опыт — отмечалось в докладе Л. И. Брежнева — неопровержимо свидетельствует, что наше движение к коммунизму совершается через этап развитого социалистического

общества. Это, как уже отмечалось, необходимый, закономерный и исторически длительный период в становлении коммунистической формации»<sup>54</sup>.

На XXVI съезде КПСС была глубоко проанализирована и раскрыта структура советского общества на стадии развитого социализма, показаны тенденции ее эволюции в свете теории коммунистической формации. Отмечалось, что в ближайшие пять-десять лет «...будет закладываться и создаваться народнохозяйственная структура, с которой страна вступит в двадцать первый век. Она должна воплощать основные черты и идеалы нового общества, быть в авангарде прогресса, олицетворять собой интеграцию науки и производства, нерушимый союз творческой мысли и творческого труда»<sup>55</sup>.

Создание материально-технической базы коммунизма превратит труд в первую жизненную потребность. По мере создания материально-технической базы возникают все необходимые материальные и духовные предпосылки для перехода к коммунизму, когда окажется возможным распределение материальных благ по потребностям, возникнет социальная однородность общества, отомрет политическая функция общественных учреждений, управление людьми уступит место управлению хозяйственными процессами, возникнут все условия для творческого развития гармонически развитой личности и т. п.

КПСС и Советское государство, организуя деятельность трудящихся масс, проводят широкую систему мероприятий, направленных на дальнейшее совершенствование развитого социализма и подготовку условий для перехода к коммунизму.

---

<sup>54</sup> Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 78.

<sup>55</sup> Там же, с. 44.

---

# ОГЛАВЛЕНИЕ

---

Предисловие . . . . .	3
-----------------------	---

## Раздел первый

### ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ

#### Глава первая

Создание К. Марксом и Ф. Энгельсом теории общественно-экономических формаций . . . . .	7
--	---

1. Понятие общественной формации у К. Маркса и Ф. Энгельса . . . . .	8
2. Становление и развитие марксистской концепции . . . . .	19

#### Глава вторая

Развитие В. И. Лениным теории общественно-экономической формации . . . . .	44
--	----

## Раздел второй

### МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

#### Глава первая

Анализ содержания категории «общественно-экономическая формация» . . . . .	58
--	----

1. Определение категории «общественно-экономическая формация» в советской философской литературе . . . . .	58
2. Учение об общественно-экономической формации и проблема логического и исторического . . . . .	66
3. Соотношение теории и реального исторического процесса . . . . .	72
4. «Общественно-экономическая формация» как категория исторического материализма . . . . .	101
5. Структура общественно-экономической формации . . . . .	110

#### Глава вторая

Общественно-экономические уклады . . . . .	126
--	-----

1. Общественно-экономический уклад, способ производства, общественно-экономическая формация. Укладные и неукладные производственные отношения . . . . .	126
---	-----

2. Структура общественно-экономического уклада: хозяйственная ячейка и хозяйственный организм . . .	142
3. Проблема «азиатского» общественно-экономического уклада . . . . .	156

### Глава третья

Роль социальных революций в смене исторических типов общества . . . . .	164
---	-----

1. Диалектический характер революционной смены общественно-экономических формаций . . . . .	164
2. Революционный процесс и объективные законы истории . . . . .	180
3. Революционная деятельность масс и общественный прогресс . . . . .	187
4. Диалектика общего и особенного в революционном процессе . . . . .	199

## Раздел третий

### ФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

#### Глава первая

Марксистское учение о формации и современная историческая эпоха . . . . .	208
---	-----

#### Глава вторая

Империализм как последняя стадия капиталистической формации . . . . .	216
---	-----

1. Сущность империализма как высшей стадии развития капитализма . . . . .	217
2. Особенности развития современного этапа общего кризиса капитализма . . . . .	228

#### Глава третья

Пути развития освободившихся стран в свете теории общественно-экономической формации . . . . .	254
--	-----

1. Диалектика общего, особенного и единичного в развитии освободившихся стран . . . . .	256
2. Место и роль национально-освободительных движений в мировом революционном процессе . . . . .	268
3. Противоположные типы формационной ориентации освободившихся стран . . . . .	274
4. Стадиально-генетический анализ некапиталистического пути развития . . . . .	303

#### Глава четвертая

Коммунистическая формация: сущность и основные этапы развития . . . . .	312
---	-----

1. Роль теории коммунистической формации . . . . .	312
2. Теория коммунистической формации и практика коммунистического строительства . . . . .	319
3. Развита́й социализм и перспективы коммунистического строительства . . . . .	344

ТЕОРИЯ  
ОБЩЕСТВЕННО-  
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ  
ФОРМАЦИИ

*Утверждено к печати  
Институтом философии АН СССР*

Редактор *А. А. Воронин*  
Художник *М. Р. Ибрагимов*  
Художественный редактор *С. А. Литвак*  
Технический редактор *Е. Н. Евтянова*  
Корректоры *Р. С. Алимова, Л. Р. Мануильская*

ИБ № 25393

Сдано в набор 31.05.82.  
Подписано к печати 06.01.83  
Т-03902. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>  
Бумага типографская № 2  
Гарнитура обыкновенная  
Печать высокая  
Усл. печ. л. 18,9. Усл. кр.-отт. 18,9  
Уч.-изд. л. 20,2. Тираж 4500 экз. Тип. зак. 220.  
Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная  
ул., 90.  
4-я типография издательства «Наука»  
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

УДРОБ.

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ